

ББК 63.3(03)

А 08

Под редакцией Юргена Хайдекина

Перевод с немецкого Седовой Л. В.

Редактор Диденко Н. Ю.

А 08 Американские президенты: 41 исторический портрет от Джорджа Вашингтона до Билла Клинтона.
Ростов-на-Дону: изд-во «Феникс», 1997. — 640 с.

Ни один политический институт не повлиял на ход мировой истории в этом столетии так глубоко, как институт президентства Америки. Тому, кто хочет понять восхождение Соединенных Штатов к мировой державе, будет очень интересен увлекательный, детальный анализ особенностей американского института президентства. Эта книга предлагает читателю краткую историю Америки в политических портретах ее президентов от Джорджа Вашингтона до Билла Клинтона. В самостоятельных статьях не просто рассказывается история США, а дается необходимый ключ к ее пониманию. Книга будет интересна широкому кругу читателей.

ISBN 5-85880-543-4

ББК 63.3(03)

© С. Н. Beck'sche
Verlagsbuchhandlung,
München, 1995.

© Перевод Седовой Л. В.,
1997.

© Художник Царев С., 1997.

© Оформление, изд-во
«Феникс», 1997.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Ни один политический институт не повлиял на ход мировой истории в этом столетии столь глубоко, как президентский институт Америки. Оригинальная конституционная конструкция «республиканского короля на время» пережила не только переломы нового времени, жертвами которых стали как империи и королевства «божьей волей», так и тоталитарные диктатуры фашистского и коммунистического типа, но и приобрела в ходе мировых войн и «холодной войны» еще большее значение. Тот, кто хочет понять восхождение Соединенных Штатов к мировой державе, механизм действия демократических правительственных и общественных систем и связи международной политики начиная с эпохи империализма, не может обойтись без рассмотрения института президента и его 41 руководителя. В этом вопросе интерес к структурам — конституционные основы и практические формы президентства — сталкивается с интересом к личности, самим президентам, их происхождению и образованию, слабым и сильным сторонам их характера, к их политическим действиям и упущениям, их крушению или величию.

Структурный аспект находится на переднем плане введения, которое пытается определить рамки интерпретации президентства; в хронологически расположенных, научно ориентирующих статьях об отдельных президентах доминирует личный элемент. Однако авторы статей используют систематические и аналитические вопросы, поставленные во введении, иллюстрируют их и отвечают на них.

Подобные произведения существуют на английском и немецком языках, но редакторы и издательство выбрали новый подход, пригласив авторов, являющихся специалистами по соответствующей эпохе, создающих не анек-

По прочтении данной книги, естественно, не возникает общей картины американской истории. Авторы и издатель больше стремились к справочнику, из которого, при необходимости, можно почерпнуть информацию об отдельных президентах. С одной стороны, статьи самостоятельны, с другой — мозаично вводят личность и политику президента в контекст исторических событий. В сумме же показывают основные черты, взлеты и падения, внешние формы и внутренние взаимосвязи хода истории. Они не рассказывают историю Соединенных Штатов, а дают необходимый ключ к ее пониманию.

Как издатель я особенно благодарен авторам, которые позволили закончить это коллективное сочинение на проамериканскую, однако всех волнующую тему. В этом я вижу признак возрастающих возможностей немецкого исследования Северной Америки, чему значительно содействовали Немецкое общество по изучению Америки и Немецкий исторический институт в Вашингтоне. Большую помощь в редактировании манускрипта и в составлении таблиц приложения мне оказали мои кельнские ассистенты д-р Вера Нюннинг (к тому же автор статьи об Эндрю Джонсоне) и д-р Райнгард Эссер, а также моя секретарь Зигрид Шнайдер. Идее проекта и многим добрым советам мы обязаны д-ру Детлефу Фелькену из издательства С. Н. Бек, который к тому же взял на себя щекотливую задачу написать портрет сегодняшнего президента Уильяма Джефферсона Клинтона.

Юрген Хайдекинг

ВВЕДЕНИЕ

Возникновение и история института президентов Америки

Начиная с 30 апреля 1789 года, когда Джордж Вашингтон впервые присягнул на конституции в Нью-Йорк Сити, президенты в значительной мере содействовали подъему Соединенных Штатов из колониальной зависимости к экономической и военной мировой державе. Независимо от лиц и перипетий политической жизни *«президентство»* утвердилось как институт и в сознании людей. На временном подъеме власти в начале 70-х годов двадцатого века как поклонники, так и критики вели речь об *«имперском президентстве»*, словосочетание, которое осознанно вызывало ассоциации с классической Римской империей при Августе и его последователях. С другой стороны, президенты никогда не были всесильны, и, начиная с Ричарда М. Никсона, им снова настойчиво напоминали о том, что они выбраны на время и должны оперировать в конституционной системе *контроля и равновесия*, разделения и скрещивания власти. Сегодня спекулируют *«упадком»* американской власти и жалуются на недостаточную способность президентов к решительным действиям внутри страны, что кажется признаком растущей *«неуправляемости»* современных обществ. С точки зрения исторической перспективы узко ограниченное пространство действий является скорее нормальным состоянием, временно избежать которого смогли лишь немногие президенты при исключительных внешних обстоятельствах. Жалобы на почти невыносимые нагрузки, *блестящую нищету* (Джефферсон) или *величествен-*

ное рабство (Джексон) этой должности и тщетность некоторых усилий пронизывают уже весь XIX век. Кризис президентства, вызванный в 1970-е годы Вьетнамом и Уотергейтом, привел США к воспоминаниям об истоках и сущности института президентов. Если в этих дебатах и не было достигнуто полного согласия, то выявились, однако, важные взаимосвязи и линии развития, которые далее коротко излагаются.

Возникновение президентства и полномочия президента

Конституционный Конвент в Филадельфии, май — сентябрь 1787 года

Когда пенсильванский делегат Джеймс Уилсон 1 июня 1787 года вынес на повестку дня Конституционного Конвента в Филадельфии вопрос о будущей «исполнительной власти», то — согласно записям Джеймса Мэдисона — воцарилось долгое молчание. 55 депутатов 12-ти участвующих штатов — Род-Айленд отказался от участия — признавали, что они коснулись болевой точки новой правительственной системы: большинство из них считали усиление исполнительной власти по сравнению с положениями опубликованных в 1777 году «*Статей конфедерации*» обязательным; одновременно царил неизвестность о конкретной форме, которую должна была принять такая исполнительная власть, а также о готовности населения принять рост власти этой традиционной, наблюдаемой с особым недоверием, ветви правительства.

Уже первая конституция, «*Статьи конфедерации*», знала институт *президента*, глава которого возглавлял Конгресс, своего рода собрание дипломатов тринадцати участвующих штатов. Этот президент избирался Конгрессом на один год и действовал только как «первый среди равных» и церемониальный глава без права влиять на политические события. И это было полностью созвучно общему направлению революционной эпохи,

которая поднимала престиж законодательной власти и увеличивала влияние парламентов по отношению к исполнительной. Когда в 1776—77 гг. в большинстве отдельных штатов была разработана новая конституция, в памяти еще был свеж отрицательный опыт, связанный с высокомерием и произволом многих королевских губернаторов. Поэтому губернаторов сделали чисто исполнительными органами парламентов, урезав, ссылаясь на суверенитет народа и республиканский принцип самоуправления, их полномочия и сократив, как правило, срок пребывания в должности до одного года. За исключением Нью-Йорка и Массачусетса, где губернатора выбирал народ, обладатели исполнительной власти выходили из государственных парламентов. Отсюда исходила тенденция к господству парламента, на которое потом — вместе с неспособностью действовать и финансовой бедностью Конгресса — в 80-е годы XVIII в. была переложена ответственность за слабость и грозящий развал союза. После окончания войны за независимость в 1783 году множились голоса критиков, которые настаивали на коренных реформах как конституций отдельных штатов, так и *«Статей конфедерации»*. По их мнению, союз можно было спасти, только устранив превосходство государственных парламентов и укрепив позиции федерального правительства, особенно федеральной исполнительной власти. Это *«национальное»* движение, интеллектуально оформленное и организационно форсированное Александром Гамильтоном и Джеймсом Мэдисоном, вызвало недовольство верных принципам радикальных республиканцев, но влилось, однако, под давлением кризиса в Конвент реформ в Филадельфии. Здесь делегаты игнорировали данные им родными парламентами инструкции, по которым должны были предложить только *«поправки»* к *«Статьям конфедерации»*; вместо этого, исходя из плана делегации Виргинии, они начали обсуждение совершенно новой конституции, по которой коренным образом изменялось соотношение сил в союзе.

Дебаты об исполнительной власти были особенно затруднительны, так как четко выявляли отход от радикальных основных принципов революции к умеренным представлениям о *равновесии власти* в смысле английской конституционной традиции. После того, как революционный восторг колониальной элиты уступил место более холодным рассуждениям, экономически прогрессивная Англия вновь показалась, по сравнению с кажущимися анахронизмом республиками, такими, как Швейцария и Нидерланды, примером, достойным подражания. Большинство делегатов в Филадельфии видели идеал не в неограниченном господстве большинства граждан, а в перенесении разделения власти между *королем, лордами и третьим сословием*, восхваляемого Монтескье как сохраняющее свободу и стабилизирующее в американские условия. Вопрос состоял только в том, кто должен занять место *короля и лордов*, так как в Новом Свете не было родового дворянства. В качестве последнего свои услуги предложила федеральная структура Соединенных Штатов, так как «верхняя палата» Конгресса, сенат, мог рассматриваться как представительство отдельных штатов. Замену для короля, который мог бы одержать победу над сильной законодательной властью, состоящей из двух палат, было найти не так легко, тем более, что исполнительная власть всегда идентифицировалась в сознании современников с наследственной монархией. Конвент рассмотрел целый ряд моделей, начиная с навечно выбранного президента (предложение Гамильтона, которое, ввиду общественного мнения, не имело шанса реализации) и заканчивая коллегиальным руководящим органом, наиболее соответствовавшим бы республиканским принципам.

Джеймс Уилсон уже свое первое высказывание связал с заявлением о том, что «исполнительная власть должна состоять из одного человека». Хотя Эдмонд Рендольф из Виргинии предостерегал, что это «зародыш монархии», предложение Уилсона было принято в ходе обсуждения. По мнению большинства, таким образом будет обеспече-

но то, что исполнительная власть будет располагать единой волей, имея достаточно энергии и эффективности для служения благу нации, и, одновременно, будут господствовать четкие условия, касающиеся ответственности за действия исполнительной власти. Подспудно при этом свою роль сыграло то обстоятельство, что многие делегаты видели в Джордже Вашингтоне, победителе Войны за независимость, председательствовавшем на Конституционном Конвенте, желаемого кандидата на новую должность. Было мало разногласий по поводу условий, которые обязан был выполнить кандидат: согласились на том, что он должен быть не моложе 35 лет (по тем условиям довольно преклонный возраст) и что речь может идти только о рожденном в США гражданине (или о том, кто был американским гражданином к моменту принятия конституции), если он к тому же, по меньшей мере, 14 лет прожил в Соединенных Штатах. Это носит ограничительный характер, но принимает правильную перспективу, если учесть, что требования квалификаций владения и дохода, каковыми они были в то время в отдельных штатах, не были отклонены, а требования религиозных квалификаций вообще еще не выдвигались. За службу президенту полагалась финансовая компенсация, при этом делегаты, естественно, исходили из того, что установленная Конгрессом сумма покрывает также зарплату личного секретаря и расходы на других возможных личных сотрудников.

Однако решение в пользу *исполнительной власти* в лице одного человека не отвечало на вопросы, кем и на какой период будет избираться президент и какие полномочия должна отвести ему конституция. Все это обсуждалось недели и месяцы, что свидетельствует о неуверенности делегатов, так что они нередко отменяли уже принятые решения, чтобы подвергнуть их новой проверке. Как при разработке конституции в целом, так и при создании исполнительного правительственного органа необходимо учитывать и согласовывать совершенно различные материальные интересы и идеологические убеж-

дения. Особенно трудным оказалось найти подходящую процедуру выборов, так как отдельные штаты хотели участвовать в принятии решения, таким образом и в вопросе срока пребывания в должности, и возможности переизбрания столкнулись мнения радикальных республиканцев, которые выступали за короткий период как защиту от «скатывания» к монархии и тирании, с мнениями умеренных или консервативных, которые, как к высшей цели, стремились к постоянству и силе руководства.

Дебаты о сроке пребывания в должности постепенно заострились на двух конкурирующих предложениях: семь лет без переизбрания или четыре года с возможностью снова выдвигать свою кандидатуру. Решающее значение для принятия второй модели сыграло рассуждение, что четырехгодичный цикл представляет собой относительно хорошую гарантию от злоупотребления властью с одной стороны, с другой стороны, запрет на переизбрание будет парализовать энергию владельца должности и слишком ограничивать выбор граждан. Это был типичный для филадельфийского Конвента компромисс, который делал уступку республиканскому требованию кратковременного пребывания в должности, не лишая поклонников английской монархии надежды, что подходящий кандидат может править практически пожизненно.

После того как делегаты отбросили мысль о прямых народных выборах как слишком радикальную и, прежде всего, невыгодную для маленьких штатов и рабовладельческих (в которых жило относительно мало белых избирателей), в качестве компетентного выборного органа долгое время предусматривался Конгресс. Поручение этой задачи Конгрессу соответствовало бы практике в большинстве отдельных штатов, где губернаторы назначались парламентами. На федеральном уровне выявились, однако, дополнительные сложности в силу обстоятельства, что в ходе общих выборов в палату представителей и сенат крупные штаты — на основе пропорционального представительства в первой палате — постоянно имели бы перевес. Принятое очень поздно —

только лишь в начале сентября 1787 года — решение о не прямых выборах представляло собой, в первую очередь, уступку маленьким штатам и федеративному принципу. В выборной коллегии, члены которой сначала избирались преимущественно государственными парламентами, а не самими гражданами, каждый штат имел столько же голосов, сколько и в Конгрессе. Благодаря тому, что электораты имели по два голоса, один из которых должны были отдать за кандидата не из своего собственного штата, возрос вес маленьких штатов. В этом же направлении действовало предписание, что вотум следует отдавать в соответствующем родном штате, а не в национальной столице, где могли сильнее проявиться коррупционные влияния. Еще четче федеральный элемент проявился в том, что для выбора президента необходимо было абсолютное большинство голосов избирателей мужского пола. Большинство делегатов исходили из того, что такой результат может наступить только в исключительных случаях, и поэтому последнее решение будет, как правило, приниматься палатой представителей. Здесь конституция предусматривала, что при дополнительных выборах в палате представителей следует голосовать по штатам, учитывая, что каждый штат, большой или маленький, имеет только один голос. На ранней фазе Соединенных Штатов эта процедура действительно применялась несколько раз, но правилом не стала, потому что двухпартийная система, установившись вскоре (о чем делегаты в Филадельфии не могли и подозревать), препятствовала чрезмерному расколу голосов избирателей-мужчин. «Побочным продуктом» этого сложного порядка стала должность вице-президента, которая доставалась тому, кто получал второе по количеству число голосов. В этом случае развитие партии уже в 1804 году вызвало необходимость изменения конституции, так как больше нельзя было отягощать президента тем, что главный конкурент из враждебной партии функционирует рядом как вице-президент. С этих пор каждый электорат отдавал свои голоса отдельно за прези-

дента и вице-президента. По поводу последнего в конституции говорится, что должность президента передается ему, если в результате смерти, смещения с должности, ухода в отставку или другой причины президент не может выполнять свои обязанности, и что он председательствует в сенате, где в случае равенства голосов его слово может быть решающим. Процедуру выборов в целом следует принимать как часть *Коннектикутского компромисса*, которым Конституционный конвент установил равновесие интересов между крупными и маленькими штатами, а также между сторонниками централизованной «национальной» и децентрализованной «федеративной» правительственной системы. Так удалось избежать односторонней зависимости президента от Конгресса, национального парламента, а сторонники сильной исполнительной власти добились, благодаря установлению не-
прямых выборов, важного частичного успеха.

Однако осталась еще задача наделения президента компетенциями и выяснение его отношения к другим правительственным органам власти. При этом делегаты сконцентрировались на некоторых важных аспектах, а другие сознательно предоставили будущей практике правительства. Гласность и гибкость оказались позднее во многих отношениях выгодными, потому что сделали возможной прагматическую адаптацию к изменившимся условиям без частных формальных изменений конституции. С другой стороны, нечеткое определение исполнительных полномочий создало постоянный источник конфликтов, исход которых в большей степени зависел от политического соотношения сил и личности президента, чем от конституционно-правовых соображений. Раздел 1 статьи II просто утверждает, что исполнительная власть осуществляется президентом Соединенных Штатов Америки, а раздел 2 добавляет: президент обязан заботиться о точном исполнении законов. Разделы 2 и 3 содержат еще несколько точных определений, однако не сравнимы с подробностью и точностью статьи I, определяющей полномочия законодательной власти и не случайно по-

ставленной в начало конституции. При создании республиканской исполнительной власти Конвент вступил на целину, недостаточно освоенную, несмотря на помощь теоретических знаний и опыта, собранного в колониях, собственных штатах и английской монархии.

Конституционные полномочия президента

В сумме своих положений конституция сделала президента главой правительства, главой государства и главнокомандующим вооруженных сил. Эта неслыханная полнота власти, затмевающая даже тогдашних английских монархов, ограничивалась, однако, тем, что президент должен был делить с Конгрессом целый ряд полномочий и сам, как и любой другой гражданин, подчинялся конституции и законам Соединенных Штатов. Как глава правительства он несет ответственность за выполнение всех исполнительных и административных задач, причем министры, которые возглавляют *департаменты*, однозначно подчинены ему. С другой стороны, для назначения министра — как и судьи и других высокопоставленных правительственных чиновников — ему нужно согласие сената. Первоначально думали о том, что сенат будет функционировать как своего рода перманентный совещательный орган президента, а министры явятся исключительно исполнительным органом. Уже при Вашингтоне сенаторы ограничились последующим одобрением или отклонением решения президента, в то время как кабинет превратился в его коллективный консультационный штаб. Конституция оставила здесь много пространства для действий, которое позже, с ростом задач, как мы увидим, все агрессивнее использовалось для изменений и новшеств. К важным функциям главы правительства относится также предоставление Конгрессу отчета о «Положении нации», вначале, однако, речь шла скорее об отчетном докладе, чем о заявлении правительства с конкретными предложениями законодательства.

Как глава государства президент назначает послов Соединенных Штатов и принимает дипломатических пред-

ставителей иностранных держав. Из этого, кажущегося не особенно важным, положения вытекает далеко идущая компетенция построения всей внешней политики союза в соединении с полномочием заключать международно-правовые договоры. Здесь ему снова нужно содействие сената — для ратификации договоров президенту требуется большинство в две трети. Возможность обращаться от лица американской к другим нациям, которой впервые воспользовался Вашингтон в 1793 году, обратившись с заявлением о нейтралитете, весьма содействовала росту значения и престижа ведомства президента. Другим положением, относящимся к задачам главы правительства, является право помилования, им президент располагает неограниченно. И это одно из самых «монархических» полномочий, которое может быть применено для исправления злоупотреблений властью и несправедливости, но, в негативном смысле, для защиты преступников от уголовного преследования. Единственной гарантией от такого рода коррупции является предусмотренная в конституции процедура смещения с должности президента.

Филадельфийский конвент дополнил гражданские полномочия президента военными компетенциями главнокомандующего армии и флота, а также государственной милиции, если она поставлена на службу союзу. Делегаты полагали, что могут предотвратить президентские действия в одиночку и военные авантюры, представив Конгрессу решение вопросов войны и мира, формирования армии и флота и мобилизации милиции. Следуя букве конституции, парламент должен объявлять и финансировать войну, а президент «только» вести ее. Открытым, однако, остался вопрос полномочий в военных столкновениях, которые разыгрывались вне рамок объявленной войны. Здесь большое значение имели правительственная практика и прецеденты, которые в 90-е годы XVIII в. быстро начал насаждать Джордж Вашингтон, когда по собственной инициативе организовал походы против индейских племен на границе их поселения.

В течение дальнейшей истории неточно обозначенные *военные полномочия* президента оказались благоприятной отправной точкой для расширения влияния исполнительной власти, но и преимущественной областью трений и конфликтов с Конгрессом.

86241-6
Неясности относительно действительных масштабов сферы действий президента соответствовало также размытое представление о «прерогативных полномочиях» исполнительной власти, которые в XVIII в. связывались с личностью короля. Философ Джон Локк, чьи произведения американцы знали очень хорошо, отводил монарху «компетенцию последней инстанции», на которую он мог опереться, если все другие правительственные авторитеты оказывались несостоятельными. В американской конституции нет соответствующего положения, но в понимании ее составителей она скрыто содержит полномочие, разрешающее, в случае национального бедствия, действовать без правовой основы или вне действующих законов. Это считалось достаточно неоспоримым для отражения внезапного нападения извне и для внутренних волнений, которые угрожали существованию союза. Томас Джефферсон, который обычно склонялся к ограничительной интерпретации конституции, в 1803 году воспользовался своей «прерогативной» компетенцией для завоевания Луизианы у Франции. При этом он ссылался на «законы необходимости и самосохранения», а также на свой долг действовать, когда на карту поставлена «безопасность нации или ее другие высшие интересы». Он сознавал, однако, что принятые им меры должен будет позже оправдать перед Конгрессом и что в случае необходимости ему придется отвечать за последствия правового нарушения. Указания на существование прерогативной власти обнаруживаются при чтении присяги президента, «точно исполнять свои обязанности и всемерно сохранять, защищать и охранять конституцию Соединенных Штатов» (раздел 2, статья I). Иногда ссылаются на ценности Декларации независимости («Жизнь, свобода и стремление к счастью»), которые имеют преимущество

перед буквой конституции и законов. Если даже эти аргументы никогда не принимались, как лишенные противоречий, история, однако, показывает, что существует некая конституционная «темная зона», в которую может внедряться власть и авторитет института президентов.

Конституционный конвент установил не только полномочия исполнительной власти, но и урегулировал отношение президента к законодательной и правовой. При этом делегаты не оправдали ни ожиданий радикальных республиканцев, желающих добиться первенства парламента как «истинного» народного представительства, ни традиционно-ортодоксальных республиканцев, стремящихся к «четкому» разделению власти. Более того, они создали комплексную систему переплетения власти и взаимного контроля, которая более следовала английской доктрине *короля в парламенте*, развившейся со *славной революции* 1688 года. Таким образом, президентский институт стал частью *смешанного и ограниченного управления*, конституционное ограничение которого должно было служить, в первую очередь, защите индивидуальной свободы от государственного произвола и подавления.

Принцип переплетения власти становится ясным уже при взгляде на судебную власть: Конвент основал Верховный суд сначала как самостоятельную третью правительственную область, уполномочив, однако, президента назначать федерального судью пожизненно с согласия сената. Если дело доходит до смещения с должности президента (*импичмент*), то председательствует Верховный судья. В такого рода *импичменте* участвуют обе палаты Конгресса: палата представителей имеет исключительное право предъявить обвинение, а сенат может большинством в две трети голосов вынести президенту приговор. *Импичмент* планировался как ультимативная блокада против злоупотребления властью президентом и был применен в истории до сегодняшнего дня только один раз, в случае с преемником Линкольна Энд-

рю Джонсоном. При этом выяснилось, что барьер большинства в две трети голосов в сенате слишком высок, чтобы лишить президента должности. Исходя из этого и сопутствующих политических обстоятельств, был сделан вывод, что *импичмент* ни в коем случае не должен применяться как оружие в борьбе партий. Но он не полностью лишился своей функции, как выяснилось 100 лет спустя: когда угрозы должностного обвинения с большой вероятностью на успех было достаточно, чтобы побудить президента Никсона к отставке.

Отношения между президентом и Верховным судом оказались на долгое время лишенными проблем, так как судьи сначала постепенно входили в роль равноправного «игрока» в правительственном процессе и, как правило, поддерживали авторитет президента и федерального правительства в целом. С 30-х годов XX века, когда Верховный суд попытался сорвать программу «нового курса» президента Франклина Д. Рузвельта, число конфликтов возросло. Основная линия конфликтов проходила с самого начала между исполнительной и законодательной властью, что не удивительно в силу многих конституционных переплетений и принципа *контроля и равновесия*. Многие свидетельствуют о том, что отцы конституции рассматривали не президентство, а Конгресс как центральный институт, и укрепляли президента прежде всего для того, чтобы предотвратить «тиранство большинства», которого опасались. Конгресс один располагал *властью кошелька*, правом налогов и бюджета, которое только и позволяло управлять на национальном уровне. Во времена Конвента Филадельфии царило к тому же убеждение, что все законодательство является делом Конгресса, а президент должен только исполнять принятые законы, что, естественно, ставило его деятельность в узкие границы. На этом фоне следует рассматривать право президента на вето, которое напоминает ранее значительные, а в XVIII в. практически не используемые законодательные полномочия английского короля. В Конвенте было потребовано — среди прочих и Га-

мильтоном — абсолютное вето, чтобы сделать президента независимым от Конгресса. Более того, особенно Мэдисон отстаивал право на вето против законов отдельных штатов, которые не были созвучны конституции и политике федерального правительства. Такие радикальные предложения не могли иметь успеха, потому что ставили бы под серьезную угрозу и без того трудную ратификацию конституции конвентами штатов. В результате осталось «квалифицированное» вето, которым президент мог задержать законы, распоряжения и резолюции Конгресса, если палата представителей и сенат не соглашались с ним большинством голосов в две трети. Даже опасались вообще употреблять слово «вето» с его монархической ноткой и описывали обстоятельства дела в конституции как возможность выбора между «одобрить» или «неодобрить» законодательные акты. Положение, что президент должен был письменно излагать причины своего неодобрения, характеризует связываемые с вето положительные ожидания: речь шла не столько о блокаде планируемого закона, сколько, как объяснил Мэдисон, о предотвращении «спешно сформулированных, несправедливых и противоречащих конституции» законов. Таким образом, президент был активным и конструктивно участвовал в процессе законодательства. На практике президенты по-разному использовали свое право на вето: Вашингтон пользовался им экономно, Джон Адамс и Джефферсон вообще его не использовали (последний из демократического «уважения к мудрости законодательной власти»), Эндрю Джексон, наоборот, часто опирался на него в своей борьбе против банка Соединенных Штатов. В XX веке вето стало, прямо-таки, барометром в отношениях между Конгрессом и президентом, причем негативные компоненты полномочия блокировать все сильнее стали выступать на передний план. Однако следует принять во внимание, что президент с течением времени нашел другие пути, чтобы влиять на законодательство: сегодня законодательная инициатива в значительной мере принадлежит исполнительной власти, а Конгресс реаги-

рует на предложения президента — очевидный отход от распределения ролей, установленного конституционным конвентом.

Президентский институт в дебатах о ратификации конституции

Уже изначально конституция была составлена так, что президент и Конгресс постоянно зависели друг от друга, а конфликт и кооперация являлись двумя сторонами одной медали. Без одобрения средств парламентом деятельность исполнительной власти должна остановиться, а без согласия сената на назначения на должность чиновников и судей, как и на заключенные договоры, президент недееспособен внутри страны и во внешней политике. С другой стороны, только исполнительная власть может заботиться о целеустремленных, координированных, эффективных, энергичных, а в случае необходимости, и о тайных и военно-боевых действиях. Федералисты, как себя называли защитники новой конституции, постарались донести эту общую картину до еще довольно скептического населения в дебатах по ратификации, которые длились с 17 сентября 1787 года, когда был опубликован филаделфийский проект, до конца лета 1788 года. Ведомство президента испытало атаки антифедералистов, хотя критика концентрировалась скорее на общем перемещении власти из отдельных штатов в федеральное правительство. С точки зрения противников конституции, устранение суверенитета отдельных штатов и усиление федерального правительства указывали направление к централизованному единому государству, американской империи, править которой будет якобы честлюбивая и жаждущая власти национальная элита. Президентство они воспринимали как инструмент этой элиты, окончательной целью которой являлось бы введение монархии по английскому образцу. В частности, антифедералисты выступали против возможности неограниченного переизбрания (которая, кстати, не нрави-

лась и Томасу Джефферсону, в то время находившемуся в предреволюционном Париже), против тесного объединения полномочий президента и сената, против назначения федерального судьи президентом, и, в конце концов, против предусмотренной филадельфийским планом новой столицы, где, по их предсказаниям, президент будет изолированно от народа «содержать свой двор», а парламент коррумпировать и расточать налоги. Из многих дискуссионных статей, однако, можно было понять, что виды на Джорджа Вашингтона как на первого президента настроили примирительно хотя бы умеренных критиков. Некоторые открыто признавали, что будут спокойны, пока жив Вашингтон, но опасаются за будущее без популярного генерала, который никогда не будет злоупотреблять властью.

Федералисты, прежде всего Гамильтон, Мэдисон и Джон Джей, в *письмах к общественности* (которые уже в 1788 году были изданы как книга под названием «Федералист») красноречиво защищали конституцию, включая и новый институт президентов. Они признавали, что президент располагает такими же полномочиями, как английский король, но зато, хотя и не прямыми выборами, но все же демократически избирается народом, и каждые четыре года должен вновь выдвигать свою кандидатуру. Так как должность не наследуется, то человеку, неспособному по природе, доступ к государственной вершине остается закрытым, а президент, оказавшийся неподходящим для этой должности, может быть заменен в обычном порядке или, в случае необходимости, процедурой *импичмента* смещен с должности. Только предложенная конституция осуществляет идеал правительственной системы, полностью построенной на демократически-республиканской основе. Внутри же этой системы исполнительная власть является как самостоятельной, так и частью большого целого: переплетение видов власти и создание дополнительных гарантий не имеет целью препятствовать президенту и Конгрессу в

их энергичном правлении. По представлению Мэдисона, *честолюбие должно быть поставлено против честолюбия*, чтобы породить необходимую динамику. Порожденная конкуренцией правительственных ответвлений сила находится полностью, по его мнению, на службе общего блага и национальных интересов; она постоянно остается под контролем суверенного народа и в границах конституции. Трудно сказать, насколько это оптимистичное видение повлияло на простых граждан или даже убедило их. Принятие конституции требуемым количеством штатов было достигнуто не столько благодаря пропаганде ее преимуществ, сколько благодаря обещанию федералистов добавить к тексту требуемую критиками декларацию основных прав (*Билль о правах*) для защиты личности и отдельных штатов от федерально-государственного произвола. Вместе с этим большую роль сыграло доверие, которое оказывало Джорджу Вашингтону большинство американцев. Уже во время празднования ратификации летом 1788 года он символически был наделен постом президента. Таким образом, еще перед официальным вступлением в силу конституции осенью и избранием Вашингтона зимой 1788/89 года наметилось, какое значение будет придаваться человеку во главе нового правительства. Но одному богу было известно, будет ли вся «система» республиканско-федеративного государства функционировать так эффективно, как это обещали федералисты. В этом сомневались даже те, кто в Филадельфии и дебатах о ратификации выступали за эту форму правительства. С исторической перспективы становится ясно, что «изобретение» президентства в рамках федеративно-государственной модели явилось большой удачей. Оно не было продуктом одного ума, а возникло из взаимодействия интеллектуальной способности познания и политического чувства реальности. В конечном счете, оно стало результатом коллективного опыта, который в Филадельфии сконцентрировался в государственно-политическую мудрость.

Непрерывность и перемены в историческом развитии президентства

Американская конституция удивительно быстро пустила корни в общественном сознании, хотя о ее «истинном духе» и важности отдельных положений велись бурные споры. Джордж Вашингтон демонстрировал, что в данных рамках президентства возможно «излучать» авторитет и достоинство, завоевать расположение населения и стать источником силы всей политической системы. Но и он натолкнулся на границы и был вынужден бороться с разочарованием и даже отказом. Дальнейший ход истории показал отчетливо, что потенциально сильный институт президентов не может быть длительной гарантией для сильного президента. Внешняя форма проявления и содержательная организация института президентов изменялись в той мере, насколько конституционный порядок в XIX и XX веках отвечал изменившимся политическим, экономическим и социальным условиям. Благодаря многим прецедентам и приговорам Верховного суда вокруг написанной конституции выросла постепенно неписаная; таким образом, развилось своего рода конституционное обычное право, которое устанавливало новые масштабы и ограничивало, а чаще расширяло, сферу действий. Поэтому каждое конкретное президентское правление подчинялось своим законам, являвшимся следствием столкновений определенных временных обстоятельств и событий, общего климата мнений (общественного мнения), личности соответствующего президента и понимания им своих обязанностей. Исключая короткие перерывы, президенты постоянно находились в центре событий и в центре внимания общественности, сначала только американской, позднее и мировой.

Президенты над партиями

Первую фазу, которая длилась до конца 20-х годов XIX в., историк Ральф Кетчхэм характеризует как время *надпартийных президентов*. В ней имело последст-

вия мощное идеологическое течение, питавшееся из различных источников — классическая античность, Ренессанс, английское политическое мышление конца XVII и начала XVIII в., и которое нашло свое наиболее эффективное выражение в изданном в 1738 году сочинении лорда Болингбрука *«Идея о патриотическом короле»*. Болингбрук, представитель консервативной партии тори, который при премьер-министре Роберте Уолполе боролся против господства партии вигов, набросал идеализированный портрет национального королевства, пекущегося о благе народа. Его «патриотический король» управляет общностью добродетельных, годных к военной службе и в широком смысле лично ответственных землевладельцев, гармония которой не нарушается ни партийными распрями, ни экономической конкуренцией и противоположностью интересов. В Америке эта, обращенная в прошлое, утопия стала во время революции еще одним пластом в виде радикального республиканства по образу Томаса Пейна. В период становления и консолидации федерального государства она имела большую притягательную силу, прежде всего, среди элиты плантаторов и рабовладельцев южных штатов, откуда до 1825 года вышли четыре из пяти президентов. С другой стороны, американцы пережили в эти десятилетия такое развитие, которое было отмечено экономическим подъемом, стремлением к прибыли, растущим индивидуализмом и политическими и идеологическими конфликтами. Эту натяжку между традицией и прогрессом особенно чувствовали первые президенты, и более или менее они все склонялись к ценностям, нормам и образцам мышления прошлого. Никто из них не смог — на фоне французской революции и войны Наполеона — полностью избежать партийного разлада между федералистами и республиканцами; Джефферсон и Мэдисон даже исполняли роль интеллектуальных вождей и ведущих фигур республиканской партии. Однако все они пытались как можно беспристрастнее исполнять свои президентские обязанности, восстановить «нарушенную» об-

шественную гармонию и, в конечном счете, сделать ненужными партии. Джеймс Монро (1817—25) полагал, что близок к этой цели, но вынужден был узнать, что после падения федералистов в его собственной партии выявились непримиримые противоречия. При его преемнике Джоне Куинси Адамсе противоречие между антипартийным мышлением и общественной действительностью стало столь велико, что институту президента угрожала опасность остаться в стороне от политики.

Сходство *«внепартийных»* президентов от Джорджа Вашингтона до Джона Куинси Адамса, однако, не стоит слишком подчеркивать. Фактически в эти первые десятилетия, благодаря личному примеру президентов, возникли две различные модели президентства, которые действовали и позже. Первая — воплощаемая Вашингтоном и позже Джоном Куинси Адамсом — была направлена на расширение исполнительной власти, подчеркнуто национальная, социально консервативная до элитарной, с экономической же точки зрения прогрессивная и, в целом, активно ориентированная. Конечно, здесь большую роль играла политическая философия Александра Гамильтона, которая полностью была направлена на президентство как на жизненное ядро американской правительственной системы и связывала принципы рационального, эффективного правления с видением национальной мощи. Джефферсон и Мэдисон противопоставляли ей другую модель, которая подчеркивала ограниченность и равновесие полноты исполнительной власти, содействовала личной ответственности отдельных штатов, пыталась сохранить аграрно-равноправный характер американского общества и предписывала президенту скромность во внешнем проявлении и сдержанность в политических повседневных делах. По содержанию было добавлено также ограничение пребывания в должности добровольно двумя сроками, которое ввелось не Вашингтоном, а только Джефферсоном и Мэдисоном. Такое умеренное понимание обязанностей, однако, не помешало обоим выходцам из Виргинии действовать решительно, когда — как при

завоевании Луизианы в 1803 году и в войне против Англии в 1812—14 гг. — появилась возможность осуществить республиканскую мечту расширения на запад империи мира. После скорее пассивного Джеймса Монро новоангличанин Джон Куинси Адамс попытался вновь опереться на пример Вашингтона, однако без или, тем более, против воли партий, которым не предоставлял никакого права на существование, он не смог воплотить свою честолобивую правительственную программу.

«Демократизация» института президентов

В эру джексоновской демократии, длящейся и после времени правления Эндрю Джексона (1829—37) вплоть до начала гражданской войны, характер института президентов претерпел коренные изменения. Он соединился с агрессивной самоуверенной пристрастностью, а президент стал признанным лидером партии большинства. В отличие от первых президентов, которые, основываясь на классическом понятии добродетели, в известном смысле заставляли просить себя вступить в должность, теперь кандидаты вели интенсивную предвыборную борьбу, чтобы завоевать Белый дом для себя и своих приверженцев. Они не избирались больше на закрытом *собрании* Конгресса за закрытыми дверями, а выдвигались на национальных партийных конвентах. Выборы членов коллегии выборщиков президента постепенно во всех штатах переходили с парламентов на народ. В этом отразилось направление к расширению выборного права и к более сильному демократическому участию граждан, которое с начала XIX века переделало политическую культуру всего союза. Новая картина президентства была частью общего изменения сознания и менталитета, которое способствовало до 1830 г. тому, что экономическая и политическая конкуренция и шумное стремление к *«популярности»* оценивались не отрицательно, а широко положительно. Активно представляя эту философию, президенты способствовали коммерциализации и индивидуализации общества — мысль, которая внушила бы страх Вашинг-

тону, Джону Адамсу, Джефферсону и Мэдисону, представляющим идеализм Просвещения. Система распределения государственных должностей среди свиты и помощников победившего в выборах стало твердой составной частью политической жизни, а стиль президентства приобрел демократические, иногда грубо-популистские черты. Джексон окружил себя сначала неформальными советниками, так называемым «кухонным кабинетом», в котором важную роль играли партийные стратеги и представители прессы и который снижал значение собственно кабинета.

О «прорыве в новое время» говорить не приходится, ибо это было бы преувеличением, так как при президентах джексонской демократии традиции и новшества держались в равновесии. Сам Джексон опирался на наследие Джефферсона, как в высокой оценке сельской жизни и антипатии к городской культуре, так и, в значительной мере, в «негативной» интерпретации задач, которые должна была решать исполнительная власть. Наделенный качествами харизматического лидера, он рассматривал себя как прямого представителя народа и как истинного хранителя национального единства. Но как бы решительно и частично жестоко он ни действовал в политике с индейцами и во внешней политике, так же мало, очевидно, придавал значения внесению конструктивного вклада в решение внутриобщественных проблем. Под руководством исполнительной власти он, в первую очередь, понимал борьбу против «вражеских интересов» — банкиров в Филадельфии и Нью-Йорке, новоанглийских коммерсантов, враждебной партии вигов — нужно было раскрыть и осудить их происки, чтобы граждане могли быть «свободны», что означало делать или не делать того, что они считали правильным. Историки и экономисты до сих пор не пришли к единому мнению, стимулировала или замедляла эта «неполитика» возникновение национального рыночного хозяйства. Поэтому не удивляет вывод француза Алексиса Токвиля, объездившего Соединенные Штаты в начале 30-х годов XIX в.,

что американский президент оказывает «несомненно лишь слабое и косвенное влияние на общество, а государственными делами в большей степени управляет законодательная, чем исполнительная власть».

Институт президентов во время кризиса в Соединенных Штатах

Токвиль в своем опубликованном в 1835 году сочинении «О демократии в Америке» отдал все-таки должное национальной объединяющей силе института президентов в сильно регионализированной и децентрализованной государственной формации. Она как раз пошла на убыль после войны против Мексики (1846—48), которая вновь чрезмерно увеличила территорию США. «Вторая» партийная система вигов и демократов, служившая до сих пор организационно-идеологическим звеном, связывающим север и юг Штатов, разрушилась в 50-е годы XIX в. под давлением региональных противоречий и проблем рабства. В этой ситуации президенты заботились больше не о компромиссе, а более или менее явно поддерживали требование южных штатов открыть для рабства новые области на западе. Одновременно они напрасно пытались отвести наружу внутренние напряженности путем дипломатической и военной активности в духе *Манифеста судьбы*, судьбоносного призвания США к завоеванию и освоению континента. Кризис союза был также и кризисом президентства, которое в атмосфере нарастающих общественных волнений больше не могло выполнять свою конституционную задачу сохранения национального единства и общего блага.

Возникновение республиканской партии и избрание ее кандидата Авраама Линкольна президентом в ноябре 1860 года не только довели до крайности конфликт между севером и югом, но и создали предпосылки, препятствующие развалу союза и устраняющие рабство. Ввиду отделения южных штатов и гражданской войны Линкольн, как ни один президент до него, широко использовал потенциал силы своего ведомства, в то время как

республиканское большинство в Конгрессе преодолело традиционное недоверие к исполнительной власти правительства и освободило президенту руки. Почти с религиозной страстностью Линкольн взял на себя роль спасителя нации, демократии и потребовал полномочия чрезвычайного положения, которое нашел в своей присяге и других общих формулировках конституции или вывел из своего поста главнокомандующего. Он заставил министра юстиции подтвердить ему, что президент является «стражем конституции», ее «хранителем и защитником». Это позволило ему даже временно лишить силы положения основного права и подавить сопротивление военным усилиям. Несмотря на это, Линкольн никогда не был диктатором или деспотом. В северных штатах политическая жизнь продолжалась, включая выборы в Конгресс и президента с 1864 года, и критика мероприятий правительства была не только возможна, но и открыто высказывалась. Как и Джефферсон 60 лет назад в случае покупки Луизианы, так и Линкольн признал за Конгрессом и судами право последнего решения касательно всех предпринятых им шагов. Так же решительно он придерживался, невзирая на свою *Декларацию свободы* 1863 года, того, что окончательная отмена рабства, этого вечного противоречия принципам Декларации независимости, может быть осуществлена только путем обычного изменения конституции, а не распоряжением президента.

В любом случае утвердился принцип, что расширению исполнительной власти ничто не способствует так, как война. Благодаря непоколебимости и последовательности, с которыми Линкольн преследовал свои цели, он установил новые масштабы для оценки деятельности президентов в целом. Его пример решительного и энергичного управления делами может, как показал дальнейший ход истории, не только стимулировать, но и приводить к проблематичным последствиям: если кто-нибудь начнет претендовать на полноту власти Линкольна, не будучи в подобной исключительной ситуации. В

известном смысле это подтвердилось уже на вице-президенте Линкольна и его преемнике Эндрю Джонсоне, который пытался провести свою собственную мягкую программу реконструкции побежденного юга, ссылаясь на «исключительные полномочия президента», против большинства в Конгрессе. После этой открытой борьбы за власть между исполнительной и законодательной властью, которая завершилась применением *импичмента* против Джонсона, в политической жизни Соединенных Штатов наступила на какое-то время как бы «нормализация».

Конгресс, партии и президенты в позолоченном веке
На фазе форсированной индустриализации после гражданской войны, которую Марк Твен назвал «позолоченным веком», потому что внешний блеск прикрывал социальную нищету, многие факторы действовали одновременно, чтобы уменьшить влияние президента. В экономическом отношении в США, как ни в какой другой стране мира, пробила себе дорогу догма *невмешательства*, следуя которой правительство должно было держаться как можно дальше от экономической жизни и уступить пространство «свободной игре сил». Суды поддерживали эту точку зрения, настоятельно вменяя в обязанность федерального правительства и правительства штатов защиту частной собственности. Сфера деятельности федерального правительства суживалась еще и тем, что по окончании реконструкции в 1877 году весь комплекс расовых отношений в интересах национального примирения был выделен и передан в компетенцию отдельных штатов. Так началась жесткая расовая сегрегация и политико-социальная дискриминация афро-американцев на Юге, которая частично существовала до 60-х годов XX в. С военной точки зрения президентам досталось мало славы при подавлении последнего сопротивления коренных жителей на западе, в конфликте с мормонами в Юте и при использовании войск против бастующих рабочих. В политике тон задавали большие партии —

демократов и республиканцев — и еще сильнее, чем во времена Эндрю Джексона. Собственно, власть осуществлялась «партийными машинами» и их «боссами» (часто в тесной связи с экономическими и этническими группировками) в отдельных штатах и в больших городах, должность президента рассматривалась как часть политической подвижной массы и ключ к раздаче постов и доходных мест. Эти «объективные» причины имели больший вес, чем личные недостатки, которые следует отметить у некоторых президентов, особенно у генерала гражданской войны Улисса С. Гранта, и способствовали упадку власти и престижа института президентов. Конечным результатом явилось малоактивное федеральное правительство, в котором центр принятия решений переместился из Белого дома в Конгресс на *Капитолийском холме*. Современники говорили поэтому о *правительстве Конгресса*, а профессор университета Вудро Вильсон тревожился в 1885 году о том, чтобы эта форма правительства не развилась дальше в направлении парламентарной системы по английскому образцу. Когда Вильсон двадцать лет спустя сам стремился к должности президента, эта точка зрения была им уже давно пересмотрена.

«Прогрессивные» президенты

В период тяжелого экономического кризиса и популистских волнений в 90-х годах XIX века проявились потеря доверия к органам федерального государства и возрастающее отчуждение президента от народа. Выборы 1896 года, в которых Уильям Мак-Кинли и республиканская партия вышли победителями, начали поворот, приведший как внутри, так и внешне к девальвации института президентов. С точки зрения внутренней политики под влиянием *Прогрессивного движения*, обширного и многообразного движения за реформы, постепенно укоренилось мнение, что с негативными явлениями, сопровождающими индустриализацию и урбанизацию, необходимо бороться во благо государства, при этом на федеральное правительство налагается большая ответственность. Эко

номический подъем и быстрый рост научных знаний, казалось, предоставляли в распоряжение достаточно ресурсов, чтобы улучшить условия жизни всех американцев. Для этого, однако, было необходимо рациональное планирование и эффективное управление на национальном уровне, что могло быть осуществимо только президентом и Конгрессом. Только ввиду этой изменившейся постановки задач начала действительно расти федерально-государственная бюрократия, хотя число и штаты общественных учреждений в целом оставались, по сравнению с европейскими условиями, достаточно скромными. Сами президенты обзавелись, с согласия Конгресса, большим штатом сотрудников, который должен был облегчить исполнение должностных обязанностей. Если Улисс Грант обходился одним личным секретарем, одним стенографистом и четырьмя писарями, то Мак-Кинли имел в распоряжении штаб из тринадцати человек, среди которых были профессиональные администраторы. Между тем в Белом доме уже появились новая техника и средства коммуникации: пишущая машинка, телеграф и телефон, которые, с одной стороны, увеличивали рабочую нагрузку, а с другой — улучшили возможности воздействия и производственную мощь управления исполнительной власти.

Война против Испании 1898 года отметила внешнеполитически вступление США в мировую политику — имеющий большие последствия шаг за пределы их континентальной наличности, который давал о себе знать благодаря усиленной дипломатической активности уже после гражданской войны. В *«блестящей маленькой войне»* (по словам министра иностранных дел Джона Хейя) за Кубу и Филиппины современный американский военный флот, строившийся с 1890 года, выдержал первое испытание. Теперь он представлял собой инструмент власти первого порядка, которым особенно виртуозно умел пользоваться преемник Мак-Кинли Теодор Рузвельт. Внешнюю политику Рузвельт рассматривал как свою исконную вотчину: согласно общественному мне-

нию, не обращая особенного внимания на Конгресс, расширил значение доктрины Монро и настоял на строительстве чрезвычайно важного Панамского канала. Он ловко посредничал между Японией и Россией во время войны между ними, за что был даже награжден Нобелевской премией мира. Некоторые историки и политологи видят в этом начало так называемого *«раздвоенного»* или *«разъединенного»* президентского правления: под этим понимается такое исполнение должностных обязанностей, когда осознанно учитывается факт того, что конституция позволяет президенту во внешней политике значительно больше инициативы и свободы действий, чем во внутренней политике.

Но и внутри страны Рузвельт не был пассивным, а заставил Конгресс осуществить центральные требования прогрессивных реформаторов: эффективное законодательство, направленное против трестов, улучшенные условия труда в промышленности, гигиенические стандарты для продуктов питания, мероприятия по защите природы в западных областях и многое другое. Пытаясь заполнить должность «национального поверенного» и используя при этом Белый дом как сцену или как кафедру проповедника, Рузвельт показал своим соотечественникам и миру совершенно новые перспективы института президентов: не случайно его называют первым *«современным»* американским президентом, хотя понятие современности является, естественно, проблематичным. Символическим образом Рузвельты впустили в Белый дом свежий ветер, когда до основания переоборудовали здание для своей семьи, состоящей из восьми человек, и удалили при этом из покоев роспись XIX в. В завершение своего путешествия по Европе, которое Теодор Рузвельт предпринял два года спустя после ухода с должности в 1910 году, он характеризовал американский институт президентов словами, свидетельствующими о гордости за прогрессивность и динамику США: «Мне нравится в американской форме правления, что частный гражданин может быть избранным народом на должность, которая так значи-

тельна, как должность сильнейшего монарха, что он временно осуществляет большие власти, чем царь, император и папа, и что потом, по истечении срока правления, с полным самоуважением возвращается как частное лицо в круг своих сограждан, требуя только то, что ему положено за его заслуги».

Когда преемник Уильям Х. Тафт не оправдал его высоких ожиданий, *Тедди* Рузвельт еще раз устремился в 1912 году в Белый дом. Его предвыборная борьба как кандидата основанной им самим Прогрессивной партии симптоматична для большой самостоятельности, которой, между тем, ведущие политики добились от своих партийных организаций, что было связано с ослабевающими партийными связями и с тенденцией к более низкому уровню участия в выборах. Рузвельт и Тафт уступали, однако, демократу Вудро Вильсону, который довел прогрессивную эру до зенита и завершения. Уже вскоре внутреннеполитические усилия Вильсона, направленные на реформы, затмила великая европейская война, переросшая благодаря вступлению США в апреле 1917 года и первую мировую войну. В речах Вильсона, которыми он, как и Линкольн до него, умел завораживать своих соотечественников, демократические убеждения и религиозный пафос связывались в идею глобальной миссии Соединенных Штатов, миссии сохранения цивилизации. С началом войны опять наступил *«час исполнительной власти»*: Белый дом и гражданская и военная бюрократия организовали американский вклад в военную коалицию; *«неофициальный советник»* Вильсона полковник Эдуард Хауз вел дипломатические переговоры в Европе; сам Вильсон идеей союза народов принял идеологический вызов русского большевизма; в 1919 году он в качестве первого находящегося на должности президента США поехал в Европу, чтобы представлять свою страну на Парижской мирной конференции. Для него лично это было триумфальным шествием, но, одновременно, и престиж ведомства президента завоевал новую вершину. Не первый раз в истории президентства (вспомните убийст-

во Линкольна) триумф и трагизм шли рядом: после того, как завершение внутриполитической программы реформ пало жертвой финансовых нужд войны, сенат отказался в 1920 году ратифицировать Версальский договор, включая устав Лиги Наций. Частично парализованный кровоизлиянием в мозг Вильсон провел в Белом доме последние месяцы своего второго президентского срока беспомощным и без политического влияния.

Прорыв к современному президентству

Период правления трех республиканцев Гардинга (1921—1925), Кулиджа (1925—1929) и Гувера (1929—1933) вновь означал отход *«назад к нормальности»*, как провозглашал предвыборный лозунг партии в 1920 году. Президенты, однако, не отходили далеко на задний план, как это было в *«позолоченном веке»*: для этого США с их более чем 100-миллионным населением, являясь крупнейшим внутренним рынком, сильнейшей экономической державой и богатейшей страной-кредитором земли, имели слишком большое влияние и ответственность; для этого слишком возросли разбухшие *прогрессивной эрой надежды* на экономическую и социально-политическую силу преобразования федерального правительства. Растущие задачи исполнительной власти отразились в дифференциации и специализации президентского штаба, который возрос до более чем 30 постов. Начиная с 1929 года в Белом доме на высшем уровне было три секретаря президента, среди них впервые пресс-секретарь, что позволяет понять, какое значение отводилось общественным отношениям в то время, когда радио и кино только начали становиться средствами массовой информации. Новые исследования показали, что Герберт Гувер не был *«слабым»* президентом, как его долгое время представляли, а что умел давать своему ведомству новые импульсы. Проникнувшись либералистской идеологией, он, прежде всего, опирался на инициативу частного сектора и самоисцеляющие силы экономики. Во время *«Великой депрессии»*, начавшейся несколько месяцев спустя после

его инаугурации, он не смог соответствовать ни внешнеполитической ответственности США, ни требованиям собственного населения.

Правление президента Франклина Делано Рузвельта следует понимать как затянувшееся правление в чрезвычайных условиях, сначала внутривнутриполитически в форме «нового курса» для преодоления экономического кризиса, потом внешнеполитически в борьбе против тоталитарной угрозы в Европе и Азии. При этом, правда, американская правительственная и конституционная система никогда не была серьезно в опасности, но она пережила длительные и решительнейшие изменения с момента своего возникновения в конце XVIII века. Уже в предвыборных речах и на инаугурации Рузвельт ясно показал, что рассматривает конституцию как легко приспособляющийся инструмент, которым нужно пользоваться так, как этого требуют национальные нужды и общее благо. Лучше всего было выражено обещание, что онотреагирует на экономический кризис, как на войну, угрожающую существованию нации. «Национальная регенерация» удалась, потому что Рузвельт понял, что причины нездоровья носят как психологический, так и экономический характер. Из этого он сделал вывод, что требуется энергичное, оптимистичное и экспериментирующее президентское правление («Единственное, чего мы должны страшиться, так это самого страха», — объяснил он при вступлении в должность); что федеральное правительство активно должно вмешиваться в экономические события и выполнять минимальные социальные требования; и что президент в поездках и по радио должен искать разговора с народом, с «забытым человеком». Сначала Верховный суд ссылкой на границы исполнительных полномочий и федеративную структуру государства оказывал ему длительное сопротивление. Потрясающая победа на выборах в ноябре 1936 года, однако, показала, что Рузвельт убедил население в необходимости «нового курса» и тем самым в оправданности, до сих пор плохо представляемой, компетенции государства вме-

шиваться и регулировать экономическую и социальную сферы. Сочетание его энергии, социального сознания и популярного стиля совершило психологический поворот к лучшему, хотя экономическое выздоровление шло медленнее, чем в Европе. Точно так же Рузвельту удалось, начиная с 1938 года, в конфликте с изоляционистски настроенным Конгрессом привлечь большинство народа к военному курсу против фашистской диктатуры и японского военного режима. После Перл-Харбора в декабре 1941 года вся американская правительственная система, а вскоре и вся военная коалиция, охватывающая мир, была ориентирована на Рузвельта, на выдающуюся лидирующую личность в Белом доме.

Президентство Франклина Рузвельта во многих отношениях необычно, и не в последнюю очередь потому, что его жена Элеонор впервые показала пример социально и политически активной «первой леди». К многочисленным «рекордам», установленным Рузвельтом за двенадцать лет его пребывания в Белом доме, относятся 631 наложенное вето, 622 из которых были успешными. В начале его пребывания в должности — однако слишком поздно, чтобы сократить агонию гуверовской администрации — вступила в силу 20-я поправка к конституции, которая передвигала инаугурацию с марта на январь и тем самым ближе к сроку выборов. С точки зрения убежденных республиканцев, неприятное обстоятельство (Рузвельт трижды переизбирался) шесть лет спустя после его смерти имело следствием следующую поправку к конституции, 22-ю поправку, которая ограничивала правление президента формально двумя сроками пребывания в должности. (С тех пор прибавилось еще одно дополнение, касающееся президентства, 25-я поправка 1967 года, которая предписывает правило упорядоченного перехода правительственной власти от президента, который не может больше исполнять свои обязанности, к вице-президенту.)

Особенно значительной для будущего оказалась чрезмерная экспансия федерально-государственной бюрократии, которая проходила сначала в рамках «нового

курса», а потом еще сильнее, чем в 1917—18 гг., под давлением мировой войны. Расширение существующих министерств и создание более 100 новых исполнительных органов власти, которые преимущественно подчинялись непосредственно президенту, означало не только количественное, но и качественное изменение правительственной системы. С сравнительной точки зрения следует, однако, с оговорками добавить, что благодаря этому США нашли подключение к развитию в направлении централизованного административного и социального государства, которое в Европе уже ушло далеко вперед. Внутри сильного федерального правительства приобрела вес и исполнительная власть, что, с одной стороны, объясняется харизматической личностью и качествами Рузвельта как лидера, а с другой — организационными новшествами. Важнейшей была, несомненно, Исполнительная служба президента, ИСП, которую Конгресс создал Постановлением о реорганизации в 1939 году, два года спустя после отчета Браунлоу (он начал знаменитой сегодня фразой: «Президенту нужна помощь. Непосредственная поддержка его штаба совершенно недостаточна»). Тесный круг сотрудников президента, собранный в службе Белого дома, увеличили шестью новыми ассистентами-администраторами, которые должны были помогать координировать весь исполнительный правительственный аппарат, а также поддерживать контакты с Конгрессом и общественностью. Другими важными учреждениями ИСП были: подобный министерству финансов отдел бюджета, который поддерживал президента при составлении и проведении бюджета (в 1945 году он при штате в 600 человек располагал собственным бюджетом в 3 миллиона долларов), и отдел управления чрезвычайного положения, который с мая 1943 года как отдел военной мобилизации руководил и контролировал вооруженные усилия. Все это позволило президенту сосредоточиться на действительно важных решениях; с другой стороны, экспансия бюрократии породила также и новые проблемы и потребности регулирования, такие, как внутреннее со-

перничество, которое Рузвельт нередко обострял лозунгом *«разделяй и властвуй»*, сталкивая один отдел с другим. В конце войны исполнительная правительственная власть, таким образом, едва ли была сравнима с исполнительной властью на начальной стадии Соединенных Штатов и даже с исполнительной властью времен Линкольна, Теодора Рузвельта или Вильсона.

Подъем и падение «имперского президентства»

Заключительная фаза администрации Рузвельта — иллюзии президента касательно личности и политики Сталина, его смерть незадолго до победы над Германией и Японией — была также не лишена трагизма. Иначе, чем в случае Вудро Вильсона, он в широком смысле не коснулся института президентов как такового, так как надежда на *«возврат к нормальности»* в этот раз быстро разбилась вследствие начала *«холодной войны»*, а несколько позже войны в Корее. Так как США при Трумэне и Эйзенхауэре не отстранились ни от своей всемирно-политической, ни всемирно-экономической ответственности, то были сохранены инструменты ведущей президентской власти и огромная военная машина, включая атомное оружие уничтожения. Психологически и с точки зрения правовых основ состояние *«национальной опасности»* во время *«холодной войны»* продолжалось почти непрерывно. Подчиненный президенту аппарат армии и безопасности был реорганизован в 1947 году, когда Конгресс на основании Постановления о национальной безопасности создал Совет Национальной Безопасности, компетентное для всех видов вооруженных сил министерство обороны и Центральное Разведывательное Управление (в 1949 году СНБ также решением Конгресса попал в исполнительную службу президента). Уже в 1946 году Совет консультантов по экономике как центральный консультационный орган президента по вопросам экономики был принят в службу президента. Тем самым нашла свое продолжение начавшаяся при Франклине Рузвельте тенденция деления исполнительной власти на две части: с

одной стороны штаб близких консультантов и сотрудников президента (исполнительное управление, координируемое службой Белого дома), а с другой стороны «обычная» бюрократия министерств и других ведомств, политическое влияние которых уменьшалось. Кабинет, престиж которого был еще раз поднят при Эйзенхауэре, все больше терял свою функцию коллективного совещательного и решающего органа, и только те министры, которые (как государственный секретарь и секретарь обороны) регулярно участвовали в заседаниях Совета Национальной Безопасности, могли в какой-то мере сохранить свое влияние. Это «деление на две части» лучше всего прослеживается в параллельном существовании министра иностранных дел и советника по национальной безопасности, пост, который появился благодаря решению Эйзенхауэра приставить к Совету Национальной Безопасности специального ассистента по делам национальной безопасности в качестве «глаза и уха» президента. Как важнейшие учреждения внутри исполнительной службы президента в период от Трумэна до Никсона — наряду с фактически независимой службой Белого дома — были учреждены Совет Национальной Безопасности, Бюро управления и бюджета (возникшее в 1970 году из Бюро бюджета), Совет консультантов по экономике, Управление торгового представительства США, Совет внутренних дел и управление по науке и технологии. Только в службе Белого дома уже во времена Никсона (1969 — 1974) на президента работало свыше 500, а по некоторым данным, более 600 штатных сотрудников, к тому же многочисленные чиновники, временно назначенные различными министерствами.

Служба Белого дома, исполнительная служба президента и разветвленная военная и разведывательная бюрократия составили институционный фундамент того, что историк и бывший советник Кеннеди Артур М. Шлезингер мл. назвал в 1973 году «имперским президентством». Слово *«имперский»* подразумевало не только отношения с внешним миром, в которых президенты

представляли американскую гегемонию над Европой и Азией и стали главными глашатаями демократически-капиталистических представлений государственного устройства; оно имело в виду также положение президентов внутри страны, где они всегда добивались явного преимущества перед другими правительственными органами, и где их некритически обхаживали средства массовой информации, и прежде всего телевидение. Трумэн со своей политикой натолкнулся на значительное сопротивление Конгресса, но сумел настоять на своем: частично с помощью вето (он наложил 180 обычных вето, 12 из которых Конгресс смог провалить, и задержал к тому же подписание 70 законопроектов парламента); частично благодаря осознанно надпартийно составленной и одобренной широкой общественностью внешней политики. В 1951 году он отважился отстранить от командования в Корее популярного генерала Дугласа Мак-Артура (чем установил одновременно пример превосходства гражданской власти над военной), а в 1952 году, используя забастовку, поставил под контроль правительства сразу всю американскую сталелитейную промышленность (что Верховный суд позже признал противоречащим конституции). Преемникам Трумэна Конгресс почти не мешал во внешней политике, да и во внутривластном законодательстве он все больше и больше отдавал инициативу Белому дому. Результатом были честолюбивая программа Новых границ Кеннеди и не менее амбициозная попытка Джонсона создать как, в известном смысле, завершение «нового курса» «великое общество» благосостояния и справедливости для всех американцев. Итогом *«имперского президентства»* была война во Вьетнаме, война, которую Конгресс никогда не объявлял, для ведения которой дал президенту Джонсону Тонкинской резолюцией 1964 года практически неограниченные полномочия, и от которой остался и в дальнейшем в стороне, когда Ричард Никсон в начале 70-х годов еще раз усилил военные действия. Преувеличенное сознание силы и игнорирование установленных конституцией границ при-

вели в конечном счете к Уотергейтскому скандалу, закончившемуся для Никсона вынужденной отставкой, а для некоторых его ближайших советников заключением в тюрьму.

Кризис института президентов

Ко времени, когда Артур Шлезингер в 1973 году опубликовал свою книгу о *«имперском президентстве»*, уже существовали предупредительные сигналы и сформировались широким фронтом силы против президентского всемогущества. Границы американского влияния стали видимы не только во Вьетнаме, но, прежде всего, в отношениях с другой *«супердержавой»* — Советским Союзом, который после Кубинского кризиса в 1962 году добился военно-стратегического равновесия, как и в отношениях с союзниками в Европе и Японии, которые экономически стали почти равными и хотели заменить гегемонию партнерством. Эмбарго на нефть после октябрьской войны на Ближнем Востоке дало осознать американцам их независимость от импорта сырья из *«третьего мира»*. В собственной стране антивоенные протесты и критическая позиция средств массовой информации принудили президента пойти на уступки, а в 1973 году Конгресс принятием закона о военных полномочиях (через вето Никсона) снова подчеркнул свое право на обсуждение вопросов войны и мира. Причиной того, что авторитет президента был быстро и полностью разрушен, явились Уотергейтские разоблачения, которые предали гласности заговор в Белом доме, направленный на утаивание правды. *«Имперское президентство»*, как гласило почти общее мнение, под предлогом заботы о *«национальной безопасности»* привело в болото коррупции и злоупотребления должностью.

Понятия Вьетнам и Уотергейт стали синонимами кризиса американских институтов в целом, и преемники Никсона, Форд и Картер, вынуждены были страдать от потери легитимности и доверия, ущерба, нанесенного кризисом до этого высокоценимой должности президен-

та. К мерам предосторожности, которыми на фоне Уотергейтского скандала Конгресс хотел лучше взять президента на поводок, относились закон о бюджете, подчеркивавший прерогативы парламента, закон о предвыборной борьбе, который ограничивал денежные взносы и предусматривал контроль расходов, и закон о свободе информации, облегчавший доступ граждан к секретным документам правительства. Когда США в результате своего стремительного ухода из Индокитая, растущей изоляции в ООН, кубинской интервенции в Африке, революции в Иране, нового бойкота ОПЕК, взятия заложников в Тегеране и вступления советских войск в Афганистан в течение всего лишь нескольких лет пережили целый ряд внешнеполитических унижений, зазвучали жалобы уже не на *«слишком сильный»*, а на слишком ослабленный, *«находящийся в опасности»* институт президентов.

В 80-е годы казалось, что республиканцу Рональду Рейгану удалось не только вернуть США роль идеологического и политического лидера в мире, но и придать должности президента прежний блеск. В этом бывшему актеру прежде всего помогли коммуникативные способности, с помощью которых он содействовал преодолению травмы Вьетнама. В смысле неоконсервативного кредо сам Рейган выступал, однако, за уменьшение задач федерального правительства, особенно за урезание компетенций экономического регулирования, значительно возросших со времени *«нового курса»*, и за усиление самоответственности отдельных штатов. Рискованная финансовая политика и институциональный *«пат»* между Белым домом и Конгрессом, где доминировала демократическая партия, способствовали повышающемуся дефициту бюджета и государственным долгам, что вновь вызвало дебаты об *«упадке»* США как мировой державы. Второй период пребывания Рейгана в должности был омрачен скандалом Иран — Контрас, который в конституционно-правовых масштабах вполне сравним с Уотергейтом и мог бы привести к импичменту президента, если бы успешный ис-

ход «холодной войны» и конец правления «великого коммуникатора» не были бы видны в недалеком будущем.

Скандал Иран — Контрас вновь доказал, что штаб советников и бюрократический аппарат Белого дома могут стать обузой для института президентов. Первоначальное намерение, высказанное Браунлоу в отчете, дать в помощь президенту вышколенную по образцу английского кабинета секретарей команду высококвалифицированных, политически нейтральных и, в равной степени, энергичных и деликатных чиновников никогда не было осуществлено. Служба Белого дома с самого начала была политическим органом, и с течением времени его подверженность внутреннему соперничеству, фракционной борьбе, интригам и услужливому хозяйствованию становилась все больше. В некоторой степени ответственны за это благонамеренные реформы в процедуре выдвижения кандидатов и проведения выборов президента, которые проводились с конца 60-х годов. Окрыленные демократическим духом, они облегчили участие граждан на локальном и региональном уровнях за счет влияния национальных партийных организаций. Насколько кандидат или президент становился независимее от партии, настолько больше была его зависимость от частных комитетов действий и других группировок, выступавших за его избрание и представленных в предвыборной команде. Обычно победивший кандидат набирал из этой команды большую часть своего штаба советников и сотрудников для Белого дома. Несмотря на повторные обещания уменьшить правительственный аппарат в Вашингтоне и возвратить к жизни федерализм, до сих пор ни одному президенту не удалось существенно сократить число штатных единиц в службе Белого дома. Оно доходит сегодня с небольшими колебаниями до 700, 100 из которых относятся к высшей исполнительной власти. Если прибавить к этому низшие чины, так называемого обслуживающего персонала, то можно насчитать далеко за 3000 человек. Вокруг президента возник своего рода «республиканский двор» (уже были разговоры об «императорской

гвардии» или о «Берлинской стене»), о котором Джордж Вашингтон не мог и мечтать, создающий собственные законы и проблемы. Среди населения усиливается мнение, что качество правления обратно пропорционально количеству розданных в Вашингтоне должностей.

Кризис института президентов, который вновь открыто проявился на заключительной фазе правления Рейгана, не удалось преодолеть и Джорджу Бушу. Его внешнеполитические успехи в войне против Ирака, в израильско-арабском мирном процессе, в воссоединении Германии и в отношениях с Советским Союзом были уравновешены недостатком инициативы и неподвижностью во внутренней политике, связанной с длительным спадом производства. После окончания «холодной войны» международно-экономические и международно-политические отношения стали более взаимозависимыми и комплексными, и одновременно американское общество, с его более чем 250 миллионами человек, дает все более неясную картину культурной и региональной фрагментарности. Кроме того, уже с давних пор каждое внешнеполитическое решение оказывает влияние на внутреннюю политику и наоборот. Старый истеблишмент восточного побережья, который институт президентов нес вплоть до Никсона и Форда, в этой форме больше не существует. Потеря его значения является следствием огромных изменений социальной структуры населения, которые произошли в переселенческом обществе США в последние годы. Промышленный северо-восток постоянно терял свое значение по отношению к растущим регионам «нового юга» и запада. Это развитие нашло свое отражение непосредственно в составе Выборной коллегии, которая по-прежнему назначает президента и вице-президента (хотя на практике эта процедура давно сравнивалась с прямыми народными выборами): если при выборах Кеннеди в 1960 году штаты Нью-Йорк и Пенсильвания вместе располагали 77 голосами, а Калифорния 32, то на последних выборах президента в 1992 году оба штата восточного побережья выставили 56, а одна

Калифорния — уже 54 избирателя. Число голосов динамичных южных штатов Джорджия, Флорида и Техас повысилось в тот же период соответственно с 44 до 70.

Также и Билл Клинтон, на которого возлагались большие надежды, не смог устранить чувства кризиса. Даже наоборот: к середине его пребывания в должности разочарование американцев в их политическом руководстве в Вашингтоне, и не в последнюю очередь в самом президенте, казалось, достигло новой рекордной отметки. Вопрос же заключается в том, идет ли речь о структурном кризисе, который может быть устранен изменениями конституции, как, например, установлением единственного шестилетнего срока пребывания в должности президента, возможно, в комбинации с новым способом выборов, который предотвратит деление голосов граждан между кандидатом в президенты одной партии и депутатом Конгресса другой; или не вернулась ли американская правительственная система после «имперского президентства» военного и послевоенного времени к своему нормальному состоянию. Если представить себе многочисленные разочарования бывших президентов и к тому же резкую критику, которой подвергалось большинство из них во время пребывания в Белом доме, то многое говорит в пользу второго предположения.

К вопросу несостоятельности, посредственности и величия президента

Страсть американцев к статистике и рекордам не обошла стороной и президентов. Так, среди прочего зафиксированы следующие факты: Уильям Джефферсон Клинтон является 42-м президентом Соединенных Штатов, но только 41-м занимающим должность, потому что Гровер Кливленд был посчитан дважды из-за разрыва между сроками его правления. Все президенты до сих пор были белыми мужчинами, однако существовала и женщина — кандидатка на пост вице-президента, Жеральдин Ферраро, которая вместе с Уолтером Мондейлом в 1984 году потерпела поражение от республиканского списка кан-

дидатов Рейган/Буш. До их избрания большинство президентов были адвокатами, но, однако, не менее 11 — от Вашингтона до Эйзенхауэра — сделали военную карьеру и дослужились до звания генерала. Только 14 из 40 президентов до Клинтона были переизбраны сразу же после первого срока на второй (Франклин Д. Рузвельт единственный избирался трижды) или после перерыва были избраны еще раз (Кливленд); четверо других (Теодор Рузвельт, Калвин Кулидж, Гарри Трумэн и Линдон Джонсон) попали на высший пост из вице-президентов и были утверждены на следующих выборах; 22 президента служили в Белом доме только по 4 года или еще меньше. Четыре (Уильям Гаррисон, Закари Тейлор, Уоррен Гардинг и Франклин Рузвельт) умерли на посту естественной смертью, первые из них вскоре после его инаугурации; четверо были убиты: Авраам Линкольн, Джеймс Гарфилд, Уильям Мак-Кинли и Джон Ф. Кеннеди; Ричард М. Никсон ушел в отставку. Джеймс Бьюкенен был единственным холостяком, Теодор Рузвельт, 42-х лет, — самым молодым президентом (так как он вступил в должность убитого Мак-Кинли, будучи вице-президентом, то слава самого молодого избранного президента принадлежит 43-летнему Кеннеди), в то время как Рональд Рейган, вступивший в должность в 69 лет, является самым старым. Больше всех прожил второй президент Соединенных Штатов Джон Адамс, который умер на 91 году жизни; особенно примечательно то, что он умер в один и тот же день, что и 3-й президент Томас Джефферсон, 4 июля 1826 года, ровно 50 лет спустя после того, как оба подписали Декларацию независимости. С президентских выборов 1856 года, когда образовалась существующая до сих пор партийная система, была 21 республиканская победа, но только 14 демократических. Ни один кандидат третьей партии или независимый кандидат не смогли пробиться, однако Юджин В. Дебс (социалистическая партия, 1912 г.), Теодор Рузвельт (прогрессивная партия, 1912 г.), Роберт М. Лафоллет (прогрессивная партия, 1924 г.), Джордж Уоллес (амери-

канская независимая партия, 1968 г.) и Росс Перо (независимый кандидат, 1992 г.) добились успеха, основанного на уважении.

Любимым упражнением исследователей общественного мнения, историков и политологов является составление таблиц по рангам, в которых президенты располагаются в соответствии с их популярностью или качеством руководства, в конечном счете, в соответствии с их историческим *«величием»*. Повсюду впереди находятся Линкольн, Вашингтон и Джефферсон (чаще всего в этой последовательности), в то время как Улисс С. Грант так же регулярно занимает последнее место. На обширном среднем поле часто наблюдаются значительные перемещения, в зависимости от общественного настроения или *«ревизионистских»* научных исследований.

Три *«лидера»* стали в коллективном сознании США мифическими фигурами, а их монументы в Вашингтоне — национальными местами паломничества. Джордж Вашингтон знаменует начало американской национальной истории; его имя связывают с мифом основания США, и как обелиск в центре прогулочной зоны возвышается над спланированной с его участием и названной его именем столицей, так влияние первого президента Соединенных Штатов простирается до наших дней. Томас Джефферсон олицетворяет принципы Декларации независимости, ценности репрезентативной демократии и способность народа управлять самим собой. Авраам Линкольн, наконец, персонифицирует единство нации и — своей смертью — жертву, принесенную в гражданской войне, в этом великом эпосе американской истории, обеими сторонами для национального *«возрождения»* и устранения рабства. В этих трех случаях вопрос о причинах признания *«величия»* кажется излишним. Не составит труда ответить на этот же вопрос касательно Вудро Вильсона и Франклина Д. Рузвельта, которые привели свою страну к победе в обеих мировых войнах XX столетия. Если этих людей объединить одним единым взглядом, то *«идеальный президент»* должен быть одновременно госу-

дарственным деятелем, главой правительства, политическим мыслителем и военным стратегом. Не слишком ли большой, практически недостижимый масштаб для смертного человека, да еще в новое или «пост-новое» время, когда нормальное правление и руководство становится все более трудным?

Политолог и советник президента Ричард Е. Нойштадт в своем сочинении о президентской власти, опубликованном впервые в 1960 году, постоянно потом актуализируемом, считающимся уже «классическим», исследовал предпосылки и необходимые условия для успеха президента и пытается снизить понятие «величие» до человеческого масштаба. Из его наблюдений выводятся критерии, с помощью которых, в принципе, можно измерять производительность всех президентов, несмотря на очень различные внешние обстоятельства, в которых они должны исполнять свои обязанности. Прежде всего следует различать власть президента, т. е. полномочия, данные институту президентов конституцией или законами, и его власть, т. е. действительное личное влияние на действия правительства и администрации. Власть означает, в основном, значительное влияние, и источниками такого влияния, наряду с формальными компетенциями, являются, прежде всего, профессиональная репутация, общественное уважение и доверие к президенту. Профессиональной репутации президент может добиться, если ему удастся эффективным управлением (секретари и клерки) и политической инициативой сохранить правительство дееспособным. Чтобы добиться и сохранить уважение и доверие, требуются духовно-моральные качества, духовная ведущая сила, черпаемая из основных ценностей американской демократии.

Что особенно выделяет институт президентов из институциональной конструкции американской правительственной системы, так это его своеобразная комбинация «собеседников», действительно обширная область отношений, в которой он находится. Она включает исполнительную

бюрократию, Конгресс, собственную партию и ее сторонников, всю нацию и, в конечном счете, правительства и народы мира. Бюрократический аппарат и большой штаб советников стали необходимыми в XX веке и могут стать большой помощью для президента. Держать в руках многочисленные учреждения и ведомства, завоевать лояльность сотрудников оказалось очень трудным делом после реформ 30-х годов XX века. Особенно проблематична политизация штаба в Белом доме, который переплетает задачи предвыборной борьбы с правительственными и должен при каждой смене президента вновь входить в курс дела. Здесь требуется хорошее знание людей и тонкое чутье, чтобы принять правильное кадровое решение и обеспечить слаженное сотрудничество.

В отношениях между президентом и Конгрессом принципиально ничего не изменилось со времен Джорджа Вашингтона, так как комплексное сотрудничество и противоборство исполнительной и законодательной власти относится к основным константам американской правительственной системы. История учит, что для эффективного управления не должно быть непреодолимым препятствием, если партия президента в одной или даже в обеих палатах Конгресса представлена меньшинством. Так же не исключен и провал, если президентская партия господствует в палате представителей и в сенате. Способные президенты всегда умели с помощью убеждения или компромиссов найти большинство в Конгрессе для своей политики и отразить притязания парламентариев на власть, в случае необходимости, наложением вето. После второй мировой войны, однако, усилилась тенденция действовать во внешней политике специально без Конгресса или в обход Конгресса. Это сомнительно как с точки зрения конституционного права, так и политически, и может легко содействовать крушению престижа и доверия к президенту, да и всего института президентов. В последнее время равновесие между законодательной и исполнительной властью колеблется снова с большей

амплитудой, если учесть, что раздутой президентской бюрократии противостоят Конгресс, который позволяет себе иметь штат из почти 24 000 сотрудников и годовой бюджет в 2,3 миллиарда долларов (1992 г.). Сотрудничество и разработка компромисса, несомненно, осложнены раздробленностью Конгресса на многочисленные мелкие группы, которые больше не сдерживаются партийными границами, но от этого они не стали невозможными.

Принципиальная дилемма, с которой вынуждены были бороться уже первые президенты, состоит в обязанности оправдать ожидания собственной партии и ее сторонников и, одновременно, в исполнении своих должностных обязанностей как президента всех американцев. Начиная с примиренческого высказывания Джефферсона: «Все мы республиканцы, все мы федералисты», — ритуальные заклинания общности над всеми партийными границами стали прочной составной частью речей на инаугурациях. С 1830-х годов президент все больше выступал как член партии или даже как партийный лидер, который старался осуществить одобренную партийным конвентом предвыборную программу, платформу. Вследствие этого возросло напряжение между удовлетворением партийных интересов и преследованием цели общего блага, и некоторые президенты пали его жертвами. Однако по мере того, как ослабевало влияние партий в XX веке и личность президента все более выдвигалась на передний план, политическая практика, кажется, все более приближалась к республиканскому идеалу надпартийного президентства. Чтобы иметь успех, президенты постоянно должны были создавать, по возможности, широкую коалицию общественных группировок, из чего иногда возникала даже новая партия. Обычно создание такой коалиции удавалось только на базе относительно смелой программы с запоминающимися лозунгами, как Свободная Родина, Новая независимость, Новый курс, Новые границы или Великое общество. Начиная с легендарных

дебатов между Кеннеди и Никсоном в 1960 году, на помощь президенту пришло телевидение, оно ставило его личность в центр сообщений и облегчало прямое обращение к народу. Это преимущество перед членами других правительственных органов (Конгресса и Верховного суда) — как и перед политическими противниками, действует, в принципе, и сегодня, хотя частной и общественной жизни президента теперь уделяется более интенсивное внимание (в Белом доме в настоящее время аккредитовано около 2 000 репортеров) и политические последствия «коммуникативной революции» еще трудно оценить. С середины XIX столетия деньги играли в американской предвыборной борьбе постоянно важную роль; достаточно избирателей сегодня, как и ранее, мобилизуется только тогда, когда кандидат передаст идеологическое «сообщение», которое в узнаваемой форме имеет отношение к первоначальным традициям и добродетелям, к «американской мечте». В этой сфере находится ключ к пониманию распространения поддержки партийными сторонниками и избирателями на массы населения. В ходе истории президент стал предпочитаемым глашатаем американской гражданской религии, секуляризированной буржуазной религии, символы, ритуалы и догматы которой внесли и вносят еще значительный вклад в сплоченность многообразной нации переселенцев. По словам историка Роберта Н. Белла, гражданская религия напоминает об общих ценностях и целях по другую сторону всех материальных интересов и культурных различий и о предчувствии отцов-основателей, что в истории американского народа откроется универсальная и трансцендентная реальность. Такие представления могут быть использованы для превращения нации и ее вождей в идола; в позитивном смысле они образуют основу «универсализма», который пытается понять американский опыт в свете общепринятых истин. Уже введение в должность с присягой на конституции, инаугурационной речью и парадом является важным актом

гражданской религии, и общий языково-символический горизонт этой гражданской религии открывает каждому президенту, который «имеет к этому жилку», возможности глубокого общения с народом. Великие президенты использовали религиозные измерения общественной жизни как источник взаимного вдохновения, не приближаясь к порогу кощунства или смехотворности.

По отношению к иностранным правительствам и мировой общественности президент больше, чем только высший представитель американских экономических интересов. «Крестовый поход за демократию» Вильсона был первой попыткой перевести Манифест судьбы XIX века на миссию США в мировом масштабе. Двадцать лет спустя Рузвельт понимал свои полномочия как задачу защиты универсальных ценностей, которую пытался выполнить с помощью победы над агрессорами и основания Объединенных Наций. В «холодной войне» Трумэн и Эйзенхауэр стали архитекторами глобальной союзной системы и, как их последователи, пропагандистами свободного, открытого мира и «западных» ценностей, чем помогли, особенно немцам и западноевропейцам, обрести волю и самосознание. После окончания коммунистической угрозы к голосу президента, кажется, стали меньше прислушиваться, хотя его поездки и публичные выступления планируются в генеральном штабе сотнями сотрудников и транслируются средствами массовой информации во все уголки земного шара. Также и в следующем столетии события в мире не в малой степени будут зависеть от того, какие политические и идеологические ответы дадут президенты и (что является только вопросом времени) президентши на новые вызовы.

Величие, посредственность и несостоятельность президента измеряется, в конце концов, тем, насколько он исчерпывает в комплексном переплетении отношений потенциал власти и влияния, не переступая границ, которые ему устанавливают дух и буква конституции. Самая большая опасность для него состоит в том, что он слиш-

ком стремится к собственной, личной власти, что может стать навязчивой идеей и закончиться саморазрушением. Большим успехом может считаться, если президенту удастся умножить свою профессиональную репутацию и уважение в период правления, и если он оставляет институциональное завещание, т. е. сумеет своими действиями оставить в характере и общественном восприятии президентства прочный след.

Юрген Хайдекинг

ДЖОРДЖ ВАШИНГТОН 1789–1797

*Творец американского
института президентов*

George Washington

Джордж Вашингтон стоит у истоков американской национальной истории. Он в значительной степени участвовал во всех начинаниях, которые форсировали превращение тринадцати колоний в союз суверенных республик и затем в первое современное федеральное государство. В Виргинии и в Континентальном конгрессе он принад-

лежал к тем, кто решительнейшим образом выступал против английской колониальной политики. Как главнокомандующий американскими войсками организовал и возглавлял военное сопротивление, которое после восьми лет войны привело к независимости. Убежденный в необходимости сильного центрального правительства, участвовал в 1787—88 гг. в разработке и принятии новой конституции, а на посту президента создал основы для республиканского федерального государства, в котором американцы смогли найти свое национальное согласие.

Джордж Вашингтон родился 22 февраля 1732 года в семье, уже четвертое поколение которой проживало в Виргинии. Его восхождение к колониальной элите никоим образом не было предопределено, так как детство и юность он провел в скромных условиях, получил поверхностное школьное образование и потерял своего отца Августина, владельца табачной плантации и землемера, в одиннадцатилетнем возрасте. Его воспитывал сводный брат Лоуренс, после смерти которого он унаследовал в 1752 году поместье Маунт Вернон под Александрией на реке Потомак. Внутренняя неуверенность, возникшая в результате недостатка формального образования и культивированных манер, проявлялась в иногда чрезмерном стремлении к общественному признанию и только постепенно уступила место уверенной манере держаться. В своем соседе лорде Фэафексе, который принадлежал к наиболее состоятельным землевладельцам Виргинии, Вашингтон нашел влиятельного наставника. Фэафекс познакомил его со стилем жизни *нетитулованного дворянства* и поддерживал первые шаги на пути к карьере государственного землемера и офицера.

Деятельность землемера разбудила в Вашингтоне интерес к западным областям. Всю свою жизнь он старался приобрести землю на Западе и увеличить свое владение. Вашингтон, казалось, был создан для карьеры офицера, так как уже необычный рост и физическая сила подчеркивали данный природой авторитет. В звании полковника виргинской милиции он был вовлечен в 1754—55 гг.

на территории сегодняшнего Питтсбурга в первые бои французско-индейской войны. Хотя речь шла скорее о стычках с бесславным исходом, это «боевое крещение» создало ему репутацию военного вождя. То, что он должен был уступать британским офицерам регулярных войск, а его милиция в конце войны использовалась только для защиты границ, вызвало в нем скрытую враждебность к метрополии, которую он уже никогда не смог преодолеть.

Сразу же после ухода с военной службы Вашингтон в январе 1759 года женился на Марте Дендридж Кастис, вдове и матери двух детей, имевшей значительное состояние, а также 150 рабов. Только теперь Вашингтон, который между тем входил в парламент Виргинии, мог быть причислен к плантаторской аристократии колонии. В последующее время его поместье Маунт Вернон стало одним из неофициальных центров этого элитарного слоя, который высокий эпос служения общему благу соединял с такими беззаботными наслаждениями, как охота, скачки, танцы и игра в карты. Вашингтон, однако, интенсивно занимался сельским хозяйством и экспериментировал с новыми методами возделывания земли и племенной работы. Он разбил свои земли на несколько плантаций, заменил постепенно табак пшеницей и стремился к широкому самообеспечению. У него не было своих детей, тем заботливее он взял на себя роль отца в воспитании сына и дочери Марты от первого брака.

На мировоззрение и политическую философию Вашингтона повлияла английская оппозиционная или *аграрная* литература начала XVIII века, особенно Висконт Болингбрук, который противопоставил суетливой и развращенной деятельности двора и правительства идеал *патриотичного короля*. Не менее притягивала Вашингтона фигура Катона младшего, о котором он узнал благодаря пьесе Джозефа Эддисона и которого считал совокупностью всех римских добродетелей. Этим образцам он пытался соответствовать в общественной и личной жизни, вплоть до классического стиля речи и исполненной

достоинства жестикуюляции и мимики. Самообладание, строгий контроль эмоций и дисциплинированное поведение стали его выдающимися качествами, под которыми все менее проступала первоначальная спонтанность. Консервативный и рассудительный по темпераменту, умеренно религиозный, без глубокого интереса к теологическим вопросам, но при этом постоянно готовый к восприятию новых идей и мыслей, он соединял добродетели англиканского прошлого с прогрессивным сознанием Просвещения. Полностью в духе *аграрной идеологии* понимал Вашингтон английскую имперскую политику после 1763 года как направленную атаку на «старые права» переселенцев, которая, если ей решительно не противостоять, приведет к полному устранению колониального самоуправления. Руководство в этой борьбе должна взять на себя элита, якобы одна способная подняться ради общего блага выше частных, материальных интересов и которую народ должен встречать с надлежащим уважением. Исходя из такой принципиальной точки зрения, Вашингтон категорически отклонил британские налоговые законы и притязания на суверенитет. В виргинском парламенте и в первом Континентальном конгрессе в Филадельфии, где в сентябре 1774 года появился в полной форме, он одним из первых выступил за вооруженное сопротивление Англии.

После боев под Лексингтоном и Конкордом в апреле 1775 года Вашингтон был единогласно выбран вторым Континентальным конгрессом главнокомандующим всех американских вооруженных сил. Это явилось не только проявлением доверия к его качествам военного руководителя, но за этим скрывалось намерение мобилизовать назначением виргинца Юг для поддержки новоанглийских колоний, которые находились под непосредственной угрозой. 3 июля 1775 года в Кембридже, штат Массачусетс, Вашингтон принял командование войсками, которые окружили оккупированный британцами Бостон. В марте 1776 года удалось освободить город, но, согласно Декларации независимости от 4 июля 1776 года, три-

надцать американских штатов вынуждены были испытать ряд неудач. До 1778 года, когда союз с Францией решительно укрепил позиции восставших, главная заслуга Вашингтона состояла в том, что он сумел удержать своих солдат и избежал сокрушительного поражения в борьбе против лучше обученной и профессионально руководимой британской армии. Благодаря тактике выживания и затягивания и нерегулярным и неожиданным атакам он компенсировал первоначальные ошибки и постепенно вновь взял инициативу в свои руки. Уважение и любовь подчиненных завоевал жесткой дисциплиной и неустанными выступлениями в интересах офицеров и солдат. Он стал полюсом спокойствия в сопротивлении, потому что даже в тяжелейших условиях, как, например, в зимнем лагере Валлей Фордж в 1777–78 гг., умел вселить уверенность в победе.

На протяжении войны самой большой проблемой Вашингтона было вооружение и снабжение армии. Часто он чувствовал себя брошенным *Конгрессом конфедераций*, основанным в 1777 году на базе Статей конфедерации, и правительствами отдельных штатов. Несмотря на эти разочарования и интриги, которые плелись против него в Конгрессе, Вашингтон никогда не оспаривал первенство гражданского руководства. Все политические вопросы он предоставлял Конгрессу и принимал важные военные решения только после подробного обсуждения с доверенными людьми, к которым прежде всего принадлежали Александер Гамильтон из Нью-Йорка и французский маркиз де Лафайет. Его убеждение, что не партизанская тактика, а только победа в обычном сражении сможет принудить британцев сдаться, подтвердилась, наконец, в Йорктауне в Виргинии. Благодаря хорошо скоординированной акции с французской армией и флотом он добился 19 октября 1781 года капитуляции генерала Корнваллиса с 7 000 британских солдат. Этим он открыл путь к переговорам, которые два года спустя привели к формальному заключению мира и к международно-правовому признанию американской независимости.

После Йорктауна в кругах офицеров, которые опасались, что перешитый Конгресс может лишить их зарплат за службу, существовало тайное стремление сделать главнокомандующего диктатором или королем. Личным обращением к офицерскому корпусу в марте 1783 года Вашингтон восстановил дисциплину и еще раз демонстративно закрепил принцип подчинения военного руководства политическому. Прежде чем 23 декабря 1783 года в Аннаполисе торжественно вернуть командование Конгрессу, он направил циркулярное письмо правительствам отдельных штатов, которое содержало сумму его опыта во время войны и политическое завещание. В этом *циркулярном письме* он выступал за то, чтобы укрепить полномочия и авторитет центрального правительства, иначе союз скоро распадется. Это «национальное видение» не нашло взаимной любви у задающих тон радикальных республиканцев, которые выступали за более свободную конфедерацию суверенных штатов. Их также шокировало то, что Вашингтон был избран президентом Общества Цинциннати, офицерского братства, напоминающего европейские аристократические общества.

Из Маунт Вернона, где гостеприимно встречали в любое время, Вашингтон с нарастающей озабоченностью наблюдал за политическими событиями, которые, казалось, подтверждали его опасения краха «республиканского эксперимента». Когда фермеры в западном Массачусетсе осенью 1786 года восстали под руководством Даниела Шейса против Бостонского правительства, он предсказал скольжение в хаос и призвал своих многочисленных корреспондентов к энергичному противодействию. Находясь под впечатлением от *восстания Шейса*, он не смог весной 1787 года отказаться от требования взять на себя председательство конституционного конвента, который должен был устранить недостатки *Статей конфедерации*. Он недолго колебался, ставить ли ему на карту свою репутацию ради замысла с неизвестным исходом, но потом вернулся из отставки и руководил переговорами в Филадельфии, на которых с мая по

сентябрь 1787 года была разработана совершенно новая конституция. Хотя он редко брал слово в конвенте, Вашингтон не сомневался в том, что стоит на стороне *«националистов»*, возглавляемых Александром Гамильтоном и Джеймсом Мэдисоном, которые стремились к усилению центральной власти за счет суверенитета штатов. Как и Гамильтон, он восхищался принципом *«смешанной»* конституции по английскому образцу, который обеспечивал энергичное преследование национальных интересов. Поэтому у него были некоторые сомнения относительно предпочитаемого большинством конвента довольно строгого разделения власти между союзом и отдельными штатами и между тремя ветвями федерального правительства. Тем не менее он считал результаты обсуждения наилучшими при данных условиях. После того, как был подписан проект, он решительно выступал во время закулисных дебатов по ратификации, длившихся месяцы, за принятие конституции. Федералисты, как называли себя сторонники ратификации, старались, умело используя высокий авторитет Вашингтона, добиться одобрения населения, которое вовсе не было гарантировано. В торжествах, посвященных конституции 1788 года, Вашингтона повсюду символически представляли как штурмана нового *«государственного корабля»*, что равнялось общественному одобрению его выбора в президенты.

Вашингтон не участвовал в предвыборной борьбе, а ждал в Маунт Верноне, когда его позовут соотечественники. Члены выборной коллегии, выбранные в штатах в начале января 1789 года, единогласно проголосовали 4 февраля за Вашингтона как президента. Второе место по количеству голосов занял новоангличанин Джон Адамс, который был выбран вице-президентом. Вашингтон опять колебался, потому что хорошо осознавал всю тяжесть задачи и опасался, что его согласие может быть трактовано как доказательство чрезмерного честолюбия. В конце концов он согласился, заметив, что вотум доверия народа не оставил ему *«практически альтернативы»*. По-

ездка Вашингтона из Маунт Вернона в резиденцию Конгресса в Нью-Йорке была похожа на триумфальное шествие, которое демонстрировало, что население больше доверяет ему как личности, чем еще неопробованной конституции. 30 апреля 1789 года первый президент Соединенных Штатов был торжественно введен в должность в Манхеттене. В своей короткой инаугурационной речи Вашингтон затронул важную для религиозно-политического самосознания американцев тему, открыто заявив, что «невидимая рука Всемогущего» направляла судьбу Соединенных Штатов»; будущее республиканской правительственной системы зависит глубочайшим образом и, в конечном счете, от результатов эксперимента, «который был вложен в руки американскому народу».

Высшая цель Вашингтона состояла в том, чтобы обеспечить *выживание самоуправления* в пронизанном абсолютизмом и деспотией мире, наполнив жизнью буквы конституции и с самого начала основав новую правительственную систему на «истинных принципах». Для этой цели он хотел полностью использовать конституционные возможности, предоставляемые институтом президента. Он понимал, что будучи первым, занимающим эту должность, может придать очень расплывчатой картине президентства четкие контуры и что его решения установят масштабы и создадут прецеденты. Начало было положено раздачей административных должностей, при этом он учитывал как интересы отдельных регионов, так и пытался связать различные политические и идеологические направления. По образцу своего военного совета он окружил себя блестящими интеллектуальными сотрудниками, которые должны были быть не только просто исполнительными органами власти. От своих министров Александра Гамильтона (финансы), Томаса Джефферсона (международные дела), Генри Нокса (военные вопросы) и Эдмунда Рэндольфа (юстиция) он ожидал сверх соответствующих им компетенций еще совета и поддержки, что привело к возникновению непредусмотренного конституцией кабинета. Он добился, чтобы ми-

нистры и чиновники были ответственны только перед ним и чтобы для их увольнения — иначе, чем при их назначении — ему не требовалось согласие сената. Свое представление о едино и сплоченно действующем федеральном правительстве, которое понималось как защитник общего блага союза, он хотел осуществить в тесном сотрудничестве с Конгрессом. В этом отношении ему пошло на пользу то, что федералисты — по мнению Вашингтона, друзья правительства — на первых федеральных выборах 1788—89 гг. завоевали большинство в палате представителей и в сенате, и что Джеймс Мэдисон стал близким доверенным спикером палаты. Он очень экономно пользовался своим правом вето, так как исходил из того, что может отклонять законы, потому что считает их противоречащими конституции, а не потому, что ему не нравится их содержание. Вашингтон лично излагал свое ежегодное послание к Конгрессу, практика, которая в XIX веке была отменена и только при президенте Вудро Вильсоне возродилась. Границы этой кооперативной, единодушной правительственной практики познал уже сам Вашингтон, когда, например, сенат отказался вести с ним прямые переговоры по вопросам договора. Волею-неволею Вашингтон ограничился после этого письменным обменом мнений, что, однако, не мешало ему частным образом довериться отдельным сенаторам. Также и отношения с Верховным судом, главой которого Вашингтон назначил ньюйоркца Джона Джея, не были лишены натянутости, потому что президент — как показывают его обоснования вето — взял на себя роль интерпретатора и хранителя конституции. Демонстративно отказавшись представить ему затребованное правовое заключение, судьи дали ему понять, что он имеет дело с независимой третьей правительственной властью. Несмотря на проблемы ограничений, которые неизбежны в *системе контроля и равновесия*, по крайней мере, первый период пребывания Вашингтона в должности президента характеризовался в высшей степени внутренним единством,

которое сделало возможным целеустремленное и энергичное правление.

В отличие от многих республиканских теоретиков, которые недоверие к правительственной власти и, особенно, к централизованной правительственной считали ценностью самой по себе, Вашингтон видел в сильном, энергично действующем *федеральном правительстве* лучшую гарантию свободы и безопасности граждан. Так, отчетливо подчеркнутый Мэдисоном в газете федералистов федеративный элемент не нравился ему, потому что во время войны он узнал правительства штатов более как мешающий фактор. Он уважал их конституционные права, но не мог себе представить «разделение власти» с ними. С другой стороны, Вашингтон понял значение революционного принципа суверенитета народа и знал, что может основать власть федерального правительства только на согласии своих соотечественников. Он понимал президентство как символ национального единства и как инструмент формирования еще не сложившегося *американского характера* населения. Утомительные поездки, которые он предпринимал как глава государства в первые годы своего пребывания на посту президента в различные части союза, служили усилению национального согласия и завоеванию лояльности граждан по отношению к федеральному правительству. При этом он умело использовал свою личную популярность и харизму, чтобы наделить институт президентов прочным авторитетом. Стремление к республиканскому достоинству определило общественный стиль правительства, разработанный им в Нью-Йорке и с осени 1790 года разрабатываемый в Филадельфии. Еженедельные аудиенции и *торжественные обеды*, на которых Вашингтон держался с формальной и несколько чопорной серьезностью, должны были способствовать впечатлению, что ведомство президента образует политический и общественный центр нации. Даже Марта Вашингтон, которая с ее природной скромностью мало радости находила в репрезентации, должна была вносить свой вклад регулярными

утренними приемами и чаепитиями. Хотя эта церемония была, в сравнении с этикетом и пышностью европейских дворов, очень скромной, появились критики, бичевавшие «президентскую помпу» как нарушение республиканских нравов. Еще больше они обиделись на Вашингтона за то, что он позволил федералистам организовать для него официальное празднование дня рождения, и наряду с 4 июля установили второй национальный праздник 22 февраля. Сам Вашингтон мало придавал значения культу своей персоны; но предоставил это право своим сторонникам, потому что принимал их почитание как проявление верности новому порядку.

На фоне забот об авторитете централизованного государства и национальной сплоченности следует рассматривать участие Вашингтона в создании предусмотренной в конституции столицы. Решением переместить *округ Колумбия* на границу между Мерилендом и Виргинией и создать *федеральный город* на Потомаке большинство Конгресса пошло навстречу южным штатам, которые с самого начала жаловались на ущемленное политическое и экономическое положение в союзе. Вашингтон, естественно, выигрывал от этого лично, так как был одним из крупнейших землевладельцев в регионе. Он постоянно ездил из Филадельфии в Джорджтаун, чтобы влиять на планирование города, который с сентября 1791 года официально назывался *городом Вашингтона*. В своих мечтах о будущем он видел его как метрополию *американской империи*, простиравшейся далеко на запад до Миссисипи, включая области, которые надеялся освоить с помощью *судоходной компании Потомак*, принимая в ней финансовое участие.

В историографии Вашингтон нередко представлен как президент, чье практически-политическое воздействие уступало символическому, который реализовал планы других, особенно Гамильтона, содействовал консолидации федерального государства, но сам не являлся ее двигателем и, в конечном счете, служил лишь роstralь-ной фигурой. Это мнение, вызванное у историков XIX

века чрезмерным прославлением Вашингтона, в последующее время уступило место более позитивной оценке, согласно которой Вашингтон располагал четко продуманной и удивительно когерентной общей концепцией, которую целеустремленно воплощал на практике. Как президент он был *«прагматичным пророком»*, умевшим связать консервативный, ориентированный на общество республиканизм с современными экономическими убеждениями, направленными на свободу индивидуума. Прежде всего, он чувствовал себя обязанным форсировать интеграцию американских штатов в новой конституционной системе. Ведомству, которое возглавлял сам, отвел функцию *«силового центра»* союза.

Первый период пребывания Вашингтона в должности проходил под знаком дискуссий о национальной экономической и финансовой программе, которую Гамильтон представил Конгрессу. Президент почти не вмешивался в законодательную работу, однако не допускал сомнения в том, что разделяет взгляды своего секретаря по финансам на финансовую независимость федерального правительства от штатов, на обеспечение государственных долгов и единую денежную систему. Ядром программы Гамильтона было создание национального банка, который должен был управлять государственными финансами и предоставлять инвестиционный капитал для экономического развития. Это дало повод для первых значительных разногласий по конституции, так как министр иностранных дел Джефферсон в своем заключении для Вашингтона оспаривал право Конгресса на создание банка. Гамильтон приводил аргументы в пользу того, что компетенции Конгресса не должны ограничиваться задачами, однозначно указанными в конституции. Более того, Конгресс мог бы опираться в вопросе о банке на оговорку конституции *о необходимом и надлежащем*, которая дает ему право на широкие, не явно выраженные компетенции во имя общего блага. Когда Вашингтон присоединился к такой *«широкой интерпретации»* конституции и в феврале 1791 года подписал

закон о банках, успех пакету мероприятий Гамильтона был практически обеспечен. Финансовое наследие Войны за независимость было урегулировано, правда, односторонне, в пользу имущих, состоятельных кругов, что дало толчок для оппозиции республиканцев. Зато федеральное государство имело, благодаря пошлинам и налогам на ввоз, а также единой валюте в виде доллара, солидный фундамент, на котором, несмотря на бремя долгов, могло постоянно развиваться. Вашингтон поддерживал также желание Гамильтона стимулировать отечественные мануфактуры, чтобы сделать Соединенные Штаты экономически независимыми от Европы. В этом пункте они оба далеко опередили свое время, чтобы успешно противостоять аграрным интересам и интересам отдельных штатов.

Следующим большим достижением была декларация прав (*Билль о правах*), проведенная Мэдисоном через Конгресс и добавленная в 1791 году в форме первых десяти поправок к конституции. Выполнение обещания, данного во время дебатов по ратификации, полностью соответствовало линии Вашингтона, направленной на то, чтобы парализовать критиков конституции и достигнуть широкого конституционного согласия. Снова и снова президент почти скрупулезно показывал свое собственное уважение к конституции, предполагая, что тем самым можно способствовать выработке конституционного сознания в государственном масштабе. На начальной фазе французской революции он надеялся на сдерживание и самообладание народа. Своему другу Лафайету, вручившему ему символическим жестом в подарок ключ от Бастилии, подробно разъяснял значение конституции для работоспособного правительства и для защиты от демагогов и господства черни.

Большую озабоченность вызывало у Вашингтона неясное отношение к индейцам, которые искали защиты от надвигающихся переселенцев на юго-западе у испанцев, а на северо-востоке у британцев. Президент неоднократно выступал за справедливое обращение с коренным населением, верил в его способность к ассимиляции и лич-

но вел переговоры с вождями. Однако также говорил и об «искоренении», когда его представлениям об империи угрожали отдельные племена. Как главнокомандующий он чувствовал себя непосредственно ответственным за поражения, которые недостаточно вооруженные и плохо руководимые американские экспедиционные войска потерпели от индейцев в долине Огайо в 1790 и 1791 годах. Поэтому он почувствовал гордость и облегчение, когда генерал Энтони Уэйн несколько лет спустя победил союзные северо-восточные индейские племена на озере Эри, и Соединенные Штаты смогли осуществить свое притязание на суверенитет в регионе Огайо при заключении мира в Гринвилле в 1795 году.

В своих посланиях к Конгрессу Вашингтон был подчеркнуто оптимистичен и регулярно делал положительные выводы. В частной жизни он был менее уверенным, такому подавленному настроению способствовало обострение политического положения в Европе и, прежде всего, появление в конце первого срока пребывания на посту президента напряжения и трещин в собственном правительстве. Хотя Вашингтон до самоотречения старался сохранить мир в своем кабинете, он все менее мог преодолевать идеологические противоречия между Джефферсоном и Гамильтоном, накаленные событиями во Франции. Аграрно-уравнительно настроенный министр иностранных дел все больше укреплялся во мнении, что Гамильтон взял курс на аристократию или монархию и хочет использовать Вашингтона как вывеску. Джефферсон вдохновил Мэдисона начать борьбу против этих опасных тенденций в форме анонимных статей в газете. В свою очередь, Гамильтон обвинил противников в намерении создать в Соединенных Штатах «французские обстоятельства». Это опасение полностью разделял «не сильно загруженный» работой вице-президент Адамс. Одновременно все сильнее проявлялись секционные разногласия, потому что позицию Джефферсона разделяли многие жители южных штатов, в то время как Гамильтон и Адамс находили поддержку прежде всего в Нью-

Йорке и Новой Англии. При таких обстоятельствах неудивительно, что Вашингтон иногда с трудом сохранял вошедшее в поговорку самообладание и серьезно сомневался, выдвигать ли еще раз свою кандидатуру на выборы. Опять потребовалось много уговоров друзей, чтобы переубедить его. Для самого Вашингтона, который чувствовал, как постепенно тают его силы, эта уступка означала действительную жертву, которую мог оправдать только грозящий развал союза. Его популярность не уменьшилась, и свидетельством тому служило единогласное утверждение его в должности членами выборной коллегии на рубеже 1792–93 годов.

В своей второй инаугурационной речи 4 марта 1793 года — несколько недель спустя после казни Людовика XVI — Вашингтон обещал содействовать тому, чтобы конституционная форма правления пустила корни «в девственной почве Америки». Весь срок пребывания в должности проходил под знаком войны в Европе, которая обостряла конфликты во внутреннем положении США. В вопросах внешней политики и дипломатии Вашингтон с самого начала отвоевал преимущество исполнительной власти перед законодательной и оставил за собой большое пространство для действий. Теперь требовались благоразумие и надежное руководство, потому что война заставила по-настоящему осознать американцев их щекотливое положение: торговля со странами Карибского моря и Европой будет зависеть от благополучия британского и французского флота. На границах, недостаточно обеспеченных войсками, наметились конфликты с испанцами в дельте Миссисипи и с британцами в долине Огайо. На этом фоне Вашингтон, не колеблясь, провозгласил 22 августа 1793 года нейтралитет Соединенных Штатов, хотя симпатии большинства его соотечественников были на стороне французской «сестры-республики». Одновременно он дал понять, что США признали французское революционное правительство и считают действительным американско-французский союз 1778 года. Сначала с этим согласились все министры, но

в последующее время кабинет все больше распадался. В то время как Гамильтон ставил на британскую карту, Джефферсон склонялся к французам, посланник которых Жене решительно потребовал поддержки и через голову президента апеллировал к солидарности американцев. Только сам Вашингтон твердо и последовательно придерживался намеченного нейтралитета. В конце концов Джефферсон ушел в отставку с поста министра иностранных дел и начал вместе с Мэдисоном собирать оппозицию против тех сил, которые воспринимал как «монархическую», подчиненную Англии, партию.

Так как возрастающее число британских нарушений нейтралитета вызвало опасность войны с Англией, Вашингтон послал Джона Джея в мае 1794 года как посла по особо важным вопросам в Лондон — еще один прецедент, на который ссылались многие из его последователей. В то время как Джей вел переговоры в английской столице, президент столкнулся с тяжелым кризисом в собственной стране. На западе Пенсильвании и в некоторых соседних штатах фермеры отказались платить налог на виски, который Конгресс ввел как часть финансовой программы Гамильтона. Вашингтон не только опасался за с трудом завоеванный авторитет федерального правительства в налоговых вопросах, но и, казалось, уже видел сепаратистские устремления в западных областях. В отличие от Гамильтона, настаивающего на широкой демонстрации военной силы, президент исчерпал сначала все возможности на пути переговоров. Только когда крепкое ядро сопротивления было политически изолировано, Вашингтон вместе с Гамильтоном направился в октябре 1794 года во главе 3-тысячного войска (по дороге оно увеличилось, благодаря присоединению милиции штатов, до 13 000 человек) из Филадельфии на запад. Ввиду такого военного набора так называемое *восстание из-за виски* закончилось прежде, чем дошло до настоящих боев. Предводители были приговорены к смерти, но позже помилованы и отпущены Вашингтоном. Это было сделано, чтобы смягчить внутренние политические вол-

нения, вызванные самим предприятием, а в большей степени последующим обоснованием Вашингтона перед Конгрессом: в своей речи от 19 ноября 1784 года президент объявил, что около 30 демократических обществ, возникших между тем по образцу якобинских клубов в США, являются ответственными за восстание и угрозу «неделимому союзу». Оппозиция, которая называла себя республиканской партией, поняла эту атаку как недопустимое вмешательство во внутреннюю политику и резко критиковала ее. Таким образом, концепция политически сбалансированного правительства Вашингтона потерпела практически крах, так как президент односторонне зависел теперь от поддержки федералистов и должен был учитывать этот факт при раздаче административных должностей. Таким образом, администрация все больше принимала характер федералистского партийного правительства, в котором доминируют политики северных штатов. Наиболее спорный сотрудник, Александер Гамильтон, подал в январе 1795 года в отставку, но это только усилило в Вашингтоне чувство одиночества.

Несколько месяцев спустя разгорелся спор вокруг договора с Англией, который Джон Джей выторговал в Лондоне. Чтобы сохранить мир, посол по особым вопросам во многих пунктах пошел навстречу британцам, например в определении контрабанды и в регулировании некоторых еще открытых вопросов договора 1783 года. Когда сенат после ратификации опубликовал договор Джея в июне 1795 года, разразилась буря негодования, которая могла бы смести менее сильного президента, чем Вашингтон, вместе с его правительством. Республиканцы обвинили правительство в подчинении британцам и измене французскому союзнику. Даже сам Вашингтон начал колебаться, но к середине августа добился подписания договора. Его недоверие, однако, уже зашло так далеко, что он начал подозревать министра иностранных дел Рэндольфа в тайном сговоре с французами. На самом же деле Рэндольф, ушедший сразу в отставку, стал жертвой интриг, которые не смог разглядеть и сам Ва-

пингтон. Спор партий приобрел резкий тон, и личность самого президента все чаще становилась мишенью для враждебных нападок республиканских газетчиков, вплоть до обвинения, что Вашингтон регулярно превышает свое годовое жалованье в 25 000 долларов и обогащается за счет государства. В действительности же президент платил из этой суммы не только жалованье своему секретарю и всем служащим в доме, но и оплачивал все расходы на поездки и приемы. Вашингтон утешал себя мыслью, что такая клевета является ценой за «безграничные преимущества», которые несет в себе свободная пресса.

В феврале 1796 года дискуссия вокруг договора Джея вспыхнула еще раз, потому что республиканское большинство в палате представителей отказалось предоставить необходимые деньги на исполнение отдельных пунктов договора. Требование депутатов, чтобы президент огласил всю дипломатическую корреспонденцию, касающуюся договора, Вашингтон отклонил, ссылаясь на свои привилегии исполнительной власти и предварительное информирование сената. Из этого последующие президенты, кончая Ричардом Никсоном, вывели для себя далеко идущие права неразглашения тайны. В действительности же речь шла об исключении, так как отношение Вашингтона к Конгрессу характеризовалось откровенностью. В этом случае он принял пробу политических сил, потому что на карте стояло не менее чем постоянно используемая им конституционная привилегия президента определять направления внешней политики. Конфликт был смягчен, когда республиканский спикер палаты, немец по происхождению, Фредерик А. Муленберг, в решающем голосовании 28 апреля 1796 года при равенстве голосов отдал свой голос за предоставление денег. После того как договор окончательно вступил в силу, парижская Директория расторгла альянс 1778 года. Эта негативная реакция была, однако, предварительно уравновешена тем, что другой посол Вашингтона по особым делам Томас Пинкни заключил в октябре 1795 года выгодный договор с испанским прави-

тельством, обеспечивавший американцам свободное судоходство по Миссисипи и беспошлинный вывоз их товаров через Новый Орлеан.

Второй срок пребывания на посту был, главным образом, «управлением кризисами». Трезво рассчитанный, осторожный курс Вашингтона на нейтралитет сохранил американцам мир, укрепив позицию Соединенных Штатов на американском континенте и стимулировал экономический подъем. Страсть, с которой американцы следили за французской революцией, остыла, и в Конгрессе, как и прежде, тон задавали федералисты. Вашингтон заранее дал понять, что о третьем сроке не может быть и речи, хотя конституция не предусматривала каких-либо временных ограничений. С весны 1796 года он занимался своим прощальным обращением к американскому народу. Исходным пунктом служили сделанные еще в 1792 году к концу первого срока Мэдисоном, наброски текста, который Вашингтон переработал и актуализировал с помощью Гамильтона. Окончательное прощальное обращение, появившееся в газетах 19 сентября 1796 года, полностью соответствовало собственным убеждениям и ценностям Вашингтона. Его главным стремлением было предостережение от партий и партийного духа, которые, подстрекаемые иностранными державами, ставят под угрозу выживание нации. Чтобы отразить эту опасность, президент рекомендовал соблюдать основные принципы религии и морали как *«великих столпов человеческого счастья»*. Учебные учреждения должны способствовать действительно просвещенному общественному мнению, а все взятые финансовые обязательства вознаграждаться, чтобы сохранять доверие к новой правительственной системе. Забота Вашингтона о национальном единстве и общественной гармонии была обоснованна; при оценке партийной сути, однако, президент умышленно упускал из виду, что сам управлял, в конечном счете, как «член партии». Здесь проявляется тайная позиция, которую Вашингтон разделял со многими современниками: он претендовал на служение общему благу, а этикетку «пар-

тия» оставлял для политических противников. На практике же первая американская двухпартийная система сложилась во время его правления. Тем не менее его прощальное обращение имело отклик: совет Вашингтона как можно больше торговать с Европой, не втягивая себя во внутриевропейскую торговлю, заключать союзы только при необходимости и ни в коем случае на длительный срок, оставался до XX века основным направлением внешней политики всех американских правительств. (Предостережение от запутанных союзов, на которое часто ссылаются в этой связи, заимствовано из первой инаугурационной речи Томаса Джефферсона 1801 года.)

Вашингтон мало влиял на выборы своего преемника, однако с удовлетворением отметил, что вице-президент Адамс сумел противостоять Джефферсону, бывшему другу и доверенному лицу, ставшему вождем оппозиции. После восьми лет президентства Вашингтон с полным правом подвел положительные итоги. Конечно, далеко не все надежды осуществились. Например, президент постоянно призывал к созданию национального университета, но Конгресс не реагировал на это. Многим он был обязан и сотрудникам, в первую очередь Гамильтону. Его консультативный стиль руководства не скрывал того, что все важные решения, особенно во внешнеполитических вопросах, он принимал сам и что таланты его советников раскрывались только благодаря ему. Недостаток блеска он восполнял солидным, методичным стилем руководства, сознанием долга, предсказуемостью и надежностью. По своим качествам, способностям и духовным предпосылкам он был наиболее способен перебросить мостик от старой колониальной Америки через революцию к новому, конституционно-демократическому федеральному государству. Он персонифицировал власть правительства, ограниченную правом и законом, создал предпосылки для интеграции и экспансии континентальной американской республики и еще при жизни стал символом *«национального характера»*, формированию которого придавал большое значение. Историческое величие

он доказал не традиционным способом узурпирования или расширения власти, а ответственным, умеренным использованием демократически легитимной власти и созданием возможности для упорядоченной, мирной смены ее.

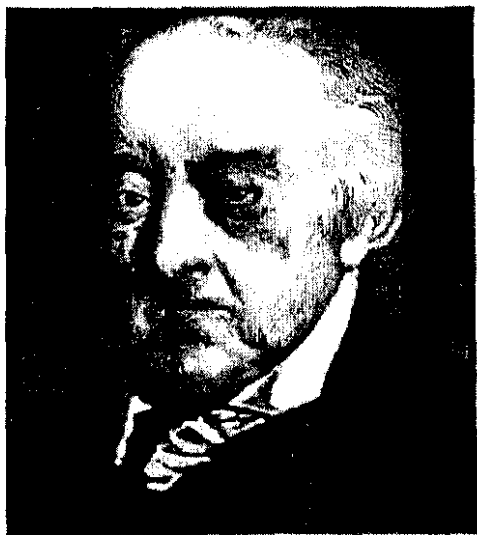
После прощания с Филадельфией в марте 1797 года Вашингтон продолжал жить и работать как первый экс-президент вместе со своей женой в Маунт Верноне. Он часто посещал город — или, лучше сказать, большую стройку, которая носила его имя. Когда летом следующего года США оказались под угрозой войны с Францией, заявил о своей готовности взять на себя командование и создание войска. Но кризис стих прежде, чем он вступил на пост. Его последнее публичное высказывание было направлено против резолюций Виргинии и Кентукки, предложенных Джефферсоном и Мэдисоном, которые давали право отдельным штатам аннулировать законы союза.

Вашингтон умер 14 декабря 1799 года в возрасте 67 лет от острого воспаления гортани, от которого при тогдешнем уровне медицины не было эффективных средств. На одной из многочисленных траурных церемоний, проходивших повсюду в Соединенных Штатах, его друг Генри Ли превозносил его как «первого в войне, первого в мирное время и первого в сердцах его соотечественников». Завещание президента предусматривало освобождение всех рабов, которые ему принадлежали, после смерти его жены. Вашингтон отвергал рабство как несовместимое с принципами Декларации независимости, а его быструю отмену считал практически неосуществимой. Этим распоряжением в завещании, которое Марта Вашингтон исполнила сама еще до того, как умерла в 1802 году, он смог, по крайней мере, облегчить свою совесть. Большинство же бывших рабов осталось на плантациях, так как законы южных штатов предоставляли афро-американцам мало возможностей целесообразно воспользоваться своей свободой.

Юрген Хайдекинг

ДЖОН АДАМС 1797–1801

*Президент как гарант
общественного равновесия*

John Adams

Стать преемником Вашингтона было достаточно тяжело. Для Джона Адамса особенно тяжело, не только потому, что со своей невысокой, пухленькой фигурой он казался намного менее «презентабельным», чем статный генерал, но и скорее потому, что пуританин из Новой Англии

всем своим видом производил противоречивое впечатление, и более того, он интеллектуально представлял собой полную противоположность усиленному революцией стремлению американцев к равенству и демократии. Не подлежит сомнению, что Адамс принадлежал к способнейшим и морально безупречнейшим мужам поколения основателей. В отличие от практика Вашингтона, это был теоретик политики, который изучил великих авторов от Аристотеля до Монтескье и мог писать государственно-правовые трактаты на высоком уровне. Он полагал, что разгадал тайну политической науки, и определил ее понятием «равновесие» (баланс) и это понимание хотел применить на пользу союза. Демократия была для него лишь одной из многих величин в политическом равенстве. Также и в республиканском государстве она должна быть уравновешена аристократическим и монархическим элементом в форме сената и президентства. Без сомнения, многие образованные и состоятельные американцы думали так же, хотя и не столь систематично, как Адамс. На публике они держались обычно в стороне и предоставляли ему неблагодарную задачу проповедовать антиэлитарно настроенному населению необходимость, как он это называл, *«естественной аристократии»*. Как президент Адамс действовал не без успеха, хотя историческое мнение о нем неизбежно определялось разногласием между его мировоззрением и общим климатом общественного мнения его времени.

Для Джона Адамса президентство могло бы стать вершиной блестящей карьеры юриста, политика и дипломата. Вместо этого четыре года пребывания в высшей должности казались ему иногда кошмарным сном. Он боялся, что его заклеят как неудачника. При его правлении страна впала в длительный внешнеполитический кризис, внутри страны конфликт между партиями принял почти параноидальные, истерические формы, и в конце избиратели отказали ему в доверии. Несмотря на это, Адамс был убежден в том, что действовал правильно в решаю-

щих моментах и принес необходимую жертву для общественного блага.

Необузданное честолюбие и беззаветная самоотверженность являлись двумя сторонами одной и той же чрезвычайно сложной, противоречивой личности, какой она предстает перед нами из писем и, особенно, из дневников, которым Адамс, с пуританской непреклонностью, поверял свои мысли, желания, страхи и сомнения в самом себе. Джон Адамс, родившийся 30 октября 1735 года в семье фермера и уважаемого гражданина в Брейнтри штата Массачусетс, рос в сельской, но очень стремящейся к образованию семье. После учебы в Гарварде начал карьеру юриста и стал одним из виднейших адвокатов Бостона. В 1764 году женился на Абигейл Смит, уверенной в себе дочери пастора, интеллектуально не уступавшей ему. Думая о своей карьере, он сначала сдержанно участвовал в движении протеста против Англии. В 1770 году даже с успехом защищал британских солдат, обвиненных в учинении «резни» среди гражданского населения в Бостоне. Демонстрации с применением силы были так же противны ему, как и, с его точки зрения, неприемлемые правовые притязания английского парламента. Под влиянием двоюродного брата Сэмьюэла Адамса он примкнул к радикальному крылу «патриотов», но постоянно оставался поклонником «старой» английской конституции, которую высоко ценила оппозиция вигов в Англии. Как делегат Континентального конгресса энергично добивался независимости, и в Конгрессе конфедераций входил во все важные комиссии. В 1778 году впервые со своим сыном Джоном Куинси отправился с дипломатической миссией в Европу, где он, однако, стоял в тени Бенджамина Франклина. По возвращении в 1779 году разработал новую конституцию для штата Массачусетс, которая в ее основных чертах — сильная исполнительная власть, двухпалатная система и независимая юстиция — осуществляла его идеал смешанной и ограниченной формы правления. Известным стало его

высказывание, что речь идет о создании «*правления законов, а не мужей*».

Адамс был одним из трех американских делегатов, которые в 1782—83 гг. заключили мир с Англией в Париже, а в 1785 году он был назначен первым посланником Соединенных Штатов в Лондоне. Здесь он написал научный трактат о конституционных вопросах, который некоторые американские конституции штатов критиковали за неуравновешенность и «*чрезмерный демократизм*». Его влияние на дебаты о конституции в 1787—88 гг. было невелико, но автору крепко досталось на родине от радикальных республиканцев. Интересно, что в частном порядке Адамс соглашался с антифедералистами в том, что новая федеральная конституция пренебрегает разделением власти, особенно между президентом и сенатом. Упрямство и легко возбудимый темперамент постоянно ввергали Адамса в затруднительные ситуации, но именно они делали его характер привлекательным. Просвещенному скептицизму в религиозных вопросах соответствовало в политической жизни почти мазохистское недоверие, постоянное чувство, что его могут ранить или с ним несправедливо обойдутся. При этом он так же жаждал общественного признания и славы, как его кальвинистские предки — спасения. Современники знали Адамса как узел противоречий, как человека, который может быть одновременно высокомерным и сомневающимся в себе, злопамятным и великодушным; несмотря на частые приступы пессимизма, сохранявшего глубокое чувство юмора.

В 1788 году Адамс вернулся в Массачусетс, где его имя широко обсуждалось в связи с президентством. Себе он отвел мало шансов против Вашингтона и поэтому не был слишком разочарован, когда ему пришлось довольствоваться постом вице-президента. В этой функции он имел мало влияния, так как Вашингтон редко с ним советовался. Как президент сената имел решающий голос при равенстве голосов и использовал это в целом ряде случаев, и всегда в пользу укрепления федерально-

го правительства и исполнительной власти. Кроме этого, он ассистировал президенту в случаях, предусмотренных протоколом, где привлекал всеобщее внимание, прежде всего своей одеждой — париком, мечом на поясе, штанами до колен и шелковыми чулками. Когда он в дебатах сената о титуле предложил обращаться к президенту *«Его высочество»*, его критики укрепились в подозрении, что Адамс (в шутку называемый *«Его пухлость»*) развращен долгим пребыванием при европейских дворах и — как выразился Джефферсон — был обращен в суеверие наследной монархии и аристократии. Адамс считал себя республиканцем, но не скрывал своего убеждения в том, что Соединенные Штаты в перспективе станут *«монархической республикой»*, как Англия. Неуважение к общественному мнению он доказал опубликованными в 1791 году *«Размышлениями о Давиле»*, в которых резко критиковал французскую революцию, в то время как большинство американцев с энтузиазмом приветствовали ее. Тем самым он потерял последние симпатии республиканцев и дружбу Джефферсона. В северных штатах его еще уважали, и в 1792 году он был вновь утвержден на своем посту, завоевав второе место по количеству отданных за него голосов.

В последующее время Адамс рассматривал вице-президентство (*«самый незначительный пост, придуманный когда-либо»*) как ожидание высочайшей чести. Когда в конце 1795 года Вашингтон дал понять, что не будет выставлять свою кандидатуру на пост президента, депутаты-федералисты Конгресса сошлись на Адамсе как на преемнике. Предвыборной борьбой 1796 года, проводившейся в 16 штатах (Кентукки, Теннесси и Вермонт также принадлежали уже к союзу), началась новая стадия развития американской партийной системы. Федералисты и республиканцы действовали как тесно сплоченная коалиция экономических, региональных, этнических группировок, которые сильно отличались друг от друга по идеологии и программам. Республиканцы выставили кандидатами Джефферсона и Эрона Бурра и мобилизо-

вали сначала «простых американцев», ремесленников, фермеров и переселенцев. Их пресса атаковала Адамса как монархиста, приверженца Англии, который хочет уничтожить завоевания революции. В данных обстоятельствах исход был неясен, тем более, что ведущие федералисты сомневались в пригодности Адамса, известного своим тщеславием и раздражительностью. В действительности Адамс с трудом взял верх над Джефферсоном, которому для победы хватило бы всего два дополнительных голоса. Тот факт, что соперник президента стал вице-президентом, показывает, как мало отцы конституции считались с национальными партиями. Джефферсон не воспринял пост серьезно и уединился в своем поместье Монтичелло. В 1804 году 12-я поправка, предписывающая отдельные голосования за президента и вице-президента, приняла в расчет изменившиеся внутрисполитические условия.

На введении в должность 4 марта 1797 года Адамс обещал последовательность и примирение. Демонстрируя уважение к предшественнику, полностью сохранил последний, скорее посредственный, кабинет Вашингтона. Позже он назвал этот шаг самой большой ошибкой, так как слишком поздно понял, что большинство министров было менее лояльно к нему, чем к Александру Гамильтону, который из своей адвокатской конторы в Нью-Йорке пытался удерживать бразды правления. Как и Вашингтон, Адамс видел себя президентом, который один заботится об общем благе и стоит над партиями и фракциями. Для этого он разработал очень специфическую концепцию президентства, которую начал осуществлять. С его точки зрения президент должен нести главную ответственность за стабильность всего государственного строя, выступая — в зависимости от того, откуда наибольшая опасность — или против склонных к иррациональности народных масс, или против одержимой властью и богатством элиты. Из этого представления о президенте как о независимом посреднике между значительными социальными силами получилась для практики правления уди-

вительная смесь расцвета власти и пассивности. У Адамса, собственно, не было никакой программы, которую он должен был бы осуществлять. Поэтому он ничего не находил в том, что добрую половину года проводил в Массачусетсе вдали от столицы Филадельфии. С другой стороны, он мог решать вопросы быстро и решительно, если полагал, что равновесию угрожает опасность.

Адамс не особенно интересовался экономическими вопросами, тем более, что, по его мнению, чрезмерное благополучие подрывало республиканские нравственные устои. В инаугурационной речи он обозначил обеспечение американского нейтралитета своей основной задачей. Внешняя политика сразу же выдвинулась на передний план, так как договор Джея хотя и обеспечил мир с Англией, зато с осени 1796 года быстро ухудшились отношения с Францией. После одностороннего расторжения альянса 1778 года она перешла к тому, чтобы серьезно препятствовать американской торговле на Карибском море и в Атлантике. Из-за этого разразилась необъявленная война на море, которая все больше волновала души американцев. В мае 1797 года президент решил, несмотря на оппозицию экстремистских федералистов, отправить в Париж трех посланников по особым делам, которые должны были в стиле миссии Джея искать решения путем переговоров. Только шесть месяцев спустя после их отъезда в Филадельфию поступило сообщение от делегации: согласно ему министр иностранных дел Талейран информировал американских дипломатов через посредников, что переговоры будут возможны только: если ему вручат солидную денежную сумму, если США предоставят Франции кредит и если президент извинится за враждебные Франции высказывания. Инцидент вошел в историю как «Афера XYZ», потому что Адамс приказал заменить в затребованном Конгрессом сообщении имена посредников буквами.

Требования Талейрана вызвали в Америке справедливое возмущение, которое еще больше раздувалось федералистами, а какое-то время и Адамсом, чтобы разжечь

военное настроение, начать вооружение и ослабить внутривнутриполитического врага. В Конгрессе федералистское большинство настояло на строительстве военных кораблей, создании министерства военно-морского флота и повышении необходимых для этого налогов. Более того, летом 1798 года Конгресс издал Акты об иностранцах и подрывной деятельности, четыре закона, которые затрудняли переселенцам приобретение гражданства и политическую деятельность (это было направлено, прежде всего, против французов и враждебных Англии ирландцев) и запрещали под страхом наказания общественную критику правительства и президента (этим хотели заставить замолчать яростную партийную прессу республиканцев). Адамс не был инициатором этих репрессивных законов, однако подписал их и исполнял, хотя и не так последовательно и жестко. Внешняя угроза и внутренний конфликт были взаимосвязаны: федералисты упрекали своих противников в союзе с Францией, а республиканцы, имевшие оплот на юге, провозгласили в случае войны сопротивление, вплоть до отделения.

Чем дольше длился кризис, тем больше президент сомневался в правильности курса. Этому способствовало разногласие по поводу командования армией, которое закончилось тем, что против своей воли он признал Гамильтона вторым, после Вашингтона, офицером. Он подзревал Гамильтона в желании вовлечь его в военную авантюру, чтобы удовлетворить свое честолюбие и осуществить завоевательские планы в Луизиане и Флориде. Психически надломленный болезнью своей жены — Абигейл не нравилась *«блестящая нищета президентства»*, как она это называла, и она часто оставалась в Массачусетсе, он все больше ощущал себя окруженным врагами. Поэтому он почувствовал облегчение, когда с осени 1798 года через дипломатические и неофициальные каналы начали поступать мирные сигналы французов. Не советуясь со своим кабинетом, он сообщил Конгрессу 18 февраля 1799 года, что намерен послать в Париж новую делегацию для переговоров. Несмотря на

резкие протесты радикальных федералистов — они упрекнули его в нерешительности, трусости и предательстве, речь шла даже об умственном помешательстве, твердо отстаивал свое решение. Чтобы сломить сопротивление федералистских сенаторов мирной миссии, пригрозил даже отставкой, которая способствовала бы его закланию врагу Джефферсону добиться президентства. Военная истерия скоро затихла, хотя начало переговоров затянулось на долгие месяцы. В октябре 1800 года был подписан выгодный для США договор с наполеоновской Францией, который сенат ратифицировал еще при Адамсе.

Адамсу, возможно, казалось, что он, в соответствии со своей теорией, сначала предотвратил с помощью Актов об иностранцах и подрывной деятельности *«господство черни»*, а потом, с помощью единоличного решения в конфликте с Францией, поставил на место высокомерную, манипулируемую Гамильтоном *«денежную аристократию»*. Но эта *«классическая»* точка зрения уже не соответствовала политической и общественной реальностям Соединенных Штатов на рубеже XIX века. Адамс избавил свою страну от войны, но сидел теперь между всеми стульями, и перспектива быть избранным еще раз практически разрушилась. Правда, собрание федералистских депутатов Конгресса поддержало в конце 1799 года его заявление, но раскол партии еще более углубился, когда Адамс вышвырнул из кабинета последователей Гамильтона — это был последний удар, нанесенный человеку, которого он в порыве своей несдержанности называл *«беспринципным интриганом»* и *«иностраннным бастардом»*, и в котором Абигейл видела *«второго Бонапарта»*. После этого Адамс почувствовал себя достаточно свободным, чтобы помиловать фермера Джона Фриса, который как предводитель небольшого восстания, направленного против налогов, был приговорен к смерти и которого сторонники Гамильтона хотели наказать в назидание другим. Гамильтон взял реванш, публично заявив в предвыборной борьбе о неспособности Адамса быть президентом. Это беспримерное оскорбле-

ние повредило ему не меньше, чем Адамсу, который на выборах ненамного отставал от республиканских кандидатов Джефферсона и Бурра. Адамс с уважением отнесся к результатам выборов и отверг замечание о том, что нужно силой препятствовать передаче власти республиканцам.

Последние месяцы своего президентства Адамс провел в Вашингтоне, куда согласно закону о столице от 1790 года правительство переехало весной 1800 года. Переезд был достаточно легким, так как все документы всех министерств поместились в семи больших ящиках. Абигейл была «первой леди» в президентском дворце, который она критиковала как слишком большой, плохо обставленный, недостаточно освещенный и плохо отапливаемый. Ее муж просил благословения неба для этого дома и молился о том, чтобы *«только честные и мудрые мужи могли править под этой крышей»*. Адамс позаботился о почве для будущих конфликтов, назначив федералистов на многочисленные должности судей, эти должности были созданы согласно закону, изданному Конгрессом. Без сомнения, самым важным было решение назначить Верховным федеральным судьей своего последнего министра иностранных дел Джона Маршалла, потому что оно еще долго сказывалось на усилении федерального правительства и исполнительной власти. 4 марта 1801 года, за несколько часов до введения Джефферсона в должность, Адамс, первый президент, который не был избран на второй срок, незаметно покинул столицу в направлении Новой Англии.

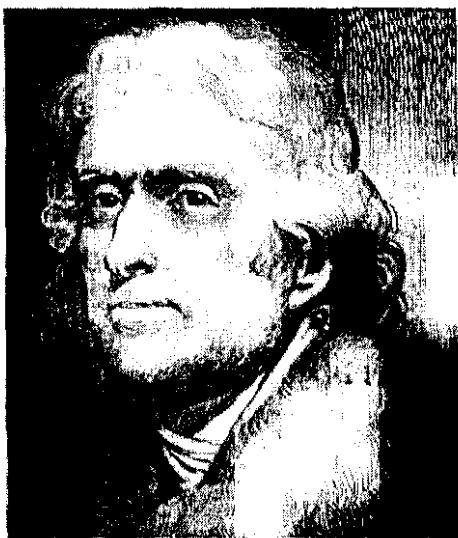
В 65 лет экс-президент чувствовал себя слишком старым и слабым, чтобы вернуться на поприще адвоката или начать новую службу. Он прожил еще 25 лет как старейший государственный деятель в Куинси под Бостоном, у него было много свободного времени, чтобы задуматься о своем опыте, американской революции и ходе истории в целом. Эти размышления достигли литературно-философского качества в интенсивной переписке, которую он в 1811 году начал со своим бывшим антагонистом Джефферсоном и которая помогла ему пре-

одолеет горечь поражения. После того как его сын Джон Куинси Адамс был избран в 1824 году президентом, он умер 4 июля 1826 года, в день 50-летия Декларации независимости, за несколько часов до Джефферсона. Это удивительное совпадение очень содействовало укреплению мифа об *«отцах-основателях»* и усилению веры в направляющую руку *«провидения»*. Сегодня Джон Адамс считается по праву значительным государственным деятелем, но эта оценка основывается на достижениях всей его жизни, а не на президентстве в первую очередь, давшем мало новых импульсов *«американскому эксперименту»*.

Вилли Пауль Адамс

ТОМАС ДЖЕФФЕРСОН 1801—1809

*Просветитель и рабовладелец как вождь партии,
глава правительства и отец страны*

Jefferson

В иерархии активных и популярных президентов, о которых американские историки и политологи спорят полусерьезно, до 1900 года Томас Джефферсон (1801—1809) стоит на третьем месте после отца страны Вашингтона (1789—1797) и «освободителя рабов» Ав-

раама Линкольна (1861—1865). Национально-исторический эпос представляет портрет Джефферсона, прежде всего, как главного автора Декларации независимости 1776 года и Закона о свободе религии в Виргинии 1786 года. Его имя стало привычным определением в американской политической риторике: *демократия Джефферсона* или *республиканизм Джефферсона* и *джефферсонизм* обозначают сегодня соединение прав отдельных штатов и местного самоуправления, строгого соблюдения предписаний конституции (ограничивающих федеральное правительство), поощрения сельского хозяйства и сельской жизни, а не торговли и промышленности в городах, и, прежде всего, большой веры в умственные способности большинства избирателей (*простых людей*).

За время своей сорокалетней карьеры Джефферсон занимал различные государственные должности, что дает обоснованный повод для вышеуказанных описаний. Но их недостаточно для характеристики его действительного поведения, особенно как президента Соединенных Штатов. Его интересы, знание языков, сочинения и, прежде всего, обширная и многосторонняя переписка, которая показывает интеллектуальную деятельность почти во всех областях знаний от архитектуры до истории раннего христианства, указывают на Джефферсона как на активного просветителя. Он отвергал общественный строй Европы с его привилегиями царствующих фамилий и аристократов и государственной церковью как господство произвола во вред большинству населения. Но его собственное материальное существование покоилось до конца жизни на 200 рабах, работающих на унаследованной им плантации табака в Виргинии. Его противоречивость проявлялась в том, что, с одной стороны, он как вождь оппозиции предостерегал от опасности «монархических» и «аристократических» тенденций всесильного президента, а с другой стороны, полностью использовал заложенные в конституции компетенции президента, когда, например, в 1803 году, благодаря покупке Луизианы, почти

удвоил территорию США. И в 1807 году законом эмбарго так урезал экономическую свободу отдельных штатов и отдельных граждан, как это не смог бы сделать ни один одержимый властью федералист. В 1785 году Джефферсон писал: «Те, кто обрабатывают землю, являются народом, избранным богом, если таковой когда-либо существовал». Как президент он, однако, не препятствовал ранней индустриализации, а его политика эмбарго даже стимулировала ее. Признание норм и ценностей в конкретных случаях расходилось с его политическими решениями.

Крупные землевладельцы Виргинии в течение многих поколений занимали государственные должности и брали на себя ответственность за общество. Поэтому не было ничего необычного в том, что в 1769 году жившие по соседству плантаторы и фермеры округа Элбемарль послали 26-летнего Томаса Джефферсона в Колониальный парламент Виргинии в Уильямсбург. Томас Джефферсон родился 13 апреля 1743 года в Шедуелле, плантации своего отца. Начав землемером, его отец путем умных спекуляций землей обеспечил себе социальный подъем в высший класс крупных землевладельцев, правда, не без помощи своей жены Джейн Рэндольф, брак с которой открыл ему доступ к узкому кругу господствующих семей плантаторов Виргинии. Любопытный молодой Джефферсон два года посещал колледж Уильяма и Мэри в Уильямсбурге, главном городке колонии, где познакомился с политическими идеями греческих и римских классиков. Профессор математики шотландского происхождения на всю жизнь привил ему увлеченность беспристрастным собиранием фактов и данных, искренность в аналитическо-рациональной постановке вопросов и, возможно, внецерковное этическое христианство. С 1762 по 1767 годы он читал английское право и историю конституций в канцелярии знаменитого адвоката и потом был допущен к адвокатской практике, которую бросил, как и десятки его коллег, когда борьба за независи-

мость заставила его стать профессиональным политиком (с частными доходами).

В 1764 году получил в наследство плантацию в 2750 акров, которую оставлял на время своего длительного отсутствия управляющим или своей жене Марте Уэйлс Скилтон, вдове, на которой женился 1 января 1772 года. Из их шести детей только двое достигли взрослого возраста. В 1769 году по его собственным чертежам началось строительство поместья Монтичелло, которое всю его жизнь служило ему прибежищем. Изящная постройка на самом высоком холме в округе с бюстом Вольтера в вестибюле и помещениями для рабов в подвальных этажах символизировала напряженность в жизни Джефферсона и противоречие между его идеальным представлением о свободном, самореализующемся одиночке (как он называл, *природном аристократе*) и реальностью жизни большинства, значительно ограниченной материальными и общественными принуждениями. Джефферсон пытался ослабить это напряжение не путем самоограничения владельцев, а путем облегчения приобретения поместий для возможно большего числа евро-американцев. Наследство жены, умершей в 1782 году, вдвое увеличило поместье Джефферсона. При этом, однако, он был вынужден взять на себя большие долги своего тестя, из-за которых Джефферсон до конца своей жизни боролся с финансовыми трудностями и, возможно, поэтому был не в состоянии дать в завещании свободу своим рабам (он освободил лишь пятерых, наиболее близких ему рабов).

Будучи членом палаты представителей от Виргинии, Джефферсон обосновал в 1774 году в сенсационной анонимной листовке под названием «*Краткий обзор прав британской Америки*» исконные права английских колонистов на самоуправление в Северной Америке внутри империи. Их добровольная лояльность относилась к королю, они не подчинялись суверенитету Вестминстерского парламента. Как одному из лучших выразителей взглядов сопротивления и депутату Виргинии в революционном

Континентальном конгрессе Джефферсону была поручена задача составить проект обоснования провозглашения независимости. Конгресс принял 4 июля 1776 года текст Джефферсона с небольшими изменениями, например, была вычеркнута лицемерная жалоба на короля за то, что он терпит торговлю рабами. Ядром политического кредо Джефферсона на всю его жизнь осталась преамбула *Декларации независимости*: одобрение управляемых, т. е. суверенитет народа, является единственным источником легитимной правительственной власти. Ее задача состоит в защите неотъемлемых, естественных прав каждого человека, особенно права на *«жизнь, свободу и стремление к счастью и удовлетворению»*. Коллективное сопротивление разрешено оказывать тем правительствам, которые впоследствии нарушат эти права. Эти принципы, ведущие в американских условиях к республиканскому правлению без короля, Джефферсону и его готовым к сопротивлению коллегам в Континентальном конгрессе не надо было разрабатывать как радикальную идеологию против притязаний на господство короны и парламента, им нужно было только без ограничений применить на англичанах в Америке разработанные со времен революции 1688 года английскими вигами, сформулированные Джоном Локком и поддерживаемые с тех пор в оппозиционной литературе радикальных вигов в Англии представления о социальном договоре и осуществлении власти правительства во имя всеобщего блага.

В духе Просвещения Джефферсон как член законодательной власти Виргинии (1776—79) успешно провел отмену правил наследования, согласно которым право наследования имел только первый сын или его мужское потомство, и акт, закрепляющий порядок наследования земли без права отчуждения, которые препятствовали разделению плантаций между несколькими наследниками. Вместе со своим ближайшим политическим доверенным Джеймсом Мэдисоном он подготовил закон об отделении церкви от государства, который вступил в силу в 1786 году. Подробными природно-географическими и

политико-социальными описаниями Виргинии Джефферсон внес привлечший внимание европейских просветителей вклад в энциклопедическое освоение Нового Света. Эти «Заметки о штате Виргиния» (1785, 1787) содержали резкое осуждение рабства как противоестественной, безбожной и деспотичной системы, которая в одинаковой степени ослабляет и морально портит как рабов, так и их владельцев.

Пребывание в должности губернатора Виргинии в военные годы 1779–81 было для Джефферсона не столь успешным, так как омрачилось оккупацией штата британскими войсками и упреками в недостаточной самообороне и активности губернатора. Так, например, Джефферсон отказался предоставить континентальной армии конфискованных лошадей и рабов в качестве рабочей силы для строительства укрепительно-оборонительных сооружений в столице Ричмонд. Его неприятие энергичной исполнительной власти было принципиального характера. В своем проекте конституции для Виргинии в 1776 году он предложил, чтобы важные решения называемых «администраторами» руководителей исполнительной власти принимались только с согласия совета, состоявшего из 8 человек, и чтобы регулярная армия содержалась только в период острой угрозы войны.

После войны Джефферсон вновь представлял Виргинию в Конгрессе конфедераций и убедился в недостатках этой бессильной однопалатной законодательной власти, действующей без самостоятельной исполнительной власти и без доходов. Конгресс послал его в 1784 году в Париж как посла по особым делам, где в 1785 году он сменил Бенджамина Франклина на посту посланника. В этой роли Джефферсон приобрел опыт, который позже использовал в должности министра иностранных дел и президента. В эти годы укрепилось его негативное впечатление о Европе с ее нищетой больших городов и социальным неравенством и иерархией. Он проехал от Англии до Северной Италии. До своего возвращения в октябре 1789 года наблюдал зарождение французской револю-

ции и консультировал своего друга маркиза де Лафайета при разработке Декларации прав человека в Национальном собрании.

В 1790 году президент Вашингтон назначил Джефферсона первым министром иностранных дел в своем кабинете. Первый политический антагонизм к министру финансов Александру Гамильтону возник уже в 1791 году при попытке заставить британское правительство наконец освободить, согласно мирному договору от 1783 года, последние форты на северо-западной границе. Джефферсон выступал за бойкот импорта английских товаров, Гамильтон не хотел отказываться от доходов в виде пошлин на ввоз, и у Вашингтона настоял на своем. После того как Джефферсону не удалось убедить президента, что создание центрального банка Соединенных Штатов рискованно и противоречит конституции, он в 1793 году со скандалом ушел из кабинета. С 1792 года вместе с Мэдисоном, возглавляющим в палате представителей оппозиционную фракцию против экономической политики Гамильтона, организовал первую оппозиционную партию в американской истории партий. Чтобы предостеречь от возврата к монархии, сторонники Джефферсона стали называть себя республиканцами или демократами.

В результате выборов 1796 года Джефферсон стал вице-президентом федералиста Джона Адамса, так как процедура выборов, согласно конституции 1787 года, игнорирующей существование партий, предусматривала только один тур электоратов, установленных законодательными органами отдельных штатов. Кандидат, занявший второе место по количеству отданных за него голосов, автоматически становился вице-президентом. Джефферсон выполнял обязанности председателя сената и организовывал оппозицию. В противовес принятым в 1798 году большинством федералистов законам с целью запугивания оппозиционной прессы (*Акты об иностранцах и подрывной деятельности*) Джефферсон втайне составил резолюцию, утвержденную в ноябре 1798 года

законодательными органами Кентукки, которая объявляла федеральную конституцию государственным договором с правом выхода из него в любое время. Штат Кентукки потребовал для каждого законодательного органа отдельных штатов права самому решать, является ли федеральный закон противоречащим конституции и, тем самым, обязательным. Этот риторический роспуск союза не имел непосредственных последствий. Только законодательный орган Виргинии принял подобное — написанное Мэдисоном программное заявление, но не применял его ни к одному федеральному закону. Когда в 30-е годы XIX века обострился конфликт между югом и севером, то поборники широких прав отдельных штатов, особенно в Южной Каролине, ссылались на радикальную интерпретацию автономии отдельных штатов времен поколения основателей, как на прецедент.

Президентские выборы 1800 года были впервые организованы и публицистически подготовлены двумя партиями. Сторонники Джефферсона требовали отмены подавления свободы мнений вследствие законов об иностранцах и подрывной деятельности и снижения прямых налогов, из которых федералисты финансировали военно-морской флот. В конфликте интересов между социэкономическим высшим классом, который в предвыборной борьбе называли аристократами, и широким средним классом (средний разряд), крупный землевладелец Джефферсон предложил себя в качестве представителя большинства. Он отверг концентрацию власти на федеральном уровне, созданную федералистами. Одновременно он приписывал федералистам страх перед Англией и требовал решительных мер, чтобы помешать английскому военно-морскому флоту ущемлять матросов на американских торговых судах. В ответ партийные газеты федералистов называли Джефферсона безбожником, франкофилом, терпящим якобинцев и господство террора, избрание которого приведет Америку к анархии.

В палате представителей и сенате сторонники Джефферсона добились большинства. В выборной коллегии Джефферсон и ньюйоркец Эрон Бурр, намечавшийся на пост вице-президента, получили по 73 голоса, на Джона Адамса, кандидата федералистов, пришлось 65 голосов. На случай равенства голосов конституция предусматривала голосование существующей на данное время, т. е. находящейся в руках федералистов, палаты представителей, члены которой в этом случае должны голосовать не индивидуально, а по штатам. Джефферсон получил необходимое большинство голосов только в 36 туре благодаря вмешательству в его пользу своего заклятого соперника Александра Гамильтона, который ожидал меньше вреда от преуспевающего Джефферсона, чем от опасно амбициозного и непредсказуемого Бурра. Чтобы избежать осложнений 1801 года, 12-я поправка к конституции предписывала с 1804 года отдельное голосование за президента и вице-президента. С этих пор партия большинства может провести своих кандидатов на обе должности.

Выборы президента и Конгресса в 1800 году Джефферсон с удовольствием назвал *«революцией»*, потому что сменил в Белом доме федералиста Джона Адамса, а его друзья по партии утвердили большинство в палате представителей и в сенате. Правильно то, что Джефферсон как первый партийный вождь, почти в современном смысле этого слова, провел мирным путем смену власти на федеральном уровне. При этом были соблюдены правила новой федеральной конституции и не потребовалось революции в смысле насильственного переворота, чтобы провести смену персонала и изменить программное направление федерального правительства.

Несмотря на противоположную по смыслу риторику федералистов в предвыборной борьбе, правительственная система федеральной республики нового типа оказалась дееспособной и при президенте Джефферсоне. Речь Джефферсона при вступлении в должность 4 марта 1801 года — первая в строящейся столице на Потомаке — стала образцом жеста примирения после оскорбительной

предвыборной борьбы. Расхождения мнений в предвыборной борьбе, утверждал Джефферсон, не носят принципиального характера, так как ни республиканская форма правления, ни союз серьезно не подвергались опасности: *«Мы все республиканцы, мы все федералисты»*. Для успокоения побежденных он даже ограничил решающий принцип большинства: *«Воля большинства должна осуществляться во всех случаях, но чтобы эта воля была законной, она должна быть разумной. Меньшинство тоже имеет свои права, и законодательство и правосудие должны их защищать»*. Политическая нетерпимость может быть так же вредной для Америки, как и религиозная. В той части речи, которая была посвящена внешнеполитическим вопросам, Джефферсон поблагодарил провидение за ширину Атлантического океана, которая защищает Америку от смуты в Европе, и за пространство для поселения, которое будет находиться в распоряжении тысячи будущих поколений. Его целью является *«мир, торговля и честная дружба со всеми нациями, но не втягивающие нас в осложнения союзы»*. Этот отказ от чреватых последствиями альянсов с европейскими державами стал боевым кличем американских изоляционистов по наши дни. В экономической политике Джефферсон провозгласил общую экономию и выплату всех государственных долгов, оставленных федералистами. Будет оказано содействие развитию сельского хозяйства и *«его служанке торговле»* — удивительно четко выраженное подчинение, которое давало понять, что Джефферсон хотел прекратить оказываемую федералистами во главе с Гамильтоном поддержку интересов капиталистов и организаторов трансатлантической торговли и ранней индустриализации в Новой Англии, Нью-Йорке и Пенсильвании. За это он обещал больше поддерживать фермеров, заинтересованных в дешевой земле на юге и западе и в выгодных кредитах. Предположительно независимого и ответственного за себя крестьянина на своем клочке земли, среднего фермера, Джефферсон считал той формой жизни, к которой следует

стремиться, которая лучше всего сочетается с республиканской формой правления и достижима для каждого трудолюбивого человека в Америке.

В знак своей связи с народом Джефферсон в 1801 году пешком шел на церемонию введения в должность — высокий неуклюжий мужчина с песочного цвета волосами, который даже в торжественных случаях больше не носил парика. Он отказался от четверки лошадей с эскортом в ливреях и охотнее ездил верхом на лошади по городу один с охраной. Он не зачитывал больше на торжественных собраниях своего предписанного конституцией послания к Конгрессу, чтобы избежать аналогий с тронной речью короля перед парламентом Вестминстера и потому, что был плохим оратором, а отсылал его по почте — практика, сохранявшаяся до 1913 года. Частые застолья в президентском доме славились непринужденностью Джефферсона и оживленными беседами по всем областям науки, а не только из-за французской кухни, которую позволял себе вдовец. В этом кругу он объявил табу на партийно-политические темы и тем успешнее использовал свое гостеприимство для создания атмосферы доверия.

Руководителями шести министерств Джефферсон назначил компетентных и опытных в государственной службе активистов своей партии. С Джеймсом Мэдисоном (министр иностранных дел) и швейцарцем Альбертом Галлатином из Филадельфии он сотрудничал столь тесно, что некоторые историки говорят о триумvirате, по крайней мере на начальном этапе. Военный министр и министр юстиции были родом из Массачусетса и Мэна, министр почты — из Коннектикута, а министр военноморского флота — из Мериленда. Нью-Йорк довольствовался постом вице-президента. Распределение высших федеральных должностей и должностей в исполнительных органах власти впредь было немыслимо без учета региональной пропорции.

Джефферсон не поддался призыву уволить всех федералистов с доходных должностей федеральной бюро-

кратии. Тем не менее он многие годы целенаправленно использовал право на служебное покровительство, предоставленное ему вместе с большинством в сенате, для вознаграждения сторонников своей партии. К концу его второго правления почти три четверти административных должностей союза были заняты последователями Джефферсона. Но федеральная бюрократия стояла еще у истоков. Например, в департаменте Мэдисона в 1801 году было 9 канцелярских работников, а к 1821 году их число возросло до 14. Джефферсон не мог допустить, чтобы общественное мнение о нем создал случай или критическая пресса федералистов. Он и его последователи поддерживали многочисленные партийные газеты даже в провинциальных городках. В Вашингтоне доверенный Джефферсона издал с октября 1800 года *National Intelligencer and Washington Advertiser* (Национальный информатор и Вашингтонская газета с объявлениями). Он получал подлинные тексты о предстоящих инициативах и заключения президента о внешне- и внутриполитическом состоянии дел для анонимной публикации и сообщал о дебатах в палате представителей и в сенате.

Внешнеполитическое решение Джефферсона, имеющее самые большие последствия, привело в 1803 году к удвоению территории США и показало, что в кризисных ситуациях он вполне обладает решимостью высшего представителя национальных интересов. Когда он узнал о тайном договоре, в котором в 1800 году Испания возвращала французской Директории Наполеона землю, называемую «Луизиана» и нечетко определенную между Миссисипи и водоразделом Скалистых гор, Мексиканским заливом и истоками Миссури (Франция передала ее Испании в 1762 году), он в указаниях своему посланнику в Париже бескомпромиссно сформулировал американский национальный интерес: «Есть одно место на земном шаре, чьи владельцы являются нашими естественными и постоянными врагами. Это Новый Орлеан, через который вынуждены искать путь к рынку урожаи и изделия трех восьмых нашей территории... Франция в

роли контролера этих ворот является вызовом; Испания, не поднимая шума, могла бы сохранять их долгие годы... Никакое другое развитие, начиная с революционной войны, не вызывало во всем организме нации более неприятные чувства» (18 апреля 1802 года Роберту Р. Ливингстону).

Оценка Джефферсона соответствовала настроениям среди фермеров западнее Аппалачей. Но к успеху привел не угрожающий жест Джефферсона, а желтая лихорадка, уничтожившая большую часть французских войск, которые должны были подавить восстание рабов и мулатов под предводительством Туссен-Лувертюра против колониального господства французов на острове Эспаньола. Исходя из реальности, Наполеон оставил надежду распространить свое господство еще и на колониальную империю в Северной Америке и предложил посредникам Джефферсона, которые приехали в Париж с заданием купить портовый город Новый Орлеан и Западную Флориду, 11 апреля 1803 года купить всю Луизиану за 80 миллионов франков (в то время около 15 миллионов долларов). Американский посланник и посол по особым делам Джеймс Монро, ставший впоследствии президентом, не имея возможности запросить Вашингтон, сразу ухватились за это предложение. Джефферсон, имея некоторые сомнения, все же обосновал непредусмотренное конституцией расширение территории государства, осуществленное исполнительной властью, чрезвычайностью ситуации. Сенат одобрил текст договора 20 октября 1803 года с результатом голосования 24 против 7. А 20 декабря 1803 года над Новым Орлеаном был вывешен звездный флаг. Кошмар действенного французского или английского колониального господства в долине Миссисипи был позади.

Чтобы исследовать неизвестные европейцам земли потенциально стратегического значения между верхним течением Миссури и побережьем Тихого океана, Джефферсон тайно, еще до договора с Наполеоном, подготовил естественнонаучную экспедицию под руководством Ме-

риуэтера Луиса и Уильяма Кларка через Скалистые горы и заставил Конгресс финансировать ее. *Экспедиция Луиса и Кларка*, состоявшая из почти 50 человек (1803—06), к большому удовольствию Джефферсона, подтвердила возможность сухопутного маршрута для американских торговцев пушниной и переселенцев до побережья Тихого океана в сегодняшнем Орегоне.

Открытие западных земель по ту сторону Миссисипи было, по мнению Джефферсона, важно для Америки еще и потому, что он надеялся на мирное пространственное разделение рас. Он не мог себе представить длительное тесное сосуществование свободных афро-американцев и евро-американцев в одном обществе. В своих письмах выразил симпатии этнолога к маленьким объединениям коренных жителей, живущим по-деревенски, но как президент не видел будущего для примерно 70 000 индейцев, живущих к востоку от Миссисипи. *«Это в их собственных интересах уступить землю Соединенным Штатам, — заявлял он, — а в наших интересах предоставлять время от времени новую землю гражданам»*. Индейцы должны были стать гражданами и заниматься интенсивными формами сельского хозяйства. В 1806 году президент назначил суперинтенданта для торговли индейцев и подписал вместе со своим преемником Мэдисоном 53 договора с племенами об уступке земли. Таким образом, приобретенную землю федеральное правительство продавало фермерам, живущим на границе, по цене менее двух долларов за акр. Внешнеполитическое осложнение редкого свойства Джефферсон разрешил силой оружия: когда паша Триполи в 1801 году захотел в очередной раз выжать у американских торговых судов у африканского побережья деньги для защиты от нападений пиратов, Джефферсон как главнокомандующий успешно применил военно-морской флот (Триполитанская война 1801—05 гг.). Но только в 1816 году были прекращены выплаты дани по той же причине властителям Марокко, Алжира и Туниса.

Польза, принесенная даже небольшим количеством военных судов, не повлияла на общее неприятие военных расходов Джефферсоном. Расходы на армию и военно-морской флот были резко сокращены соответственно программе республиканской партии, а федеральные долги, следуя настоянию министра финансов Альберта Галлатина, были покрыты пошлинами на ввоз и выручкой от продажи федеральных земель на западе, нужно сказать, к большому удовлетворению экономного отца страны.

Самая большая задача политики внутреннего развития к 1800 году состояла в надрегиональном расширении дорог и водных путей. Экономическое развитие и государственная прочность зависели от этих инвестиций. Предоставление государственных средств определенным регионам было, естественно, спорным, так как оно равнялось предоставлению шансов и увеличивало возможность вмешательства федерального правительства на местах. Джефферсон отстранился, однако, от проблемы инфраструктурной программы, ссылаясь на конституционно-правовые сомнения, и предоставил ее отдельным штатам, хотя министр финансов Галлатин еще раз обобщил и опубликовал все аргументы в пользу роли федерального правительства как примирителя региональных интересов (Отчет о дорогах и каналах, 1808 г.).

Исторически важное конституционно-правовое перемещение власти в ущерб институту президентов и Конгресса произошло в 1803 году, когда Верховный федеральный судья, известный федералист Джон Маршалл, в изложении мотивов суда при вынесении приговора заявил, что федеральная конституция предоставляет, в случае необходимости, Верховному федеральному суду последнее решение о конституционности принятого Конгрессом и президентом закона (Дело Марбери против Мэдисона). Так как приговор не потребовал от президента дальнейших действий и отказал в иске на вручение верительных грамот незначительному мировому суду, то Джефферсон позволил себе игнорировать значение

решения как прецедента и продолжал настаивать на том, что президент также может признавать конституционность законов. Он ненавидел не только лично Маршалла, но и всю судебную власть, которую президент Адамс и господствующие в сенате федералисты наполнили в 1801 году, в конце их пребывания в должности, сторонниками своей партии.

Положительный для института президентов прецедент для сохранения разделения власти Джефферсон создал в связи с процессом против своего бывшего вице-президента, обвиняемого в измене. После того как Бурр в 1804 году убил на дуэли Александра Гамильтона, он бежал от уголовного преследования на границу и попытался, одержимый болезненным честолюбием, вооружить и настроить наемных солдат от Кентукки до Луизианы на отделение областей на Миссисипи как от США, так и от испанской Мексики. После длительных колебаний Джефферсон в ноябре 1806 года потребовал наказания Бурра за измену родине. Когда федеральный суд Виргинии в Ричмонде под председательством Джона Маршалла в 1807 году вызвал президента под угрозой наказания и потребовал предъявить определенные документы, Джефферсон отказался отвечать на вопросы, хотя и желал, чтобы Бурр был наказан. Ценой за отказ президента подчиниться судебной власти было оправдание Бурра, которое судья Маршалл обосновал спорностью узкого определения понятия *измена*. Биографы Маршалла, напротив, особо акцентируют сохранение им независимости юстиции перед лицом политических мотивов обвинительных органов, подчиненных президенту (Процесс Соединенные Штаты против Бурра, 1807 г.).

За время пребывания в должности президента (1805–09) Джефферсон не предпринял ничего явного против расширения мануфактур и против введенного Гамильтоном банка Соединенных Штатов, лицензия которого была действительна до 1811 года. Как ирония судьбы, торговое эмбарго против Англии вызвало даже ускорение ранней индустриализации, особенно хлопча-

тобумажных и шерстяных прядильных фабрик и ткацкого производства Новой Англии. В хозяйственно-политической части своего последнего ежегодного обращения к Конгрессу в ноябре 1808 года Джефферсон признал, наконец, полезность все более механизированных мануфактур, требующих капиталовложений, и согласился с необходимостью выгодных налоговых условий и *«защитных пошлин»* для их дальнейшего развития. Расширение дорог, каналов и рек и государственное школьное образование он представил без большого нажима и детальных рекомендаций законодателям на местах как составные части *«большого фундамента благосостояния и прочности союза»*. В 1806 году Джефферсон активно участвовал в подготовке закона о прекращении легального ввоза рабов. Федеральные законодательные органы смогли пресечь импорт новых африканских рабов на основании конституционного компромисса от 1787 года только в 1808 году. Инициатива Джефферсона привела к тому, что закон вступил в силу точно 1 января 1808 года. Чтобы стимулировать соблюдение запрета, закон предоставлял отдельному штату, который захватил игнорирующее запрет судно с порабощенными африканцами, само судно и его груз.

Вновь вспыхнувшие в 1803 году наполеоновские войны так мешали американскому торговому флоту на Атлантическом океане и в европейских портах, что защита торговых прав стала первоочередной внешнеполитической задачей «нейтрала» Джефферсона во время его второго срока пребывания в должности президента. С 1805 года превосходящий британский военный флот не захотел больше терпеть доходные рейсы американских судов между французскими Карибскими островами и Францией и начал в большом количестве конфисковывать американские торговые суда и их грузы на Атлантическом океане и принуждать матросов к службе, как якобы сбежавших из английского военно-морского флота. В ответ на это Джефферсон пригрозил Англии запретом на ввоз отборных английских товаров, начиная от шерстя-

ных тканей и заканчивая кухонной посудой. В 1806 году он направил в Лондон посла по особым делам, который вернулся с таким ничего не говорящим проектом договора, что Джефферсон не решился предоставить его сенату для ратификации. Английская блокада французских и других портов на континенте и французская блокада английских портов преградили путь нейтральным американским торговым судам. Джефферсон был вынужден признать свое бессилие и бессилие всех американцев, мечтающих об автаркии (независимости от импорта) и свободной мировой торговле.

Отчаявшись, Джефферсон предложил Конгрессу тотальный запрет на ввоз и вывоз на море и на суше, который, несмотря на сопротивление федералистов, прежде всего в портовых городах Новой Англии и в Нью-Йорке, был утвержден 22 декабря 1807 года. Самоналоженный торговый бойкот оказался самой большой ошибкой Джефферсона. На партии в Европе, ведущие войну, это не произвело большого впечатления, так как быстро нашлась замена для американских товаров и транспортных услуг. Контрабанда с канадскими провинциями Англии приобрела в 1808 году такие размеры, что президент объявил пограничный район вокруг озера Шамплейн, прилегающий к Нью-Йорку, находящимся в состоянии мятежа. Крах политики эмбарго Джефферсон признал в конце срока своего пребывания в должности законом о торговле от 1 марта 1809 года, который заменил тотальный бойкот торговли целенаправленным закрытием британских и французских портов для американских торговых судов. Но он также оказался неэффективным.

В декабре 1807 года Джефферсон предусмотрительно объявил, что не будет выставлять свою кандидатуру на третий срок. Это решение, принятое из уважения к двум срокам пребывания в должности Вашингтона, стало традицией до 1940 года. Несмотря на потерпевшую неудачу внешнюю политику, Джефферсон не оставил после себя ослабленный институт президентов. Наоборот, предвы-

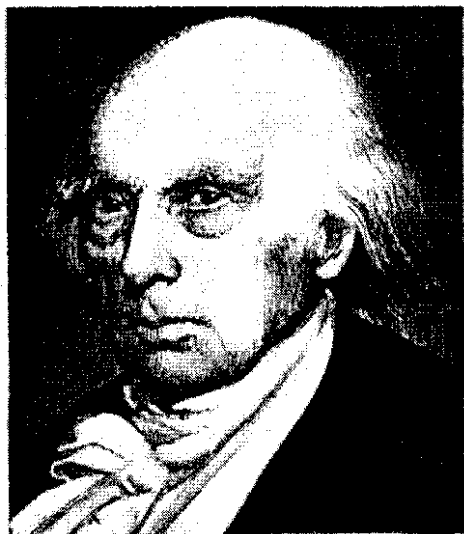
борные опасения федералистов в 1800 году оказались необоснованными. Оппозиционная партия не должна была заканчивать свою деятельность подрывом правительственной системы, а могла стать после мирной смены власти стойким и солидным носителем системы. Вождь партии меньшинства оказался разумным выбором для должности главы государства и дееспособным партнером большинства в палате представителей и в сенате. Джефферсон был первым президентом, который осуществил смену ролей от вождя оппозиции до главы правительства. Самое позднее с 1800 года определение на должность президента происходило путем не прямых свободных выборов, на которые кандидаты выдвигались партийными организациями и в которых участвовала значительная часть мужского белого населения. Риторически Джефферсон в своей речи при вступлении в должность поклялся в надпартийной функции президента как главы государства. Как шеф правительства он, однако, должен был, в случае необходимости, опираться на свою партийную базу. Опыт Джефферсона доказал, что после 1800 года американский президент не мог больше становиться в позу независимого, просвещенного, стоящего над партиями монарха на века. Он должен был постоянно пытаться мобилизовать как можно больше одобрения своим действиям. Находясь уже в отставке, Джефферсон объяснял в 1810 году одному из своих молодых родственников: «В системе правления, как наша, тот, кто занимает высочайший пост, обязан применить все добропорядочные средства, чтобы объединить в своем лице доверие всего народа и добиться всех добрых целей, как того требует от него его должность. Особенно в случаях, которые требуют энергии всей нации, только так можно связать и направить на цель все силы общества, как будто они все есть одно тело и один дух. Только это одно может сделать нацию столь сильной, что более сильная нация не сможет ее завоевать» (Письмо Джону Гарланду Джефферсону от 25 января 1810 г.).

Старость Джефферсон провел в своем поместье Монтичелло, посвящая время переписке, советам и сочинению оправдательных писем, потоку посетителей, основанию университета Виргинии в близлежащем Шарлоттвиле и обременительным ежедневным обязанностям увязшего в долгах плантатора. Он умер в возрасте 83 лет 4 июля 1826 года, в тот же день, что и Джон Адамс, в день 50-летия Декларации независимости, и современники с патриотически-благоговейной дрожью отметили: время отцов-основателей окончательно прошло.

Вилли Пауль Адамс

ДЖЕЙМС МЭДИСОН 1809–1817

*Отец конституции как партийный политик,
член парламента, глава правительства
и главнокомандующий*

James Madison

Когда президент Джеймс Мэдисон обосновывал 1 июня 1812 года перед Конгрессом свое предложение объявить войну Англии, то все перечисленные нарушения американских интересов в целом расценил как неуважение

суверенитета Соединенных Штатов как независимой нации. Обращаясь к прошлому, он объяснял в 1827 году решение объявить войну в 1812 году как выбор между «войной и унижением» (письмо Генри Уитону от 26.2.1827). Его современники знали, что это означает: он видел, что дело его жизни находится в опасности. Мэдисон с полным правом идентифицировал свой жизненный путь с 1774 года с созданием американского национального государства. Немногие так активно и на таких ответственных постах, как он, содействовали сплочению тринадцати готовых к сопротивлению и своенравных колоний в федеративное государство нового типа. Никто не может с таким же основанием претендовать на звание «отца конституции». Сплочение рвущихся в 1787 году в разные стороны отдельных штатов и регионов в составе союза, созданного с большими трудностями, осталось сильнейшим мотивом политической жизни Мэдисона на всю его жизнь. Нерешенный исход войны против Великобритании означал для него окончательное подтверждение независимости.

Общественный фон и социоэкономические основы Мэдисона были такими же, как и у его предшественника Джефферсона. Его родители происходили из семей крупных землевладельцев, давно живущих в Виргинии. Как состоятельные пионеры, они поселились в западных предгорьях Голубых гор, где плодородная земля прекрасно подходила для возделывания табака с помощью нескольких десятков рабов. Здесь родился Джеймс в 1751 году как старший среди своих одиннадцати братьев и сестер. Имея право на наследование плантации, которую обрабатывали его отец и младший брат, потребовал лишь содержания, так как государственные должности приносили ему больше расходов, чем доходов, пока он как президент не стал, наконец, зарабатывать 25 000 долларов в год. Неразделенная семейная плантация Мэдисона Монпелье была к 1800 году самой большой в округе и насчитывала около 10 000 акров и более 100 рабов. В связи с упадком табаководства в этом регионе Мэдисон,

как и Джефферсон, не мог выплатить долги, отягощавшие плантацию, и освободить своих рабов.

После нескольких лет частных уроков на плантации родителей и пяти лет в интернате он в возрасте 18 лет отправился в 1769 году на север в колледж Нью-Джерси, сегодняшний Принстон, президент которого уделял большое внимание ознакомлению с идеями шотландского Просвещения. После четырех успешных лет в 1773 году, год «Бостонского чаепития», возвратился в родительский дом без ясных представлений о своей будущей профессии и в стиле сельского дворянина занялся различными исследованиями. В отличие от многих коллег у него не было адвокатского образования, возможно, потому что его современники часто говорили о слабости конституции.

На свою первую государственную должность он был выбран в возрасте 23 лет, когда в 1774 году округ Ориндж учредил нелегальный комитет для координации сопротивления против ужесточающегося колониального господства Великобритании. В июне 1776 года Мэдисон представлял свой округ в революционном Конгрессе, который ввел в силу эпохальную декларацию основных прав и первую республиканскую конституцию Виргинии, еще до того, как Континентальный конгресс провозгласил независимость. В предвыборной борьбе за место в новой палате депутатов Виргинии в 1777 году Мэдисон проиграл, якобы потому, что отказался выставить традиционную бочку водки гражданам, не побоявшимся трудностей пути к избирательному участку. Вместо этого законодательные органы выбрали его на два года в совет губернатора Виргинии (1777—1779) и потом послали до 1783 года, а позже еще раз в 1786—88 гг. в Конгресс конфедераций. Мэдисон безуспешно предлагал Конгрессу создать источник доходов, независимый от добровольных платежей отдельных штатов. Разочарованный медлительностью и некомпетентностью Конгресса конфедераций перед лицом настоятельных потребностей войны и ее финансирования, он в 1783 году вернулся в Виргинию.

Избиратели его округа вновь послали его в 1783–86 гг. в палату депутатов Виргинии, где в 1786 году, несмотря на ожесточенное сопротивление представителей популистских настроений, он добился закона о свободе религии и отделении церкви от государства, что являлось основой американского Просвещения.

Как делегат Виргинии на торговой конференции в Аннаполисе в 1786 году Мэдисон вместе с другими сторонниками реформы конституции содействовал созыву конституционного конвента в Филадельфии и был направлен туда как делегат Виргинии. В неопубликованном манускрипте *«Пороки политической системы Соединенных Штатов»* Мэдисон анализировал в 1787 году, еще до созыва конвента, причины несостоятельности Статей конфедераций и одновременно указывал на шансы, предоставляемые принципом представительства государству с большой территорией и различными по интересам группировками — представление, возможно, сформированное чтением Дэвида Юма.

Спокойный, настойчивый и целеустремленный Мэдисон добился в Филадельфии доверия многих делегатов и смог сыграть роль посредника между региональными и конституционно-политическими позициями в пользу нового, более сильного федерального правительства. Так как палата депутатов Виргинии вновь командировала его в Конгресс конфедераций, то в 1787–88 гг. он был в Нью-Йорке и смог помогать ньюйоркцу Александру Гамильтону и Джону Джею в сенсационной серии, состоящей из 85 газетных статей, агитировать за ратификацию конституции в государстве, где до этого доминировали критики более сильного централизованного правительства. Собрание этих подписанных псевдонимом *«Публиус»* эссе появилось в виде книги под названием *«Федералист»* своевременно перед выборами в Нью-Йоркский конвент по ратификации. 10-я статья *«Федералиста»*, написанная Мэдисоном, и сегодня еще оценивается как одна из первых концепций современного плюрализма группировок. Мэдисон называл принцип

представительства жизненным нервом республиканской формы правления и утверждал, что применение федеративного принципа позволит создать обширную, простирающуюся далеко на запад республиканскую государственность. Серия статей в целом считается подлинным комментарием к конституции поколения основателей.

Летом 1788 года Мэдисон был выбран округом Ориндж в ратификационный конвент Виргинии, где срочно требовались его настойчивость и убежденность, которые способствовали успеху сторонников конституции. В первой палате представителей Соединенных Штатов он выполнял обещание, данное противникам конституции, и готовил первые десять изменений к конституции, которые в 1791 году вступили в силу как *Билль о правах*. Мэдисон принадлежал к палате представителей до 1797 года и как выразитель мнения критиков политико-экономической программы Гамильтона основал вместе с Джефферсоном оппозиционную партию республиканцев. Президент Джефферсон назначил близкого политического соратника с 1801 по 1809 год министром иностранных дел в своем кабинете и тесно сотрудничал с ним. С тех пор больше не было такого гармоничного отношения между президентом и министром иностранных дел.

Избранию Джеймса Мэдисона президентом в 1808 году предшествовало первое в истории президентства открыто оспариваемое внутри партии выдвижение кандидата. Хотя Мэдисон ни разу не выступил публично с предвыборной речью в более позднем смысле этого слова, но его политические друзья, прежде всего Джефферсон, в результате длительнейших уговоров добились голосования электоратов. Одно из внутрипартийных соглашений касалось уступки нью-йоркским друзьям по партии должности вице-президента для уже неспособного к исполнению обязанностей 60-летнего Джорджа Клинтона, которого в 1812 году сменил более компетентный Элбридж Герри из Массачусетса. Самой важной темой в обсуждениях были проявившаяся в 1808 году внешнеполитическая неэффективность и экономический ущерб бойкота торговли 1807

года, а также заменяющие их мероприятия. Многие американцы страдали от падения цен на не экспортируемые больше легально продукты сельского хозяйства, особенно на пшеницу, кукурузу, хлопок, шерсть и рыбу. Судовладельцы Нью-Йорка и Новой Англии требовали срочного возобновления торгового судоходства. Однако в своей речи при вступлении в должность 4 марта 1809 года Мэдисон остановился на испытанных пунктах республиканской программы, включая экономное правление и, в случаях конфликта, строгую интерпретацию конституции в пользу полномочий отдельных штатов (пока они не угрожают федеративному государству). Новым было предложение Мэдисона предоставить индейским племенам большую помощь и подготовить их к жизни «в цивилизации». Однако эту мысль он не разработал в детализированную программу интеграции индейцев. Мэдисон разделял убеждение Джефферсона в высокой ценности сельского хозяйства как формы жизни и производства, однако в ходе своего президентства признал, что сосуществование различных группировок, также заинтересованных в торговле и мануфактурах, составляет стабильность Соединенных Штатов, которые, по всей видимости, будут еще расширяться. Не будучи приверженцем романтизированного республиканизма независимых от импорта мелких крестьян, он хотел держать открытым мировой рынок для американских продуктов или открыть его.

В доме президента начались новые, оживленные приемы гостей, которые его статная, веселая жена Долли Пейн, вдовствующая Тодд, любила организовывать. Она занималась завершением и отделкой президентского дома и разбивкой сада, устраивала званые вечера по средам, заказывала свои аксессуары в Париже и настояла на четверке лошадей для поездок в гости в своей новой роли. Она умела соединять европейский вкус с республиканской уверенностью в себе. Долли Мэдисон считалась первой First Lady в истории американского президентства, хотя понятие стало обычным гораздо позже.

Несмотря на то, что брак был бездетным, в доме президента редко жили менее двадцати родственников, среди них и дети от первого брака со своими семьями, и друзьями. После смерти мужа она в 1840 году позаботилась об опубликовании его исторически невосполнимых записей дебатов конституционного конвента 1787 года.

Многочисленные посетители описывали 58-летнего президента маленьким и слабым, с залысинами на лбу и голосом, совершенно не подходившим для публичных речей. Дипломаты после бесед с ним отмечали недостаток шарма, но и необычайную интеллектуальную остроту. Его личность заставила уже современников поверить в то, что он стремился на должность президента не из жажды власти, а из чувства долга, в связи с тем, что как ведущий член палаты представителей понял в борьбе против министра финансов Гамильтона, насколько сильны могут быть исходящие от президента импульсы, даже и для законодательства.

При формировании кабинета Мэдисон слишком принял в расчет внутрипартийных критиков в сенате и региональную пропорцию, так что приобрел только посредственных членов кабинета, за исключением оставшегося в министерстве финансов Галлатина. В министерстве иностранных дел несостоятельным оказался Роберт Смит из Мериленда, занимающийся навязанной ему, нелояльной и самовольной дипломатией в пользу Англии, так что президент стал еще и министром иностранных дел, пока, наконец, в 1811 году не привлек к должности Джеймса Монро, губернатора Виргинии.

Мэдисон показал себя как президента, готового к экспансии, когда в октябре 1810 года объявил об аннексии принадлежавшей до этого Испании западной Флориды, после того как американские повстанцы захватили испанский форт Батон Руж и без лишних церемоний провозгласили республику Западная Флорида. В январе 1811 года он также односторонне осуществил американское притязание на восточную Флориду.

Великобритания, напротив, оказалась противником, раздражающим и трудно поддающимся влиянию, так что в конце концов в октябре 1811 года Мэдисон решил-ся на войну как на последнее средство политики. Закон несношения от 1807 года, задуманный как средство на-жима в руках президента против британской и француз-ской блокады судоходства, оказался плохим оружием. Министр финансов Галлатин советовал начать подготовку к войне. Конгресс был расколот. Мэдисон отказался от активного формирования мнения в законодательных орга-нах и от активной программы вооружения.

23 мая 1812 года Мэдисон получил сообщение британ-ского министра иностранных дел Кестльри от 10 апреля, что британское правительство не будет односторонне от-менять блокаду европейских портов. Так как Наполеон также продолжал блокаду британских портов, то Соеди-ненные Штаты могли бы только теоретически объявить войну обеим европейским державам. От морской держа-вы Англии исходила, однако, более обширная угроза. 1 июня Мэдисон предъявил Конгрессу обоснование обя-зательства войны: Великобритания ведет себя враждебно по отношению к США как к *«независимой и нейтраль-ной нации»*. Конфискация торговых судов, похищение *«тысяч»* американских матросов и подстрекательство ин-дейских племен является преступлением. Голосование, проходившее с однозначным большинством в пользу обя-зательства войны в палате представителей (79:49) и в сена-те (19:13), не обошлось без ожесточенных дебатов. На выборы Конгресса 1811 года с Юга и Запада в Вашинг-тон был направлен ряд настроенных на войну депутатов — *«война соколов»*. Комиссия по иностранным делам сена-та обосновала свое одобрение пленуму патриотическим призывом, гласившим, что американцы должны теперь вновь защищать унаследованную свободу от Англии. Конгресс заседал за закрытыми дверями, без посетите-лей, без прессы. Противники объявления войны, как Джон Рэндольф из Виргинии, предостерегали от плохо подготовленного хода вооружения *«без денег, без сол-*

дат, без военно-морского флота... и без мужества поднять военные налоги». 19 июня Мэдисон объявил состояние войны с Великобританией.

Когда вскоре неожиданно поступило известие о решении британского правительства отменить блокаду, Мэдисон предложил начать переговоры о перемирии. Он потребовал прекратить принуждение матросов, освободить похищенных американцев, возместить ущерб за захваченные американские суда и отменить блокаду европейских портов для нейтральных торговых судов. 29 августа 1812 года британское правительство отклонило эти условия, и война пошла своим чередом.

Роспуск банка Соединенных Штатов оказался невыгодным. Очередное в 1811 году продление законной основы банка было отклонено Конгрессом вопреки предложению министра финансов Галлатина и несколько ненастойчиво выраженному желанию президента. Только опыт войны побудил Мэдисона добиться в 1816 году возобновления банковской концессии. Военный министр и министр иностранных дел оказались некомпетентными. Военному министру Джону Армстронгу Мэдисон дал распоряжение после ряда его самовольных действий получать согласие президента для *«общих приказов»* в армии и обсуждать с губернаторами применение милиции, процессы военного трибунала, назначение и увольнение офицеров, создание военных округов и договоры с индейскими племенами. Таким образом, он был первым президентом, который вел объявленную войну и определил значительную часть компетенций главнокомандующего, выходящих за рамки стратегических решений. Но в силу характера даже это его не удовлетворяло.

Широким фронтом шел отказ от войны в Новой Англии и центральных штатах. Это проявилось в голосовании выборной коллегии 2 декабря 1812 года по переизбранию Мэдисона. Он, правда, получил 128 голосов против 89, отданных кандидату от федералистов, но ни одного голоса из Новой Англии и средних штатов севернее Потомака (за исключением Вермонта и Пенсильвании).

Военные конфликты шли на трех фронтах: на северной границе с Канадой, на побережье Атлантического океана и в Мексиканском заливе, особенно в устье Миссисипи. Захват Квебека и Онтарио летом 1812 года должен был связать британские войска и принести вещественный залог для переговоров, не присоединяя Канаду к США. *«Мэдисон не хотел британской территории, — обобщил историк Роберт Рутленд военные цели Мэдисона, — никаких репатриаций, никакой капитуляции Англии... Он хотел от британского руководства признания, что Соединенные Штаты не зависимый дальний родственник, а суверенная держава».*

В апреле 1814 года Наполеон отрекся от престола. Мэдисон, не без основания, опасался перевода освободившихся британских частей в Северную Америку. 6 июня 1814 года Галлатин, бывший тогда парламентаром, сообщил ему из Гента о своем впечатлении, что британское правительство хочет наказать американцев за нападение на Англию и, возможно, потребует вернуть Луизиану Испании. Обеспокоенный Мэдисон и его кабинет решили 27 июня 1814 года отказаться от явного осуждения принуждения матросов в мирном договоре и принять состояние до войны за основу для переговоров. Но военные действия продолжались на всех фронтах и в августе 1814 года британские войска напали на столицу Вашингтон, не встречая сопротивления, и дотла сожгли резиденцию поспешно бежавшего президента, Капитолий и все министерства.

Лучше защищались портовые города Балтимор и Новый Орлеан. Под Новым Орлеаном генерал Эндрю Джексон, приобретший опыт в войнах с индейцами, нанес 8 января 1815 года сокрушительное поражение более чем 5 000 британских нападающих. Это была крупнейшая победа американцев на суше. Взрыв национального восторга явился незначительным для окончания войны, так как парламентары уже 24 декабря 1814 года подписали во фламандском городе Генте мирный договор. Президент прибыл в Вашингтон 14 февраля 1815 года, спустя

целую неделю после сообщения об успехе в Новом Орлеане. Он был доволен подтверждением статус-кво, потому что добился хотя бы одной скрытой цели войны: нерешенный ход войны с величайшей морской державой утверждал Соединенные Штаты, по крайней мере, как дееспособную нацию и серьезно воспринимаемый общественный строй на американском континенте.

В течение последних двух лет пребывания Мэдисона в должности сотрудничество между президентом и Конгрессом протекало без проблем. Мэдисон выступил за покровительственные пошлины в пользу отечественных мануфактур. Но оставался верен строгой интерпретации конституции. В последний день пребывания в должности отклонил еще один проект закона, который представлял 1,5 миллиона долларов на строительство дорог и каналов. Джефферсон мог вообще отказаться от применения вето, и политическая теория Мэдисона позволяла ожидать согласия с однозначной волей большинства в палате представителей и в сенате в этом вопросе. Но Мэдисон чувствовал себя обязанным соблюдать предписания конституции в духе деятелей 1787 года. Отец конституции использовал поэтому возможность для последнего наставления. В обосновании вето он писал, что перечисленные в конституции права Конгресса и в определенных ситуациях оправданная оговорка об их расширении не допускают этих федеральных расходов. Так же и ссылка на содействие *«всеобщему благу»* в преамбуле конституции не подтверждает этих расходов, ею не следует злоупотреблять, чтобы не сделать всемогущими законодателей федерации. Но упорядоченному изменению конституции, сказал он между строк, естественно, ничто не может помешать.

Мэдисону удалось еще провести на свою должность желанного преемника Джеймса Монро. Когда он, освобожденный от бремени должности, плыл 6 апреля 1817 года вместе со своей женой и домашним хозяйством на пароходе вниз по Потомаку к месту, где провел свою старость, то был, по словам одного из спутников, «счас-

тлив, как школьник, едущий на каникулы». Но и в отставке он принимал живое участие в конституционных вопросах. Он отклонил компромисс Миссури от 1820 года, потому что (правильно) опасался, что запрет рабовладения севернее нового штата Миссури позволит штатам, свободным от рабства, добиться долгосрочного перевеса в Конгрессе. С другой стороны, он не принял требования Южной Каролины односторонне оценивать конституционность какого-либо федерального закона. Сохранение союза осталось его политической путеводной нитью.

В вопросе, касающемся рабов, у него и в личной жизни не было четкой позиции. Он, однако, согласился, чтобы его выбрали председателем основанного в 1817 году Американского колонизационного общества, которое уже возвращало свободно отпущенных в Африку (к этому были готовы лишь немногие афро-американцы). Мэдисон желал республики, свободной от рабства, но идущие на убыль доходы его в конце концов обанкротившейся плантации табака препятствовали даже в том, чтобы он мог написать в своем завещании больше того, что рабы с его плантаций должны продаваться только с их собственного согласия и согласия его жены Долли.

В своем политическом завещании, кратком *«совете моей стране»* от 1834 года Мэдисон ограничился высказыванием: «Мой от всего сердца идущий совет и мое глубочайшее убеждение заключается в том, что союз штатов должен содержаться в порядке и сохраняться». С ним умер в 1836 году последний основатель нации.

Германн Велленройтер

ДЖЕЙМС МОНРО 1817–1825

Самопризнание нации

James Monroe

Джеймс Монро родился 28 апреля 1758 года в Вашингтон-Пэриш, округ Вестморленд, Виргиния, и был старшим сыном Спенса и Элизабет (урожденной Джоунс) Монро. В отличие от других влиятельных политиков Виргинии Монро рос не на большой, а на маленькой плантации в 500 акров. Своего отца называл «достой-

ным и порядочным гражданином». Сначала посещал частную школу пастора Арчибальда Кэмпбелла, а с 16 лет колледж Уильяма и Мери в Уильямсбурге, столице колонии. Студентом принял живое участие в политических конфликтах между колониями и метрополией. С началом революционных войн вступил в виргинский полк континентальной армии и в возрасте 18 лет получил свидетельство о производстве в чин офицера. Он отличался смелостью и к 1778 году дослужился до звания подполковника. Между 1780 и 1783 годами изучал юриспруденцию под руководством Томаса Джефферсона, с которым его до конца жизни связывала тесная личная дружба.

Политическая карьера Монро началась в 1782 году избранием его в палату депутатов Виргинии. В последующие годы его послали в Конгресс конфедераций, заседавший в Нью-Йорке, и в который он входил до 1786 года. После поездок в область Кентукки и будущих северо-западных территорий в 1784 и 1785 годах, где у него было обширное поместье, полученное во время революции в оплату службы в армии, он приобрел значительное влияние на разработку постановлений северо-западного муниципалитета, действуя как рупор находящегося в Париже Джефферсона. Без сомнения, он принадлежал к энергичным сторонникам быстрого, урегулированного освоения американского запада, способствовавшего также экономическому использованию его собственных земель. Этим объясняется его оппозиция переговорам Джона Джея с испанским посланником Дон Диего де Гардоки о торговом договоре с Испанией, который ставил под угрозу свободное судоходство по Миссисипи, завоеванное в Парижском мире 1783 года.

Наряду с интенсивной работой в Конгрессе конфедераций, которая познакомила Монро со всеми проблемами молодого союза, его многолетнее пребывание в Нью-Йорке имело последствия и для личной жизни. 16 февраля 1786 года Монро женился на Элизабет Котрайт, дочери когда-то состоятельного, но обедневшего вследствие ре-

люции плантатора Вест-Индий. Их первая дочь, названная именем матери, родилась в декабре того же года. Монро не был членом конституционного собрания в Филадельфии 1787 года, но как делегат конвента штата Виргиния принадлежал к противникам конституции, причем, возможно, и здесь важную роль играло его опасение, что будущее федеральное правительство пожертвует интересами запада для регионов побережья. В первых выборах в палату представителей Монро уступал Джеймсу Мэдисону, но уже в 1790 году законодательные органы Виргинии послали его сенатором в Вашингтон, где он оставался до своего назначения американским посланником во Франции четыре года спустя.

Его деятельность в Париже была не в последнюю очередь мало плодотворной потому, что его профранцузская позиция, правда, соответствовала позиции вице-президента Томаса Джефферсона и постепенно развивающейся республиканской партии, но резко контрастировала с нейтральным и даже сдержанным поведением президента Джорджа Вашингтона и его министра иностранных дел Эдмонда Рэндольфа. Это было неудивительно: в то время как Вашингтон, как и его преемник Джон Адамс, держался на расстоянии от революционной Франции, Монро, к этому времени уже один из видных лидеров республиканцев, пытался сохранить взаимное согласие между двумя странами. Преемник Рэндольфа Тимоти Микеринг отозвал Монро 29 июля 1796 года назад в Вашингтон, где защищал его в одном из писем. Резкие нападки политических противников не повредили политическому авторитету Монро ни в его партии, ни в Виргинии. Там он был в 1799 году выбран губернатором и занимал этот пост до 1802 года.

После избрания его друга Джефферсона третьим президентом Соединенных Штатов Монро вернулся в 1801 году в Вашингтон. Столица стала центром его политической деятельности до 1809 года. Политические миссии привели его в 1803 году снова в Париж, где он участвовал в переговорах Роберта Р. Ливингстона с француз-

ским правительством о покупке Луизианы, потом в Мадрид, где он безуспешно пытался добиться от Испании уступки восточной части Западной Флориды, и в Лондон, где вместе с Уильямом Пинкни в 1806 году без особого успеха пытался уладить резкие разногласия с бывшей метрополией. Результат был столь скудным, что президент Джефферсон, с согласия своего министра иностранных дел Джеймса Мэдисона, отказался представить договор сенату для одобрения ввиду отсутствия уступки англичан прекратить принудительное рекрутирование американских матросов.

Монро был так рассержен этим, что после возвращения в декабре 1807 года захотел продемонстрировать свою политическую позицию в Виргинии и не удержал сторонников в республиканской партии от выдвижения своей кандидатуры на пост президента против Джеймса Мэдисона, находящегося под покровительством Джефферсона. Он проиграл ему в 1808 году так же, как и в 1788 году. В выборной коллегии не получил ни одного голоса. Два года спустя снова был в палате депутатов Виргинии, а в январе 1811 года его опять выбрали губернатором. Одновременно удалось примирить Джефферсона, Мэдисона и Монро. В марте 1811 года президент назначил Монро новым министром иностранных дел вместо Роберта Смита.

Прежде всего отношения США и Англии определили деятельность Джеймса Монро как министра иностранных дел при Мэдисоне. В усилиях, предпринимаемых для улаживания острых проблем — ограничение американского судоходства и, прежде всего, требование англичан обыскивать в море американские суда в поисках бывших британских матросов и принудительно возвращать их на британскую службу — он разделял мнение Мэдисона и Джона Куинси Адамса, что престиж и интересы американской нации не могут допустить такой дискриминации. Соответствующие переговоры с британским правительством провалились, в мае 1812 года США объявили войну Англии. После увольнения Джона Армстрон-

га с поста военного министра эта должность была в 1814 году передана также Джеймсу Монро. Как военный министр он претендовал на заслугу в американских победах при Платтсбурге и Новом Орлеане. В конце концов не эти победы, а выгодный мир в Генте (ратифицирован 17 февраля 1815 года) усилил его политические позиции и придал вес притязаниям на должность президента.

Несмотря на широкую поддержку ведущих членов республиканской партии Виргинии и других штатов, Монро удалось лишь с небольшим перевесом, 65 против 54 голосов, победить Уильяма Крауфорда из Джорджии, министра финансов при Мэдисоне, на закрытом заседании Конгресса в марте 1816 года при обсуждении выдвижения кандидата в президенты от республиканской партии. Самих выборов президента Монро не боялся. Партия федералистов была безнадежно расколота, и у ее кандидата Руфуса Кинга, естественно, не было шансов. В выборной коллегии 4 декабря 1816 года за Монро проголосовали 183, за Руфуса Кинга только 34 человека.

В кругу президентов из Виргинии, Вашингтона, Джефферсона и Мэдисона, Джеймс Монро занимает странное двойственное положение. С Джорджем Вашингтоном Монро объединяет большая «приземленность», как и первый президент, он был сдержан, иногда чопорен и стремился к формальности. По образованию, культуре жизни и отточенной элегантности Джефферсон являлся, бесспорно, самой впечатляющей личностью в этом сиятельном кругу президентов. Но классическое образование Мэдисона во многом превосходило образование Вашингтона и Монро. Еще в одном отношении Монро стоял ближе к Вашингтону, чем к своему другу Джефферсону: в то время как последний активно старался создать политическую свиту, которая была бы едина в тесной связи с популистскими идеалами американской революции, Монро, как и Вашингтон, придерживался старых убеждений, что политик призван для служения обществу, но не должен для этого сам рваться вперед и тем более создавать себе круг приверженцев. Но, однако,

просматриваются также сходство с Джефферсоном и Мэдисоном, как и различия с Вашингтоном. Они коренятся в политике. Как для Джефферсона и Мэдисона, права отдельных штатов имели для Монро большое значение. Поэтому в 1787—88 гг. он принадлежал к противникам федеративной конституции, а как президент не мог решиться на либеральную интерпретацию конституции в ущерб компетенциям отдельных штатов. Как Джефферсон, он принадлежал к тем, кто понимал французскую революцию скорее как продолжение американской революции, чем как переворот и хаос. Будучи посланником в Париже, скрывал в своем доме Томаса Пейна. Одновременно разделял недоверие своего учителя к бывшей метрополии, недоверие, которое укрепилось на основе его собственного опыта во время пребывания в Англии.

Восьмилетнее президентство Джеймса Монро долгое время характеризовалось как *«эра доброго настроения»*. Это определение имеет в виду прежде всего то, что президентство Монро было отмечено отсутствием партийных споров. В действительности федералисты и республиканцы как организованные политические группировки — в исследованиях по-прежнему остается спорным, можно ли их действительно назвать партиями в современном смысле — потеряли свое значение, или точнее, растворились в группах политиков, которые сформировались вокруг отдельных выдающихся личностей, как Уильям Крауфорд или Джон Калхаун. В отдельных штатах, как Виргиния или Нью-Йорк, политическая жизнь определялась ожесточенно соперничающими фракциями. Ниже уровня официальной политики, которая отличалась вежливостью и публично проявляемой гармонией, это приводило к сильной раздробленности и ожесточенному соперничеству, еще больше обострившимся во время пребывания Монро в должности президента в результате начавшихся в секциях противоречий в вопросах пошлин и рабовладения.

Перед лицом такого развития Монро вел себя пассивно: убежденный в том, что президент должен стоять над

политическими партиями, личными ссорами и фракциями, он не осуществлял энергичного политического руководства. Не мог препятствовать расколу на фракции и соперничеству, которые проникали и в его кабинет. В конце его президентства страна разрывалась основными проблемами политического и общественного сосуществования.

Четыре большие темы определяли восьмилетнее президентство Джеймса Монро: во внешней политике отношения с европейскими державами и их колониальные притязания, особенно в Латинской Америке, внутри страны — проблемы, связанные с рабовладением, и разногласия по внешним пошлинам, потом вопрос конституционности расширения общественной транспортной системы и инфраструктуры страны в целом. В самом начале пребывания на посту президента Монро столкнулся с последствиями своей дипломатической деятельности при президентах Джефферсоне и Мэдисоне: Западная Флорида, неразрешенный в американско-французском договоре вопрос западной границы с испанскими владениями и отношение к испанским колониям в Латинской Америке, которые бунтовали против их метрополии. Решение этих проблем было дополнительно затруднено поспешными действиями Эндрю Джексона, который не ограничился — он намекал на это в письме к Монро — насильственным переселением и умиротворением индейцев-семинолов в 1818 году, а захватил испанские укрепления в Западной Флориде и принудил губернатора колонии скрыться в Гаване. В последующее время Монро отказался участвовать как в резкой критике своевольных действий Джексона, так и в явном одобрении этих действий, что, по мнению министра иностранных дел Джона Куинси Адамса, усилило бы американскую позицию в переговорах с Испанией. С одной стороны, он придерживался примирительного курса, защищал захват Джексонем укреплений на основании знаний, которые приобрел в ходе экспедиций, с другой стороны, настаивал на

освобождении укреплений, если только Испания пришлет свои гарнизоны, как на жесте примирения по отношению к Испании.

В остальном Монро предоставил своему министру иностранных дел Адамсу полную свободу в переговорах с Испанией. *Трансконтинентальный договор*, подписанный Монро 24 февраля 1819 года и ратифицированный Испанией с большой задержкой, в исследованиях по праву называется договором Адамса — Ониса. Договор урегулировал линию границ к западу и обеспечил США не только всю Флориду, но и впервые в международно-правовой обязательной форме доступ к Тихому океану широкой полосой южнее реки Колумбия.

Значительно труднее сложилось урегулирование отношений с бывшими испанскими колониями, которые в последние годы перед президентством Монро провозгласили свою независимость, но по-прежнему безуспешно добивались признания европейскими державами и США. В Европе державы, входящие в Священный союз, взяли на себя посредничество между Испанией и ее бунтующими колониями с целью восстановления прежнего состояния — за исключением Англии, проявлявшей большую сдержанность. Признание штатов Латинской Америки требовало одновременно тщательно взвесить последствия, которые такой шаг может иметь для держав Священного союза. Монро, как и во время его первой миссии во Франции, склонялся к позиции, которая соединяла бы в себе нейтралитет и доброжелательность по отношению к молодым республикам. Его министр иностранных дел Джон Куинси Адамс, напротив, считал раннее признание опасным, потому что оно усложнило бы отношения со Священным союзом, и к тому же не верил в стабильность латиноамериканских штатов. Генри Клей, влиятельный спикер палаты представителей и, наряду с военным министром Джоном Калхауном и министром финансов Уильямом Крауфордом, политически крупнейшая фигура в Вашингтоне, решительно потребовал

быстрого признания и поддержки молодых штатов в их борьбе за независимость против Испании. Требование предполагало также, что владельцам пиратских судов этих штатов будет предоставлена любая поддержка, хотя их нападения на европейские торговые суда нанесли бы значительный вред американским внешнеполитическим отношениям. В основе позиции Клея лежало видение большой, объединенной общими интересами в «Американскую систему» континентально-американской семьи штатов, в которой ведущую роль возьмет на себя первой вышедшая из революции североамериканская республика.

На самом деле проблематика затронула вопрос о собственном революционном самопонимании США, и такая точка зрения не осталась, по мнению Монро, без влияния. Адамс же оценивал этот вопрос с той точки зрения, насколько стабильны новые штаты и какие последствия будет иметь признание для позиции европейских держав. Для решения первого вопроса была послана комиссия из трех человек, но она не внесла ясности. В конце концов он был решен самим развитием: назначение либерального правительства в Испании привело к тому, что Испания потеряла поддержку Священного союза. Тем самым была открыта дорога для признания Буэнос-Айреса, Перу, Чили, Мексики и Колумбии, которое президент предложил сенату в специальном послании 8 марта 1822 года. На этой основе позже появилось принципиальное, широко сформулированное его министром иностранных дел заявление Монро от 2 декабря 1823 года, так называемая «Доктрина Монро». Она содержала предупреждение в адрес европейских держав и России, что любую реколонизацию или приобретение колоний в Латинской Америке США рассматривают как угрозу своей собственной безопасности. С другой стороны, Монро заявил, что США будут держаться в стороне от европейских дел, включая существующие колонии в Карибском море и в Южной Америке. Сначала, однако, существовало значительное расхождение между этим ри-

торическим притязанием и действительным влиянием американцев в Средней и Южной Америке.

Дискуссии по этим проблемам иногда вытеснялись на второй план резкими разногласиями по другим, долгосрочно важным вопросам: будущее рабовладения в западных областях и связанные с расширением инфраструктуры вопросы конституции. Проблема расширения государственной транспортной системы становилась в это время все более насущной уже потому, что, с одной стороны, в результате быстрой территориальной экспансии страны — с короткими промежутками в союз были приняты новые штаты Миссисипи (1817), Иллинойс (1818), Миссури (1819), Алабама (1819) и Мэн (1820) — отдельные регионы находились под угрозой развиваться каждый сам по себе, а с другой стороны казалось, что центр тяжести в Конгрессе все больше перемещается в пользу Юга. От такого развития южные штаты ожидали ущерба для своего «*особого института*», обрабатываемых рабами плантаций, против чего в эти годы формировалась постепенно растущая оппозиция на Севере и Северо-Западе.

Конфликт вспыхнул по поводу ходатайства Миссури о принятии в союз. Здесь впервые яростно столкнулись противники и сторонники рабства. Дискуссия по вопросу, должно ли решение о принятии Миссури быть однозначно связанным с обязанностью запретить рабство в разрабатываемой конституции, расколола страну на два ожесточенно враждующих лагеря. Этот раскол был с трудом сглажен компромиссом Миссури в феврале 1820 года. Конгресс отказался привязать прием Миссури к соответствующей оговорке, зато было достигнуто согласие в том, что в новых штатах севернее 36°30' северной широты нельзя вводить рабство, а для компенсации за вступление «*рабовладельческого штата*» сразу же был принят штат Мэн как свободный от рабства. В этом разногласии Монро внешне сохранял нейтралитет, соответственно его представлению о должности президента.

За кулисами в многочисленных разговорах он энергично выступал за принятие компромисса, несомненно, в надежде предотвратить наметившийся раскол страны.

Разногласие по Миссури повлияло на вновь ожившую дискуссию о необходимости и структурной основе протекционизма, который принял окончательно *«секционной»* окраску. В то время как среднеатлантические и северные штаты высказывались за четкое повышение установленных в 1816 году и направленных в основном против Англии покровительственных пошлин для защиты отечественных мануфактур, южные штаты так же резко выступали против такого повышения, потому что оно отрицательно сказалось бы на торговых отношениях с важной страной-импортером их основного продукта хлопка и привело бы в конце концов к разорению южных штатов и разрушению их *«особого института»*. Вторая речь Монро при вступлении в должность 1821 года не содержала точных установок, что негативно восприняли защитники высоких покровительственных пошлин, он в мягких выражениях высказался за лучшую защиту в следующем году отечественных мануфактур, которые размещались в основном на севере. Весной 1824 года спор разгорелся с новой остротой, при этом определенную роль играла наметившаяся предвыборная борьба. Решающим было то, что южные штаты чувствовали себя побежденными большинством, а их существование находилось под угрозой. Глядя на позицию Монро, один из депутатов из Виргинии жаловался, что южные штаты были *«жертвами политики этого правительства с самого начала»*.

В отличие от вопроса пошлин в решении другой важной проблемы того времени, расширении национальной транспортной системы, Монро оказался более состоятельным. Этим вопросом он занимался первые два года пребывания в должности. Дискуссия сконцентрировалась, прежде всего, на сообщении между штатами восточного побережья и вновь заселенными областями по ту сторону

Аллеганских гор в долине реки Огайо. Со времен своей деятельности в Конгрессе конфедераций Монро с особым вниманием наблюдал развитие западных территорий. Уже тогда было ясно, что разумное присоединение новых областей к штатам восточного побережья станет значимой предпосылкой для сращивания обеих частей. При решении этого вопроса федеральное правительство столкнулось с серьезными проблемами конституции. Два мнения противостояли друг другу: одно было сформулировано министерством финансов Альбертом Галлатином в 1808 году. Он оправдывал обширную программу строительства инфраструктуры страны оговоркой конституции об *«общем благе»*. А Томас Джефферсон указывал на то, что федерации для открытия построенных на ее средства дорог потребуются согласие соответствующего штата, через который будет проходить дорога. Однако когда Конгресс в последний год президентства Джеймса Мэдисона по настоянию Джона Калхауна издал закон, предполагающий использовать для осуществления программы деньги Второго банка Соединенных Штатов, Мэдисон обосновал свое вето тем, что «отцы конституции» не предусматривали использование федеральных средств на такие цели. Президент одновременно повторил высказанное еще Джефферсоном требование о том, что для таких случаев сначала должна быть создана соответствующая конституции основа путем издания соответствующего дополнения к конституции.

Из-за этого Джеймс Монро вступил в противоречие с Генри Клеем, важнейшим защитником западных штатов. Только к середине второго срока пребывания на должности намечилось смягчение жестких противостояний. В извещении о вето на закон, который предусматривал создание таможни на Камберлендской дороге, связывающей восток с новыми штатами по ту сторону гор, Монро подробно изложил свое мнение. Его вершиной было заявление, что Конгресс, хотя и не имеет права строить транспортные пути между штатами или осуществлять

юрисдикцию над ними, однако может предоставлять деньги, применение которых ограничено обязательством *«ассигновать их для целей общей защиты и общей, а не локальной, национальной, и не для одного штата, пользы»*. Тем самым была найдена формула компромисса, с помощью которой Конгресс мог финансировать общие инфраструктурные мероприятия, глубоко не вмешиваясь в права отдельных штатов.

В конце его президентства были гармония и согласие, которые играли важную роль в политической философии Монро, потому что он ясно видел, как стремящиеся друг от друга элементы союза уступили место глубоким, ведущим к расколу разногласиям. После двух сроков пребывания на посту президента Монро в 1824 году покинул политическую сцену, которая была глубоко раздроблена борьбой за власть и влияние и характеризовалась неприкрытым соперничеством видных личностей. В этом развитии была и вина Монро, так как его представление о должности президента, которым он был обязан Вашингтону, препятствовало более энергично вмешиваться в ежедневные политические разногласия и предотвратить тем самым страшное раздробление политических группировок. Этим недостаткам противостоят, правда, положительные достижения, прежде всего в области внешней политики. При этом Монро был единомышлен со своим министром иностранных дел в том, что высшей целью американской внешней политики должно являться содействие американским интересам, а основание Соединенных Штатов должно быть фактором международной системы власти. Конкретное осуществление этих целей он предоставил Адамсу. Достижением Монро является создание ему для этого условных рамок.

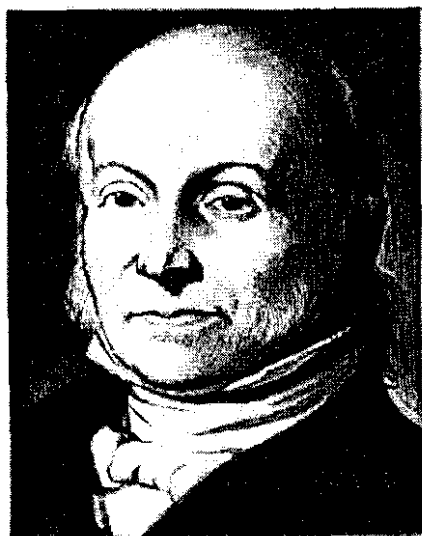
Тяжелое политическое положение в конце его президентства побудило Монро в последующие годы почти боязливо держаться дальше от политики. После смерти жены 23 сентября 1830 года он, только два дня спустя после кончины его зятя Джорджа Хейя, вместе с дочерью

Элайзой Хей вернулся в Нью-Йорк к своей младшей дочери Марии Хестер и ее мужу Сэмьюэлу Гувернёру. Последние годы Монро были омрачены финансовыми заботами. Требования к союзу, восходящие к временам, когда он был дипломатом в Европе, были вознаграждены Конгрессом только в 1830 году. Монро умер 4 июля 1831 года, в день 55-летия Декларации независимости Соединенных Штатов.

Германн Велленройтер

ДЖОН КУИНСИ АДАМС 1825–1829

*Внешнеполитический деятель
и президент над партиями*

John Quincy Adams.

Джон Куинси Адамс принадлежит к тем политикам XIX столетия, которых труднее всего понять, возможно, потому, что они оставили после себя многочисленные свидетельства о себе самих. Он родился 11 июля 1767 года в Брейнтри, Массачусетс, и был старшим сыном Джона

Адамса, второго президента Соединенных Штатов, и его волевой жены Абитейл.

Три важных фактора определили его жизнь: во-первых, принадлежность к одной из больших старых, политически чрезвычайно влиятельных семей в Новой Англии. Во-вторых, культура региона, которая не только наполнила его обостренным чувством долга и высокими моральными и христианскими ценностями, но и привила ту уверенность в своей правоте и неспособность устанавливать и поддерживать близкие отношения с другими людьми, которые сделали его мало любимым, часто внушающим страх, но, особенно в годы перед и после его президентства в силу его цельности и обширных знаний, уважаемым политиком. И наконец, в-третьих, на политика Адамса оказало также влияние обстоятельство, что большую часть своей юности и годы учебы он провел как политик в Европе. В 17 лет в сопровождении отца побывал в Голландии, Пруссии, России, Дании и Англии, а с 1794 года как посланник представлял свою страну в Гааге. Во время этих поездок он не только усвоил в школах и университетах большие знания, но и познакомился с европейским соотношением сил и проблемами отдельных дворов. Этот опыт позволил ему стать проницательнейшим и дальновиднейшим американским внешним политиком своей эпохи. Как министр иностранных дел Адамс подчеркивал национальную самостоятельность США в международном взаимодействии сил, что концептуально связывало его с Джеймсом Монро. Эта национальная исходная позиция была реакцией на надменность, с которой европейские знатные дипломаты встречали представителей американской республики. Три важных фактора произвели тяжелую смесь: Адамс внешне контролировал себя, был холоден, остер на язык до колкостей, всегда сведущ, чрезвычайно начитан и прилежен. Эгоцентрично всегда принимал критику на свой счет. В отличие от жены был не склонен к общительности и домашней жизни, а политике и личным занятиям науками уделял равно большое внимание. Слова «исполнение

долга» и «систематичность» часто употреблял в своем дневнике. С женой Луизой Кетрин Джонсон, происходившей из зажиточной семьи торговца табаком из Лондона и Мериленда, его связывала симпатия, но не более. Они поженились 26 июля 1797 года в Лондоне.

Проведя юность в многочисленных поездках, после окончания Гарвардского колледжа Адамс по желанию своих родителей начал учиться на адвоката у одного из ведущих юристов в Массачусетсе и открыл после этого в Бостоне первоначально мало известную контору. Широкой общественности стал известен сначала своим публицистическим участием в споре между Эдмондом Бёрком и Томасом Пейном. На критические «*Размышления о революции во Франции*» (1790) Пейн ответил письмом «*Права человека*» (1791), которые, по инициативе Томаса Джефферсона, сразу же были напечатаны в Америке. В ответ на это Адамс опубликовал с 8 июня по 27 июля 1791 года в газете «*Коламбия Кентайнл*» свои «*Письма Павликола*», которые очень быстро были напечатаны не только в других городах США, но и в Англии, Шотландии и Ирландии. Возможно, еще большую сенсацию вызвала два года спустя статья Адамса об американском отношении к революционной Франции и особенно к появлению французского посла Жене в Америке.

Эссе Адамса соответствовали в своей основной тенденции позиции Джорджа Вашингтона и партии федералистов и свидетельствовали о политических амбициях молодого адвоката. Несколько позже он принял предложение Джорджа Вашингтона представлять в качестве посланника Соединенные Штаты в Нидерландах. 30 мая 1794 года сенат подтвердил назначение президента. С этой должности началась карьера Джона Куинси Адамса, которая сделала его, возможно, самым значительным и самым удачным внешнеполитическим деятелем XIX века. На богатом событиями пути до 1824 года, когда он был избран президентом, выделяются три основных: заключение мира в Генте, который закончил в 1814 году англо-американскую войну, Трансконтинентальный до-

говор с Испанией 1819 года и так называемая «Доктрина Монро», провозглашенная в 1823 году.

Среди американских парламентариев, к которым наряду с ним принадлежали Альберт Галлатин, Генри Клей, Джеймс А. Бейард и Джонатан Рассел, Джон Куинси Адамс обладал самым большим дипломатическим опытом. Поэтому ему было передано руководство комиссией, которая в 1814 году должна была заключить мир в Генте. В ходе длящихся месяцами переговоров с английской делегацией, состоящей из трех человек, центр тяжести переместился в пользу политически более опытного Галлатина. Английский министр иностранных дел Кестльри предложил мирные переговоры с условием, что при этом не будут нарушены принципы государственного права или «морские права Британской империи». Потом на переговорах английская делегация затронула, однако, две сферы проблем, отходившие от принципа обоюдности и задевавшие положения Парижского мира 1763 года. Британцы требовали, во-первых, включения в договор находящихся в союзе с Англией индейцев и четкого установления границ между США и землей дружественных племен (а также решительного пересмотра границ с Канадой) — во-вторых. Они заявили, что считают недействительными гарантированные в договоре 1763 года права на рыболовство в британских водах.

Американская делегация быстро разделилась на две группы. В то время как все обратились против пересмотра западной границы в пользу Канады, Клей и Рассел особенно сопротивлялись любой попытке предоставить британцам право судоходства по Миссисипи. Адамс покровительствовал жесткой позиции в вопросе рыболовства, в то время как Галлатин как старейший государственный деятель действовал скорее уравнивающе и иногда пытался сгладить и смягчить слишком резкие реакции и формулировки Адамса. В переговорах вставки обеих сторон, повторяющие старые правовые позиции, в конце концов не повлияли на сам договор, если не учитывать того, что более или менее категорический от-

каз американцев включить в договор индейскую проблему или пересмотр границ побудил английский кабинет постепенно отойти от этих требований. Договор, предусматривавший наряду с восстановлением состояния до начала войны назначение пограничных комиссий, был подписан 24 декабря 1814 года и обнародован президентом 18 февраля 1815 года. Адамс еще до ратификации был назначен американским посланником при английском дворе. В последующие два года до возвращения в Америку и назначения министром иностранных дел он не без успеха старался нормализовать натянутые отношения между бывшей метрополией и Соединенными Штатами. Личное знание ведущих политиков в то время сильнейшей и богатейшей страны в Европе сформировало важную предпосылку для успеха внешнеполитической деятельности Адамса в последующие восемь лет.

Оба события, столь важные для внешней политики президентства Джеймса Монро, заключение Трансконтинентального договора между Испанией и США и обнародование *«Доктрины Монро»*, предполагали четкую оценку английской позиции. Оба были творениями Адамса; но оба стали возможны только благодаря тесному сотрудничеству между президентом Монро и Адамсом. Удивительно, что оно сложилось так доверительно. Ведь по крайней мере в первые годы XIX века оба были не только соперниками, но и представляли совершенно различные взгляды на внешнеполитический курс Соединенных Штатов. Монро отстаивал благожелательный нейтралитет США по отношению к революционной Франции, Джон Куинси Адамс, влиятельный интерпретатор Бёрка в Америке, как и его отец, относился с большим сочувствием к английской позиции. Их объединяла умеренная, но четко выраженная национальная концепция американской внешней политики.

Как министр иностранных дел Адамс во всех центральных проблемах исходил из вопросов, вытекавших из осуществления мирного договора 1783 года, в переговорах по которому участвовал как секретарь своего отца,

и мирного договора от 1814 года. Это касалось и о праве на рыболовстве, когда Монро, который был рисковать из-за этого конфликтом с Англией, готов нудил Адамса против его собственной и воли его, прикомпромиссу. То же самое было и с вопросом между США и Канадой до Тихого океана. Что оставлено открытым в 1783 году, то не было урегулировано и в мирном договоре 1814 года по указанию ро, бывшего тогда министром иностранных дел. П Монматичный регион, особенно владение долиной Коламбия, стал между тем предметом ожесточенного перничества между британской Северо-восточной Джайкоба Астора. В войне 1812 года британские заняли американский опорный пункт. В 1817 году ро, ссылаясь на мирный договор в Генте, приказал Монего занять. На переговорах, которые велись в Лондоне, американская сторона настаивала, по указанию Адамса, на продлении американско-канадской границы вдоль 49 градуса широты до Тихого океана. Так как британцы не хотели с этим согласиться, то договор 1818 года в графе 3 содержал лишь положение, которое открывало спорную область на десять лет обеим нациям. Так другие открытые вопросы между Англией и США же и решены или отложены в духе новой готовности к компромиссам. В важном для юга вопросе компенсации депортированных рабов был согласован арбитраж за носителем обоюдности в американско-британской Отгове и в конфликте по поводу насильственного приобретения бывших британских матросов с американских торговых судов не было найдено никакого решения, смотря на сближение точек зрения. Тем не менее заключение договора в 1818 году означало следующий шаг на пути улучшения англо-американских отношений. Одновременно манера поведения американской стороны продемонстрировала форму сотрудничества между президентом и министром иностранных дел: вопросы, которые были важны для Монро, он решал сам, а Адамс подчи-

нялся этим решениям, не допуская враждебности по отношению к Монро. Во всех других вопросах Монро давал своему министру иностранных дел полную свободу. Договор был, таким образом, компромиссом в двойном смысле: сначала между обоими государствами, потом между Монро и Адамсом.

Договор создал важную предпосылку для удачного исхода уже идущих переговоров, которые вел Адамс в Вашингтоне с испанским послом. Они касались двух комплексов: проблема Западной Флориды, к приобретению которой стремились США, и оспариваемая с *времен покупки Луизианы* западная граница с испанскими колониями. Исходным моментом являлась резолюция американского Конгресса от 15 января 1811 года, которая принципиально отклоняла перевод испанских или бывших испанских колоний, непосредственно граничащих с США, во владение других европейских держав, что давало США одновременно право предусмотрительно занять такие области до окончательного урегулирования вопроса владения в договоре. Следующая попытка в 1815 году была неудачной: Испания настаивала на границе по Миссисипи, в этом случае США потеряли бы большую часть приобретенных в 1803 году областей, и отказывалась уступить Восточную и Западную Флориду. Таким было состояние переговоров, когда Адамс взял переговоры с Испанией на себя. В течение короткого промежутка времени проблематика Флориды получила дополнительную взрывную силу в результате захвата Эндрю Джексонem Восточной Флориды, что указывало на неотложность обширного урегулирования отношений между Испанией и США.

В переговорах по вопросу границ на западе Монро был более готов пойти на уступки, чем Адамс. Самое позднее с весны 1818 года министр иностранных дел пытался убедить не только испанского посла Луиса де Онис де Гонзалеса, но и Монро в том, что граница должна проходить от самого дальнего пункта на юге через Скалистые горы в направлении запада до Тихого

океана. В длительных и трудных переговорах Адамс смог добиться своего, потому что постепенно ухудшилось положение испанского правительства в Европе, и Испании не удалось склонить Священный союз к Трансатлантической интервенции. Наконец, Адамс и Онис сошлись на границе вдоль реки Арканзас до Скалистых гор, откуда она пройдет по 42 градусу широты до Тихого океана. Договор, который по своему значению мало уступал приобретению Луизианы, передавал США, сверх того, обе Флориды за 5 миллионов долларов. Договоры с Англией и Испанией обеспечили США коридор между 42 и 49 градусом широты до самого Тихого океана.

Одной из основных проблем переговоров с Испанией был вопрос дипломатического признания США бывших испанских колоний в Латинской Америке. Адамс, Монро и Клей не хотели ни в коем случае уступить требованию Испании отказаться от такого признания, хотя Адамс был более сдержан, чем Клей, в вопросе, когда должно произойти это признание. Монро вновь был обеспокоен позицией держав Священного союза и опасался, что признание спровоцирует их интервенцию. Летом 1823 года, благодаря двум новым направлениям развития, весь комплекс вопросов вновь всплыл на поверхность. Английский министр иностранных дел предложил общее англо-американское заявление по вопросу бывших испанских колоний, в то время как Россия дала знать в Вашингтоне, что она принципиально против признания бунтующих колоний с республиканскими конституциями, но одновременно сообщила, что намерена использовать свои правовые притязания на северо-западное побережье Америки с целью строительства там населенных пунктов. Английское предложение раскололо кабинет. Монро и Калхаун были за, а Крауфорд и Адамс против принятия предложения. Наконец Адамс предложил в качестве выхода двойную стратегию: дружеский отказ в адрес Англии и открытое объяснение принципов американской внешней политики в послании Монро Конгрессу. Такое объяснение могло опираться на резолюцию от 15 октября

1811 года, а также на прощальное послание Вашингтона. Принципиальное выяснение американских заявлений привело к связыванию латиноамериканской проблематики с американским отношением к европейским государствам и их роли в Америке. Эта связь, как показывает запись Адамса в дневнике от 21 ноября 1823 года, в значительной мере была достижением министра иностранных дел. Согласно ей, он хотел показать, что правительство Соединенных Штатов отказывается от навязывания своей политической системы другим державам или вмешательства в европейские дела; наоборот, оно ждет и надеется, что европейцы откажутся от распространения своих принципов в американском полушарии или от насильственного подчинения своей воле какой-либо части этого континента. Эти принципы, сформулированные здесь Адамсом, вошли в послание президента, которое он 2 декабря 1823 года представил Конгрессу и которое позже, под названием *«Доктрина Монро»*, коренным образом определило американскую внешнюю политику до наших дней, хотя и с некоторыми изменениями.

Предстоящие в следующем году выборы президента затмили обсуждение реакции на английскую и русскую инициативы. За исключением административно совершенно неопытного, зато овеянного славой военной победы Эндрю Джексона, все остальные кандидаты в президенты наряду с Адамсом, Калхауном, Крауфордом и Клеем сидели или в кабинете, или в Конгрессе. Уильям Крауфорд из южных штатов, министр финансов при Монро, посвятил себя поддержке национальной экономической структуры и, как Клей и Адамс, расширению транспортной системы; Джон Калхаун из Южной Каролины превратился в это время, в контексте чрезвычайно противоречивой проблематики пошлин, в энергичного защитника экономических интересов юга, в то время как Генри Клей как спикер палаты депутатов не только энергично отстаивал интересы западной секции в расширении национальной транспортной системы, но и как сторонник *«американской системы»* развертывал

общеконтинентальную, обязанную наследству американской революции программу. Сам Адамс разделял взгляды Крауфорда и Клея на необходимость и конституционность федеральных мероприятий по созданию инфраструктуры (внутренние усовершенствования), был близок, хотя и с долей скепсиса, *«Американской системе»* Клея, но, однако, связывал это с политикой четкого отмежевания от Европы и политикой подчеркивания национальных внешнеторговых интересов, направленной особенно против Англии. В вопросе пошлин, вызывающем наряду с проблематикой внутреннего усовершенствования наибольшие споры между секциями, Адамс в предвыборной борьбе придерживался скорее нейтрального курса, но не смог, как и в некоторых других вопросах, избежать упрека в том, что односторонне покровительствует интересам мануфактур в Новой Англии. Вообще, уже манеры, выражения и поведение Адамса выдавали в нем выходца из этого северного региона.

Так как Эндрю Джексон получил в день выборов 1 декабря 1824 года наибольшее количество голосов, но ни один из кандидатов не набрал необходимого большинства голосов избирателей, то решение было представлено палате представителей. 9 февраля 1825 года она избрала президентом не Джексона, а Джона Куинси Адамса, который был вторым по результатам в выборной коллегии. После того как Адамс назначил Генри Клея новым министром иностранных дел в своем кабинете, Джексон и его сторонники упрекнули Адамса в том, что он перед голосованием в палате представителей заключил с Клеем тайное соглашение, по которому избиратели Клея должны были проголосовать за Адамса, за что тот пригласит Клея в свой кабинет. В исследованиях этот упрек до сих пор является предметом различных мнений. Следует учитывать два обстоятельства: с одной стороны, еще до выборов был очевиден разрыв между Клеем и Джексонем, с другой стороны, Клей, как и некоторые другие, сомневался в том, что Крауфорд, вступивший в борьбу как официальный кандидат партии

республиканцев, сможет отойти от тяжелого удара, постигшего его летом 1823 года, и будет в состоянии исполнять обязанности президента. Для Клея поэтому Джексон и Крауфорд не составляли альтернативы по отношению к Адамсу. Несомненно, между Адамсом и Клеем состоялись какие-то разговоры до голосования. Но предмет их разговора был не важен для большинства их современников. Им было достаточно вида и слова военного героя о «продажной сделке», чтобы приговорить Адамса. Это обвинение в коррупции с самого начала легло бременем на его президентство.

Прямолинейность, личная холодность, скрупулезная сдержанность в партийно-политических вопросах и неумение приемлемыми и обычными для того времени методами покровительства создать собственную политическую свиту и укрепить своих политических сторонников, короче: неуклонное следование принципу абсолютной политической независимости, которое уже в начале века породило к Адамсу глубокое недоверие как федералистов, так и республиканцев, определили его президентский стиль правления и разрушили тем самым одновременно всякую перспективу на второе избрание. Несмотря на это, некоторые, хотя и довольно незрелые, политические действия, особенно касающиеся состава его кабинета, позволяют понять: он планировал предложить Джексону пост военного министра, но отказался от этого, когда понял, что Джексон воспримет предложение как оскорбление. Он предложил Крауфорду министерство финансов, но тот отказался, после чего Адамс решил отдать эту должность американскому посланнику в Лондоне, Ричарду Рашу, который, находясь в Европе с 1817 года, не имел поддержки в Америке. Так не удалась попытка привязать к президентству обоих опаснейших политических конкурентов. Это положение ухудшилось тем, что Адамс оставил на посту министра почт Джона Маклина и тем самым дал этому последователю Калхауна, а потом Джексона чрезвычайно широкие возможности для патронажа. Сторонники Крауфорда, Джексона и Калха-

уна вскоре объединились в Конгрессе в оппозицию политике Адамса и препятствовали осуществлению чего-либо из обширных планов президента. На выборах в начале третьего года президентства Адамса его противники в обеих палатах Конгресса добились большинства.

Речь Адамса при вступлении в должность президента 4 марта 1825 года является выражением высокого понимания обязанностей президента, убеждения, что он должен служить общему благу всех американцев и что высочайшей целью для него должно быть содействие развитию образования и науки. В основном, речь шла о воспитании более добродетельного и более образованного республиканца и о создании предпосылок для экономического прогресса путем поддержки внутренних *усовершенствований*. Он призвал к единству нации, подчеркнул вклад обеих крупных партий, которые *фактически* уже не существовали, в благополучие страны и выразил сожаление по поводу наметившихся конфликтов в секциях. Помимо этого, потребовал, чтобы США взяли на себя активную роль на первой конференции всех независимых штатов континента в Панаме. Его предложения натолкнулись на ожесточенное сопротивление в Конгрессе, потому что основывались на широкой интерпретации федеральных компетенций в конституции.

Уже при вступлении Джона Куинси Адамса в должность его президентство было обременено тяжелыми ипотеками. К ним прибавились другие: попытка приобрести для американского судоходства равноправный доступ к британским Карибским островам потерпела неудачу из-за сопротивления Лондона и даже привела в 1826 году к закрытию портов Вест-Индии для американских судов. Американская негибкость была повинна в прекращении дальнейших переговоров. У Адамса в марте 1827 года не осталось другого выбора, как только закрыть в ответ американские порты для британских судов. Вест-индская торговля смогла нормализоваться только в 1830 году. Во внутривнутриполитическом актуальном вопросе протекционизма Адамс, как и прежде еще в предвыборной борьбе,

старался быть чрезвычайно сдержанным из-за осложнений в секциях, но в силу ограничения действия закона 1824 года общественная дискуссия была неизбежна. Изданный после необычайно ожесточенных разногласий 1828 года *Тариф об отвращении* с его высокими пошлинами на английские шерстяные товары Адамс не одобрил в последнем послании к Конгрессу. Но не смог отразить упрека в том, что тоже повинен в издании этого Тарифа. Особенно представители южных штатов интерпретировали протекционизм как кричащее нарушение федеральной конституции и как противоречащее конституции вмешательство федерации в права отдельных штатов, для сопротивления которому в Южной Каролине, штате Джона Калхауна, были предприняты серьезные усилия.

За все время пребывания Адамса на посту президента ему ни разу не удалось определить темы политических дебатов вне и внутри Конгресса и придать таким образом дискуссии структуру и направление. Это потребовало бы более активного и политизированного понимания обязанностей президента, чем то, которым обладал Адамс. Поэтому не удивительно, что в 1828 году Адамс практически не имел перспектив на переизбрание. Джексон и его сторонники, начиная с 1826 года, организовывали систематически не только оппозицию Адамсу, но и выборы Джексона новым президентом. Сторонники Адамса слишком поздно начали создавать в штатах организации. Джексон победил на выборах, получив 56% голосов избирателей и 178 против 83 голосов выборной коллегии.

Другие президенты, которые не были переизбраны, уходили после этого от активной политики, и Джон Адамс был тому лучшим примером. Его сын составил удивительное исключение. После небольшой передышки Адамс в начале декабря 1831 года вернулся как депутат от Плимута, в палату представителей где он работал до своей смерти 21 февраля 1848 года. Он умер в Конгрессе во время дебатов об американско-мексиканской войне,

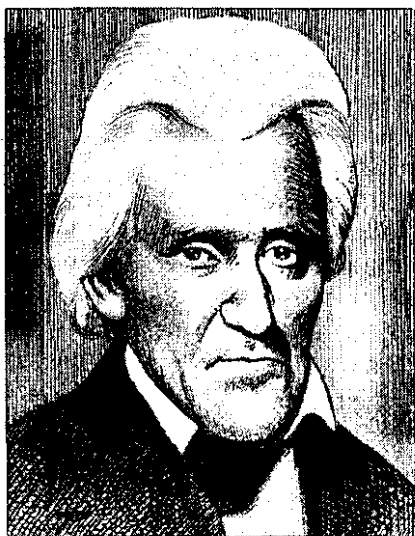
которую Адамс так же энергично отвергал, как и, наоборот, решительно поддерживал попытки ограничить или совсем отменить рабство, и успешно боролся со всеми тактическими уловками представителей южных штатов, выступавших против.

Ретроспективно Адамс остается удивительным государственным деятелем, политическое значение которого основано не на его президентстве, а на внешнеполитических успехах до него, деятельности в палате представителей, и после него. Как министр иностранных дел Адамс обладал выдающимися качествами: холодный рассудок, трезвое взвешивание интересов, глубокие знания, интеллектуальная независимость, которые, однако, не сделали его популярным как президента. Совсем наоборот, они отчуждали его от современных ему политиков и делали в соединении с его пониманием обязанностей президента скорее проповедником, чем настоящим вождем нации. Верность принципам, мужество и выросшая из недоверия к политическим группам и партиям беспристрастность создали Адамсу как политику до и после президентства тот высокий авторитет, которым он по праву пользуется до сих пор.

Хорст Динпель

ЭНДРЮ ДЖЕКСОН 1829–1837

Президент демократического перелома

Andrew Jackson

В политическом сознании американцев Эндрю Джексон символизирует первого президента, который не был выходцем из задающей тон элиты восточного побережья, а олицетворял собой — особенно в глазах его политических противников — тип необразованных, неотесанных и безрассудно смелых людей с запада по другую сторону Аппалачей. Будущий седьмой президент Соединенных

Штатов родился 15 марта 1767 года севернее Колумбии, Южная Каролина, в местности Вэкско пограничного региона, оспариваемого Северной и Южной Каролиной. Его отец Эндрю Джексон, ирландец шотландско-протестантского происхождения, за два года до его рождения переселился со своей женой Элизабет Хачинсон и двумя сыновьями в Южную Каролину и приобрел землю в еще далеко не освоенном пограничном регионе. Незадолго до рождения младшего сына отец умер. Так как маленький Эндрю должен был стать священником, то он, в отличие от своих братьев, имел привилегию получить в последующее время элементарное школьное образование, которое несколько лет спустя было прервано Войной за независимость, где вскоре погиб его старший брат. В четырнадцать лет Эндрю и его брат Роберт вступили в сражение в районе, которому угрожали британские войска, и попали в плен. При этом оба брата получили серьезные повреждения головы, от которых Роберт умер несколько месяцев спустя. Весной 1781 года Эндрю отпустили, а через несколько недель умерла его мать. После этого он решил отправиться в Солсбери, Северная Каролина, чтобы в одной из престижных канцелярий учиться на адвоката. Несмотря на распутный образ жизни, через несколько лет он получил допуск в суд и в двадцать один год решил целеустремленно искать своего счастья дальше на западе в Нешвиле, в почти незаселенном районе Теннесси.

Стремясь к успеху и влиянию, он женился в 1791 году и вошел в одну из первых семей Теннесси. Оба полагали, что Речел Данельсон законно разведена со своим первым мужем. Как потом выяснилось, это было заблуждением, и бракосочетание пришлось повторить в начале 1794 года. Карьере Джексона как все более авторитетного и состоятельного адвоката, плантатора и общественного деятеля это, однако, не вредило. В 1796 году он был выбран в конституционный конвент Теннесси, а после принятия штата в союз послан как первый депутат Теннесси в Вашингтон в Конгресс, куда вернулся в 1797

году как один из двух сенаторов от Теннесси. Однако он не смог получить мандат и ушел в отставку, чтобы принять назначение судьей в Верховном суде Теннесси, где пробыл с 1798 по 1804 год. Но уже через несколько лет он начал искать новое поле деятельности. В 1802 году его назначили командующим милицией Теннесси и присвоили звание генерал-майора. Как бы он ни стремился к этой должности, однако личные распри, дуэли и разногласия с Томасом Джефферсоном, казалось, побудили его на некоторое время отойти от общественной жизни.

Свой шанс Джексон получил в 1813 году, во время войны против Англии при восстании индейцев-криков на соседней территории Миссисипи. Губернатор Теннесси поручил милиции под руководством Джексона подавить восстание, что удалось 27 марта 1814 года в битве при Хорсисхо-Бенд. Несколько месяцев спустя Джексон решил судьбу индейцев драконовским мирным договором, по которому крики должны были отдать большие территории, благодаря чему открылись для заселения белыми обширные области Джорджии и сегодняшней Алабамы. В своем походе против союзных с британцами индейцев Джексон проник далеко на юг и через Пенсаколу достиг, наконец, Нового Орлеана, где 8 января 1815 года как генерал-майор армии Соединенных Штатов нанес сокрушительное поражение британским десантным частям. Даже если эта, с американской точки зрения бесцветная, война 1812 года против Великобритании по международному праву была окончена уже 24 декабря 1814 года в далеком Генте в Бельгии, о чем никто в то время в Соединенных Штатах ничего не знал, то Джексон этой победой создал себе славу *«спасителя отечества»*.

Жесткие и решительные военные действия, из-за которых его почитатели присвоили ему имя *«Старый гикори»*, вновь проявились, когда в декабре 1817 года федеральное правительство поручило ему выступить против индейцев-семинолов, которые из испанской Флориды вызывали волнения на американской южной границе. Джексон сразу вступил во Флориду, завоевал столицу

Пенсаколу, взял область под контроль и приказал повесить двух британцев якобы за сотрудничество с восставшими индейцами. Этим он не только создал значительные дипломатические осложнения, но и приобрел многочисленных политических врагов в Вашингтоне, упрекавших его в превышении полномочий и способствовавших началу политического следствия. Джексон был реабилитирован, но правительство почти ничего не предприняло для его защиты, а один из виднейших членов Конгресса Генри Клей публично назвал его «опасным». Джексон не забыл этого коварства. Хотя заключение так называемого *Трансконтинентального договора* с Испанией в 1819 году, казалось, косвенно оправдало его действия, Испания была, однако, готова уступить за определенную сумму Флориду Соединенным Штатам и признать американское притязание на расширение до Тихого океана.

Благодаря этому спору политическая карьера Джексона приобрела более четкие контуры. В 1821 году он был назначен военным губернатором Флориды, а с 1823 по 1825 год снова входил в состав сената в Вашингтоне, что дало ему возможность подвести фундамент под свои притязания на пост президента. Выборы 1824 года казались идеальным моментом для этого. Виргиния, поставлявшая до тех пор всех президентов, за исключением Джона Адамса, была не в состоянии предоставить убедительного преемника для Джеймса Монро, так что в этом вакууме Джексон для многих был наиболее подходящей личностью. Но политическая элита страны не собиралась без боя уступить популярному национальному герою с запада. После того как Джон Калхаун выдвинул свою кандидатуру, Теннесси назвал Джексона, на что Кентукки выставил Генри Клея, а Массачусетс — Джона Куинси Адамса. Фракция республиканцев, представлявшая меньшинство в Конгрессе, выставила, наконец, еще одного противника Джексону — Уильяма Крауфорда из Джорджии. В этой спорной ситуации Калхаун забрал

свое заявление назад, чтобы баллотироваться на пост вице-президента при Джексоне или Адамсе.

Политическая раздробленность была выражением фундаментальных изменений, которые переживала страна, когда старые республиканские идеалы революционного времени потеряли объединяющую силу и только начала складываться новая многопартийная система на изменяющейся, демократической законной основе. Джексону, представителю новой Америки, противостояли три представителя уходящего времени. Но решающим для выборов стало не распыление на этой стороне, а только его сочетание с политическим противоречием между Югом и Западом. Хотя Джексону удалось сконцентрировать на себе большинство голосов избирателей, однако ни один из кандидатов не достиг в выборной коллегии требуемого абсолютного большинства, так что палата представителей должна была выбирать из кандидатов, занявших первые три места. Ввиду политического соперничества между Джексонем и Клеем, с одной стороны, и политического согласования по многим вопросам между Адамсом и Клеем, с другой стороны, не было неожиданным то, что Клей, занимавший четвертое место, не в последнюю очередь ввиду бесперспективной позиции Крауфорда, положил свой политический вес на чашу весов в пользу Адамса, тем более, что тот обещал за это престижный пост министра иностранных дел.

Джексон чувствовал себя обманутым в своей надежде на победу и упрекнул Клея — по причине разочарования и своего понимания демократии, которое не учитывало политические реальности — публично в продажной сделке с Адамсом. Но Джексон не сдался, и ввиду растущей оппозиции политике Адамса, направленной на расширение инфраструктуры, нью-йоркскому сенатору Мартину Ван Бурену удалось сколотить в последующие годы коалицию республиканцев северных и южных штатов, включая вице-президента Калхауна как *«демократического республиканца»* или *«демократа»*, во главе с Эндрю Джексонем. При таком стечении политических

обстоятельств Джексон бросил вызов Адамсу на выборах президента 1828 года. Это противостояние, вошедшее в историю Америки как самая грязная предвыборная борьба, привело к необычайной политизации населения. Некоторые газетчики, поддержавшие Адамса и Клея, выразили сомнение в репутации жены Джексона Речел, с которой он жил с 1790 года, хотя официально она была разведена со своим первым мужем только в 1793 году. Джексона с трудом удержали от того, чтобы он вновь схватился за дуэльный пистолет, которым он уже неоднократно — один раз со смертельным исходом — защищал честь своей жены.

13-й юбилей своей победы в битве при Новом Орлеане Джексон использовал для посещения места событий, эта поездка вошла в анналы американской предвыборной борьбы как одна из первых *«поездок с предвыборной кампанией»*. Участие в выборах чрезвычайно повысилось, тем более, что процесс демократизации между тем почти во всех штатах преодолел последние препятствия на пути введения общего избирательного права для белых взрослых мужчин. Результат был удивительным во многих отношениях. На выборы пришло в три раза больше американцев, чем в 1824 году, и Джексон смог более явно, чем Адамс, повысить долю голосов с 41 до 56%. В выборной коллегии, члены которой теперь, в основном, назначались народными выборами, а не как до этого — парламентами отдельных штатов, победа Джексона была еще более однозначной: он получил 178 голосов против 83, отданных за Адамса, за которым стояли только штаты Новой Англии, Нью-Джерси, Делавэр и части Нью-Йорка и Мериленда. Впервые с 1800 года президент, исполняющий обязанности, проиграл в переизбрании. Однако Джексону пришлось дорого заплатить за победу. Незадолго до переезда в Вашингтон его жена, которая боялась этого переезда из-за перенесенных во время предвыборной борьбы унижений, внезапно умерла. В ее смерти Джексон обвинил своих политических

противников, но упрекал и себя за то, что из-за своего честолюбия взвалил на Речел бремя публичных скандалов.

Джексон оценил свой успех как победу демократии и народа, и поколения историков и политиков, особенно в первой половине XX века, с удовольствием говорят об этом времени как об эре маленького человека, эре простого человека. В последнее время, наоборот, подчеркивается революционно-переломный характер того времени. Исходя из *«транспортной революции»* начала XIX века с ее лихорадочным строительством дорог, каналов и, наконец, железных дорог, которое освоило огромные вновь приобретенные области для заселения и торговли и заложило основу индустриализации, сегодня говорят об общей *«рыночной революции»*, преобразовавшей всю экономическую, социальную и политическую структуру времени. Не выражение *«равноправное общество»*, как это может показаться с точки зрения европейского наблюдателя, особенно Токвиля, а скорее пробивающиеся капиталистические рыночные силы, повлиявшие на растущие города так же, как и на ориентацию сельского хозяйства на мировой рынок, и их включение в национальную торговую и пошлинную политику, в установленные финансовыми рынками условные рамки, характеризуют эти десятилетия.

Но наряду с выигравшими от этого развития коммерсантами, предпринимателями, спекулянтами и крупными землевладельцами были также и жертвы этого капиталистического экспансионистского натиска: индейцы, негры, рабочие и женщины. Хотя избирательное право, особенно на Севере, было широко демократизировано до победы Джексона, однако это так же мало приобщило женщин к общественной жизни, как, например, новые демократические веяния могли бы поддержать экономические права рабочих и, в особенности, сделанные Великобританией попытки основать и легализовать профсоюзы. Джексон же был первым американским президентом, который применял войска против бастующих рабочих.

Таковы же были и государственные мужи, которые с введением в должность Джексона 4 марта 1829 года торжественно вступили в Вашингтон. Они не были ни бедны, ни социально деклассированы, скорее воплощали в себе тип многообещающих людей переломного времени, людей, обязанных самим себе, тип, который Джексон олицетворял в большей степени, чем кто-либо другой. Это был тот социальный тип, который входил в политику по *«принципу добычи»* и который возмущал противников Джексона больше в моральном плане, чем в политическом. Конечно же, не Джексону принадлежала мысль о том, чтобы путем обновления состава, ротации, как он это называл, содействовать своим последователям в продвижении по службе и в приобретении влияния. Это делали президенты и до него. Однако противникам и пострадавшим от этого казалось, что это происходит внезапно и драматично, хотя, согласно своему убеждению, Джексон хотел таким образом противодействовать прежде всего политической коррупции, как он ее видел в действии с 1824 года в Вашингтоне. При этом он действительно в течение двух сроков пребывания на посту президента заменил примерно 10% чиновников на должностях, подчиненных федеральному правительству. Вызванная предвыборной борьбой поляризация политической жизни с вступлением Джексона в должность нашла новую пищу в лице морального притязания и действия Джексона в афере Пегги Итон, в которой он сделал задачей высокой политики то, чтобы с молодой женой его давнего доверенного и новоиспеченного военного министра Джона Итона, о которой в вашингтонском обществе распространялись скандальные слухи, обращались с подобающим уважением. То, что Ван Бурен в этой ситуации встал на сторону Итона, сохранило ему уважение и дружбу Джексона, но и углубило политический разрыв между Джексонем и его вице-президентом Калхауном, жена которого продолжала свой демонстративный социальный бойкот Пегги Итон.

Был ли Джексон, по крайней мере на начальном этапе, неуверенным в себе президентом, как это представлено в некоторых поздних оценках его президентства, кажется сомнительным. Конечно, он явно больше внимания уделял совещаниям в узком кругу с доверенными лицами, что его противники называли *«кухонный кабинет»*, чем заседаниям формального кабинета. Но у него никогда не было недостатка в политической целеустремленности и в политической воле осуществления. Так, уже в своем первом послании к Конгрессу он призвал членов парламента к решительным демократическим реформам, чтобы придать соответствующую политическую силу воле и суверенитету народа. Однако предполагаемые в этой связи народные выборы сенаторов были возведены в принцип конституции только более чем 80 лет спустя.

Большого успеха Джексон добился в самых спорных мероприятиях своего президентства, так называемой банковской войне. Преодолевая огромное сопротивление, Александер Гамильтон вызвал к жизни в 1791 году Первый банк Соединенных Штатов, на его место в 1816 году пришел Второй банк Соединенных Штатов как хранитель валюты и единственный депозитный банк для всех денег правительства, который, хотя и был организован на базе частно-правового акционерного общества, однако был ответствен за налоговые поступления федерации. Хотя этим банком с его центральным отделением, находящимся в Филадельфии, и двумя дюжинами филиалов, разбросанными по всей стране, с 1822 года успешно управлял Николас Биддл, происходивший из одной из самых уважаемых семей Филадельфии, сомнение в его конституционно-правовой легитимности никогда полностью не смолкало. С тех пор как Джексон во время экономического кризиса 1819 года был свидетелем, как кредитно-процентная политика банка разорила многочисленных обремененных долгами фермеров на Западе, он стал противником этого *«монстра»*, привилегии которого якобы приносили пользу только богатым, угрожая свободе и благополучию народа.

Генри Клей во взаимодействии с Биддлом ловким шахматным ходом внес в предвыборную борьбу в начале 1832 года вопрос о продлении концессии банка, которая заканчивалась только в 1836 году. Или Джексон уступит и потеряет тем самым свое политическое доверие, или он окажется настолько глуп, чтобы отклонить продление концессии и предстанет, благодаря этому, экономическим глупцом. Как бы ни решил Джексон, Клей как разумный, сознательный и дальновидный политик извлечет выгоду для наследования поста президента.

Джексону было нетрудно разгадать политическую игру Клея и он был готов обратить оружие противника против него самого. После того как обе палаты Конгресса одобрили продление концессии банка, Джексон отослал обратно в Конгресс 10 июля 1832 года проект закона со своим вето. Содержание обоснования сразу же пробудило многочисленные воспоминания о радикальном республиканском богатстве мыслей времен революции. Так, Джексон видел исходящую от банка большую опасность для свободы страны и ее граждан, так как уже ровно четверть акций банка находилась в иностранных руках. Он чувствовал не только новую британскую угрозу, но и выразил традиционное республиканское отвращение к международной торговле и капиталу, которые были *«непатриотичными»* по своей природе и несовместимы с собственно республиканскими убеждениями. В своей чисто конституционно-правовой аргументации Джексон не только отрицал вопрос соответствия закона конституции, но и использовал убеждения Джефферсона, что Конгресс, исполнительная власть и Верховный суд *«каждый сам для себя»* должен руководствоваться своим собственным пониманием конституции. При этом Верховному суду не должно быть позволено контролировать Конгресс и исполнительную власть, *«если они действуют в их законодательном качестве»*.

Наибольшее впечатление оставили после себя радикально-демократические пассажи его вето. Богатые и власть имущие слишком часто злоупотребляли прави-

тельстванными мероприятиями для своих корыстных целей. Созданные человеком учреждения не могут породить равенство талантов, образования и благосостояния. «Но если законы являются причиной того, что к этому естественному и справедливому распределению добавляются искусственные различия, предоставляя титулы, льготы и эксклюзивные привилегии, делая богатых еще богаче и могущественных еще могущественнее, то простые члены общества, фермеры, ремесленники и рабочие, которые не имеют ни времени, ни средств для того, чтобы добиться для себя таких же преимуществ, имеют право жаловаться на справедливость своему правительству».

Еще никогда американский президент не формулировал республиканский, радикально-демократический потенциал американской революции как моральную обязанность правительства мощнее, чем на этой фазе перелома, на которой старые республиканские добродетели все более уступали место новому и с тех пор определяющему американскому мифу. Возмущенный крик его противников остался без последствий: Конгресс не смог набрать большинства в две трети голосов для отклонения вето Джексона, и политическое влияние переместилось в пользу президента, который намеревался решительно воспользоваться этим в наступившем вскоре кризисе аннуляции.

24 ноября 1832 года конвент штата Южная Каролина объявил об отмене всех пошлинных законов и запретил всем гражданам штата под угрозой штрафов подчиняться им. Если федеральное правительство захочет настоять на пошлинах силой оружия, то Южная Каролина выйдет из союза. Джексон не собирался допустить размягчения финансовой власти, как и дать себя запугать работодладельцам во главе с ушедшим в отставку вице-президентом Калхауном. Хотя до этого Джексон полностью выступал за права отдельных штатов и против активистской федеральной политики в духе системы Клея по улучшению инфраструктуры, стимулируемому союзом, он не сомневался в своем убеждении, что свобода и союз взаимообусловлены. Поэтому «взятая на себя одним шта-

том власть аннулировать закон Соединенных Штатов была несовместима с существованием союза, явным противоречием букве конституции, не оправданным ее духом, несовместима с принципом, на котором она была основана, и разрушительна для той большой цели, для которой она была создана». Только суверенный народ может решать вопрос о роспуске союза, а не маленькое количество избирателей одного отдельного штата. Это есть не что иное, как государственная измена. Когда стало ясно, что никакой другой штат не последует примеру Южной Каролины, возмущенный Джексон успокоился. 16 января 1833 года он обратился в Конгресс с просьбой о законе, который позволил бы ему добиться исполнения пошлинных законов в Южной Каролине при необходимости с применением военного насилия. Обе палаты удовлетворили требования большинством голосов, но одновременно решили предложить Южной Каролине новый пошлинный закон с более низкими процентными ставками в качестве компромиссного решения. 2 марта 1833 года Джексон подписал оба закона, а правительство и парламент Южной Каролины безмолвно приняли компромисс.

Попытка отделения не удалась, и Джексон 4 марта 1833 года вновь вступил в должность президента, после того как в народных выборах прошел с таким же примерно количеством голосов против Клея, как и против Адамса в 1828 году. Результаты в выборной коллегии были еще однозначнее: Джексон получил 219 голосов против 49, отданных за Клея, и тем самым еще больше улучшил свои позиции в штатах Средней Атлантики и Новой Англии по сравнению с 1828 годом, но иначе, чем четыре года назад, проиграл Клею в его родном штате Кентукки и губернатору в Южной Каролине.

Выборы принесли с собой и нечто новое. Впервые демократы, как они себя теперь называли, провели конвент по выдвижению кандидатов, который единогласно выдвинул Джексона на второй срок и необходимым большинством в две трети голосов назначил Мартина Ван

Бурена вице-президентом. В силу этой демократической санкции Ван Бурен был утвержден как предполагаемый политический наследник Джексона вопреки противоположно направленным усилиям Калхауна.

Наделенный новым мандатом Джексон продолжил свою политику против банка Соединенных Штатов удержанием бюджетных денег. Но и в другом вопросе продолжал политику, начатую в первый срок его пребывания на посту президента. Ввиду возрастающих конфликтов между белыми и индейцами в Джорджии в 1827 году чироки объявили себя самостоятельной нацией на основе написанной республиканской конституции. Но когда на их территории было найдено золото, то конфликты приобрели насильственные формы, и Джорджия объявила, что индейская область подлежит исключительно законам штата. В поисках поддержки чироки обратились к президенту и попросили защиты федеральных войск. Ссылаясь на то, что речь идет о чисто внутренней проблематике штата, Джексон отказал в помощи, но если индейцы покинут Джорджию и поселятся на одной из территорий союза западнее Миссисипи, то они смогут жить там в мире под защитой правительства. Соответственно этому Конгресс издал 28 мая 1830 года закон о переселении индейцев, который предоставлял деньги для переселения *«пяти цивилизованных племен»* (крики, чироки, семинолы, чоктои и чикасои), если они согласятся покинуть их место жительства на юго-востоке Соединенных Штатов и поселятся на равной по величине территории западнее Миссисипи в сегодняшнем штате Оклахома, чтобы жить там в будущем без помех и без вмешательства извне. Союз берет на себя расходы на транспорт, питание во время переезда и все другие связанные с этим расходы.

Некоторые индейские племена приняли предложения без борьбы, другие настойчиво отказывались. Чироки, которые больше остальных переняли американские политически-социальные институты, обратились в суд и дошли до Верховного суда. В процессе *«Нация чироки*

против Джорджии» в 1830 году они проиграли дело, потому что суд присудил им статус «зависимой нации *внутри страны*», который не давал им права обвинять штат перед Верховным судом. Однако два года спустя в процессе «*Уоркестер против Джорджии*» тот же самый суд объявил распространение законов Джорджии на территорию чироки противоречащим конституции и недействительным и дал указание Джорджии освободить двух миссионеров, арестованных за нарушение этих законов.

Исследование исходит из того, что несколько десятилетий спустя якобы распространилось высказывание Джексона с высокомерным пренебрежением к приговору высших судей, который в действительности никогда не был вынесен. Однако Джексон находился в незавидном положении. Упрек в том, что он, благодаря нажиму на Джорджию, заставил штат пойти на уступки, недооценивает два аспекта. С одной стороны, в эти месяцы кризис аннуляции в Южной Каролине приближался к своему апогею, который имел для союза существенное значение и в котором Джексон всеми средствами должен был избежать усиления позиции Южной Каролины, прибирая к рукам соседний штат. Хотя Джорджия в 1828 и 1832 году почти полностью голосовала за Джексона, позиции его приверженцев в этом штате были далеко не непоколебимы, о чем свидетельствуют выборы 1836 и 1840 годов, когда Джорджия большинством голосов проголосовала против кандидата от демократов за кандидата от вигов.

Второй, чаще всего упускаемый в литературе, пункт касается общего отношения Джексона к Верховному суду и его функции внутри американской конституционной системы. В своем вето против закона о продлении концессии для банка Соединенных Штатов летом 1832 года Джексон отчетливо показал, что не принимает притязания Верховного суда быть единственным защитником конституции и конституционности законов. Подобно Джефферсону, он претендовал на одинаковую обязанность для исполнительной власти и Конгресса действовать как гарант конституции. В этой функции он мог

действовать против Джорджии только в том объеме, в котором его политика не давала бы повода для угрозы или тем более разрушения союза.

Джексону помогло то, что в случае с Джорджией он мог играть на время. Суд заседал после его решения до января 1833 года. Раньше вопрос конституции при продолжающемся отказе Джорджии подчиниться решению суда был бы не столь острым. Однако хронология событий отчетливо показывает действия Джексона в случае с Джорджией. Когда стало очевидным, что Южная Каролина не получит поддержки других южных штатов, Джорджия 14 января 1833 года подчинилась решению суда и освободила арестованных. Два дня спустя, 16 января, Джексон обратился в Конгресс с просьбой о законе, который должен был уполномочить федеральное правительство проводить свою политику в Южной Каролине при необходимости силой оружия. Конфликт с Джорджией был разрешен, но напряженное отношение с Верховным судом повисло в воздухе. То, что оно не ухудшилось совсем, объясняется тем, что Джексон к концу своего президентства назначил шесть новых федеральных судей, среди них, наконец, председателя суда Роджера Тэйний как преемника Джона Маршалла.

Джексон, несмотря на те или иные задержки, до конца своего президентства упорно продолжал переселение индейцев с американского юго-востока. В случае с чирокки эта политика все больше становилась жертвой бюрократической небрежности, лживых белых и неспособности их собственных вождей. То, что, наконец, началось в мае 1838 года и вошло в историю как «*поезд слез*», представляет собой самую мрачную главу американской политики по отношению к индейцам.

Это, однако, не повлияло на всеобщее уважение к Джексону. Когда в 70-летнем возрасте, то есть старше, чем какой-либо другой президент, он 3 марта 1837 года уходил с поста президента, то мог быть убежден в том, что является самым популярным американцем своего времени. Даже если он не убедил всех своих врагов, то

можно было видеть итог его восьмилетнего президентства. Демократическое открытие страны укрепилось, по крайней мере на Севере, новая двухпартийная система установилась на демократической основе по всей стране. Угрожающий развал союза был успешно предотвращен, и был предусмотрен политический преемник Джексона. Два новых штата (Арканзас и Мичиган) были приняты в союз, и независимость Техаса от Мексики открыла возможность дальнейшего мирного продвижения Соединенных Штатов на юго-запад. Конституционные учреждения страны оправдали себя в переходе от традиционной элиты восточного побережья к новым политико-социальным основам, укрепились и тем самым выдержали первое серьезное испытание.

Все это в значительной мере было заслугой Джексона. Он не только воспрепятствовал тому, чтобы конституция превратилась в мираж, но и указал американской политике новое направление, в центре которого находились внутреннее, экспансивное развитие и индивидуум. Целеустремленность в сочетании с явной долей нравоучительной уверенности в своей правоте, ориентация на успех и материальные основы характеризуют его в значительно большей степени, чем взвешенный самоанализ, рациональная отстраненность, интеллектуальная широта и склонность к образованию и духовному совершенствованию. В этом отношении, тем более с европейской точки зрения, Джексона можно рассматривать не только как образцового американского президента, более того, его значение, даже величие особенно проявляются в том, что он, оставив на этом американском времени перелома свой неизгладимый отпечаток, был тем самым нужным человеком в нужное время на нужном месте. Никакой другой американский президент до и после него не смог бы справиться с этой задачей столь убедительно. Насколько в американских исследованиях растет относительно новое убеждение в фундаментальном значении той эпохи для всей американской истории, настолько увеличивает

я понимание значения политического мышления и действий Джексона.

Сам Джексон с живым интересом мог наблюдать, как реют плоды его труда, правда, с расстояния своей плантации Эрмитаж под Нешвилем, насчитывающей 500 гектаров. Хотя он сам лично тяжело пострадал во время экономического кризиса 1837 года, он решительно, хотя безуспешно, добивался переизбрания своего друга, доверенного и преемника Ван Бурена, с которым у него перед выборами 1844 года возникло разногласие по поводу техасского вопроса. Тем счастливее был Джексон, когда в 1844 году президентом был выбран его ученик [жеймс К. Полк, да к тому же при поражении его главного врага Генри Клея. Для Джексона эта победа соответствовала цели, за которую он активно выступал последние годы своей жизни, — аннексия Техаса, по общей резолюции обеих палат Конгресса проведенная 1 марта 1845 года. Три месяца спустя, 8 июня 1845 года, Джексон умер в возрасте 78 лет и был похоронен, согласно его желанию, в саду Эрмитажа рядом с его женой Речел.

Хорст Диппель

МАРТИН ВАН БУРЕН 1837–1841

Практик партийного государства

М. В. В.

Преемник Джексона был во многих отношениях, противоположностью «Старого гикори», он был обходительный и приветливый, при этом не самоуверенный, совсем не темпераментный человек, который соблазняет недооценки «человек, который фокусник», таково было одно из его прозвищ.

Его предки были родом из Нидерландов и в 1631 году поселились в верхней долине Гудзона недалеко от сегодняшнего Олбани. Здесь в Киндерхуке, Нью-Йорк, 5 декабря 1782 года родился Мартин Ван Бурен. Его отец Авраам Ван Бурен, уважаемый фермер и трактирщик, нажил скромное состояние, а его мать Мария Хоус была из известной семьи тоже голландского происхождения. Мартин был третьим из пятерых детей и старшим сыном Авраама и Марии Ван Бурен.

Получив школьное образование, которое в конце XVIII века мог предложить маленький Киндерхук, но в которое, однако, входили основы латыни, четырнадцатилетний Мартин Ван Бурен поступил в канцелярию, чтобы выучиться на адвоката. Когда в 1803 году он получил допуск к работе в суде, то не только успел заложить основы для многолетней успешной карьеры адвоката, но и приобрести известность в местной политике как убежденный сторонник республиканцев Джефферсона.

Политика стала в конце концов основным содержанием его жизни, тем более, что в 1819 году от туберкулеза умерла его юношеская любовь Ханна Хоус, дальняя родственница матери, на которой он женился в 1807 году, и он остался вдовцом. В 1812 году он победил депутата федералистов на выборах в сенат Нью-Йорка и в последующие годы играл все более значительную роль в политике своего родного штата. Так, вместе с другими республиканцами он создал так называемое «*Регентство Олбани*», политическую группировку, которая на протяжении многих лет определяла политику штата Нью-Йорк. На конституционном конвенте Нью-Йорка 1821 года он успешно выступил за демократизацию политической системы своего штата. В том же году одержал верх над прежним депутатом в законодательных органах Нью-Йорка при выборах одного из двух сенаторов штата в Вашингтон.

В Вашингтоне Ван Бурен все больше проявлял себя как противник президента Адамса и скоро был вынужден примкнуть к Эндрю Джексону. Для избрания Джек-

сона он создал в 1828 году коалицию Юга и Севера, при этом, несмотря на только что прошедшее переизбрание его сенатором, отказался от мандата, чтобы выставить свою кандидатуру на пост губернатора Нью-Йорка. Смысл этого политического хода состоял в том, чтобы на буксире своих выборов одновременно обеспечить голоса за Джексона в штате Нью-Йорк. Уже два месяца спустя, в марте 1829 года, Ван Бурен оставил свой новый пост и вступил в должность министра иностранных дел в правительстве Джексона. Как самый лояльный и надежный сотрудник Джексона, он в 1831 году ушел в отставку, чтобы дать президенту возможность провести необходимое преобразование своего кабинета. После этого Джексон назначил его послом в Великобританию, но сенат по партийно-политическим соображениям не дал согласия. Если некоторые противники надеялись положить этим преждевременный конец карьере Ван Бурена, давно ставшего профессиональным политиком, то вскоре они узнали, что Джексон крепко держится за Ван Бурена, а конвент демократов по выдвижению кандидатур выбрал его в 1832 году необходимым большинством в 2/3 кандидатом на пост вице-президента и тем самым преемником Калхауна. Согласно желанию Джексона, чтобы Ван Бурен был его политическим преемником, конвент демократов в мае 1835 года единогласно выбрал его кандидатом в президенты и выдвинул Ричарда М. Джонсона из Кентукки кандидатом на пост вице-президента.

Партийно-политические противники Джексона и Ван Бурена объединились между тем как виги, однако не смогли прийти к единогласию по поводу общего кандидата, так что в 1836 году, наряду с Уильямом Генри Гаррисоном из Огайо, в борьбу вступили Хью Лоусон Уайт из Теннесси и Даниэл Уэбстер из Массачусетса и, дополнительно, еще Уилли П. Мангам как независимый демократ от Южной Каролины. Раздробленность голосов Запада и Юга облегчила Ван Бурену победу. Правда, он смог записать в свой актив 765 000 голосов, т. е. почти на 10% больше, чем Джексон четыре года назад,

но в действительности результаты выборов в большинстве штатов показали лишь незначительный отрыв, и в конце доля голосов Ван Бурана составляла 50,8%. В выборной коллегии результат был явно лучше. В отличие от 1832 года демократы Род-Айленда и Коннектикута победили, а Нью-Джерси, части Мериленда, Индианы, Огайо, Теннесси и Джорджии проиграли, так что Ван Бурен получил 170 из 294 голосов, в то время как Гаррисон как его важнейший кандидат от оппозиции с 36,6% голосов избирателей получил только 73 места. Надежда многих вигов на то, что они смогут предотвратить большинство в выборной коллегии, как в 1824 году, чтобы провести голосование через палату представителей, не оправдалась.

Невзирая на утверждения того и более позднего времени, что с вступлением Ван Бурана в должность начался третий срок президентства Джексона, Ван Бурен во многих отношениях олицетворял новое начало. Это был первый президент, для которого Война за независимость и революция были унаследованной историей, а не собственным им пережитым. Поэтому он смог разработать другое, менее эмоциональное отношение к Великобритании и пропагандировать новую оценку политических партий как основу демократического строя. Больше, чем любой другой президент до и после него, Ван Бурен верил в значение и функцию современной политической партии в демократическом партийном государстве, образованию которого он также содействовал больше, чем все его предшественники. Как одну из его постоянных заслуг следует рассматривать то, что он создал упорядоченное соревнование партий и привел его в соответствие с конституционными учреждениями страны.

В остальном его президентство проходило не под счастливой звездой. Бурное торговое и денежное развитие во время президентства Джексона, благоприятствовавшее экономическим и финансовым спекуляциям и созданию банков, которые вырастали повсюду как из-под земли, стояло на глиняных ногах, и политика Джексона в этой

сфере не способствовала ни уменьшению, ни стимуляции доверия. Экономический кризис 1837 года (паника 1837 года) возник не случайно. Два месяца спустя после вступления Ван Бурена в должность развалились первые банки в Нью-Йорке, за ними последовали другие по всей стране. Кризис коснулся самого государства — также наследие политики Джексона, так как под угрозой находились, если не пропали совсем, государственные деньги, рассеянные по многочисленным депозитным банкам, и президентство Ван Бурена характеризовалось среди прочего настойчивыми политическими усилиями создать независимую депозитную систему в рамках государственного финансового управления.

Экономика и общество также пострадали от самого тяжелого экономического кризиса XIX века. В Нью-Йорке дошло до продовольственных мятежей, росла массовая безработица, цены падали. Больше, чем какое-либо другое отдельное событие, этот экономический кризис, продолжавшийся до сороковых годов, был виноват в том, что все усилия Ван Бурена, предпринятые для переизбрания в 1848 году, оказались напрасными.

При этом его правительство имело успехи, например, во внешнеполитической сфере. Так, зимой 1837—38 гг. на реке Ниагара и зимой 1838—39 гг. на северо-восточной границе с Мэном имели место серьезные инциденты с Великобританией, каждый из которых мог бы легко стать поводом для новой американско-британской войны. В обоих случаях Ван Бурен послал американские войска под началом генерала Винфилда Скотта в пограничный с Канадой регион, но с указанием избегать открытого конфликта и достичь дружеского решения. Ему удалось таким образом не только предотвратить войну, но и подготовить почву для договора Уэбстера и Эшбартона в 1842 году, в котором шестьдесят лет спустя после завоевания независимости была окончательно, в соответствии с международным правом, согласована северо-восточная граница Соединенных Штатов в спорной пограничной области между Мэном и Нью-Брансвиком.

Ван Бурен не смог воспользоваться плодами этого успеха. Как решительно на выборах 1840 года демократы стояли за Ван Бурена, так же единогласно виги стояли в этот раз за Уильяма Гаррисона. Ван Бурен в силу явно возросшего участия в выборах получил вполтину больше голосов, чем четыре года назад, однако его доля голосов снизилась до 46,8%, в то время как Гаррисон достиг 52,9%. В выборной коллегии результат был еще более явным. За Ван Бурена проголосовало семь штатов с общим количеством в 60 голосов. Гаррисон получил почти в четыре раза больше. Не в последний раз, ввиду такого отпора. Должны были пройти 24 года, прежде чем в следующий раз и при совершенно других обстоятельствах президент, находящийся в должности, выдвинул свою кандидатуру на переизбрание.

Однако, несмотря на поражение, Ван Бурен ушел из политики без чувства горечи и злости. На ферме в Нью-Йорке он подготавливал свое возвращение через несколько лет в активную политику. С этой целью в 1842 году предпринял большую поездку по Соединенным Штатам, по завершении которой его повсюду считали твердым кандидатом на пост президента от демократов на выборах 1844 года. В том, что этим надеждам не суждено было сбыться, виноват был не в последнюю очередь Калхаун, но прежде всего сам Ван Бурен. Чтобы предотвратить победу Ван Бурена, Калхаун на решающей фазе перед выборами пустил в ход вопрос об аннексии Техаса, которым настойчиво занимался. Он осознал, что Ван Бурен в последние годы явно симпатизирует противникам рабства и поэтому будет против расширения области рабовладельческих штатов путем присоединения Техаса. Соответственно однозначно Ван Бурен выступил перед конвентом по выдвижению кандидатов. Следствием этой принципиальной позиции было то, что Ван Бурен в семи турах не смог преодолеть выдвинутый им самим в 1832 году барьер большинства в две трети, хотя был однозначным фаворитом делегатов из северо-восточных и северо-западных штатов. В такой ситуации вперед

выступил Джеймс К. Полк, державшийся до этого в тени, как компромиссный кандидат, который сумел убедить конвент единодушно поддержать его.

Ван Бурен вновь уединился в своем поместье, однако дискуссии по поводу политики Полка и растущий раскол демократической партии в Нью-Йорке между радикальными противниками рабства и консервативными политиками, которые ради единства партии были готовы принять распространение рабства, не оставили старого партийного политика в стороне. Становясь все сильнее противником рабства, он в конце концов был готов пожертвовать единством партии и, ввиду раскола существующей двухпартийной системы новой антирабовладельческой партией, партией свободной земли, выдвинул свою кандидатуру на выборы 1848 года.

Если даже Ван Бурен, занявший в этих выборах третье место, и не достиг своей цели, то результат во многих отношениях имел большое значение. В первый раз вопрос рабства стал значительной темой предвыборной борьбы, и впервые бурлящий конфликт между Севером и Югом отразился на результатах выборов. Ван Бурен получил примечательные 10% голосов, однако, не учитывая 200 избирателей в обоих позднее пограничных штатах Делавэр и Мериленд, ни одного голоса на Юге. В штате Нью-Йорк и Массачусетс его доля голосов составила по 29%, и он смог отодвинуть кандидата от демократов и приверженца рабства Льюиса Касса на третье место. Косвенно Ван Бурен достиг тем самым своей цели и предотвратил победу Касса, так что выбран был Закари Тейлор 47% голосов и 163 членами выборной коллегии против 127, проголосовавших за Касса.

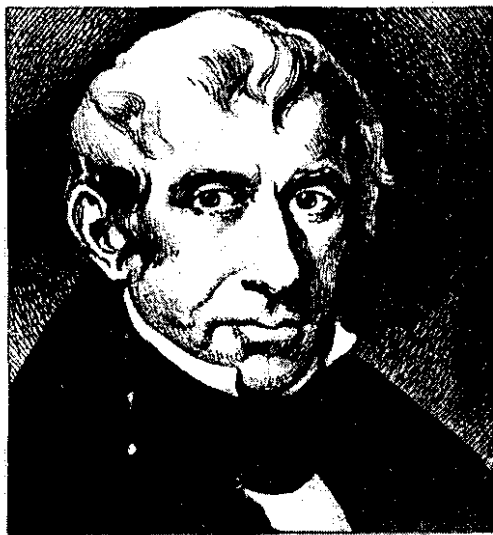
Это было последнее крупное выступление Ван Бурена в национальной политике. Несмотря на все это, он не собирался оставить мысль о единстве союза и снова помирился с демократической партией. В преклонном возрасте предпринял с 1853 года по 1855 год большое путешествие по Европе и начал писать свою биографию, которая никогда не была закончена, но до сих пор явля-

ется самой подробной биографией бывшего американского президента. В ней он еще раз подтвердил свою веру в политические партии и современное партийное государство. Когда крупные партии демократов и вигов в конце 50-х годов XIX века разошлись по вопросу рабства, почти восьмидесятилетний Ван Бурен мог зарегистрировать это только издалека, не имея возможности вмешаться самому. В разгар гражданской войны, 24 июля 1862 года, Ван Бурен умер от астмы, которая в последние годы все больше обострялась, в своем поместье Линденвальд в Киндерхуке.

Хорст Диппель

УИЛЬЯМ Г. ГАРРИСОН 1841

Президент на один месяц

W H Garrison

Уильям Генри Гаррисон, родившийся 9 февраля 1773 года на плантации родителей в округе Чарльз Сити, Виргиния, происходил из проживавшей с 1632 года в Виргинии семьи, давшей целый ряд должностных лиц, среди которых был его отец Бенджамин Гаррисон, один из подписавших Декларацию независимости и губернатор Виргинии в 1781—84 гг. О его матери Элизабет Бассет

ся понимание значения политического мышления и действий Джексона.

Сам Джексон с живым интересом мог наблюдать, как зреют плоды его труда, правда, с расстояния своей плантации Эрмитаж под Нешвилем, насчитывающей 500 гектаров. Хотя он сам лично тяжело пострадал во время экономического кризиса 1837 года, он решительно, хотя и безуспешно, добивался переизбрания своего друга, доверенного и преемника Ван Бурена, с которым у него перед выборами 1844 года возникло разногласие по поводу техасского вопроса. Тем счастливее был Джексон, когда в 1844 году президентом был выбран его ученик Джеймс К. Полк, да к тому же при поражении его давнего врага Генри Клея. Для Джексона эта победа соответствовала цели, за которую он активно выступал последние годы своей жизни, — аннексия Техаса, по общей резолюции обеих палат Конгресса проведенная 1 марта 1845 года. Три месяца спустя, 8 июня 1845 года, Джексон умер в возрасте 78 лет и был похоронен, согласно его желанию, в саду Эрмитажа рядом с его женой Речел.

Хорст Диппель

МАРТИН ВАН БУРЕН 1837–1841

Практик партийного государства

Маленький

Преемник Джексона был во многих отношениях полной противоположностью «Старого гикори», коренастый, обходительный и приветливый, при этом осторожно лавирующий, совсем не темпераментный смельчак, скорее человек, который соблазняет недооценить его, «Маленький фокусник», таково было одно из его не совсем лестных прозвищ.

Гаррисон, также уроженке Виргинии, известно очень мало. Последний президент Соединенных Штатов, который был рожден еще как британский гражданин, был самым младшим из семи детей. В 1795 году женился на Анне Татхилл Симмс, дочери верховного судьи в Нью-Джерси, и у них самих было девять детей, среди них Джон Скотт Гаррисон, единственный американец, который одновременно являлся сыном и отцом президента, а именно, выбранного в 1888 году 23-го президента Соединенных Штатов Бенджамина Гаррисона.

Свое первоначальное намерение стать врачом он оставил в 1791 году, чтобы пойти в армию, в которой дослужился до звания генерал-майора, участвуя при этом в многочисленных походах против индейцев на северо-востоке. За победу на Типпекену-Крик в 1811 году он получил прозвище *«Старый Типпекену»*. После того как Гаррисон в мае 1814 года ушел из армии из-за разногласий с военным министром, он попытался сделать политическую карьеру, которая окончилась после двухлетнего пребывания в палате представителей в Вашингтоне и в сенате штата Огайо. В 1825 году вошел в сенат, где Генри Клей отделался от него, назначив в 1828 году посланником в Колумбию. Его дипломатическая карьера была также непродолжительной, так как вновь избранный президент Джексон отозвал его еще в 1825 году, и он вынужден был вернуться на свою ферму в Северный Бенд, Огайо.

В поисках дополнительного заработка для содержания своей многочисленной семьи Гаррисон в 1834 году поступил на место судебного писаря. К этому времени честолюбивый Клей решил сделать из *«Старого Типпекену»* национального героя и выставить в 1836 году кандидатом на пост президента от вигов против Ван Бурена. Расчет вигов тремя кандидатами препятствовать необходимому абсолютному большинству в выборной коллегии, чтобы провести выборы, как двенадцать лет назад, через палату представителей, не оправдался. Тем лучше, казалось, ввиду растущей непопулярности Ван Бурена

из-за экономического кризиса, складывались шансы для выборов 1840 года, в которых Генри Клей претендовал на выдвижение от вигов. На партийном конвенте в Харрисберге он, однако, не смог в нескольких турах преодолеть массивную оппозицию партийного крыла, так что в конечном счете Гаррисон вышел победителем, в то время как сторонники Клея смогли выдвинуть лишь одного своего в лице Джона Тайлера как кандидата на пост вице-президента. На выборах в этот раз Гаррисон взял верх по всем линиям над Ван Буреном, более чем удвоив свое количество голосов по сравнению с 1836 годом, благодаря явно возросшему участию в выборах. Ван Бурен проиграл даже в своем родном штате Нью-Йорк и получил всего 60 голосов членов выборной коллегии против 234, отданных за Гаррисона.

Гаррисон, который до Рональда Рейгана был самым старым американским президентом в момент вступления в должность, придерживался при общении любезного и непретенциозного тона, исключаящую какую-либо скованность, но который и вводил в искушение воспринимать его как наивного человека и попытаться привлечь для собственных политических целей и контролировать. Клей в своем необузданном и обманутом честолюбии многократно и жестоко схватывался с ним, в то время как толпы просителей осаждали Гаррисона за неделю до и после его вступления в должность, чтобы получить место в новом правительстве. Гаррисон пытался, как мог, защититься от двух вещей: не стать марионеткой в руках других и не лишить институт президентов его выдающегося конституционно-правового положения. Если даже он и хотел сознательно придать должности другой отпечаток, не такой, как при Джексоне, и думал о гармонии и примирении даже с законодательной властью, то президент был для него больше, чем *«первый среди равных»* в кругу кабинета, решающего большинством, как это было при республиканских президентах в начале века.

Из своих намерений Гаррисон мало что успел осуществить, так как уже месяц спустя, 4 апреля 1841 года,

закончилось его пребывание в должности, когда впервые в американской истории президент умер на службе. На введении в должность Гаррисон перенапрягся, зачитывая полуторачасовую, необыкновенно длинную инаугурационную речь, а в последующие недели холодная и сырая мартовская погода оказала на него влияние, он подхватил воспаление легких, от которого и умер.

Хорст Динпель

ДЖОН ТАЙЛЕР 1841–1845

Президент без партии

John Tyler

Когда 4 апреля 1841 года умер Уильям Г. Гаррисон, то впервые за эти полвека, прошедшие с инаугурации Джорджа Вашингтона, наступил такой случай, когда полномочия и обязанности президента без выборов были перенесены на вице-президента. Хотя конституция предписывает такой порядок преемственности, еще не было единства по вопросу, что же в действительности имеется

Джон Тайлер (1841—1845)

в соответствующих формулировках статьи II, . Но Тайлер с самого начала не допускал сомнений, что будет играть роль управляющего президента. Более того, он настаивал на том, что смерть предшественника сделала его полноценным президентом со конституционными правами и обязанностями по отношению к другим конституционным органам и что не вует президентов первого и второго порядка, независимо от того, стал ли он им в результате избрания на них или в результате ухода избранного президента. Четвертый президент, происходивший из аристократии городов Виргинии, был не тем человеком, с которым было бы спорить по этому вопросу. Его предки того происхождения поселились 200 лет назад в Виргинии недалеко от Уильямсбурга, где его отец Джон Тайлер, плантатор и рабовладелец, друживший с Джефферсоном, был с 1809 по 1811 год губернатором, а потом судьей в федеральном суде Виргинии. Сын Джон Тайлер родился здесь же 29 марта 1790 года и был шестым из семи детей. О его матери Мэри Армстед Тайлер, которая умерла в возрасте 36 лет, известно очень мало. Джон Тайлер учился в колледже Уильяма и Мэри в Уильямсбурге, а потом учился на адвоката. В 1809 году закончил обучение и получил допуск к работе в суде. В 1813 году он женился на Летиции Кристиан, происходившей из влиятельной семьи плантаторов Виргинии и два года после ее смерти в 1842 году — на Джулии Гардингер, известной нью-йоркской семье, которая была на несколько лет моложе его. От двух браков он имел четырнадцать детей.

Джон Тайлер в двадцать один год начал политическую карьеру, пойдя по стопам своего отца, когда в 1811 году как республиканец и приверженец Джефферсона вошел в палату делегатов Виргинии, в которую он оставался до 1816, а потом снова с 1823 по 1825 и с 1838 по 1841 год. В остальные годы он входил в палату представителей (1816—21) и сенат (1827—36) или был губернатором Виргинии (1825—27). На выборах 1836 года Тай-

лер выступил как кандидат на пост вице-президента в некоторых штатах наряду с Хью Л. Уайтом, в других — наряду с Уильямом Генри Гаррисоном. Тайлер отстаивал политическую линию убежденного южанина, выступая за права отдельных штатов и против любого ограничения рабовладения, правда, он не поддерживал политику аннуляции Северной Каролины, но придерживался принципиального права на отделение и решительно высказывался против всякой попытки удерживать союз силой оружия. Так он стал в конце концов бескомпромиссным противником Джексона и примкнул к оппозиционным вигам и тем самым к политике Клея, активную федеральную политику которого прежде постоянно принципиально отвергал.

На конвенте выдвижения кандидатов от вигов в 1839 году Тайлер поддержал кандидатуру Клея, но когда одержал верх Гаррисон, Тайлер был выдвинут как кандидат на пост вице-президента, чтобы улучшить шансы вигов на Юге. Он был избран вместе с Гаррисоном и 4 марта 1841 года вступил на свой пост, не имея возможности оказать какое-либо влияние на состав правительства, и вскоре вернулся в свое поместье в Уильямсбурге. Ранним утром 5 апреля он получил неожиданное известие о смерти президента, поспешил в Вашингтон, а 6 апреля 1841 года дал присягу как десятый президент Соединенных Штатов.

Времени для вхождения в курс дела у Тайлера было очень мало, так как ввиду напряженного положения бюджета Гаррисон назначил чрезвычайное заседание Конгресса на конец мая, и Клей совершенно не скрывал, что воспользуется возможностью для того, чтобы политически осуществить восстановление банка Соединенных Штатов, который рухнул пять лет назад в результате вето Джексона. Принципы вигов, которым он бескомпромиссно требовал следовать, значили для него больше, чем конституционные опасения президента, выступающего за права отдельных штатов и более узкую интерпретацию конституции.

Клей добился, чтобы существующий закон по управлению государственными деньгами был отменен, и Конгресс принял решение о создании казначейского банка Соединенных Штатов в Вашингтоне и его филиалов в отдельных штатах. Мероприятие тотчас же было сорвано вето Тайлера. Так как сенат не смог набрать большинства в две трети, чтобы отклонить вето, срочно и невзирая на предложение Тайлера перенести заседание, был предложен измененный проект закона, благодаря чему вопрос банка стал личной борьбой за власть между Тайлером и Клеем. Если даже Тайлер и не обладал политической ловкостью Клея, то остается вопрос, могли ли он для политического авторитета института президентов на долгое время принять лучшее решение, чем второй раз наложить вето вместо того, чтобы уступить вымогательским попыткам Клея. Такой позицией он хотел демонстративно воспротивиться затушевыванию конституционного принципа разделения власти. Тем самым *«Его несчастная случайность»*, как его презрительно называли противники, выводил себя политически в положение вне игры. Когда Клею на следующий день опять не удалось набрать необходимое большинство для отклонения вето, то через день, 11 сентября 1841 года, все министры, за исключением государственного секретаря Уэбстера, подали в отставку, а Тайлер как предатель был формально исключен из партии вигов.

Тайлеру удалось всего за два дня составить новый кабинет, в который он пригласил знаменитых политиков-вигов с Севера и Юга. Сенат не мог разрушить это новое правительство, если не хотел довести до крайности борьбу с президентом. Но судьба не дала ему ни долголетия, ни особых успехов. Правда, министр иностранных дел Уэбстер в 1842 году после большой подготовительной работы еще при Ван Бурене и несмотря на дилетантское вмешательство Тайлера, заключил договор Уэбстера — Эшбартона, который не только урегулировал длящийся десятилетиями на северо-востоке пограничный конфликт между Мэном и Нью-Брансуиком, но и уста-

новил также на северо-востоке линию границ от озера Верхнего до озера Лесного, что принесло Соединенным Штатам — тогда, правда, об этом еще не было известно — владение богатыми залежами железной руды. Когда на следующий год ушел в отставку Уэбстер, потребовалось новое преобразование кабинета. А в марте 1844 года стало необходимым третье, так как на одном только что взятом на вооружение военном судне при испытаниях взорвалась пушка и погибли министр иностранных дел и министр военно-морского флота. Тот факт, что Джон Калхаун после этого вошел в кабинет как министр иностранных дел, сигнализирует о том, что Тайлер близко сошелся с демократами южных штатов и политически выделился в обостренном конфликте между Югом и Западом.

Поворот к демократам, явно проявившийся при преобразовании кабинета в 1843 году, был не в последнюю очередь ускорен тем, что на выборах Конгресса в 1842 году виги почти драматически проиграли, благодаря чему резко изменилась ситуация среди национальных партий в связи с предстоящими в 1844 году выборами президента. Клей вышел из сената, чтобы сконцентрироваться на своей четвертой и последней попытке добиться президентского кресла. До того как у демократов все сошлось на Ван Бурене, Тайлер не мог оставить смелую надежду на то, что они выдвинут его своим кандидатом.

Однако для *«президента без партии»* такая надежда оставалась тщетной. Его правление слишком страдало от стимулируемых его личностью политических позиционных боев. То, что в 1842 году Тайлеру едва удалось уйти от судьбы, стать первым американским президентом, которому палата представителей официально предъявила должностное обвинение, объясняется только тем, что этот момент, ввиду уже полностью разгоревшейся борьбы за его наследие, в выборах 1844 года показался Клейю неподходящим.

Политически общие действия исполнительной и законодательной власти были невозможны из-за усиливающейся оппозиции. Когда Тайлер в последний год своего

пребывания в должности выступил за аннексию Техаса и не побоялся применения американского военно-морского флота, тогда же договор с Техасом, которого добился Калхаун, натолкнулся на решительный отпор в сенате, большинство усмотрело в нем заговор рабовладельцев с целью расширения рабства в Соединенных Штатах. Попытка Тайлера посредством общей резолюции Конгресса добиться приема Техаса рухнула через несколько дней из-за массивного сопротивления сената и из-за недостаточной готовности Конгресса заняться этим вопросом. С избранием Полка в ноябре 1844 года для Тайлера, казалось, возникла новая ситуация, так как, по его убеждению, речь шла о явном решении народа в пользу аннексии. Он снова призвал Конгресс принять Техас в союз общей резолюцией обеих палат. После строгого голосования согласно партийным линиям демократов «за», а вигов «против» приема, причем соответствующие внутрипартийные меньшинства вигов из южных штатов голосовали с демократами, а демократы из северных штатов с вигами, Техас был принят к 1 марта 1845 года.

Но президентству Тайлера не суждено было закончиться этой политической победой. 3 марта, за несколько часов до окончания его президентства согласно конституции, Конгресс начал свое последнее обсуждение вето президента, направленного против относительно незначительного проекта закона, и с неизвестным до сих пор единодушием впервые в американской истории отклонил вето президента необходимым большинством голосов в две трети. Хотя Тайлер почти и не отметил это, но многолетнее разногласие между законодательной и исполнительной властью достигло новой, для его президентства последней, высшей точки.

Президентство Тайлера было самым неоправдавшимся в американской истории, исключая лишь одномесячное пребывание в должности Гаррисона. В этой оценке ничего не изменилось до сегодняшнего дня. Иностранцы наблюдатели того времени считали его даже признаком непосредственно предстоящего краха и развала Со-

единенных Штатов. Однако, невзирая на недостаточную личную пригодность Тайлера, можно легко увидеть, что его президентство имело в конституционно-правовом отношении важное значение, укрепив институт президентов по отношению к враждебному Конгрессу прежде всего в до сих пор невыясненном вопросе признания наследования должности и воспрепятствовав тем самым сведению роли института президентов до уровня футбольного мяча между партийно-политическими интересами. Тайлер в роли послушной марионетки в руках Клея был бы для конституционно-правового развития Соединенных Штатов более роковым, чем Тайлер как противник Клея. Даже если Тайлер лично проиграл Клею в борьбе за власть, то институт президентов вышел из этого конфликта скорее закаленным. Эта точка зрения обычно упускается в традиционных изложениях.

Его уход с поста был достойным и более блистательным, чем его политическая карьера, и он был уверен, что история когда-нибудь признает его правоту. Он вернулся на свою плантацию в Виргинии в круг растущей семьи, откуда поддерживал контакты с демократической партией, однако активно не вмешиваясь в политику. Вместо этого посвятил себя своему бывшему колледжу в Уильямсбурге, где служил канцлером в последние годы своей жизни.

Только грозящая гражданская война вырвала его из блаженной сельской жизни, и в феврале 1861 года он как председатель одного из конвентов штатов, созданных по инициативе Виргинии, еще раз вернулся в Вашингтон, чтобы содействовать последней попытке предотвратить грозящую войну. Когда стала явно видна тщетность этих усилий, он посоветовал своему родному штату отделиться и предложил свои услуги конгрессу южных штатов. В ноябре его выбрали в палату представителей отделившихся штатов, но прежде, чем смог вступить на свой пост, он умер 18 января 1862 года незадолго до завершения 72-го года своей жизни.

Йорг Наглер

ДЖЕЙМС К. ПОЛК 1845–1849

Президент «явного предназначения»

James K. Polk

После спада экономического кризиса 1837 года все приметы в 40-х годах XIX века вновь указывали на экспансию. Экономически Соединенные Штаты срослись в большой внутренний рынок и одновременно распространили свои торговые отношения на весь остальной мир; территориально они добились в войне против Мексики в 1846—

48 гг. окончательного прорыва к Тихому океану. Именно эта быстрая экспансия в сочетании с первым настоящим массовым переселением, прежде всего из Ирландии и Германии, обострила региональные противоречия и накалила спор вокруг рабства, который в 1860–61 гг. привел к испытанию на разрыв в гражданской войне.

Понятие *«явное предназначение»* описывает господствующий дух 40-х годов XIX века, который никто не олицетворяет лучше, чем президент Джеймс К. Полк. Лозунг создан нью-йоркским публицистом Джоном Л. О'Салливаном, когда в 1845 году он писал, что *«явное предназначение»* американского народа состоит в том, чтобы распространиться по всему континенту, «который провидение указало нам для свободного развития наших из года в год умножающихся миллионов». Этим он выразил в слове видение, которое выросло из смеси англо-протестантского национализма и прогрессивного оптимизма. Как освобожденная от влияния церкви форма протестантского ожидания спасения *«явное предназначение»* пронизало всю культуру эпохи, придало опыту демократизации, миграции на Запад и роста населения более глубокий смысл и на длительное время укоренилось в коллективном историческом сознании американцев. Для многих его современников президент Полк был инструментом, с помощью которого провидение осуществляло это.

Джеймс К. Полк родился 2 ноября 1795 года в округе Мекленбург, Северная Каролина, и был старшим из десяти детей. В одиннадцать лет он вместе с семьей переехал в Теннесси. Ввиду слабого телосложения формальное образование сначала было невозможно. В возрасте двадцати одного года Полк сдал приемные экзамены в университет Северной Каролины, который с отличием окончил в 1818 году. Возвратившись назад в Теннесси, сначала работал в конторе адвоката в Нешвиле, в 1820 году получил допуск для работы адвокатом и от-

крыл свою практику. Так как он был убежденным сторонником Эндрю Джексона и демократической партии и поражал своим красноречием даже противников, то вскоре его стали называть «Наполеоном импровизации». В 1824 году он женился на Саре Чилдрес, которая всю жизнь со знанием дела и радостью поддерживала его в политической карьере, брак был бездетным. За год до этого он был избран в палату депутатов Теннесси, в которую входил до 1825 года. У Полка было очень много знакомых, но небольшой круг друзей. Одним из его ближайших друзей и покровителей был Эндрю Джексон, которого Полк глубоко уважал и благодаря влиянию которого получил доступ в национальную политику. С 1825 года он представлял штат Теннесси в палате представителей, где в 1835 году выдвинулся в спикеры и взял на себя руководство демократической фракцией.

С 1839 по 1841 год Полк продолжал накапливать политический опыт в качестве губернатора Теннесси, но после двух проигранных выборов губернатора (1841 и 1843) вернулся назад в Вашингтон. На партийном конвенте демократов в 1844 году в Балтиморе его выдвинули кандидатом на пост президента, после того как предыдущие фавориты Мартин Ван Бурен, Льюис Касс и Джеймс Бьюкенен заблокировали друг друга. В лице Полка делегаты пришли к самому большому общему знаменателю, и Полк стал благодаря этому первым «кандидатом — темной лошадкой», т. е. был выбран относительно неизвестным компромиссным кандидатом на пост президента.

Только на юге США Полк, также державший рабов, пользовался высокой степенью известности. Демократы тех мест видели в нем по праву убежденного сторонника Эндрю Джексона и были уверены, что он будет выступать за более низкие пошлины, против власти банков и за другие принципы демократии Джексона. Глубокая приверженность Полка к личности и политике Джексона

принесла ему прозвище «Молодой орешник».

Виги открыто смеялись над выбором демократов и создали пропагандистский лозунг: «Кто такой Джеймс К. Полк?». Полк, однако, оказался искусным стратегом предвыборной борьбы и использовал различные региональные особые интересы в свою пользу. Так как демократическая партия была расколота в вопросе аннексии Техаса, он попытался убедить избирателей на севере в том, что присоединение этой территории в их интересах. Вместе с сенатором Робертом Уолкером из Миссисипи Полк приводил аргументы в пользу аннексии, которые вызывали на севере глубоко коренившийся страх перед насильственным конфликтом в южных штатах, перед войной между рабами и рабовладельцами, которая могла бы потом перекинуться на Север. Только расширение американской государственной территории, по мнению Полка, могло исключить возможные конфликты. Однако аргументы в пользу аннексии Техаса он не связывал с расширением рабства. В Техасе видел скорее военный щит от юго-запада и, что казалось еще важнее для его интересов, путь для открытия Соединенных Штатов на Тихом океане.

Еще важнее, чем Техас, казалась Полку Калифорния, которая была во владении Мексики. В калифорнийских портовых городах, особенно в Сан-Франциско, он видел ключ к торговле с Азией и торговым путям на восток. Этим стремлением к большой территории и новым рынкам он предугадал в экономически депрессивных 40-х годах фазу процветания будущего десятилетия.

Чтобы приобрести для себя демократических избирателей на севере, которые были за повышение пошлин, Полк дал понять о готовности к компромиссу в отношении возможных протекционистских пошлин.

Благодаря постоянно растущей иммиграции и иммигранты стали политическим фактором. В то время как виги разобщились в результате неудачного кадрового

размещения внутри их президентской кампании, Полку и его партии удалось активизировать эту группу избирателей для себя.

Он намного лучше, чем консервативные виги, признавал, что общественное мнение склоняется в пользу территориальной экспансии. Так, предвыборная программа демократов, например, настойчиво напоминала о территориальном притязании на весь Орегон, а не только на область южнее 49° широты, что соответствовало интересам экспансионистов на севере. Однозначная поддержка Полком мысли об американской миссии соответствовала экспансионистскому настроению в стране и, таким образом, он одержал верх над своим противником от вигов Генри Клеем, который недооценил эту тенденцию, большинством голосов членов выборной коллегии в 170 к 105 голосам. При высоком участии в выборах в 78,9% общий результат показал довольно маленький разрыв. Полк получил 1 338 464 (49,6%) голосов избирателей, чуть больше, чем кандидат от оппозиции, который записал в свой актив 1 300 097 (48,1%) и завоевал для себя 15 штатов, Клей — 11. Свой собственный штат Теннесси Полк потерял из-за 113 голосов, отданных за вигов. Во многих штатах партии шли голова к голове, что свидетельствовало о стабильности выросшей *«двухпартийной системы»*. Впервые с 1824 года президент был избран с менее чем 50% голосов. Это сначала не казалось мандатом для полного осуществления планов Полка.

Уже при выборе своих министров Полк проявил тонкое чутье на политическую и административную компетентность. Наряду с Джеймсом Бьюкененом как министром иностранных дел в кабинет входили среди прочих Уильям Л. Мэрси (военный министр), Роберт Уолкер (министр финансов) и историк Джордж Банкрофт (военно-морской флот). Они поддерживали партийно-демократические принципы Полка, но не влияли решающе на политику исполнительной власти, которую в основ-

ном он сам формулировал и осуществлял. Хотя Полк во время предвыборной борьбы обещал в перспективе северным демократам повышение пошлин, но, находясь в должности, провел снижение пошлинных тарифов законом о тарифах Уолкера (1846 г.)

Также демократы и на Западе отстранились от партии, когда он наложил вето на проект закона, предусматривающий федеральные средства для улучшения тамошней инфраструктуры. Это возражение западные демократы интерпретировали как четкий сигнал того, что Полк первично представляет интересы южных штатов и сильно подвержен влиянию партийных представителей южан.

Значительно тяжелее, чем конфликты по поводу пошлинных тарифов и внутреннего расширения страны, были разногласия по вопросу экспансии на Юг и Запад. Полк, как типичный представитель демократии Джексона, видел в территориальном расширении Соединенных Штатов возможность демографически разумного распределения населения, а также шанс сохранения первоначально аграрного и демократического характера США. Также более легко можно было предотвратить опасный, по его мнению, рост власти централистского федерального правительства.

О том, что Полк серьезно относился к осуществлению своих экспансионистских планов, свидетельствует его речь при вхождении в должность 4 марта 1845 года, в которой он еще раз подчеркнул притязания на Орегон и особо отметил, что присоединение Техаса является делом исключительно двух автономных государств, а именно США и Техаса, а никак не Мексики. Так как большинство в сенате и в палате представителей состояло из демократов, которые рассматривали свое избрание и избрание президента как полномочие на политику экспансии, то Полк мог рассчитывать в этом отношении на кооперацию с Конгрессом. Уже несколько дней спус-

тя после его вступления в должность там была издана совместная резолюция по аннексии Техаса. В конце марта мексиканское правительство на это отреагировало, прервав дипломатические отношения с США.

2 декабря 1845 года в своем ежегодном послании к Конгрессу Полк вновь подчеркнул действенность «Доктрины Монро» и предостерег от перенесения европейского принципа равновесия сил на Северную Америку. Эта названная «Доктриной Полка» точка зрения была сформулирована с учетом ситуации на северо-западе. Вопрос о разделении большой области Орегон, которая включала сегодняшние отдельные штаты Орегон, Вашингтон, Айдахо, части Монтаны и Вайоминга, а также почти половину канадской Британской Колумбии, был отложен на последующие две декады; на первое время доступ к этой области остался в равной степени открытым как для американцев, так и для англичан. По большому счету интерес американской общественности к этим территориям в 20-е и 30-е годы был относительно незначительным. В последующем десятилетии это резко изменилось благодаря восторженным сообщениям миссионеров, которые описывали плодородие земли и вызвали этим настоящую «Оregonскую лихорадку».

Требованием всего Орегона Полк расчетливо направил это настроение в политические каналы. Он прекрасно понимал, что это было равносильно объявлению войны Великобритании, чего, собственно, хотел избежать. В апреле 1846 года он добился от Конгресса расторжения договора, предусматривавшего совместное британско-американское управление Орегоном. Великобритания встала перед выбором: вступить в переговоры или объявить войну Соединенным Штатам. Так как британское правительство завязло во внутренних и внешних политических трудностях и к тому же не было слишком заинтересовано в этих областях, то оно приняло решение вести переговоры. Несколько месяцев спустя оно приняло в договоре об

Орегоне предложение президента Полка признать американской область Орегона южнее 49 градуса северной широты, которая была более плодородной и большей территориально.

Для Полка территориальная экспансия на Юг и юго-запад имела значительно большее значение. В декабре 1845 года Техас был включен в союз как 28-й штат, что привело к разрыву дипломатических отношений между США и Мексикой. Политический климат еще ухудшился, когда Техас объявил новой американо-мексиканской границей еще южнее лежащую Рио-Гранде. В январе 1846 года Полк послал на Рио-Гранде армию под командованием генерала Закари Тейлора; на эту провокацию мексиканцы отреагировали только месяцы спустя, когда они, наконец, атаковали американские войска. В ответ на это Конгресс в мае большинством голосов принял предложение президента объявить войну Мексике. Хотя эта война была преимущественно поддержана общественностью, на американском северо-востоке ее приняли скорее сдержанно, особенно виги и противники рабовладения, которые опасались, что завоеванная область войдет в союз как рабовладельческий штат. Даже более старые южные штаты видели в приобретении дальнейших территорий опасность обострения конфликта между Севером и Югом. Штаты долины Миссисипи еще были сильнейшими сторонниками вооруженного урегулирования. Сначала война с Мексикой вызвала волну национального энтузиазма, но когда стало ясно, что мексиканцы оказывают жестокое сопротивление и война будет продолжаться дольше, чем этого ожидали, популярность Полка начала падать.

Президент воспользовался шансом присоединить к США еще две территории, которые до этого принадлежали Мексике: Нью-Мексико и Калифорнию. Летом 1846 года он послал маленькую армию на юго-запад, которая без существенного сопротивления заняла Санта-

Она и объявила всю область Нью-Мексико американской суверенной территорией. Небольшая часть войск отправилась потом в Калифорнию, где под руководством американского первооткрывателя и вольного стрелка Джона Чарльза Фремонта вспыхнуло восстание американских поселенцев, поддержанное военно-морским флотом США. Осенью 1846 года поселенцы провозгласили независимость Республики Калифорния со столицей Сонома.

Хотя Нью-Мексико, Калифорния и требуемые США регионы Техаса фактически были в руках американцев, Мексика объявила себя не готовой признать эти реальности в мирном договоре и официально уступить эти области. Так война продолжалась до начала 1848 года, пока Мексика после завоевания ее столицы, наконец, не была вынуждена согласиться на заключение мира. В договоре Гвадалупе Идальго от февраля 1848 года она отказалась от Калифорнии и Нью-Мексико и признала Рио-Гранде пограничной рекой с американским Техасом. Соединенные Штаты обязались, со своей стороны, заплатить компенсацию в размере 15 миллионов долларов и взять на себя долговые обязательства американских кредиторов в отношении Мексики на сумму две трети миллиона долларов.

«Явное предназначение» белых североамериканцев к завоеванию и освоению континента достигло кульминации при демократической администрации Полка. Между 1845 и 1848 годами молодой нации в качестве земли для поселения была добавлена огромная область сегодняшних штатов Аризона, Калифорния, Невада, Техас и Юта, а также части Нью-Мексико, Колорадо и Вайоминга. Таким образом, территория Соединенных Штатов за время пребывания Полка в должности президента была увеличена на две трети.

Любопытно, что Полк, сам рабовладелец, не связывал территориальную экспансию с автоматическим расширением рабства. При этом ему не хватало политичес-

кой дальновидности, чтобы распознать произрастающую из приобретения областей опасность раскола союза на рабовладельческий и свободный от рабства регионы. Дискуссию о рабстве на новых территориях он считал второстепенной. Компромисс Миссури 1820 года с его положением о том, что в будущем севернее 36°30' широты — за исключением Миссури — не разрешается рабство, Полк считал разумным и достаточным на все времена решением.

Дискуссия о включении Техаса как рабовладельческого штата в союз, однако, уже показала актуальность конфликта между Севером и Югом. Политики из южных штатов выступили в Конгрессе за включение Техаса, потому что они хотели усилить *«южное влияние»* и увеличить область возделывания хлопка. Депутаты северных штатов приводили аргументы против интеграции еще одного рабовладельческого штата и связанного с этим смещения власти в Конгрессе.

Принципиальный вопрос о статусе новых территорий вновь встал, когда демократический депутат Конгресса Дэвид Вильмо из Пенсильвании в 1846 году после начала войны с Мексикой предложил запретить рабство на всех завоеванных территориях. Эта так называемая оговорка Вильмо прошло в палате представителей, в которой виги с выборов 1846 года имели большинство — один молодой депутат от вигов по имени Авраам Линкольн тоже проголосовал «за», но было отклонено большинством демократов в сенате. Они представляли точку зрения, что это не дело Конгресса принимать решение о допуске или запрете рабства на территориях и в будущих штатах. Полк примкнул к этому мнению и отклонил оговорку Вильмо.

К началу своего президентства Полк в 49 лет был самым молодым президентом Соединенных Штатов. За время пребывания в должности президента он проявил способность к кадровому замещению и контролю должностей, и в его отношении к Конгрессу большую пользу

принес долголетний опыт работы в законодательных органах. Если его партия, демократы, выступали сплоченно, он уступал Конгрессу; если он не был согласен с решением Конгресса, то очень искусно умел пояснить свою позицию. Своим правом на отклонительное вето президент формально воспользовался два раза, и в обоих случаях в Конгрессе не нашлось большинства в две трети, чтобы отклонить его, представленные до этого проекты не были приняты.

В своих четырех ежегодных посланиях к конгрессу о положении нации и в десяти специальных обращениях к палате представителей или сенату Полк касался жизненных интересов нации, которые Конгресс большей частью разделял. Хотя многочисленные и разнообразные цели и мнения раскалывали его собственную партию и виги искусно формулировали свою политику, Полку удалось добиться в Конгрессе своих главных целей. К ним относились успешное урегулирование торгового спора с Великобританией и расширение американских вооруженных сил, но на первом месте война с Мексикой и территориальная экспансия на Юг и Запад.

В своей исполнительной функции он отклонил желание Конгресса ознакомиться с политическими мотивами и информацией Белого дома; признал новое революционное французское правительство и провозгласил законность «Доктрины Монро». Все эти решения были признаны и восприняты последующими президентами. Дневник, который он вел во время своего пребывания президентом, свидетельствует о его добросовестности, необычной работоспособности и о его вере в то, что политика должна служить не региональным интересам, а вышестоящим национальным целям. Этот взгляд он смог внушить многим депутатам и сенаторам, и он может объяснить его сильную позицию по отношению к Конгрессу.

Полк никогда не был популярной личностью, как другие президенты до него, но своей собственной фор-

мой исполнительной власти он придал институту президентов специфические контуры.

Ввиду подорванного здоровья Полк отклонил второе выдвижение его кандидатуры на пост президента от демократов. Но за политическими кулисами партии уже все равно давно было решено, что он не подходит для второго срока, так как северное крыло партии было недовольно им из-за его сильной поддержки южных интересов. По истечении срока его президентства Полк вернулся в Нешвиль, Теннесси, где несколько месяцев спустя, 15 июля 1849 года, умер в возрасте 53 лет. Его министр иностранных дел Джеймс Бьюкенен сказал о нем, что это был самый прилежный человек, которого он когда-либо знал; за четыре года его президентства он приобрел *«внешность старика»*.

Йорг Наглер

ЗАКАРИ ТЕЙЛОР 1849–1850

Аполитичный президент

Z. Taylor

Как Джордж Вашингтон и Эндрю Джексон до него, Закари Тейлор извлек пользу из своей успешной военной карьеры. Его победы в войне против Мексики способствовали его популярности, из которой партия вигов могла извлечь политическую выгоду. Правда, в лице Тейлора в первый раз в Белый дом попал профессиональный солдат.

Родившийся 24 ноября 1784 года в округе Ориндж в Виргинии юный Закари вырос в расположенной далеко на западе, тогда еще пограничной местности недалеко от Луисвилля, Кентукки, куда семья переехала вскоре после его рождения. Его отец — зажиточный фермер, который служил в армии и был офицером во время американской Войны за независимость.

Получив поверхностное школьное образование, Тейлор в 1808 году вступил в армию. В 1810 году женился на Маргарет Мэкел Смит из Мериленда, с которой у него было шесть детей. Был участником войны 1812 года, индейской войны «*Черных соколов*» 1832 года, Второй войны индейцев-семинолов во Флориде и войны против Мексики 1846—48 гг. Будучи генерал-майором, за свою храбрость получил прозвище «*Старый сорвиголова*», а победа в феврале 1847 года под Буэна-Виста над численно превосходящей армией противника сразу сделала его национальным героем.

Когда виги выдвинули Тейлора в 1848 году кандидатом на пост президента, то сделали ставку на совершенно неопытную в политике личность. Однако демократическая партия вынуждена была бороться с еще большими проблемами. После крупных внутренних раздоров был представлен один кандидат, программа которого подвергла партию испытанию на разрыв: политически скорее бледный сенатор Льюис Касс из Мичигана выступил за принцип «*суверенитета народа*», что в этом случае предполагало право населения в штатах и на территориях самому принимать решения о разрешении или запрете рабства. Такой порядок был бы действителен и для области, объявленной в 1820 году в конфликте с Миссури на все времена свободной от рабства, в результате чего это важное соглашение между Севером и Югом потеряло бы силу.

У демократической партии на севере появился политический конкурент из ее собственных рядов: так называемая партия свободной земли, возникшая в результате раскола северного крыла демократов, выставила канди-

датом на пост президента Мартина Ван Бурена, а его заместителем сына Джона Куинси Адамса — Чарльза Фрэнсиса Адамса. Эта партия сосредоточила всех тех, кто отвергал дальнейшее распространение рабства на новые штаты, возникшие на уступленных Мексикой территориях.

Хотя политики-виги с Севера поддерживали Оговорку Вильмо, которая предусматривала запрещение рабства во всех новоприобретенных областях, и решительно отвергали предложенный Кассом «суверенитет народа», партия вигов в своей предвыборной программе избегала однозначного высказывания своего мнения по проблеме рабства. С выдвижением генерала Тейлора кандидатом на пост президента большинство решилось завоевать необходимые голоса на Севере и Юге посредством предвыборной кампании, полностью ориентированной на личность генерала.

То обстоятельство, что Тейлор был выходцем с Юга, жил в Луизиане, имел плантацию хлопка на Миссисипи и владел почти 100 рабами, не повлияло на стратегию предвыборной борьбы, так как из-за его военной славы эти факты казались второстепенными. Тейлор действительно прошел на выборах, которые впервые проходили в один и тот же день по всему союзу. На юге он смог объединить вокруг себя 51% голосов избирателей. На севере Партия свободной земли навредила демократам больше, чем партия вигов. В важном штате Нью-Йорк Ван Бурен набрал 10% голосов избирателей, которые первоначально потеряла демократическая партия, так что Тейлор смог записать этот штат в свой актив, что в конце концов оказалось решающим. Участие в выборах 72,7% избирателей свидетельствует о том, насколько демократизация в Соединенных Штатах продвинулась вперед и какое значение население придавало выборам, поддержка которых все более возрастала. Оба кандидата прошли в 15 штатах, но в силу неравного деления электоратов в этих штатах Тейлор получил 163 голоса в выборной

коллегии, а Касс только 127. Вице-президентом стал либеральный виг из Нью-Йорка Миллард Филлмор.

Мало кто из президентов в американской истории вступал на должность, не ведая в такой степени, что от них политически ожидают. Предполагалось, что Тейлор как аполитичный президент предоставит все законодательные инициативы Конгрессу и будет заботиться только об исполнении законов. Сначала на исполнение его обязанностей влиял в основном его политически опытный вице-президент Филлмор. Однако вскоре в этой роли Филмора сменил Уильям Г. Сьюард, сенатор из Массачусетса, который посоветовал Тейлору усилить партию вигов умной политикой раздачи должностей. Свою политическую неуверенность Тейлор быстро компенсировал решениями *ad-hoc*, которые, однако, часто не соответствовали комплексности политической материи. Так, в его кабинет входил как влиятельный министр иностранных дел совершенно не опытный во внешней политике Джон М. Клейтон, который неловким дипломатическим поведением чуть не вызвал разрыв отношений с Францией. Как внешнеполитический успех Тейлор смог записать в свой актив так называемый договор «Клейтона — Булвера», подписанный с Англией в апреле 1850 года, в котором оба государства обязались в будущем не подвергать аннексии и колонизации никакие среднеамериканские земли.

В год президентских выборов в калифорнийской долине Сакраменто было найдено золото. Последующие годы вошли в историю как легендарная *«золотая лихорадка»*, в ходе которой в Калифорнию устремились десятки тысяч. Вновь возник кардинальный национальный вопрос о распространении *«особого института»*, как выразительно называли рабство на Юге, когда Калифорния в октябре 1849 года внесла предложение принять ее в союз как свободный от рабства штат. Уже вскоре после введения в должность, в марте, Тейлор порекомендовал переселенцам этот шаг; теперь он торопил Конгресс согласиться, так как учредительное собра-

ние Калифорнии приняло решение о запрете рабства. Нью-Мексико, как огласил Тейлор, наверняка скоро последует за Калифорнией.

Калифорнийцы со своей стороны уже выбрали к этому времени депутатов и сенаторов в Конгресс в Вашингтоне. Однако они, как и Тейлор, в спешке просмотрели, что для этого нужно разрешение Конгресса. Многие члены Конгресса были недовольны, так как они со времен Эндрю Джексона с недоверием наблюдали постоянно растущую власть президента и чувствовали себя демонстративно обойденными. Южные депутаты были шокированы и рассматривали предложение Тейлора как очевидную попытку ослабить Юг и вместе с ним рабовладельческую систему. Некоторые из них готовы были принять Калифорнию как штат, свободный от рабства, если федеральное правительство одновременно будет гарантировать будущее рабовладельческой системы в целом.

Реакцию конгрессменов с юга следует рассматривать в другом важном контексте: в 1789 году на юге США проживало еще 40% белого населения, в 1850 году уже только 31%. Это демографическое смещение влияло на число южных депутатов Конгресса. Если Юг в 1789 году имел 46% мест в палате представителей, то в 1850 году только 38%. Правда, в сенате еще существовало равновесие между Севером и Югом, которое грозило нарушиться при принятии Калифорнии в качестве 31-го штата. Этим смещением власти в Конгрессе объясняется растущая озабоченность южных депутатов, которые теперь склонялись к тому, чтобы еще решительнее и агрессивнее защищать свои интересы.

Более восьми месяцев в Конгрессе шли ожесточенные споры по калифорнийскому ходатайству и связанным с ним политическим осложнениям. Самую экстремальную позицию занимал при этом сенатор Джон Калхаун из Южной Каролины, который в марте 1850 года предостерегал, что отделения южных штатов можно избежать, только если Конгресс будет гарантировать разрешение рабства на всех территориях, и что всегда будет сущест-

вывать баланс между свободными и рабовладельческими штатами.

Как в случае с Миссури в 1820 году, сенатор Генри Клей еще раз указал выход из этого грозящего тупика. Он предложил удерживать Калифорнию свободной от рабства, а территориям Нью-Мексико и Юта предоставить самим определять свой соответствующий статус. Техас должен уступить области Нью-Мексико, но в качестве возмещения получить десять миллионов долларов из федеральных средств, в округе Колумбия — в федеральной столице — должна быть запрещена торговля рабами, но не само рабство, и наконец, следует применить эффективные средства для поимки и возвращения сбежавших рабов, чтобы защитить права владения в южных штатах. В Конгрессе виги в лице Дэниела Уэбстера и демократы в лице Льюиса Касса и Стивена А. Дугласа выступили за поддержку этого компромисса партиями. Северное крыло вигов, а с ними и Тейлор, отклонили уступки рабовладельческим интересам как слишком далеко идущие. Когда в ответ на это южные депутаты конгресса вновь запротестовали против свободной от рабства Калифорнии и даже заговорили об отделении, то Тейлор не смог больше скрывать своего военного прошлого и пригрозил в случае несоблюдения закона, удерживающего Калифорнию свободной от рабства, устрашающими штрафами. Здесь проявилось то, что он все-таки был в географическом смысле человеком с Юга, длительная военная карьера научила его ставить единство нации над региональными особыми интересами. В то время как в Конгрессе продолжали бороться за разрешение проблемы, Тейлор неожиданно умер 9 июля 1850 года в Белом доме. Во время торжеств по поводу Дня независимости он много часов провел под палящими лучами летнего солнца. По возвращении с торжеств, смертельно усталый, съел много свежих фруктов и выпил холодного, как лед, молока, после чего у него вскоре начались судороги и воспаление кишечника, которые и стали причиной его смерти. Этот удар судьбы припал к стати

Закари Тейлор (1849–1850)

онникам единства между Севером и Югом, так как
рь они смогли быстро принять в Конгрессе «Компро-
: 1850 года», наброски которого Клей подготовил еще
олько месяцев назад. Неумолкавшие слухи, что Тей-
был якобы отравлен, привели в 1891 году к эксгума-
, и судебно-медицинская экспертиза однозначно
новила, что президент не был жертвой покушения.

Йорг Наглер

МИЛЛАРД ФИЛЛМОР 1850—1853

Обострение дебатов о рабстве

Millard Fillmore

Пятидесятилетний вице-президент Миллард Филлмор из Нью-Йорка был приведен к присяге на следующий день после неожиданной смерти Закари Тейлора 9 июля 1850 года. Хотя в отличие от Тейлора он имел многолетний политический опыт, обычным способом наверняка не стал бы президентом. Иначе, чем Тейлор, он лояльно сотрудничал в Белом доме с лидерами партии вигов и

добился даже внутренне- и внешнеполитических успехов. Однако у него не было никаких шансов по завершении срока пребывания в должности президента вновь предложить свою кандидатуру народу. Это он сделал несколько лет спустя как кандидат враждебной по отношению к иностранцам партии, чем доказал свою приверженность популистско-демагогическому образу мышления. Карьера Филлмора олицетворяет собой социальную мобильность и почти неограниченные шансы продвижения, которые в то время с восхищением или презрением, в зависимости от политической точки зрения, уже приписывали Соединенным Штатам.

Будущий президент родился 7 января 1800 года в бревенчатой избе в округе Кейюга в штате Нью-Йорк и был сыном бедного фермера. После прерванного обучения портновскому делу у него, благодаря открывшейся неподалеку библиотеке, проснулась жажда к чтению, которую он сохранил на всю жизнь. Самостоятельное обучение позволило ему в 19 лет улучшить свое образование в школе. Там он познакомился также со своей женой Абигейл Пауэрс, которая была его учительницей. У судьбы в Монтвилле, Нью-Йорк, а потом в бюро адвоката в Буффало он получил юридическое образование и в 1823 году был допущен к адвокатской практике. Год спустя политически активизировался и начал поддерживать Джона Куинси Адамса как кандидата на пост президента. С 1829 по 1831 год он представлял *«Партию противников свободных каменщиков»* — антимасонскую партию, эта популистская партия протеста существовала недолго — как депутат округа Эри в парламенте Нью-Йорка. В это время он со своей семьей, уже состоящей из четырех человек, переехал в Буффало.

Филлмор имел заслуги в создании партии вигов в западном Нью-Йорке и в 1832 году был избран в Конгресс. В палате представителей поддерживал идеи Генри Клея по экономической консолидации нации посредством федерально-государственного развития инфраструктуры и протекционистских пошлин для местной про-

мышленности. Как председатель мощного комитета путей и способов изыскания денежных средств сформулировал *пошлинный закон*, который, прежде чем вступить в силу в 1842 году, дважды был отклонен президентом Джоном Тайлером. В 1844 году Филлмор безуспешно баллотировался на конвенте партии вигов для выдвижения кандидатом на пост вице-президента и в том же году проиграл, хотя и с незначительным отставанием, выборы губернатора Нью-Йорка своему противнику от демократов. После поражения он одно время занимался адвокатской практикой. С 1848 по 1849 годы Филлмор был председателем счетно-ревизионной палаты штата Нью-Йорк, где прежде всего выступал за расширение канала Эри.

На своем конвенте в Филадельфии в 1848 году виги выдвинули Филлмора во втором туре с поддержкой Генри Клея кандидатом на пост вице-президента рядом с генералом Закари Тейлором. Он выполнил предназначенную ему задачу приобрести штат Нью-Йорк для Тейлора. Тейлор и Филлмор не знали друг друга лично и после успешных выборов президента встретились в первый раз. Хотя Филлмор поддерживал хорошие отношения с членами Конгресса, его почти полностью игнорировала администрация Тейлора. К нему не обратились за советом даже при раздаче должностей для его родного штата Нью-Йорк.

В отличие от своего предшественника, Филлмор как президент сразу же выступил за предложенный Клеем компромисс, с помощью которого коалиция вигов и демократов в Конгрессе хотела уладить спор о распространении рабства в приобретенных в 1848 году областях. Он неутомимо пытался переубедить вигов из северных штатов, которые сопротивлялись любой экспансии рабовладельческой системы. В своем послании к Конгрессу в августе 1850 года он публично еще раз с большой энергией выступил за примирение между Севером и Югом, а в середине сентября подписал законы, которые в совокупности составили «*Компромисс 1850 года*». В противо-

положность Тейлору Филлмор поддерживал принцип «суверенитета народа», который предоставлял избирателям в новых штатах, а не Конгрессу в Вашингтоне право решать: ввести или запретить рабство.

Далеко не все американцы облегченно вздохнули, потому что очаг конфликта ни в коей мере не был устранен, и на Севере сетовали на то, что сторонникам рабства было сделано слишком много уступок. Особенно один пункт пакета компромиссов — закон о поимке беглых рабов, акт о беглых рабах — вызвал бурю возмущения, потому что он требовал, чтобы бежавшие на Север рабы были возвращены их владельцам на Юге. К тому же еще были ограничены и без того маленькие права, предоставляемые черным обвиняемым перед судом. Противники рабства, сотрудничавшие в так называемой *Тайной железной дороге*, с 1830 года дали возможность многим десяткам тысяч рабов бежать на свободу из надежного убежища в другое, на Севере, а оттуда в Канаду. Больше, чем вся аболиционистская агитация за уничтожение рабства, взволновал к тому же умы опубликованный в 1851 году, сначала как газетная серия, роман Гарриет Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома», поводом для создания которого явился *Акт о беглых рабах* и в котором резко критиковалось рабство.

Филлмор сменил всех полученных от Тейлора членов кабинета, так как предполагал, что они настраивали президента против компромисса в вопросе рабства. Так, например, он сразу назначил Дэниела Уэбстера, поддерживавшего соглашение, своим министром иностранных дел. Уэбстер принес с собой большой внешнеполитический опыт, так как уже при президентах Гаррисоне и Тайлере был министром иностранных дел. Он и Филлмор видели в концентрации на внешнеполитических темах возможность отвлечь от экстремально напряженного внутриполитического положения.

В 1848–49 годах Европа сотрясалась национальными и демократическими революциями, которые приводили в некоторых странах временно к республиканским систе-

мам правления. В этом многие американцы увидели параллели к своей собственной истории и задумались над тем, как могут помочь революционному движению. Одна группировка в демократической партии, которая называла себя *«Молодая Америка»*, потребовала американского вмешательства в пользу европейских революций. Хотя Филлмор и не разделял подобных взглядов, однако его администрация, по крайней мере риторически, поддерживала демократическое возмущение в Старом Свете.

С внутривнутриполитической ситуацией была связана внешнеполитическая проблема, которую создала для Филлмора Куба. Сознавая, что внутри союза невозможно больше расширение рабовладельческой системы, некоторые южане пришли к мысли, что надо вырвать у испанцев плодородный рабовладельческий остров в Карибском море. Филлмор, вместе с ним Уэбстер, а после его смерти — преемник Эдвард Эверетт блокировали такие планы со всей решительностью, так как опасались войны с европейскими державами и ожесточенного сопротивления противников рабства на севере США.

Чтобы открыть американские торговые пути на Дальний Восток, в 1852 году Филлмор послал четыре военных судна под командованием Мэтью Перри в Японию с инструкцией завоевать для торговых связей хотя бы один японский порт. Возможно благодаря демонстрации военной мощи своего флота, Перри удалось в 1854 году подписать договор с префектурой Канагава, в которой американской торговле были открыты японские порты.

Когда виги в 1852 году проводили свой конвент по выдвижению кандидатов для следующих выборов президента, Филлмор как кандидат даже не был принят в расчет. Он санкционировал Акт о беглых рабах и тем самым рассердил значительную часть северного крыла партии, которое по-прежнему имело сильное влияние. Кандидатом на пост президента от вигов стал генерал Уинфилд Скотт, популярный командующий американо-мексиканской войны, который, однако, проиграл выбо-

ры демократу Франклину Пирсу. Предпочтение Скотта вместо Филлмора свидетельствует о потере престижа и влияния института президентов. Ведущие партийные политики рассматривали часто кандидата на пост президента только как приманку, с помощью которой они могли приобрести голоса избирателей и власть в Конгрессе. В более глубоком смысле слабость президентства была только симптомом прогрессирующего развала партийной системы и кризиса союза, который с середины 50-х годов XIX века шел к апогею.

К политическому разочарованию Филлмора присоединились личные трагические потери. Его жена в марте 1853 года на инаугурации Пирса схватила воспаление легких и вскоре умерла в Вашингтоне. По его возвращении в Буффало год спустя умерла единственная дочь. В путешествиях Филлмор пытался найти утешение и отвлечение. В 1855 году он объездил различные страны и был даже на аудиенции у папы римского. Еще в Европе узнал, что в его отсутствие он был избран кандидатом на пост президента Американской партией или партией агностиков, новой антииммигрантской и нативистской группировкой. Филлмор принял выдвижение и в 1856 году вернулся в США. На выборах, в которых впервые участвовала вновь образованная республиканская партия в лице Джона Чарльза Фремонта, он смог записать в свой актив значительные 21% голосов избирателей, но приобрел только штат Мериленд. После этого последнего выхода на национальную сцену Филлмор активно включился в региональную политику Буффало. Хотя он в гражданской войне поддерживал северные штаты, все громче становилась критика его умеренного тона по отношению к Югу, а после убийства Линкольна чернь напала на его дом.

8 марта 1874 года 13-й президент Соединенных Штатов умер от кровоизлияния в мозг в Буффало.

Филлмор был последним президентом-вигом в Белом доме. Высшими точками его короткого президентства

были принятие *«Компромисса 1850 года»*, которым еще раз был отсрочен *«Час истины»* между Севером и Югом, а также внешнеполитическая инициатива, которую он захватил вместе с Дэниелом Уэбстером. Институту президентов как таковому он не смог дать новых импульсов. Но в этом он не отличался ни от своего предшественника Тейлора, ни от своего преемника Пирса.

Кристоф Маух

ФРАНКЛИН ПИРС 1853–1857

Президент-ретроград

Franklin Pierce

Хотя его президентство совпало со временем тех больших общественных напряжений и переломов, которые почти неизбежно должны были привести к гражданской войне, сам Франклин Пирс сегодня в США почти неизвестен. Родившийся 23 ноября 1804 года в Хиллсборо, Нью-Хэмпшир, в семье губернатора и генерала революции Бенджамина Пирса, Франклин посещал известный кол-

ледж Боудуин, а получив юридическое образование, сразу пошел в политику. В 25 лет уже был депутатом парламента Нью-Хэмпшира; четыре года спустя представлял свой штат в палате представителей; еще четыре года спустя стал сенатором. То, что он, несмотря на быстрый политический взлет, по крайней мере временно, вернулся из Вашингтона назад в Нью-Хэмпшир в спокойное русло адвокатской практики, объясняется, прежде всего, личными причинами. Его жена, строго воспитанная в духе кальвинизма дочь пастора Джейн Минз Пирс Эпплтон, презирала в то время осуждаемую профессию политика так же, как и пользующуюся дурной славой жизнь в федеральной столице.

Когда в 1846 году разразилась война против Мексики, Пирс добровольно пошел в армию и в течение короткого времени прошел путь от ефрейтора до генерала бригады. За время продвижения от Веракрус до Мехико-Сити он неоднократно проявлял храбрость, но во взятии столицы, которое означало победу США, Пирс никакого участия не принимал. Падение с лошади лишило его кульминации военной карьеры. Это была не последняя неудача в жизни Франклина Пирса. Личные заботы постоянно сопровождали его. Джейн Пирс страдала депрессиями и туберкулезом, сам Франклин был алкоголиком в то время, когда чрезмерное потребление высокопроцентных напитков в вашингтонских политических кругах было привычным делом. Первый сын супругов Пирс умер в грудном возрасте, второй умер в четырехлетнем возрасте от тифа, а младший на глазах своих родителей стал жертвой железнодорожной аварии — непосредственно перед инаугурацией Франклина Пирса в президенты Соединенных Штатов 4 марта 1853 года.

Нарушая все условности своих предшественников, Пирс, глубоко потрясенный, произносил свою инаугурационную речь без записей: «Я испытываю удовлетворение от того, что ни одно сердце, кроме моего собственного, не может чувствовать личного сожаления и горького

скорби, которые я испытываю от назначения на должность, которая бы больше подошла другим, в то время, как я ее мало желаю». Выборы в президенты в 1852 году Франклин Пирс выиграл подавляющим большинством: 254 члена выборной коллегии отдали свои голоса за него и только 42 за кандидата от оппозиции партии вигов Уинфилда Скотта. Результат отражал упадок вигов, но только на первый взгляд можно было не понять, что и демократам грозил распад, и что среди населения они располагали лишь скудным большинством.

Президентство Пирса пришлось на время, которое ставило высокие требования к руководству в Белом доме. Разногласия между Севером и Югом по вопросу рабства все больше и больше обострялись и требовали дальновидного политического курса, проблемы заселения в последнее время завоеванных областей (Нью-Мексико и Калифорния) нуждались в решении так же, как и неотложные вопросы разделения земли, политики по отношению к индейцам и строительства железных дорог. К тому же присутствие британцев в Центральной Америке наносило ущерб американским торговым и экономическим интересам и вызывало появление националистов различных оттенков, рыбаки в Новой Англии требовали доступа к канадским водоемам, движение *«Молодая Америка»* призывало даже к радикальной экспансионистской политике на Карибском море и на Тихом океане.

В противоположность государственным требованиям, которые должность президента предъявляла к Пирсу, жизнь в Белом доме в середине XIX века была довольно непритязательна. Весь персонал составляли личная охрана, личный секретарь, которому позднее дали в подчинение ассистента, садовник и домашняя прислуга. За время своего пребывания на посту президента Франклин Пирс приказал установить центральное отопление с угольной топкой — почти все его предшественники жаловались на ледяной холод в больших помещениях дома. Президента мало заботила личная безопасность. Един-

ственное известное покушение на Франклина Пирса принял какой-то пьяный, атаковав его яйцом, сваренным вкрутую.

Большинство лиц, которых Пирс в 1853 году назначил в свой кабинет, почти не имели политического опыта. И все же президент считал нецелесообразным преобразовывать свой кабинет хотя бы один раз, неслыханное, кстати, в американской истории. Пост военного министра занимал его близкий доверенный Джефферсон Дэвис. Внешне Пирс старался избегать тесных контактов с Дэвисом, чьи нескрываемые симпатии к интересам южных штатов наталкивались на неодобрение. Часто они собирались в доме Дэвиса только после наступления темноты. Но никто из советников не имел большего влияния на Пирса, чем впоследствии президент южных штатов. Как военный министр Дэвис был ответствен за проведение федерально-государственной политики по отношению к индейцам. Хотя выпускник военной академии в Вест-Пойнте восхищался индейскими воинами (в 1832 году он сам участвовал в войне «черных соколов»), он настаивал на покорении *«краснокожих»*. В этом он видел предпосылку для строительства тихоокеанской железной дороги. От неуклонного курса администрацию Пирса не смогло заставить отказаться даже письмо индейского вождя Сиэтла: «Мы две различные расы с различными корнями и различными целями. Мало общего между нами. И несущественно, где мы проведем остаток наших дней». И все же, требовал Сиэтл, нужно разрешить индейцам навещать святыне гробницы их предков. Просьбу не услышали. Быстрее, чем прежде, администрация Пирса загоняла индейцев в резервации, и беспощадным было наказание сопротивляющихся.

Никакое другое событие во время президентства Пирса не потрясло внутреннее состояние Соединенных Штатов больше, чем закон Канзас — Небраска 1854 года, который предоставлял жителям обеих территорий, согласно принципу «суверенитета народа», решение о продолжении или запрещении рабства. «Компромисс Миссури

1820 года», который примирял соперничающие воззрения относительно географической линии, был, таким образом, фактически отменен. В Канзасе сформулировали две противоположные конституции и образовали два конкурирующих правительства. Намеченные этим развитием конфронтации скоро стали ужасной реальностью, названной «*Кровавым Канзасом*». У президента, который во всех политических маневрах вставал на сторону фракции рабовладельцев (в ходе кризиса он снял с поста губернатора Канзаса, выступавшего против рабства), совершенно отсутствовало чутье на необходимость компромиссной позиции. Это проявилось также в инциденте в Бостоне, где в 1854 году бежавший с Юга раб Энтони Бёрнс был арестован по ложному обвинению в ограблении ювелирного магазина. Согласно изданному в 1850 году федеральному закону, *Закону о бежавших рабах*, Бёрнс должен был быть возвращен своему прежнему владельцу. Толпа возмущенных аболиционистов штурмовала тюрьму и пыталась освободить раба. Бостонские исполнительные органы по телеграфу попросили помощи у президента. Ответ Пирса был однозначным: закон следует исполнять, чего бы ни стоило применение военных сил и полиции. Энтони Бёрнс лишился свободы, президент добился пирровой победы. Настроение в северных штатах все больше обращалось против интересов рабовладельцев.

Обостряющиеся противоречия между северными и южными штатами имели не только внутренние, но и внешнеполитические последствия. Так, фракция рабовладельцев потребовала в Конгрессе территориального расширения в направлении Юга, чтобы аннулировать отмену рабства в Мексике. Сам Пирс никогда не скрывал, что жаждет увеличения американской территории. Уже в инаугурационной речи он заявил, что его правительство не заботят боязливые пророчества, которые видят зло в американской экспансии. Соответственно проходил набор его дипломатов. Большинство (среди них Джон Мейсон и Джеймс Бьюкенен) вышли из рядов радикального демократического крыла партии «Моло-

дая Америка», члены которого пропагандировали расистскую политику экспансии. Можно было предвидеть, что эта кадровая ситуация приведет к развалу. Когда Испания в 1854 году без всякой правовой основы захватила американское судно «Блэк Уориер», в США прошла волна возмущения. Пирс использовал это как повод для того, чтобы потребовать отделения Кубы от Испании. Американский посланник в Мадриде, Пьер Суле, который не отличался сдержанностью (только что отверженец «Молодой Америки» застрелил на дуэли своего французского коллегу), сделал еще один шаг: без прикрытия со стороны Вашингтона поставил правительству в Мадриде краткосрочный ультиматум, в котором среди прочего требовал смещения ведущих кубинских должностных лиц. Испанцы разгадали самовольную уловку Суле и не отреагировали на ультиматум. Вместо этого они заплатили компенсацию за конфискованный «Блэк Уориер». Так конфликт еще раз был улажен мирным путем.

В твердом убеждении, что Куба так же важна для США, как и предыдущие федеральные штаты, дипломатическая команда администрации Пирса настоятельно проводила проект аннексии. В августе 1854 года Суле, Бьюкенен и Мейсон составили коммюнике — Манифест Остенд, который требовал насильственного отделения Кубы от Испании, если испанцы не продадут остров добровольно. После того, как стало известно о тайном соглашении, резкие протесты возникли не только на севере Соединенных Штатов, но и в Европе. Пирс и его радикальные советники вынуждены были уступить. Самовольные действия дипломатов «Молодой Америки» полностью уничтожили шансы на возможную аннексию Кубы на долгие годы вперед.

Таким же тяжелым нагрузкам подверглись отношения с Великобританией. Поводом послужили события в Грейтауне, небольшой британской колонии на реке Сан-Хуан, существование которой было для американцев, имевших по ту сторону реки торговое отделение, как бельмо на глазу. После того, как американский капитан

убил чернокожего лоцмана, а один британец слегка поранил бутылкой адвоката американца, началась быстрая эскалация насилия. Правительство Пирса послало в Грейтаун военный корабль «ЮСС Сайен». Его командир, капитан Холлинз, настаивал на извинении со стороны Британии и компенсации в размере 24 000 долларов. Когда британцы не уступили, Холлинз пригрозил бомбардировкой Грейтауна. Жители бежали. Вскоре Холлинз сравнял город с землей — ущерб составил 3 миллиона долларов. Лорд Кларендон, британский министр иностранных дел, назвал эту акцию преступлением, которому нет равных в новейшей истории. «Нью-Йорк Трибюн» характеризовала действия Холлинза как «ненужное, неоправданное, бесчеловечное применение военного насилия». Президент же Пирс непоколебимо защищал действия Холлинза в своем ежегодном послании к Конгрессу. Отношения между США и Великобританией подверглись еще большим испытаниям, когда две сомнительные личности, Генри Л. Кинни и Уильям Уолкер, попытались реализовать свою мечту о власти и богатстве в Центральной Америке. Кинни приобрел большой участок земли в Никарагуа, который якобы принадлежал «королю» индейцев племени москитос, человеку, чей титул был более чем сомнителен. Ловкий спекулянт продавал участки земли многим американским магнатам и членам правительства Пирса. По слухам, в этом был замешан и сам президент. Подобные действия увеличивали сомнения британцев в серьезности американской политики. В Лондоне опасались, что США используют авантюристов типа Кинни для экспансии на Юг. Еще щекотливее, чем положение с Кинни, который в конце концов был выслан из Никарагуа, сложилось отношение администрации Пирса к Уильяму Уолкеру, продуманному экспансионисту, который в 1855 году создал в Никарагуа марионеточное правительство, сплотил вокруг себя недовольные народные массы и провозгласил восстановление рабства. Несмотря на настойчивые предостережения своего министра иностранных дел, президент Пирс

признал нелегально пришедшего к власти Уолкера и его правительство официально, и некоторые рабовладельцы или демократы южных штатов увидели в Никарагуа будущий федеральный штат США. Но предприятие Уолкера провалилось. Коалиция центральноамериканских штатов поставила на колени политического авантюриста, и Пирсу не оставалось ничего другого, как быстро послать миссию для спасения Уолкера. Но Уолкер ввязался в новую авантюру и был расстрелян в Гондурасе в 1860 году.

Если измерять внешнюю политику Франклина Пирса по его притязанию на расширение территории США в духе идеологии *«явного предназначения»* Полка, то его политике не суждено было испытать больших успехов. Желание урвать у мексиканцев следующий кусок земли натолкнулось на значительное сопротивление в собственной стране. Также и так называемая Покупка Гэдсдена (по имени торгового посредника Джеймса Гэдсдена), в результате которой США в 1853 году купили у Мексики узкую полосу земли, не нашла одобрения общественности. Территория, охватывающая 30 000 квадратных миль в сегодняшней Аризоне и Нью-Мексико, была столь скудна, что депутат Конгресса из Огайо лаконично признал, «даже один волк не сможет там себя прокормить». Но для Пирса это не имело значения. Он надеялся провести через вновь приобретенные области планируемую трансконтинентальную железнодорожную трассу, чтобы таким образом экономически укрепить Юг. Но и эта цель Пирса не было осуществлена, строительство южной трассы осуществилось только во время гражданской войны.

Наверное, самый большой успех в его экспансионистской политике имел изданный в августе 1856 года закон, по которому каждый гражданин Соединенных Штатов, открывший незанятый остров с залежами гуано, мог требовать его для Соединенных Штатов. На сомнительной правовой основе США были присоединены не менее 70 островов (среди них Мидуэй и Остров Рождества). Тем самым удобрение гуано, помет морских птиц, сыграло значительную роль в расширении Американской империи.

Когда Пирс в 1857 году распрощался с политикой, то лишь немногие современники горевали о нем. Вместо того, чтобы реагировать на проблемы своего времени, он посвятил себя обращенной назад, ориентированной на его предшественников политике, благодаря которой натянутые отношения между Севером и Югом еще больше обострились. «Кровавый Канзас» стал символом скандальной слабости его правительства.

Вскоре, по истечении срока пребывания Пирса в должности президента, республиканский политик Чарльз Френсис Адамс писал сенатору из Массачусетса Чарльзу Самнеру, что можно только радоваться, что был такой президент, тяжелые ошибки его администрации послужат уроком для преемников. Но внук Джона Адамса ошибся: еще больше, чем президент Пирс, его преемник Джеймс Бьюкенен руководствовался интересами южных штатов. Пирсу пришлось пройти путь США к самому тяжелому кризису в их истории. Он настаивал на своем, непопулярном на Севере, мнении, что никакое насилие не может быть применено к отделившимся штатам, и отвергал освобождение рабов Линкольном как «*противоречащее конституции*». Заклейменный многими американцами как предатель, одинокий и ожесточенный, Пирс умер четыре года спустя после окончания американской гражданской войны, 8 октября 1869 года в Конкорде, Нью-Хэмпшир. Только полвека спустя был установлен памятник, который напоминает о нем.

Хайке Бунгерт

ДЖЕЙМС БЬЮКЕНЕН 1857–1861

*Друг южных штатов и законник
во время кризиса союза*

James Buchanan

«Я не жалею ни об одном-единственном политическом решении, которое я принимал в своей жизни, и история меня оправдает». Эта надежда 15-го президента Соединенных Штатов Джеймса Бьюкенена не оправдалась. Бьюкенен вошел в историю как слабый президент, который не смог прекратить ссору по вопросу рабства и

предотвратить раскол союза. Современники и историки по праву упрекали его в солидарности с южными штатами, хотя президент был родом из Пенсильвании. Там он родился 23 апреля 1791 года в горах под Мессербургом и был старшим сыном среди одиннадцати детей ирландца-пресвитера. Его отец прошел путь от владельца маленького торгового филиала на границе цивилизации до состоятельного коммерсанта. Бьюкенен посещал колледж Дикинсон в Карлисле, Пенсильвания. После короткой добровольной службы в армии во время войны 1812 года он успешно работал адвокатом в Ланкастере, Пенсильвания.

До избрания президентом в ноябре 1856 года Бьюкенен накопил больше политического опыта, чем многие его предшественники и последователи: в 1814–1816 годах был депутатом парламента в Пенсильвании, с 1821 по 1831 год — депутат Конгресса, сначала от партии федералистов, с 1824 года как член демократической партии; в 1834–1845 годах представлял Пенсильванию в сенате. От назначения министром юстиции и судьей в Верховном суде он отказался. Внешнеполитический опыт Бьюкенен накапливал во время своей деятельности в качестве посланника в России в 1832–1833 годах, когда был министром иностранных дел при президенте Джеймсе К. Полке в 1845–1849 годах и когда был посланником в Великобритании в 1853–1856 годах. Как решительный сторонник «Доктрины Монро» и экспансионистской внешней политики он пытался прогнать Великобританию из Центральной Америки и Орегона и участвовал в аннексии Техаса и Калифорнии. Был одним из авторов пресловутого *Манифеста Остенд*, в котором в 1854 году было выставлено требование покупки или завоевания Кубы.

После двух неудавшихся попыток в 1848 и 1852 году честолюбивый Бьюкенен в 1856 году был выдвинут кандидатом на пост президента от демократов в Цинциннати. Его пропаганда дальнейшей территориальной экспансии находила отклик в южных штатах, но, в отличие от своих конкурентов Пирса и Дугласа, он не был связан с кровавым конфликтом Канзас — Небраска, потому что

его не было в это время в стране. Лейтмотивом его предвыборной борьбы был призыв к сохранению союза путем прекращения аболиционистской агитации против рабства. Победив почти во всех рабовладельческих штатах и в некоторых штатах Средней Атлантики, Бьюкенен взял верх над республиканцем Джоном Фремоном и кандидатом популистской Американской партии, бывшим вигом Миллардом Филлмором.

Бьюкенен — первый президент, который не был выходцем из Новой Англии, Нью-Йорка или с Юга. Не будучи женатым (он до сих пор единственный холостяк в Белом доме), Бьюкенен проявлял склонность к семейной жизни, обеспечивая огромную толпу осиротевших и обедневших родственников. Первой леди он сделал свою племянницу Гарриет Лейн. Один из его друзей отмечал полшутя, полусерьезно, что Бьюкенен «с тех пор, как стал зрелым мужчиной, женат на американской конституции». При назначении членов своего кабинета, которые были для него своего рода заменителем семьи, «*Старина Джеймс*» выбирал умеренных представителей южных и северных штатов с симпатиями к Югу.

В своей речи при вступлении в должность президента Бьюкенен использовал примиренческий тон. Он призвал население предоставить решение по статусу рабства на западных территориях Верховному суду. Когда стало известно, что президент был заранее проинформирован о приговоре по делу Дрейд-Скотта, то на Севере возникла волна возмущения. Верховный суд, втайне побуждаемый президентом к всеобъемлющему решению, пришел к заключению, что чернокожие не являются гражданами Соединенных Штатов и не имеют конституционных прав. К тому же судья, к ужасу большинства представителей северных штатов, заявил, что Конгресс не уполномочен запрещать рабство на территориях, что фактически означало отмену «Компромисса Миссури 1820 года».

Своему первому испытанию президент подвергся в вопросе приема в союз территории Канзаса. При его вступлении в должность в марте 1857 года в Канзасе

существовало два противоборствующих правительства: одно, с резиденцией в Ликомптоне, представляло меньшинство рабовладельцев и сторонников рабства, другое было образовано противниками рабства в Топека. Бьюкенен попытался с помощью фракционной дисциплины принудить демократическое большинство в Конгрессе принять Канзас в союз на базе конституции Ликомптона, которая делала территорию рабовладельческим штатом. Он хотел преодолеть оппозицию демократов северных штатов вокруг сенатора Дугласа посредством компромиссной формулы, которая в сочетании с дарением земли была равносильна подкупу граждан Канзаса. Но это решение было отклонено населением территории Канзаса на референдуме, чем прием в качестве штата был сорван. Бьюкенен, лично отвергавший рабство, из-за предполагаемого демократического вотума учредительного собрания в Канзасе чувствовал себя обязанным поддерживать Ликомптонскую конституцию. Насколько он при этом подвергался влиянию своих друзей с Юга, является спорным. Неловкое поведение Бьюкенена в вопросе Канзаса способствовало тому, что эмоционально напряженная тема рабства вновь выдвинулась на передний план, республиканцы приобрели новых сторонников, и демократическая партия начала раскалываться на северное крыло вокруг Дугласа и южное крыло вокруг Бьюкенена.

Едва стихло волнение в Канзасе и вокруг него, как страна была ввергнута в экономический кризис. Сначала Бьюкенен своей борьбой за более сильное регулирование банковского дела поднял настроение в народе. Но уже вскоре своим отказом стимулировать экономику с помощью государственных заказов вызвал недовольство терпящего нужду населения. Бьюкенен полагал, что американцы, со свойственной им изобретательностью, смогут быстро преодолеть вызванную спекулянтами депрессию.

Экономический кризис повлиял и на отношения между Севером и Югом. Менее пострадавший Юг объяснял

это превосходством рабовладельческой системы над *«наемным рабством»* промышленного севера. Многие жители северных штатов искали причину в низких пошлинных тарифах, которых добился в Конгрессе Юг, и поворачивались к республиканцам, которые выступали за высокие протекционистские пошлины. Запад тоже разочаровался в демократах и Бьюкенене, потому что они сорвали, боясь появления новых свободных от рабства штатов, проекты законов о быстром заселении западных областей и о строительстве железной дороги к Тихому океану.

Во внешней политике Бьюкенен добился, в обмен на обещание усилить борьбу против торговли африканскими рабами, ухода Великобритании из Гондураса и Никарагуа. Более того, ему удалось установить экономические отношения с Китаем и Японией и начать переговоры с Россией о покупке Аляски. Мечта, которую он лелеял с 50-х годов XIX века, приобрести у Испании Кубу не осуществилась: опасаясь, что прием в союз рабовладельческого штата Куба полностью нарушит критическое равновесие между северными и южными штатами, существующее с 1858 года, республиканское большинство в Конгрессе, по согласию с демократами северных штатов, отказалось предоставить необходимые финансовые средства. Конгресс также не ратифицировал договоры, которых Бьюкенен добился с Мексикой, Никарагуа, Парагваем и Коста-Рикой и которые должны были обеспечить Соединенным Штатам постоянное влияние в этих странах. Если Бьюкенен не смог осуществить многие из своих внешнеполитических планов, то он все равно считается по своим целевым установкам самым решительным экспансионистом до Теодора Рузвельта.

Внутри страны конфликт с мормонами, которые на территории Юты во главе с губернатором Бриджом Янгом придерживались многобрачия, почти привел к открытой войне. Военная эскалация была смягчена весной 1858 года благодаря компромиссу: мормоны сохра-

нили свой суверенитет в религиозных вопросах, но признали компетентность федерального правительства в светских делах.

Ни внешняя политика Бьюкенена, ни спор с мормонами не могли отвлечь страну от назревающего конфликта по вопросу рабства. В октябре 1859 года фанатичный аболиционист Джон Браун захватил государственный арсенал оружия в Харперс-Ферри, Виргиния, и поднял восстание рабов, которое, однако, закончилось казнью его самого и его сыновей. Но оно обострило противоречие между Севером и Югом. Настроение в стране накалилось еще больше, когда известные представители из южных штатов потребовали разрешение торговли африканскими рабами. Одновременно Конгресс нанес удар по престижу президента, поручив комитету расследовать предполагаемые случаи коррупции в администрации Бьюкенена. Хотя вина президента и не была доказана, но его авторитету был нанесен ущерб. Однако Бьюкенен уже при вступлении в должность заявил, что не собирается выставлять свою кандидатуру для повторных выборов.

Конвент по выдвижению кандидатов от демократов в апреле 1860 года в Чарльстоуне закончился скандалом, когда радикальные представители южных штатов и сторонники Бьюкенена покинули зал. Они отказались поддерживать демократа из северных штатов Дугласа и его программу «суверенитета народа», которая предоставляла населению на территориях самому решать вопрос рабства. Два месяца спустя демократы с Юга выдвинули кандидатом на пост вице-президента Джона Брекинриджа, а Дуглас был выбран кандидатом демократов из северных штатов. Этот раскол уменьшил перспективы предотвратить избрание одного из республиканцев — противника рабства. На этот случай многие южные штаты пригрозили отделением от союза. Но даже объединенные голоса трех претендентов Дугласа, Брекинриджа и Джона Белла (от вновь основанной партии — последовательницы

вигов, Партии конституционного союза) не смогли бы воспрепятствовать победе Линкольна в выборной коллегии.

Бьюкенен попытался в оставшееся до истечения его срока время предотвратить отделение южных штатов или, по крайней мере, задержать до инаугурации Линкольна 4 марта 1861 года. Президент снова встал на сторону Юга: вместо того, чтобы обратиться к чувству солидарности всех американцев и призвать к взаимопониманию, он потребовал от Севера прекратить всякую агитацию против рабства и дать гарантии сохранения этого института на территориях. С другой стороны, Бьюкенен дал однозначно понять, что он считает отделение незаконным. Противореча своим энергичным действиям в случае с мормонами, президент подчеркнул, что не видит никакой конституционной возможности удерживать посредством вооруженного насилия штаты в союзе. Так он вынужден был бездейственно наблюдать, как 20 декабря от союза отделилась Южная Каролина и в феврале 1861 года вместе с шестью другими южными штатами образовала Конфедеративные Штаты Америки. Усилия Бьюкенена созвать собрание всех штатов для разрешения кризиса были отклонены Линкольном. Так же безуспешны были попытки прийти к компромиссу, предпринятые комитетом сената и собранием штатов в Виргинии.

Кабинет Бьюкенена разбился о вопрос снабжения федеральных крепостей на Юге, особенно форта Самтерс под Чарльстоуном. Президент вновь вернулся на позицию законника: он не отказался от федеральных прав на опорных пунктах, но хотел воздержаться от поставок продовольствия и снаряжения, пока фортам не угрожала серьезная опасность. Предложенному наращиванию бюджета армии и военно-морского флота воспротивилось большинство в Конгрессе. В конце концов Бьюкенену не удалось предотвратить открытый перелом: он уже не мог аннулировать отделение, хотя и мог отодвинуть начало боевых действий.

Когда началась гражданская война, Бьюкенен вернулся в уединенность своего поместья Уитленд под Ланкастером. Во время войны в прессе периодически появлялись материалы, где его обвиняли не только в нерешительности, ставшей причиной беды для всего союза, но и даже в предательстве. Разочарованный, но в надежде на историческую реабилитацию в будущем, Бьюкенен умер 1 июня 1868 года.

Йорг Наглер

АВРААМ ЛИНКОЛЬН 1861–1865

*Сохранение республики
и возрождение американской нации*

Abraham Lincoln

Гражданская война была эпохальным переломом в истории Соединенных Штатов, а Авраам Линкольн, который в эти годы вел дела в Белом доме, до сих пор остается центральной исторической фигурой в сознании американского народа. Во время кризиса союза все мысли и действия Линкольна были направлены на то, чтобы

спасти и вновь полностью продемонстрировать наследие *отцов-основателей* — ценности и принципы республики, изложенные в Декларации независимости и в конституции. В его личности, ставшей мифом, сфокусированы основные черты американской демократии, которую его президентство укрепило на долгое время. Гражданская война снова нацелила американцев на единство нации и свободное общество, очищенное от рабства, этой каиновой печати великого демократического эксперимента. Линкольн верил, что, сохранив Соединенные Штаты, он сохранил, как однажды сам сформулировал, *«последнюю надежду на земле»* хотя бы для своей собственной эпохи.

Рабство стояло, без сомнения, в центре борьбы между Севером и Югом, но оно не было единственной причиной войны. Экономические, политико-идеологические и культурные факторы связались в узел проблем, который уже нельзя было развязать путем соглашений и компромиссов. С 20-х годов XIX века США находились в плену *«рыночной революции»*, которая преобразовала все сферы жизни, но имела различные последствия на Юге и на Севере. Северо-Восток и Северо-Запад вскоре связала комплексная и разносторонняя экономика, в которой аграрный сектор постепенно уступал индустриализации и торговле. Растущий спрос на рабочую силу покрывался, прежде всего, благодаря переселению из Европы, а число людей, проживающих в городах, в 1850 году приближалось к 5-миллионной черте.

Экспансия и коммерциализация определяли также и Юг, особенно стремящийся вперед юго-запад. Хлопководство, которое господствовало здесь как монокультура, способствовало тому, что характер всего региона оставался аграрным. Плантаторы думали и действовали как предприниматели по принципам предложения, спроса и прибыли. Рабы были для них одновременно и рабочей силой, и капиталом, *«ресурсом»*, который в ходе хлопкового бума становился все дороже и скуднее. Так как производство хлопка может повышаться только за счет

увеличения возделываемых площадей, то владельцы плантаций расценивали все попытки территориально ограничить рабство как смертельную опасность для их хозяйственной и общественной системы. Они оказывали давление даже на Вашингтон, чтобы снова разрешить запрещенный в 1808 году ввоз рабов. В культурном отношении Юг оставался во власти прошлого и поэтому возникла своеобразная смесь из патерналистских и демократических элементов. Белое население южных штатов, бедное и богатое, спланивалось все теснее, чтобы защитить свои традиционные ценности и идеалы, южный стиль жизни, от угрозы, как они воспринимали индивидуалистическое и равноправное общество Севера. К позитивным ценностям на Юге причисляли также и рабство, которое противопоставлялось эксплуататорскому «*наемному рабству*» Севера как гуманное учреждение. Начавшееся на севере религиозно-реформаторское движение, с которым многие люди реагировали на быстрое социальное преобразование, все больше направлялось на зло рабства в южных штатах. В конце 50-х годов XIX века внутри союза противостояли два различных общества, две культуры и два видения будущего, которые не могли больше сдерживаться конституцией и партийной системой, долго служившими связующим звеном. В этой судьбоносной ситуации, с которой не мог справиться каждый отдельно взятый человек, Авраам Линкольн взял на себя ответственность за американскую нацию, которая еще, или уже, не существовала.

О детстве и юности Линкольна известно относительно мало. Он родился 12 февраля 1809 года на маленькой ферме в округе Гардин, Кентукки, и был вторым ребенком и первым сыном Томаса и Нэнси Хэнкс Линкольн. В 1816 году семья переселилась на юго-запад Индианы, которая незадолго до этого была принята в союз. Обработка земли и скучная жизнь на границе продвижения поселенцев на Запад между дикой местностью и цивилизацией требовала от пионеров больших физических и духовных сил. Недостаток медицинского обслуживания

привел к жертвам и в семье Линкольнов: его младший брат умер в раннем возрасте, в 9 лет он потерял свою мать, а несколько лет спустя от родильной горячки умерла его старшая сестра. Отец вскоре снова женился. Мачеха, которая сама имела троих детей от первого брака, воодушевила детей на чтение. В общей сложности Авраам посещал школу в течение одного года. В основном был самоучкой. Библию, которая во многих семьях пионеров было единственной книгой в доме, и несколько других произведений, которые он смог достать — среди них «Робинзон Крузо», «Странствия паломников» и басни Эзопа изучил с особой основательностью. Его речи впоследствии свидетельствовали о глубоком знании Священного Писания, что тогда не было удивительным. Ошеломляюще действовали его цитаты из Библии, метко применяемые к обыденным событиям.

Рабство занимало значительное место в сознании Линкольна. Его дядя и отец дяди имели рабов. Его отец, убежденный баптист, напротив, решительно отвергал рабство, хотя и не только по этико-моральным причинам, будучи простым рабочим, он на собственной шкуре почувствовал, что значит конкурировать с трудом рабов. Многократно семья переезжала, строила бревенчатый дом и возделывала землю. В 1830 году они вновь переехали дальше на запад в Иллинойс, который двенадцать лет назад стал как свободный от рабства штат частью союза. Тем временем выросший Авраам работал какой-то период на отца, в то время возникло его прозвище «щепкоруб», данное ему за умелое и ловкое умение работать топором. Потом он покинул семью, нашел временную работу и во время одной из поездок на лодке по Миссисипи вниз до Нового Орлеана познакомился не только с просторами тогдашних США, но и увидел дефицит инфраструктуры, которая еще недостаточно связывала отдельные регионы между собой. Впечатления от этой поездки, так же как и посещение невольничьего рынка с группами скованных цепью и при этом поющих рабов, глубоко потрясли его. По возвращении он поселился в

маленькой деревушке Салем в Иллинойсе, где работал почтмейстером, торговцем и землемером.

Когда губернатор Иллинойса призвал добровольцев в связи с индейской войной «Черных соколов», Линкольн, чьи бабушка и дедушка по отцовской линии были убиты индейцами, пошел на военную службу и был выбран своими товарищами капитаном. Его служба в армии была недолгой и прошла без особых происшествий для его подразделения. Должность капитана так усилила его уверенность в себе, что в том же году он постарался получить место в палате представителей Иллинойса. В предвыборной борьбе выступал за расширение и улучшение инфраструктуры и развитие образования. После неудачи в первой попытке Линкольн был избран два года спустя и утвердил свой мандат как член партии вигов до 1842 года. В этот период он активно действовал как лидер своей партии и председатель комитета по финансам.

Профессионально ему сначала не везло, и у него часто были долги, которые он всегда отдавал до последней копейки. После того, как *«Честный Эйб»* похоронил свои планы стать кузнецом, ему удалось познакомиться с мировым судьей и он начал самостоятельно, но целеустремленно и настойчиво изучать юридические науки. В 1836 году получил допуск в палату адвокатов Иллинойса. Год спустя переселился в Спрингфилд, новую столицу его родного штата Иллинойс, где стал партнером адвоката, известного далеко за пределами региона. Если учесть его происхождение, то Линкольн прошел впечатляющий путь: почти как в поговорке *«из бедняков в богачи»*, бедный сын пионера-переселенца, еще не достигнув тридцатилетнего возраста, стал юристом, имеющим свою практику, и политиком, стоящим в центре внимания общественности. Он уже тогда был воплощением человека, *«сделавшего самого себя»*, и тем самым *«Американской мечты»*. Его женитьба в 1842 году на Мэри Тодд, дочери плантатора с Юга, только дополни-

ла картину социального взлета. У них было четыре сына, но до зрелого возраста дожил только один Роберт Тодд.

Когда Линкольн вступил на политическую арену, президентом был Эндрю Джексон. Линкольн разделял симпатии Джексона к простому человеку, но не его понимание философии государственных прав, того, что федеральное правительство должно во имя общего блага воздерживаться от всех экономических инициатив и урегулирований. Его политическими образцами являлись Дэниел Уэбстер и Генри Клей, которые через мероприятия Конгресса и федерального правительства пропагандировали экономическую консолидацию союза. Под лозунгом *«американская система»* они требовали унификации банковского дела и валют, улучшения инфраструктуры и развития американской промышленности посредством протекционистских пошлин. Как большинство политиков-вигов, Линкольн был сдержан в вопросе рабства: он отвергал *«специальный институт»* эмоционально и морально, но не хотел быть причисленным к аболиционистам, подстрекательскую риторику которых резко критиковал.

Убийство издателя аболиционистской газеты Элайджа Лавджоя в 1837 году, с неохотой осужденное Конгрессом Иллинойса, стало поворотным моментом в политическом развитии Линкольна. Этот случай побудил его к первой принципиальной речи в лице *«Молодых людей»* в Спрингфилде. Используя в своей речи мотивы и элементы романтики, он подчеркнул основные ценности американской демократии и наследие *отцов-основателей* нации. Конституция и законы должны почитаться как своего рода *«политическая религия»*. Безудержное господство черни — как в случае суда Линча — никогда не должно угрожать национальному согласию. При этом аболиционизм не казался ему верным путем для решения проблемы рабства.

После того, как истек срок мандата в палате представителей Иллинойса в 1842 году, Линкольн посвятил себя, наряду с адвокатской практикой, дальнейшим полити-

ческим задачам внутри партии вигов. За его выдающуюся активность в поддержке кандидата Генри Клейя в предвыборной борьбе 1844 года виги выдвинули его в 1846 году в Конгресс. Он прошел подавляющим большинством голосов, но его деятельность в качестве депутата Конгресса в Вашингтоне с 1847 по 1849 год прошла без сенсаций. Благодаря неприятию популярной войны с Мексикой Линкольн создал себе больше врагов, чем друзей. Он поддержал так называемую *Оговорку Вильмо*, которая предусматривала запрещение рабства на всех новоприобретенных территориях, но она не прошла в сенате. В 1848 году активно поддерживал президентство генерала Закари Тейлора и после его победы был явно разочарован, не получив ожидаемого поста в правительстве. После этих двух лет, навевающих скорее уныние, он долгое время оставался в стороне от политики и посвятил себя своей процветающей адвокатской практике в Спрингфилде.

Закон Канзас—Небраска 1854 года усилил политическую поляризацию и способствовал роспуску прежней партийной системы и возникновению новой политической ситуации. Виги, северное крыло которых настаивало на однозначном отказе от рабства, потеряли поддержку на Юге, и партия распалась. Политический вакуум заполнила вновь образованная республиканская партия, которая организовала сопротивление закону Канзас—Небраска. Конфликты политически разбудили Линкольна и подстегнули к активности. В 1856 году он примкнул к республиканцам и взял на себя роль лидера в Иллинойсе. Состав партии не мог быть более неоднородным: демократы, выступающие против рабства, бывшие виги, аболиционисты, трезвенники и нативисты составляли конгломерат, основой объединения которых являлась цель не допустить дальнейшего распространения рабства. За исключением аболиционистов, эти группировки не выступали за уничтожение рабства в областях, где оно уже существовало. Для них важными были, прежде всего, новые территории, еще «свободная земля». Программа

республиканцев свелась к общеизвестной формуле «Свободная земля, свободный труд, свобода слова, свободный человек».

С растущим беспокойством Линкольн наблюдал за событиями «Кровавого Канзаса», где сторонники и противники рабства развязали партизанскую войну. Он был глубоко возмущен тем, что Верховный суд в приговоре Дрейда-Скотта в 1857 году явно оправдал рабство и тем самым практически отменил «Компромисс Миссури». Когда известный сенатор-демократ Иллинойса Стивен Е. Дуглас, главный ответственный за закон Канзас — Небраска, в 1858 году захотел выдвинуть свою кандидатуру на выборы, Линкольн выступил оппозиционным кандидатом от республиканцев. Публичные дебаты обоих политиков привлекли десятки тысяч людей: массы приезжали, частично даже специальными поездами, чтобы послушать устраиваемые в семи городах Иллинойса словесные дуэли между «Маленьким гигантом» Дугласом (1,62 м) и «Высоким молокососом» Линкольном (1,9 м). Линкольн проиграл выборы, однако, благодаря словесным сражениям, которые вращались в основном вокруг рабства, привлек к себе национальное внимание и приобрел важные политические преимущества для своей дальнейшей карьеры. Речь Линкольна, лозунг которой был взят из Нового Завета (от Матфея 12, 25): «И всякий дом, разделившийся сам в себе, не устоит», особенно глубоко проникла в общественное сознание. Ее основной тезис гласил, что Соединенные Штаты не могут постоянно выносить существование рабства и свободного общества и что американцы поэтому вынуждены выбирать ту или другую систему. Когда Дуглас обвинил своего соперника в аболиционизме, Линкольн парировал теорией заговора, которая гласила, что влиятельные демократы, включая президента Бьюкенена, хотят распространить рабство сначала на новых территориях, а потом и на весь союз. Линкольн знал, что для этого нет точных доказательств, но он сознательно сделал обвинение частью своей предвыборной стратегии, которая уже тогда, как он сам

признавал, имела долгосрочные перспективы. Дуглас смог защитить кресло сенатора от Линкольна благодаря своему опыту и выступлению за принцип «суверенитета народа», который предоставлял решение о допуске или запрете рабства на усмотрение штатов и территорий. В некоторых пунктах он так далеко пошел навстречу своему президенту, что его популярность на Юге резко упала. Дебаты, однако, ясно показали, что разделяло обоих: в отличие от Дугласа Линкольн считал рабство злом, которое отвергал из моральных убеждений.

В октябре 1859 года общественное волнение достигло новой высшей точки вследствие акции фанатичного, религиозно настроенного противника рабства Джона Брауна, который еще до этого в Канзасе провел политические террористические акты. Он вместе со своими сыновьями и несколькими сторонниками напал на арсенал оружия в Харперс-Ферри, Виргиния. Браун, который тайно получал поддержку от состоятельных аболиционистов Нью-Йорка, хотел этим дать сигнал к восстанию рабов на Юге. Но попытка не удалась, и Браун вскоре был повешен вместе со своими людьми. Линкольн принадлежал к тем, кто осуждал акцию Брауна из-за ее насилия. Одновременно он предостерег южан, что отделение будет не менее неправомерным и наказуемым, чем действия подпольного борца.

На партийном конвенте республиканцев в Чикаго в мае 1860 года Линкольн был выдвинут кандидатом на пост президента в третьем туре. Как компромиссный кандидат с относительно малым количеством врагов он умело обошел своих известных конкурентов Уильяма Сьюарда и Салмона Чейза. Его соратником и кандидатом на пост вице-президента стал убежденный противник рабства Ганнибал Хэмлин из Мэна. Предвыборная программа республиканцев отвергала рабство на новых территориях, но не требовала его устранения в южных штатах. Она осуждала *«распродажу интересов»* администрацией Бьюкенена Югу, резко критиковала решение Верховного суда по делу Дрейд — Скотта, обещала в перспективе

закон о быстром заселении западных областей, выступала за более свободные положения по принятию гражданства и улучшение инфраструктуры. Линкольн публично не выступал во время предвыборной борьбы, но из Спрингфилда осуществлял хорошо продуманное руководство.

Тем временем демократическая партия раскололась о вопрос рабства: ее северное крыло голосовало за Дугласа, южное за Джона Брекинриджа. И она действительно вышла на выборы с двумя кандидатами — обстоятельство, выгодное Линкольну. Обе партии вели свою предвыборную борьбу не за конкретное содержание, а за более общие ценности, которые олицетворяли кандидаты. «Честный Эйб» Линкольн идентифицировался при этом с такими качествами, которые до сегодняшнего дня составляют его миф: трудолюбие и трудовая этика, честная скромность пионера, который добился подъема из бедности и, не забывая своего происхождения и связи с народом, стал кандидатом на высшую должность. Он представлял собой не только социальную мобильность, но и честность и способность оставаться верным самому себе. Эти свойства контрастировали со скандалами и коррупцией администрации Бьюкенена. Предвыборная борьба мобилизовала американское население в невиданной до этого времени степени. 6 ноября 1860 года участие в выборах впервые превысило 80 процентов. Неудивительно, что Линкольн, который подвергался нападкам южных демократов как аболиционист и «черный республиканец», своим избранием обязан исключительно голосам Севера, хотя получил 40% голосов, отданных по всей стране, все они, с небольшими исключениями, из плотно заселенных северных штатов, так что со своими 180 голосами выборной коллегии даже при сплоченности демократов он имел недостижимый отрыв.

Еще последовательнее, чем его предшественники, Линкольн применял протекционистскую систему при раздаче должностей. Уже весной 1861 года 80 процентов управляемых до этого демократами политических постов были заняты республиканцами. При распределении пос-

тов в кабинете Линкольн проявил большую политическую ловкость: важнейшие посты, такие как министр иностранных дел, министр юстиции и министр финансов, он отдал своим прежним конкурентам — республиканцам Уильяму Сьюарду, Эдварду Бейтсу и Салмону Чейзу.

Избрание Линкольна вызвало у южан чрезвычайную тревогу, и время до его введения в должность в начале марта оказалось тяжелым для него самого и для всей нации. Еще до этого некоторые рабовладельческие штаты грозили отделением в случае победы республиканцев, и как раз это и случилось перед Рождеством. Южная Каролина была первым штатом, который расторг свой союз с другими штатами. До 1 февраля 1861 года первой волной последовали отделения Миссисипи, Флориды, Алабамы, Джорджии, Луизианы и Техаса. Решения принимались соответственно конвентами штатов, выбранными населением. Еще находящийся в должности президента Бьюкенен допустил, чтобы отделившиеся южные штаты приняли в свое владение находящиеся на их территориях федеральные укрепления, форты и арсеналы оружия. Только две крепости, одна из них форт Самтер, расположенный на острове перед портом Чарльстоун, остались во владении союза. В начале февраля 1861 года отделившиеся штаты провозгласили *«Конфедерацию штатов Америки»* и сделали ее президентом бывшего сенатора и военного министра Джефферсона Дэвиса.

Стремясь восстановить национальное единство и сознавая, что штаты *«верхнего Юга»* пока вели себя лояльно, Линкольн в своей инаугурационной речи 4 марта избегал резких тонов. Он сравнил требование отделения с анархией, но вновь подчеркнул, что и не думает угрожать рабству там, где оно уже существует. Президент дал явно понять, что не помышляет о военном конфликте, что судьба нации находится в руках южан. Они не клялись насильно разрушить союз, в то время как он сам поклялся его сохранять, беречь и защищать.

Конфедералисты не обратили особого внимания на призыв Линкольна, а последние неохотные попытки по-

средничества в Конгрессе остались безуспешными. Когда президент отказался отдать форт Самтер Югу, то войска Южной Каролины ответили на это 12 апреля обстрелом форта. Гражданская война началась. Срочно отделились следующие четыре штата: Теннесси, Арканзас, Северная Каролина и Виргиния, чья столица Ричмонд стала также столицей Конфедерации. Пограничные штаты Кентукки, Миссури, Делавэр и Мериленд — все рабовладельческие штаты — сначала колебались, но после колебаний и внутренних разногласий остались в союзе. Итак, 23 штатам союза с примерно 22 миллионами жителей противостояли 11 конфедеративных штатов, в которых проживало 5,5 миллионов белых и ровно 3,5 миллиона рабов.

Как президент, Линкольн был главнокомандующим всех вооруженных сил, функция, требовавшая от него много времени и энергии. Кроме краткой службы капитаном в войне «Черных соколов» у него не было военного опыта. Однако во время войны он развил очень скоро способность оценивать стратегическое положение и необходимые оперативные действия. В качестве первой меры он призвал все штаты союза к мобилизации 75 000 добровольцев, с которыми хотел подавить «мятеж». Население на Севере откликнулось на этот призыв с большим энтузиазмом. 19 апреля Линкольн приказал предпринять морскую блокаду, чтобы парализовать торговлю Конфедерации и пресечь ввоз военных грузов из Европы. На полях сражений лучше обученные и руководимые войска южных штатов наносили чувствительные удары союзу. После поражения при Булл-Ран в Виргинии, где северные войска были обращены в бегство в июле конфедералистами, Линкольн потребовал увеличения войск до 500 000 человек. Надежда быстро принудить мятежников к капитуляции уступила место реальной оценке, что предстоит длительная и жестокая война. Линкольн призвал в Вашингтон генерала Мак-Клелана, чтобы реорганизовать деморализованные войска, и сделал в ноябре «нового Наполеона» своим командующим — выбор, оказавшийся проблематичным. Благодаря осто-

рожно-выжидательным действиям генерала Линкольна попал под политическое давление из его собственных рядов. Население хотело наконец увидеть победы, и к тому же Мак-Клелан принадлежал к демократической партии, что еще более усиливало скепсис прежде всего радикальных республиканцев.

Естественно, военные операции имели решающее значение для продвижения войны. С точки зрения Линкольна было очень важно найти связующую политическую концепцию, которая придавала бы смысл этой борьбе. Конфедеративному правительству в этом отношении было относительно просто: южные штаты боролись за свою независимость, сохранение их основанной на рабстве общественной системы и защиту их собственной территории. Север же боролся за принцип: за единство нации — и только позже, и во вторую очередь, за ликвидацию рабства.

Только если президенту удастся внушить политическую идею, ради которой стоило приносить большие жертвы, существовала перспектива на успех. При этом Линкольн должен был получить согласие республиканской фракции, политический спектр которой простирался от консерваторов до радикалов. Так, радикальные республиканцы пропагандировали сразу же после начала войны ликвидацию рабства и требовали от президента сделать освобождение чернокожих центральной целью войны. Крыло большинства партии, как и Линкольн сам, выступали, напротив, за постепенную эмансипацию в сочетании с финансовой компенсацией для рабовладельцев и ставили борьбу за единство нации на передний план. Сознавая, что только объединившись можно будет выстоять против демократической партии, Линкольн сумел удивительным образом связать различные группы посредством компромиссов. Это было и его заслугой, что во время его президентства шел нормальный политический процесс и наступила исторически необычная ситуация для военного времени, в которой не только военные, но и избиратели могли решать судьбу нации. Линкольн

был глубоко убежден, что демократия и в военное время должна придерживаться упорядоченного политического хода событий. Действительно, двухпартийная система на Севере осталась невредимой во время гражданской войны и даже укрепляла тылы президента, так как разногласия и протесты могли быть направлены в партийно-политическое русло, чего не было на Юге.

После инцидента в форте Самтер часть демократической партии на Севере образовала *«лояльную оппозицию»* республиканцам и обещала администрации свою полную поддержку. Стивен Дуглас, еще недавно ярый противник президента, принадлежал теперь к его союзникам и быстро набирал добровольцев. Когда он два месяца спустя в июне неожиданно умер, демократическая партия осталась сначала без руководства. Однако на первом заседании нового Конгресса в июле 1861 года фракция продолжила политику Дугласа и поддержала предложенное Линкольном обусловленное войной законодательство.

Линкольн умело раздавал важные военные посты ведущим демократам, таким как Бенджамин Батлер из Массачусетса и Джон Логан из Иллинойса. Его второй военный министр, приведенный к присяге в начале 1862 года, Эдвин Стентон, руководил министерством юстиции в демократической администрации Бьюкенена. Его, вначале суровая, критика Линкольна скоро уступила место глубокому восхищению. Постоянно ссылаясь на принципы лояльности и патриотизма во время войны, Линкольну удалось привлечь на свою сторону часть демократической партии. Эти так называемые *«военные демократы»* вошли в официальную коалицию с *«Партией союза»*, как называли себя организованные республиканцы после 1862 года из тактических соображений. Консервативные *«Мирные демократы»*, напротив, были по-прежнему готовы вступить в переговоры с Югом для мирного разрешения конфликта и составляли большинство внутри своей партии.

Единственно приемлемое решение для президента было в отмене отделившимися южными штатами своего заяв-

ления о независимости и возвращении в союз — это открыло бы, как недвусмысленно выразился Линкольн, простор для переговоров по вопросу рабства. Прежде всего для него важно было сохранение нации, хотя он и испытывал природную неприязнь к южной общественной системе. 22 августа 1862 года он отвечал радикально-республиканскому издателю *«Нью-Йорк Трибюн»* Хорасу Грилий на вопрос, почему он медлит с освобождением рабов: «Моей высшей целью в этой борьбе является сохранение союза, не сохранение или уничтожение рабства. Если бы я смог спасти союз, не освободив ни одного-единственного раба, я бы сделал это, и если бы я мог спасти его, освободив всех рабов, я бы сделал это, и если бы мог спасти его, освободив одних рабов, а других не освободив, я бы сделал это. Что я предпринимаю в вопросе рабства и для цветной расы, я делаю потому, что верю, это поможет сохранить союз... Этим я объяснил здесь мое намерение, которое рассматриваю как официальный долг. И не намерен изменять мое часто высказываемое личное желание, что все люди везде должны быть свободны».

Несколько недель спустя после этого письма, 22 сентября 1862 года, когда войска южных штатов после битвы под Антейтэм вынуждены были уйти из Мериленда, Линкольн счел, что наступил подходящий момент для обнародования давно созревшего решения: он издал предварительную декларацию свободы, согласно которой все рабы, находящиеся после 1 января 1863 года в *«мятежных штатах»*, объявлялись свободными. Это географическое ограничение должно было обеспечить лояльность населения в пограничных штатах и в уже занятых областях. Она означала также уступку умеренным избирателям на Севере, для которых уничтожение рабства не являлось мотивом для войны, но которые понимали, что этот шаг может облегчить победу союза.

Часть радикальных республиканцев критиковала декларацию, обосновывая это тем, что она освобождает рабов там, где они в настоящий момент не могут быть освобождены, а именно — на вражеской территории, и не освобождала там, где это было возможно, а именно в

оккупированных областях и в пограничных штатах, прикнувших к союзу. Этот безусловно меткий аргумент, однако, не мог скрыть символическую взрывную силу декларации, которая прямо или опосредованно принесла свободу почти трем миллионам рабов.

Декларация свободы действительно революционизировала войну, которая стала борьбой за уничтожение рабства и полное изменение структуры южной общественной системы. Особенно радикальным шагом, ставшим возможным в результате обнародования декларации, был набор негров в армию северных штатов. До конца войны в войска союза вступило почти 180 000 афро-американцев. В основном они были заняты на работах, связанных с укрепительными сооружениями или за линией фронта. Некоторые подразделения, как, например, 54-й полк Массачусетса, отличились храбростью в боях.

Внешнеполитически декларация Линкольна лишила правительства Англии и Франции всякой возможности вступить в войну на стороне Конфедерации. Так как теперь речь шла о войне «за» или «против» рабства, то общественность в обеих странах, которые давно уничтожили рабство в своих колониальных областях, однозначно взяла сторону северных штатов. Линкольн отлично понимал, что декларация свободы не имела прочной конституционно-правовой основы. Только правильно изданное дополнение к конституции могло окончательно решить судьбу рабства еще до окончания войны. Без этого шага рабовладельцы юридически могли бы потребовать назад свое *«имущество»* — т. е. освобожденных рабов, так как декларация была действительна лишь как военная мера. Поэтому Линкольн сделал все, что было в его власти, чтобы ускорить ратификацию изданного Конгрессом 13-го дополнения к конституции об окончательном уничтожении рабства отдельными штатами.

Среди населения северных штатов после широкой поддержки войны в начале рос осязаемый скепсис, так что *«мирные демократы»* медленно завоевывали поддерж-

ку. Когда в конце 1862 года приблизились промежуточные выборы, то основной задачей момента для Линкольна стало усиление лояльности населения и распространение уверенности в победе. В сентябре, незадолго до декларации свободы, он впервые начал действовать против возрастающих разногласий на *«внутреннем фронте»*. Он отменил право арестованных на судебное слушание — мера, которая юридически позволила быстро и надолго сажать в тюрьму *«возмутителей спокойствия»*, прежде всего дезертиров и коллаборационистов. Это соответствовало лишению основного демократического права, в известной степени — *«чрезвычайному закону»*, но это оказалось чрезвычайно щекотливым и спорным средством, которое *«мирные демократы»* заклеямили как диктаторское. Фактически «отцы конституции» предвидели, что такой шаг будет необходим в случае мятежа или военного вторжения, чтобы обеспечить общественную безопасность. Но текст конституции не содержал определенных данных о том, кто должен решать: президент или Конгресс. Линкольн интерпретировал положения в духе *«президентского руководства»* и добился своего, несмотря на возражения Верховного суда, председатель которого Тэни дискредитировал себя участием в приговоре Дрейд—Скотта в 1857 году. До 1864 года Линкольн назначил четырех новых судей. Когда в октябре 1864 года умер Тэни, Линкольн заменил его бывшим министром финансов Салмоном Чейзом, который еще раньше требовал гражданских прав для негров. После этого Верховный суд утвердил право правительства арестовывать гражданских лиц, если этого требуют военные соображения. Так гражданская война — как и другие большие войны в истории США — стала *«часом исполнительной власти»*, и Линкольн дал последующим президентам пример, как можно полностью использовать политические и военные полномочия должности, фактически не переходя границ конституции.

Своими действиями против противников войны на Севере и временной декларацией свободы Линкольн

предоставил демократам достаточно аргументов для борьбы на предстоящих выборах Конгресса. Тем временем был уже издан популярный закон о заселении, который облегчал приобретение земли для фермеров на Западе, но последние поражения войск союза в сочетании со спадом производства и быстро растущей инфляцией привели к потерям в республиканской партии. Демократы протестовали против, по их мнению, слишком произвольной интерпретации конституции Линкольном, используя предвыборный лозунг *«За конституцию, как она есть, и за союз, каким он был»*, и требовали возвращения отделившихся штатов без отмены рабства. Хотя отрыв республиканцев в палате представителей уменьшился с 35 до 18 мест, они сохраняли в обеих палатах Конгресса свое большинство.

В январе 1863 года демократы усилили нападки на Линкольна и его стиль ведения войны и потребовали мирных переговоров с конфедератами. На основании таких публичных высказываний был арестован и приговорен военным трибуналом к заключению в тюрьму ведущий лидер этого движения, депутат Конгресса Валландигхэм из Огайо. Линкольн, однако, позволил ему покинуть союз и уехать на Юг. Отмена президентом гарантии Habeas Corpus коснулась в этом случае даже политика. Такие меры предпринимались еще не раз, но это не привело к подавлению оппозиции администрации Линкольна на Севере. Новой внутривнутриполитической искрой послужила военная обязанность, впервые в истории Соединенных Штатов введенная 3 марта 1863 года. Особенно спорными были положения, которые позволяли богатым американцам выставлять вместо себя подставных лиц и откупаться от военной службы. В городах усилилась напряженность, и в июле 1863 года начались волнения и уличные бои, подавленные с применением военной силы. В этих выступлениях протеста погибло более 100 человек, среди них много негров, павших жертвой судов Линча.

Только летом 1863 года Северу удалось эффективно использовать свое огромное материальное и численное преимущество. Перелом наступил в июле 1863 года в битве под Геттисбергом в Пенсильвании, где столкнулись два войска общей численностью в 160 000 солдат, из которых три дня спустя погибло более одной четверти. Войска союза с трудом смогли удержаться, и конфедераты под руководством генерала Роберта Ли вынуждены были отступить в Виргинию. Почти одновременно войска союза под командованием генерала Улисса Гранта добились успехов на западном фронте и овладели укрепленным городом Виксбергом на Миссисипи. Теперь вся долина Миссисипи находилась в руках Севера, а Конфедерация была разрезана на две части в направлении с севера на юг. 19 ноября 1863 года в Геттисберге Линкольн произнес по поводу открытия большого солдатского кладбища свою самую знаменитую речь, *Геттисбергское обращение*, вошедшую в мировую литературу. Президент использовал печальный повод для того, чтобы воплотить в слове давно лелеемые мысли о смысле войны. Над могилами погибших он определил значение гражданской войны в десяти предложениях. Используя блестящие формулировки, остановился на фазе основания нации и на основных демократических ценностях, за которые Соединенные Штаты отвечают: *равноправие всех людей, их право на свободу и народное правление*. Он подчеркнул общность жертв, принесенных северными и южными штатами, и закончил торжественным обещанием, «что эти погибшие умерли не напрасно, что эта нация с божьей помощью переживет возрождение свободы, и что правление народа, благодаря народу и для народа, никогда не исчезнет с лица земли».

В марте 1864 года Линкольн назначил главнокомандующим Гранта, в котором нашел наконец убедительного военного вождя. Вместе с Уильямом Шерманом и Филипом Шериданом Грант осуществил план Линкольна — широкомасштабное и хорошо скоординированное наступление. Сам Линкольн, который обычно до позд-

предоставил демократам достаточно аргументов для борьбы на предстоящих выборах Конгресса. Тем временем был уже издан популярный закон о заселении, который облегчал приобретение земли для фермеров на Западе, но последние поражения войск союза в сочетании со спадом производства и быстро растущей инфляцией привели к потерям в республиканской партии. Демократы протестовали против, по их мнению, слишком произвольной интерпретации конституции Линкольном, используя предвыборный лозунг *«За конституцию, как она есть, и за союз, каким он был»*, и требовали возвращения отделившихся штатов без отмены рабства. Хотя отрыв республиканцев в палате представителей уменьшился с 35 до 18 мест, они сохраняли в обеих палатах Конгресса свое большинство.

В январе 1863 года демократы усилили нападки на Линкольна и его стиль ведения войны и потребовали мирных переговоров с конфедератами. На основании таких публичных высказываний был арестован и приговорен военным трибуналом к заключению в тюрьму ведущий лидер этого движения, депутат Конгресса Валландигхэм из Огайо. Линкольн, однако, позволил ему покинуть союз и уехать на Юг. Отмена президентом гарантии Habeas Corpus коснулась в этом случае даже политика. Такие меры предпринимались еще не раз, но это не привело к подавлению оппозиции администрации Линкольна на Севере. Новой внутривнутриполитической искрой послужила военная обязанность, впервые в истории Соединенных Штатов введенная 3 марта 1863 года. Особенно спорными были положения, которые позволяли богатым американцам выставлять вместо себя подставных лиц и откупаться от военной службы. В городах усилилась напряженность, и в июле 1863 года начались волнения и уличные бои, подавленные с применением военной силы. В этих выступлениях протеста погибло более 100 человек, среди них много негров, павших жертвой судов Линча.

Только летом 1863 года Северу удалось эффективно использовать свое огромное материальное и численное преимущество. Перелом наступил в июле 1863 года в битве под Геттисбергом в Пенсильвании, где столкнулись два войска общей численностью в 160 000 солдат, из которых три дня спустя погибло более одной четверти. Войска союза с трудом смогли удержаться, и конфедераты под руководством генерала Роберта Ли вынуждены были отступить в Виргинию. Почти одновременно войска союза под командованием генерала Улисса Гранта добились успехов на западном фронте и овладели укрепленным городом Виксбергом на Миссисипи. Теперь вся долина Миссисипи находилась в руках Севера, а Конфедерация была разрезана на две части в направлении с севера на юг. 19 ноября 1863 года в Геттисберге Линкольн произнес по поводу открытия большого солдатского кладбища свою самую знаменитую речь, *Геттисбергское обращение*, вошедшую в мировую литературу. Президент использовал печальный повод для того, чтобы воплотить в слове давно лелеемые мысли о смысле войны. Над могилами погибших он определил значение гражданской войны в десяти предложениях. Используя блестящие формулировки, остановился на фазе основания нации и на основных демократических ценностях, за которые Соединенные Штаты отвечают: *равноправие всех людей, их право на свободу и народное правление*. Он подчеркнул общность жертв, принесенных северными и южными штатами, и закончил торжественным обещанием, «что эти погибшие умерли не напрасно, что эта нация с божьей помощью переживет возрождение свободы, и что правление народа, благодаря народу и для народа, никогда не исчезнет с лица земли».

В марте 1864 года Линкольн назначил главнокомандующим Гранта, в котором нашел наконец убедительного военного вождя. Вместе с Уильямом Шерманом и Филипом Шериданом Грант осуществил план Линкольна — широкомасштабное и хорошо скоординированное наступление. Сам Линкольн, который обычно до позд-

ней ночи просиживал над военными книгами, взятыми из библиотеки Конгресса, разработал для Соединенных Штатов совершенно новую концепцию главного командования, согласно которой его начальник Генерального штаба (Халлек), военный министр (Стентон заменил Камерона) и главнокомандующий (Грант) получали от него самого координирующие указания. Военная гениальность Линкольна в сочетании с недогматичным подходом к комплексным, новым проблемам современного ведения войны была позже многократно оценена.

Выборы президента 1864 года вошли в историю Америки как самые важные. Народ должен был решать, нужно ли продолжать войну или нет — образованная демократами администрация должна была предложить Югу мир. Соперничество внутри республиканского лагеря и появление влиятельных претендентов на пост президента, прежде всего министра финансов Салмона Чейза, не позволяли определенно сказать, будет ли Линкольн переизбран. К тому же один срок пребывания на посту президента стал почти политической традицией, после Эндрю Джексона ни одному президенту не удалось попасть в Белый дом второй раз. В июле Линкольн был выбран кандидатом Партии союза, но еще сомневался в своем переизбрании. Настроение на Севере склонялось к компромиссному решению, и поэтому не исключалась победа демократов, чей кандидат был никто иной, как уволенный Линкольном в конце 1862 года генерал Мак-Клелан.

Решающей оказалась победа в сражении: взятие Атланты в Джорджии войсками союза под командованием генерала Шермана 2 сентября 1864 года резко изменило общественное настроение, успокоило внутрипартийные разногласия республиканцев и оттеснило в политический тупик демократическую партию с пропагандируемым ею предложением мира. Победу Линкольна можно было рассматривать как однозначное полномочие для продолжения войны и полного освобождения рабов. Президент быстро представил в Конгресс 13-е дополнение к консти-

туции, где оно было принято необходимым большинством в две трети.

К моменту нового введения президента в должность гражданская война была почти выиграна. В своей второй инаугурационной речи 4 марта 1865 года Линкольн вновь затронул темы Геттисбергского обращения и протянул южным штатам руку примирения: «Без зла к кому-либо и с любовью к ближнему для всех, твердо стоя на праве, данном нам богом, будем же и дальше стремиться к тому, чтобы довести до конца начатое нами дело; перевязать раны нации... сделать все, что может дать и сохранить справедливый и длительный мир у нас самих и со всеми нациями». Так он обозначил свою позицию к реинтеграции южных штатов: снисхождение и примирение, а не наказание и расплата должны определять послевоенную фазу.

Между тем наступление Гранта на Ричмонд и еще более пресловутый «бросок к морю» Шермана, оставивший после себя следы опустошения, деморализовали Конфедерацию и положили начало ее поражению. Сначала Линкольн скептически противостоял планам Шермана, потому что, как и Грант, не понимал стратегический принцип «выжженной земли», который придал войне на заключительной фазе «тотальный» характер. 9 апреля 1865 года генерал Ли капитулировал со своей армией в Виргинии, а несколько недель спустя прекратили борьбу остатки войск Юга.

В своей последней речи Линкольн настойчиво высказывался за мирное восстановление южных штатов в союзе. Их реконструкция включала в себя, помимо уничтожения рабства, и начало конфронтации американского общества с положением освобожденных негров. Линкольн понимал фундаментальную задачу правового и политического уравнивания рабов, но еще не знал, как это практически осуществить ввиду расистских позиций на Юге, да и на Севере. Избирательного права для черных мужчин на юге можно было добиться только принуждением, что противоречило идее Линкольна о соглашении

и примирении. В этой дилемме потерпел поражение и его преемник Эндрю Джонсон. Но, возможно, и сам Линкольн не был в состоянии справиться с этим чрезвычайным историческим требованием.

Несколько дней спустя после окончания войны, 14 апреля 1865 года, в ложе театра Линкольн был сражен несколькими выстрелами и в ту же ночь умер от ран. Это было первое покушение на американского президента. Покушавшийся — фанатичный и, возможно, душевнобольной южанин, актер Джон Уилкс Бут, который вместе с другими заговорщиками хотел убить ведущих политиков союза.

Время покушения — почти ровно четыре года назад раздались первые выстрелы в форте Самтер — в Страстную пятницу — значительно способствовало созданию мифа о мученике Линкольне. Начало апофеоза его личности обозначилось еще при его жизни и поддерживалось в равной степени белыми соотечественниками и афро-американцами, которые обожествляли его как *«нового мессию»*. Похоронная процессия, проходившая через многие штаты союза до его родного города Спрингфилда и наблюдавшаяся миллионами людей, стоявшими вдоль дороги, стала манифестацией американской *«гражданской религии»*. К этой светской, гражданской религиозности Линкольн часто взывал в своих речах. Она уже со времен Вашингтона содействовала социальной интеграции однородного населения и еще десятилетия после Линкольна помогала излечить раны гражданской войны. Благодаря примеру Линкольна идея жертвы, которую должен принести каждый и американский народ в целом для сохранения демократических ценностей и принципов, стала значительной составной частью этой *«гражданской религии»*. Не случайно после Геттисберга Линкольн все чаще заменял понятие *«союз»* словом *«нация»*. Он хотел укрепить внутреннюю сплоченность этой общности, направить людей посредством *«мистических звуков памяти»*, как это было сказано в первой речи при вступлении в должность президента, к общему цент-

ру. Высокий, часто кажущийся беспомощным мужчина, иногда меланхолический до депрессии, но всегда с узнаваемым, хотя и сдержанным чувством юмора, объединял в своем лице важнейшие американские идеалы и добродетели: Линкольн мог по праву считаться спасителем нации, потом освободителем рабов, при этом постоянно настоящий человек из народа и блестящий пример человека, сделавшего себя. К тому же он представлял собой *«надрегионального»* американца: человек Запада, родившийся на Юге и родственно связанный с ним, он был, однако, типичным *«янки»*.

При всем этом не следует забывать, что во время своего президентства Линкольн подвергался резкой критике. *«Мирные демократы»* называли его тираном, аболиционисты упрекали в том, что он использует освобождение рабов только как тактическое средство, чтобы ослабить боевую силу Юга. Даже среди его республиканских друзей по партии было много таких, которые тосковали по *«сильному мужчине»*, как Эндрю Джексон. Нет сомнения в том, что Линкольн постоянно совершенствовался в функции президента гражданской войны. После его вторичного избрания смолкли почти все критики, потому что поняли, что никакая другая личность не была бы в состоянии выполнить исторически поставленную задачу.

Президентство Линкольна совпало с войной, имевшей самые большие потери в истории Соединенных Штатов, потребовавшей более 600 000 убитых (360 000 со стороны союза, 260 000 на Юге). По мобилизации всех имеющихся резервов солдат, материалов и технических возможностей американская гражданская война предвосхитила, по определенным структурным признакам, современные тотальные войны XX века. В конституционном отношении она явилась двигателем централизации, как это доказали создание новой банковской системы на основе Закона о Национальном банке, развитие образования и участие федерального правительства в строительстве железной дороги. Экономически исход войны укрепил пре-

восходство промышленного Севера, вступившего в стадию ускоренного роста, над аграрным Югом, который не выдерживал этого темпа.

Уже в своем первом послании к Конгрессу в июле 1861 года Линкольн назвал войну *«соперничеством людей»*, которое ведется ради принципов и слов, а не ради материальных преимуществ. Победа Севера под его руководством обеспечила единство нации и освободила четыре миллиона мужчин, женщин и детей от рабства. К тому же отказом в отделении южным штатам, которые пренебрегли волей избирателей в 1860 году, был защищен универсальный принцип демократии. В государственно-правовом отношении принцип перманентности и неразрывности союза одержал верх над философией *«государственных прав»*, сторонники которых понимали США как конфедерацию суверенных штатов, которые в любое время могут отделиться. В этом смысле гражданская война была частью национальных движений единства, пересекших Атлантику и приведших в Европе в это время к возникновению национальных государств в Италии и Германии. Политический эксперимент Соединенных Штатов, с самого начала связанный с мыслью об особой миссии, продолжался, хотя и не без конфликтов. Международная ведущая роль США в более позднее время отчетливо показывает в ретроспективе всемирно-исторические масштабы гражданской войны, которую ее современники многократно воспринимали как *«вторую американскую революцию»*. Идеалы и цели этого *«возрождения»* американской нации до сих пор сохраняют в сознании американского народа живые воспоминания не только о человеке, который как никто другой олицетворял их, но и о его президентстве.

Вера Нюннинг

ЭНДРЮ ДЖОНСОН 1865–1869

Спор о реконструкции

Стивен Джобсон

Когда Эндрю Джонсон после убийства Линкольна был как президент приведен к присяге верховным федеральным судьей Салмоном Чейзом 15 апреля 1865 года, будущее нации казалось неопределенным. Гражданская война закончилась всего несколько дней назад, а «реконструкция», возвращение побежденного Юга в состав союза, подняла огромные проблемы. Не было ясно, при-

надлежат ли вообще эти одиннадцать штатов союзу, и не было единства по поводу того, в чью компетенцию входит реконструкция: президента или Конгресса. Как должна выглядеть эта политика, какие условия следует поставить южным штатам и какой статус будут иметь в будущем освобожденные рабы, — все это также оставалось открытым.

Эндрю Джонсон не мог справиться с обрушившимися на него задачами по разным причинам. Уже при принятии присяги в качестве вице-президента 4 марта 1865 года он проявил такие черты личности, которые заставляли усомниться в его пригодности к высшим политическим должностям. Демократ из Теннесси, казалось, являвшийся хорошим дополнением к республиканцу Линкольну, при исполнении своей первой обязанности в качестве вице-президента был пьян. Пренебрегая всяким этикетом, он представлял сенату назначенных Линкольном членов кабинета не с их званием, а в своей резкой короткой речи многократно указывал, что все присутствующие только потому являются значительными политиками, что их сделал таковыми народ, и что он сам из народа. В подчеркивании значения народа, неприятиии политиков, которые в силу своего рождения заняли привилегированное положение в обществе, и в постоянном акцентировании своего простого происхождения — в этом эпизоде уже проявились типичные черты Джонсона, прошедшие лейтмотивом через его президентство. Возмущение, вызванное им в сенате, предопределило его последующее отношение к Конгрессу, уже несколько месяцев спустя характеризующееся резкой конфронтацией и закончившееся попыткой смещения с должности.

Существовали различные причины, почему демократ Джонсон перед выборами 1864 года был выдвинут кандидатом на пост вице-президента. С одной стороны, республиканцы хотели обеспечить себе голоса избирателей, верных союзу демократов, на Севере и показать свою готовность благосклонно отнестись к возвращенным штатам, с другой стороны, Джонсон своим мужественным

выступлением за союз, поддержкой эмансипации рабов и бескомпромиссной позицией как военный губернатор важного пограничного штата Теннесси завоевал уважение радикальных республиканцев. Когда он стал президентом, то большинство американцев предположили, что его отношение к Югу будет скорее жестким, чем податливым. Ненависть Джонсона к плантаторам-аристократам Юга была общеизвестна, и шаблонное повторение его убеждения: *«Предательство должно вызывать к себе ненависть, и предатели должны быть наказаны»*, казалось, указывает на радикальную политику по отношению к южным штатам.

Часто и охотно Джонсон упоминал в предвыборной борьбе о своем простом происхождении, определившем его жизненную установку и во многом способствовавшем необычному поведению, когда он стал президентом. Джонсон родился 29 декабря 1808 года в Рейлей, в маленьком городе в Северной Каролине, в семье неимущих родителей. Так как его отец Джейкоб не умел ни читать, ни писать и мог еле-еле прокормить семью, несмотря на случайные подработки матери, Эндрю познал социальное презрение, с которым относились к представителям белой нижней прослойки на Юге. Будучи белым, он мог успокаивать себя тем, что стоит не на самой нижней ступеньке общественной иерархии, ниже него были еще черные, хотя они иногда были лучше одеты, чем он сам. Джонсон, никогда не посещавший школу, еще в детстве был отдан в обучение портному, от которого сбежал в 1824 году. Два года спустя он поселился в Гринвилле на востоке Теннесси и занялся портновским делом. В этом регионе жило мало рабов, но существовало такое же расслоение общества, как и в его родном городе. Хотя, имея коммерческую жилку, Джонсон быстро нажил состояние, он был вынужден бороться против скрытой враждебности давно поселившейся здесь элиты. Образование продолжил с помощью жены Элайзы Мак-Кардл, дочери сапожника из Гринвилла. Из-за болезни, длившейся годами, Элайза, с которой у Джонсона было пять детей,

редко сопровождала его в другие города. Во время президентства она переехала с ним в Белый дом, но обязанности хозяйки предоставила своей дочери Мэри.

Свою собственную политическую карьеру Джонсон рассматривал как достойную подражания, как образец неограниченных возможностей восхождения в американской демократии. Уже в 1829 году Джонсон стал членом совета города Гринвилл и продвигался вперед с местного уровня через органы отдельных штатов к федеральному уровню: был мэром Гринвилла (1834 г.), депутатом и сенатором конгресса в Теннесси (1835–53 гг.), членом палаты представителей в Вашингтоне (1843–53 гг.) и губернатором Теннесси (1853–57 гг.). Избранный в 1857 году сенатором Соединенных Штатов, он был единственным представителем южных штатов во время гражданской войны в сенате в Вашингтоне, пока Линкольн не назначил его военным губернатором Теннесси (1862–65 гг.) Эта, казалось бы, прямая карьера, которая через должность вице-президента привела в 1865 году на высочайший пост США, была, однако, результатом многочисленных компромиссов и ловких тактических уверток.

После первоначального альянса с вигами Джонсон проникся демократическими принципами Эндрю Джексона. Если отказ консерваторов в собственной партии угрожал его успеху на выборах, то он с бурными речами обращался к простым ремесленникам и крестьянам, голоса которых в большинстве случаев обеспечивали ему победу. Особенно он проявил себя как решительный приверженец *Билля о заселении*, который предоставлял 160 акров общественной земли на Западе каждому отцу семейства, желающему работать. Этим предложением закона, который не приносил рабовладельцам никакой выгоды, Джонсон вызвал на Юге непонимание и недоверие. Тем сильнее была его защита интересов южных штатов относительно рабства, которое он решительно отстаивал еще во время гражданской войны. Тем не менее выступал за сохранение союза, потому что отделение

южных штатов, по его мнению, нарушало конституцию, которую он почти религиозно почитал, к тому же его большой идеал, Эндрю Джексон, в начале 30-х годов XIX века решительно противодействовал угрожающему тогда отделению Южной Каролины. Наконец, определенную роль играли и личные причины. Ввиду его открытой вражды с политической элитой Юга, особенно с Джефферсоном Дэвисом, его политическая карьера была возможна только внутри союза.

То, что Джонсон до 1863 года решительно выступал за рабство, оказалось тяжелым залогом для его отношений с Конгрессом. В то время как депутаты и сенаторы из северных штатов рассматривали рабство как моральное и политическое зло, для Джонсона отказ от рабства был политической необходимостью. Когда в ходе гражданской войны эмансипация рабов становилась все вероятнее, Джонсон не стал оказывать сопротивления, чтобы не навредить своей политической карьере. В 1862–1863 гг. ему удалось исключить из декларации свободы Линкольна рабов в штате Теннесси, который стоял на стороне союза, и одновременно он все чаще высказывался против рабства, потому что оно послужило для мятежных южных штатов предлогом начать войну. В данных условиях единство и конституцию Соединенных Штатов можно спасти, только отменив рабство. Кроме того, рабство представляет собой экономическую монополию, которая угнетает также и бедных белых юга и обеспечивает плантаторам привилегированный статус. Элита должна уступить место *«новой аристократии труда»*, которая основана исключительно на способностях и заслугах. Отход Джонсона от рабства совсем не означал, что он видит в нем моральное зло. Так же не изменил он и своего расистского отношения к черным, в неполноценности которых был глубоко убежден.

С момента вступления в должность президента в апреле 1865 года до созыва Конгресса в декабре 1865 года Джонсон пытался осуществить свои представления о возвращении Юга в союз. Допуск депутатов и сенаторов,

Эндрю Джонсон (1865—1869)

данных южными штатами, однозначно являлся обязанностью Конгресса. В частных разговорах он убедил их членов Конгресса в том, что будет продолжать курс жесткой и жестоко накажет ведущих конфедератов.

Первая амнистия Джонсона бывших мятежников от мая 1865 года была жесткой в том смысле, что четверть категорий населения южных штатов принципиально исключались из помилования: помимо офицеров и влиятельных лиц правительства Конфедерации все сепаратисты, владеющие более чем 20 000 долларов, должны были лично ходатайствовать перед Джонсоном об амнистии. Эти ограничения объяснялись исключительно опасением Джонсона к элите Юга и его точкой зрения, только богатые южане ответственны за войну. Он наслаждался тем, что состоятельные плантаторы умоляли его, завися от его милости. В течение нескольких месяцев он помиловал более 13 000 из них.

Последующие объявления, в которых Джонсон в мае 1865 года назначил временных губернаторов в южных штатах и установил условия, на основе которых должны были быть разработаны новые конституции штатов, вызвали возмущение многих радикальных республиканцев. Он не только избрал губернаторами бывших сепаратистов из старой элиты южных штатов, близких к бывшим конфедератам, но и не наложил каких-либо ограничений для разрабатываемых республиканских конституций. Даже ратификацию 13-го дополнения к Конституции, которое отменило рабство, он лишь в частных разговорах сделал условием включения в союз, поэтому этого, Джонсон ограничил избирательное право, предоставив его тем, кто еще до войны имел его, исключив тем самым негров. Результат такого мягкого отношения можно было предвидеть: в конституционные конвенции южных штатов в большинстве были выбраны бывшие мятежники, часть которых была помилована Джонсоном вскоре после получения ими мандатов. Даже те немногие радикалы, которые Джонсон позже возложил на эти конвенции, были исполнены после долгого

промедления и часто не полностью. Возможность предоставить избирательное право некоторым неграм, которые сражались за союз как солдаты, была дважды предложена Джонсоном, правда, скрепя сердце, но серьезно в конвентах не обсуждалась.

Еще более ухудшила отношения Джонсона с Конгрессом его политика обструкции по отношению к Бюро освобожденных людей, которое должно было под наблюдением военного министерства защищать права отпущенных на волю рабов и обеспечить им существование посредством предоставления конфискованных и пустующих земель вне плантаций. Джонсон не только воспрепятствовал аренде конфискованных земель неграми, но и постановил, что земля, предоставленная еще во время войны генералом Шерманом освобожденным рабам, должна быть возвращена ее бывшим владельцам. Так как консервативные правительства южных штатов к тому же издали Кодекс о неграх по образцу Кодекса о рабах, в котором черным среди прочего было запрещено покидать место работы без согласия владельца или при жестоком обращении искать другое место работы, то жизненные условия черных мало отличались от условий жизни при рабстве.

Естественно, белое население Юга с радостью и облегчением восприняло эту политику Джонсона. Но удивительным образом президент имел сначала сильную поддержку в Конгрессе, который собрался только в декабре 1865 года. Сенат и палата представителей не допустили ни одного представителя южных штатов. Обе палаты состояли преимущественно из умеренных и скорее консервативных республиканцев, в то время как демократы и радикальные республиканцы имели мало депутатов. В своем расплывчатом и ни к чему не обязывающем ежегодном послании к Конгрессу Джонсон обосновал свою политику тем, что южные штаты никогда легально не выходили из союза и поэтому должны быть интегрированы как можно быстрее. К тому же это право отдельных штатов самим определять форму их республикан-

ского правления является неоспоримым и в равной степени подчеркивалось такими выдающимися государственными деятелями, как Джефферсон и Джексон. Особенно вопрос избирательного права однозначно предоставлен конституцией отдельным штатам, так что это было бы незаконным присвоением власти президентом, если бы он предоставил это право черным. Примиряюще прозвучало заявление Джонсона о том, что он хочет заботиться о безопасности *«освобожденных рабов в отношении их свободы и их имущества, их права на труд и права на результаты их труда»*.

Обращение Джонсона имело успех, об этом свидетельствует поддержка его политики совместным комитетом, в котором депутаты и сенаторы обсуждали реконструкцию. Два радикальных республиканца, требующие избирательного права для черных, не смогли настоять на своем, потому что этот комитет состоял преимущественно из умеренных республиканцев и демократов. Под руководством умеренного сенатора Лаймана Трамбалла, который после личных разговоров с Джонсоном вынес впечатление, что президент одобрит предложенные мероприятия, комитет разработал два проекта законов по защите прав черных: *«Билль о гражданских правах»* и *«Билль Бюро освобожденных»*.

По мнению Джонсона, не было никакой разницы в том, признать ли за неграми гражданские и естественные права, как это предусматривал *«Билль о гражданских правах»*, или дать им избирательное право. Он считал, что проекты законов были направлены, в первую очередь, не на защиту освобожденных рабов, а, как он был убежден с самого начала, весь Конгресс, состоящий из радикалов, хочет дать черным избирательное право и уничтожить плоды его политики. Он не понял готовности к компромиссам Конгресса, который избегал всех радикальных мер, чтобы иметь возможность сотрудничать с президентом. Когда Джонсон наложил вето на оба проекта, наступило время первой пробы сил между ним и Конгрессом. Даже умеренные республиканцы рассмат-

ривали как предательство то, что Джонсон оспаривал право федерального правительства принимать меры по защите черных. Вследствие бескомпромиссной позиции Джонсона радикальные и умеренные республиканцы сотрудничали в последующее время, чтобы противостоять политике президента, открыто предоставлявшего черных на юге их судьбе на усмотрение бывших владельцев.

Джонсон был убежден, что морально безответственный Конгресс хочет подчинить себе Юг и сорвать все разумные мероприятия исполнительной власти. Поэтому высказался против 14-го дополнения к конституции, которое обеспечивало неграм равноправие и объявляло их гражданами Соединенных Штатов. Чтобы побудить штаты предоставить политические права черным, дополнение устанавливало, что штат, лишивший часть взрослых граждан избирательного права, посылает в Вашингтон соответственно меньше депутатов. Джонсон рассматривал это дополнение как выражение обструкционной политики Конгресса. Ему казалось излишним и преждевременным давать гражданские права неграм. Так как он не мог препятствовать принятию 14-го дополнения к конституции в Конгрессе, то попытался всеми средствами удерживать отдельные штаты от ратификации.

В предвыборной кампании осенью 1866 года выяснилось, что трещина между президентом и Конгрессом стала непреодолимой. Даже бесчинства в Мемфисе и Новом Орлеане, в которых было убито много черных и республиканцев с Севера, не смогли убедить Джонсона в том, что федеральное правительство должно встать на защиту бывших рабов. Более того, он обвинял радикальный Конгресс в том, что он дал неграм неисполнимые надежды и подстрекал их. В своих выступлениях Джонсон попытался в своей старой манере посредством личных нападок на противников найти в лице народа союзника. То, что раньше действовало в Теннесси, теперь вызвало массовую критику. Особенно его утверждение, что Конгресс пытается противоречащими конституции мероприятиями *«разрушить правительство»*, убедило республи-

канцев в необходимости проводить свою политику, несмотря на сопротивление президента. Предпосылки для этого создала победа на выборах, обеспечившая им подавляющее большинство в обеих палатах Конгресса.

Спор об избирательном праве для черных в округе Колумбия в январе 1867 года был типичным примером ожесточения фронтов. Конгресс издал проект закона, Джонсон наложил свое вето и обосновал это тем, что любое вмешательство в права штатов противоречит конституции уже потому что еще десять южных штатов все еще не допущены в союз. В ответ Конгресс в тот же день отклонил вето необходимым большинством в две трети голосов. Чтобы не дать президенту возможности использовать право на замещение должностей таким образом, который бы уничтожил политику Конгресса, был издан спорный закон о пребывании в должности, по которому увольнение со многих важных постов в правительстве зависело от согласия сената.

С февраля 1867 года отношения между президентом и Конгрессом были полностью разрушены, и большинство депутатов теперь действительно придерживались радикального курса. Конгресс издал много законов по реконструкции, разделявшей Юг на пять военных округов, каждый из которых подчинялся генералу с Севера, который при необходимости мог применить военное право. Восстановление южных штатов в союзе теперь было возможно в том случае, если они созывали конституционно-учредительное собрание, отменяли «черный кодекс», ратифицировали 14-е дополнение к конституции и давали избирательное право черным.

Благодаря *«реконструкции Конгресса»* прежняя политика Джонсона было полностью аннулирована. Точка зрения президента, что Конгресс своим вмешательством в законодательство южных штатов нарушает конституцию, не была подтверждена Верховным судом. Однако Джонсон попытался с помощью своих исполнительных полномочий препятствовать осуществлению законов на практике. Он дал командующим военных округов служебные

указания, которые требовали от них узкой интерпретации законов, и назначил постепенно генералов, полностью бывших на его стороне. Летом 1867 года Джонсон полагал, что достиг своей цели и защитил южные штаты от мнимых деспотичных пороков радикального Конгресса.

Так как реконструкции угрожал срыв из-за упрямого президента, то все большее число членов Конгресса видели единственный выход из этого положения в отстранении его от должности. С января 1867 года заседал комитет, который искал доказательства для обвинения в злоупотреблении должностью. Когда Джонсон направил в Конгресс провокационный годовой отчет, отстранил от должности двух генералов военных округов и против воли сената уволил своего военного министра Эдвина Стентона, палата представителей решилась на импичмент.

Хотя существовало полное единство в том, что нужно помешать президенту разрушать мероприятия Конгресса, Джонсон весной 1868 года имел относительно сильную позицию. С одной стороны, выборы 1867 года были неблагоприятны для радикальных республиканцев, с другой — назначенным преемником Джонсона был Бенджамин Уэйд, президент сената, радикал, имевший в результате своего спорного выступления за инфляционную политику много врагов. К тому же чисто с юридической стороны было спорным, попадал ли Стентон, назначенный еще при Линкольне, под положения Закона о пребывании в должности, нарушение которого являлось основной частью обвинения. Но прежде всего во время слушания дела по его обвинению в сенате Джонсон впервые показал свою готовность к компромиссу. В частных разговорах он обещал не препятствовать больше политике Конгресса. Когда в мае в сенате началось голосование по вопросу импичмента, то семь умеренных республиканцев проголосовали за Джонсона, так что не было достигнуто большинства голосов в две трети, необходимого для отстранения президента от должности.

Нерешительность Конгресса в осуждении Джонсона объясняется еще и тем, что процедуре импичмента прида-

валось большое конституционно-историческое значение. Так как еще ни один президент не обвинялся в должностном нарушении, то сенаторы в 1868 году должны были решиться на возможный прецедент. Оправдание Джонсона означало, что при импичменте должны применяться строгие правовые критерии и он практически исключался как оружие в политической борьбе. После этого ни разу не было предпринято попытки отстранить президента от должности по политическим причинам.

Джонсон сдержал свои обещания и не пытался больше препятствовать проведению реконструкции. Глубоко убежденный в том, что действует всегда согласно конституции, он и в дальнейшем использовал свое право на вето, чтобы по крайней мере выразить свои принципиальные сомнения относительно федерального вмешательства в дела отдельных штатов. Так, он высказался против предложенного Конгрессом в конце его пребывания в должности президента 15-го дополнения к конституции, которое запрещало лишать избирательного права на основе расовой принадлежности.

Во внешней политике Джонсон достиг некоторых успехов благодаря способностям своего министра иностранных дел Уильяма Сьюарда. Ему удалось, используя дипломатический нажим, ускорить вывод французских войск из Мексики и внести таким образом вклад в восстановление мексиканской независимости. В то время как подготовленная Сьюардом покупка различных островов Карибского моря не была одобрена сенатом, Соединенные Штаты в 1868 году купили за 7,2 миллиона долларов у России стратегически важную и богатую сырьем Аляску.

Но прежде всего Джонсон гордился своей политикой реконструкции. Он считал своей заслугой, что благодаря бескомпромиссной борьбе против мстительного Конгресса защитил права штатов и обеспечил господство белых. То, что он таким образом воспрепятствовал включению бывших рабов в американское общество, ему нисколько не мешало. Несмотря на популярность на Юге,

его кандидатура не была выдвинута на повторное избрание. Честолюбивый Джонсон, считавший, что давно уже настало время признать и реабилитировать его политику, не прекратил политической активности. Сразу же по возвращении в Гринвилл снова ринулся в предвыборную борьбу и после нескольких поражений в 1874 году был выдвинут сенатором Теннесси. В 1875 году он смог вновь войти в палату, которая всего несколько лет назад безуспешно пыталась отстранить его от должности. Перед смертью, последовавшей 31 июля 1875 года в результате кровоизлияния, он в последней речи критиковал политику реконструкции своего преемника Гранта, который выступал в защиту прав черных и требовал вывести войска и вернуть свободу Югу.

Историографическая оценка президентства Джонсона зависит прежде всего от того, какую позицию историки занимают по отношению к правам черного населения. Сначала в центре стояли неудачи Джонсона как президента. Особенно в начале XX века обращалось внимание на то, что только недостаток политических способностей Джонсона привел к возможности навязывания радикальным Конгрессом экономически менее развитому Югу временного унижительного и неэффективного господства бывших рабов и жаждущих наживы и развращенных белых северян. В конце 20-х годов XX века его начали представлять в героическом свете. При этом на передний план выдвинулись экономические вопросы, а усилия радикалов интегрировать бывших рабов считались неправильными как экономически, так и политически. Джонсона же, напротив, восхваляли как дальновидного политика, который честно стремился к интеграции южных штатов и по отношению к твердолобому Конгрессу высоко держал принципы конституции. В ходе движения за гражданские права после второй мировой войны историки вновь резко критиковали политику Джонсона по отношению к черным и обвиняли его в расизме и антиэмансипационной позиции. В настоящее время историография стремится к более уравновешенной оценке

Джонсона, объясняя его слабости социальным происхождением и господствующими на Юге ценностями и нормами, воздействия которых он не мог избежать так же, как и большинство его земляков.

Хотя Конгресс свел на нет политику реконструкции Джонсона, президентство Джонсона заложило основу для долгосрочного краха мероприятий Конгресса. Конец реконструкции в 1877 году и длящаяся до XX века дискриминация черных как бы подтверждают, что Джонсон, несомненно, реалистичнее оценивал масштабы расизма на Юге, чем депутаты Конгресса из северных штатов. С другой стороны, Джонсон очень сильно содействовал предотвращению включения черных в американское общество в будущем. После того как белое население Юга два года с его помощью отстаивало свои традиционные представления о превосходстве белой расы, любая защита прав черных была возможна только после преодоления сильнейшего сопротивления и при последовательном применении армии. Шанс приучить после гражданской войны деморализованный Юг посредством политического и военного нажима к равноправному обращению с черными был упущен благодаря Джонсону. Парадоксальным образом важнейший положительный результат президентства Джонсона с сегодняшней точки зрения заключается в 14-м и 15-м дополнениях к конституции, которые были разработаны Конгрессом из-за его бескомпромиссности и ратифицированы штатами против его воли.

Ульрике Скорсети

УЛИСС С. ГРАНТ 1869–1877

Президент скандалов

U. S. Grant

Улисс С. Грант родился 27 апреля 1822 года в Плезант, Огайо, и был назван Хайрам Улисс Грант. Его отец, владелец кожевенной фабрики и коммерсант Р. Грант, придавал большое значение образованию их детей. Уже в раннем возрасте Грант помогал отцу. У него развилась особая любовь к лошадиным играм. В силу своего спокойного характера он, в силу своего спокойного характера

хорошо обращаться. После посещения многих частных школ его отец решил, что сын должен сделать военную карьеру. Благодаря ходатайству депутата Конгресса Томаса Л. Хеймера, Грант был принят в элитарную школу американской армии, военную академию в Вест-Пойнте, Нью-Йорк. Грант подчинился желанию отца, не испытывая особого восторга к военным.

При записи по ошибке девичья фамилия его матери была занесена как его второе имя Симпсон. Грант решил ничего не исправлять и оставил имя Улисс С. Грант. В 1843 году он получил патент офицера и начал службу в 4-м пехотном полку Соединенных Штатов. Войну против Мексики (1846–48 гг.) считал несправедливой, по вынужден был в ней участвовать. В конце войны был уже капитаном. К этому времени относятся замечания товарищей о чрезмерном употреблении им алкоголя.

В 1848 году он женился на Джулии Дент из Сент-Луиса, Миссури, дочери товарища по учебе в военной академии. Его полк часто переезжал, и в сентябре 1853 года был переведен в Калифорнию. В это время Грант жил отдельно от жены и рожденных к этому времени детей, потому что финансовые причины не позволяли ему возить за собой семью. Без дела, которое его бы занимало, и без поддержки семьи Грант топил скуку и недовольство в алкоголе. Его предрасположенность к депрессиям также могла способствовать привычке пить. После многочисленных предупреждений начальников он летом 1854 года подал в отставку и возвратился к семье в Сент-Луис, где у его жены была маленькая ферма. До гражданской войны безуспешно пытался заняться каким-либо делом. В 1860 году переехал с семьей в Иллинойс и вступил в дело отца, которым управляли два его брата.

Хотя семья его жены имела рабов, он посчитал своим долгом, когда началась война за отделение, бороться на стороне войск союза за единство страны и отмену рабства. Полковником вступил в 21-й полк добровольцев из Иллинойса. С самого начала указывал на разницу между гражданской войной и войной против внешнего вра-

га. В гражданской войне каждая операция должна планироваться и проводиться с точки зрения ее возможных последствий для последующего восстановления единства страны и народа. Вскоре он был назначен за свои успехи генералом бригады. После того, как войска союза под его командованием вытеснили конфедератов из Кентукки, его прославляли как героя, а Линкольн присвоил ему звание генерал-майора. Установлено, что он и дальше продолжал сильно пить, но был ли он алкоголиком, является спорным. Во всяком случае, несмотря на военные успехи, его начальник потребовал увольнения его из-за предполагаемого пьянства. Кроме того, он выкуривал огромное количество сигар, что стало его личной отличительной чертой.

Ввиду напряженного военного положения, в котором находился союз в 1862 году, Линкольн не хотел и не мог отказаться от такого удачливого офицера, как Грант. После сражения под Виксбергом в июле 1863 года, которое положило начало перелому в пользу войск союза, президент назначил его главнокомандующим военного округа Миссури. Грант отличался логикой, расчетом и настойчивостью в проведении военных операций, а его войска проявляли высокую боевую мораль. В знак признания военных успехов в феврале 1864 года Конгресс присвоил ему звание генерал-лейтенанта, а месяц спустя Линкольн назначил его главнокомандующим всеми вооруженными силами союза. После окончания гражданской войны Грант сохранил за собой главное командование армией Соединенных Штатов. В 1866 году Конгресс присвоил ему звание генерала.

Война указала Гранту его место в жизни и принесла славу и признание. Его популярность привлекла к нему внимание республиканских политиков. Разрыв Гранта с президентом Джонсоном в начале 1868 года, которого он упрекнул в том, что тот своей политикой в интересах южных штатов угрожает единству страны и использует лично его для своих политических целей, сделал его в

глазах республиканцев кандидатом на пост президента, который вполне может рассчитывать на успех.

Во время съезда республиканцев в 1868 году он казался подходящим и во всех отношениях перспективным кандидатом на должность президента. Хотя политический интерес Гранта и развился во время войны, а на посту военного министра при Джонсоне он накопил большой опыт, критики упрекали его в отсутствии политической компетентности, необходимой чувствительности для высшей должности государства.

Хотя Грант и не принадлежал к республиканской партии, он принял выдвижение кандидатом на пост президента. В президентстве видел возможность сохранить военную победу посредством восстановления политического единства страны и гарантировать всем гражданам Соединенных Штатов равные гражданские права.

В своем заявлении о согласии быть кандидатом Грант сказал: «Если я буду избран президентом Соединенных Штатов, то моим единственным устремлением будет исполнять все законы, исходя из лучших побуждений, и с мудрой экономностью, чтобы повсюду сохранять мир, спокойствие и безопасность... Да будет мир нам!».

Программой, делавшей ставку на реконструкцию Юга, избирательное право для освобожденных рабов и экономический подъем южных штатов с помощью целенаправленной железнодорожной, пошлинной и финансовой политики, Грант выиграл выборы в ноябре 1868 года, получив 214 голосов в выборной коллегии против 80 голосов, отданных за демократа Горацио Сеймура. Плохо зная политическую сцену, Грант при выборе своих министров и советников положился в основном на лиц, которых знал на своей родине или со времен службы в армии. Из 26 человек, которых Грант за время своего президентства назначил министрами, министр иностранных дел Гамильтон Фиш был самым способным и к тому же оказывающим на президента самое большое влияние.

Благодаря избранию Гранта и занятию правительственных постов усилилась позиция радикальных республиканцев. Президент придерживался их взглядов относительно южных штатов, эти взгляды были нацелены на установление и обеспечение гражданских прав для черного населения. Продолжение реконструкции представляло собой его основную внутривластную задачу. Он одобрил 15-е дополнение к конституции, которое 30 марта 1870 года вступило в силу и гарантировало избирательное право мужскому черному населению.

На Юге консервативные силы все больше одерживали верх. Они полностью исключили черное население из политической деятельности и ограничили новые права бывших рабов. Даже угрожая суровым наказанием, администрация Гранта была не в состоянии противодействовать все больше проявляющей себя организации Ку-клукс-клан. Грант все с большей терпимостью относился к консервативному развитию в южных штатах, реконструкция серьезно не форсировалась. Также и во время его второго срока не предпринимались меры для разрешения социальных и политических проблем между расами или для устранения разногласий между жителями северных и южных штатов. Грант же довольствовался тем, что, казалось, наступило какое-то спокойствие и порядок. Джорджия, последний штат, принадлежавший ранее к конфедерации, был снова принят в союз в июле 1870 года, а в 1872 году жители южных штатов формально получили назад свои гражданские права в результате Закона об амнистии, в который не были включены лишь 500 политиков.

Следствием гражданской войны явились нерешенные финансовые проблемы, в частности вопрос о сохранении бумажных денег или их отмене и возвращении металлических денег как единственного платежного средства. Грант, не имевший практически экономических и финансово-политических знаний, столкнулся с требованиями фермеров сохранить бумажные деньги для более легкого возвращения кредитов и с желанием промышленников

востока, настаивающих на использовании металлических денег. Он дал распоряжение Верховному суду разрешить бумажные деньги как законное платежное средство. В 1875 году Конгресс постановил восстановить оплаты монетами для уменьшения государственного долга, так что существовали как банкноты, так и монеты, что являлось компромиссом, но не решением проблемы, так как не был установлен курс обмена. Также и относительно пошлинных вопросов Грант разочаровал избирателей. Фермеры Запада требовали снижения пошлин, резко повышенных во время гражданской войны. Перед выборами было обещано десятипроцентное снижение, но после выборов об этом забыли.

Гранту противостоял коррумпированный и стремящийся к собственной выгоде аппарат чиновников. Вначале он еще имел намерение реформировать его и заменить покровительство компетентностью. Однако созданная комиссия по разработке предложений реформ после четырех лет безрезультатной работы была распущена, а назначение министром иностранных дел Закари Чендлера, известного защитника протекционистской системы, во время второго срока пребывания в должности явилось оскорблением для реформаторов. В этом вопросе Грант отказался от борьбы с Конгрессом. После того, как обеспечил постами некоторых друзей и родственников, он предоставил распределение должностей членам своего кабинета и влиятельным сенаторам.

С 1870 года начала нарастать критика президента. При выборах в Конгресс в этом году республиканцы понесли большие потери. Республиканская партия все больше расходилась в проблемах реконструкции, реформы чиновничьего аппарата, в вопросе пошлин. Одна оппозиционная группировка объединилась с партией либеральных республиканцев под значительным влиянием реформатора Карла Шурца, вождя немецкой революции 1848 года, который в гражданскую войну дослужился до генерала. Вместе с Горацио Гриллей они в

1872 году выставили кандидата на пост президента, которого в предвыборной борьбе поддержали и демократы.

Внутренние разногласия во мнениях и малоубедительная программа либеральных республиканцев благоприятствовали победе Гранта на вторых выборах. В 1874 году демократы, однако, впервые с гражданской войны опять добились большинства в палате представителей. Этому они были обязаны постоянным скандалам, сопровождавшим второе президентство Гранта. Хотя он не был вовлечен ни в один скандал лично и не был обвинен в коррупции, критика в его адрес и в адрес его правительства нарастала. Масштабы ставших известными общественности случаев коррупции и подкупа во второй половине президентства Гранта превзошли все известное до этого. Даже вице-президент Генри Уилсон вынужден был оправдываться в связи со скандалом при строительстве Тихоокеанской железной дороги, когда огромные суммы общественных денег осели в частных карманах. Особенно яростную критику вызвал проект закона о повышении жалованья весной 1873 года, который предусматривал увеличение годового жалованья президента в два раза, т. е. до 50 000 долларов, и значительное повышение жалованья членов Конгресса и судей Верховного суда, включая два последних года. Буря протеста принудила отменить проект закона, за исключением положений, касающихся президента и верховного судьи.

Самое продолжительное влияние на положение в Соединенных Штатах имела *«паника 1873 года»*. Полгода спустя после начала второго срока Гранта потерпел крах рынок акций. Банки вынуждены были закрываться, а робкие усилия министерства финансов помочь исправить положение скупкой акций не могли предотвратить скатывания экономики к кризису. Бесхозяйственность, растраты и крупные спекуляции ускорили экономический спад. Одни видели выход из кризиса в усиленной эмиссии бумажных денег правительством для оживления оборота денег и тем самым потребления, таким образом стимулируя экономику. Другие считали, что только воз-

врат к золоту как единственной валютной основе обеспечить стабильность и будет способствовать новому подъему в экономике. Грант не мог принять ни одну из этих точек зрения, так как раскололись также партии и группировки. Из страха перед растущей воинственностью фермеров и рабочих Конгресс решил в апреле 1874 года повысить обращение денежных знаков на 64 миллиона долларов. Грант наложил вето: США увязли в экономическом кризисе, который продолжался следующие пять лет.

Небольшой успех администрация Гранта имела в области внешней политики, хотя некоторые мероприятия были очень спорными. К началу срока пребывания Гранта в должности президента между Соединенными Штатами и Великобританией существовали напряженные отношения, так как во время гражданской войны Великобритания экономически поддерживала Юг. Международный арбитражный суд приговорил Великобританию к уплате 15 миллионов долларов. Благодаря умному ведению переговоров, министр иностранных дел Гамильтон Фиш добился того, что Великобритания в конце концов согласилась с приговором. В результате попытки ирландских фениев занять из США часть Канады и использовать как залог в борьбе за ирландскую независимость возникла дипломатическая напряженность между Лондоном и Вашингтоном. Когда американские власти по настоянию министра иностранных дел арестовали лидеров фениев на американской земле и быстро положили конец этому делу, американо-британские отношения вновь улучшились.

Спорной была политика по отношению к Кубе и Доминиканской Республике. Во время кубинского восстания против испанского господства в Соединенных Штатах все слышнее стали призывы к военной интервенции на карибском острове. Требования освободить рабов часто служили предлогом, оправдывающим завоевание острова. Это относилось даже к близкому другу Гранта военному министру Джону А. Ролинзу. Министр иностранных дел Фиш и председатель внешнеполитического

комитета сената сенатор Чарльз Самнер, однако, предотвратили опрометчивые действия против Испании и после смерти Ролинза в сентябре 1869 года смогли убедить Гранта в правильности их политики невмешательства. Возглавляемые личным секретарем Гранта полковником Орвиллом Е. Бэбкоком, друзья и спекулянты подстрекали президента к аннексии Доминиканской Республики. Министр иностранных дел, скрепя сердце, поддерживал эти усилия, а Самнер высказался в сенате против проекта договора, который и был отклонен. Для Гранта это означало тяжелое поражение. Чарльз Самнер был снят с поста председателя внешнеполитического комитета, а в республиканской партии еще больше усилились расхождения между фракциями.

Несмотря на всю критику, Грант подумывал о третьем сроке. Он руководствовался при этом финансовыми интересами, так как в конце своего второго срока имел несколько тысяч долларов и в перспективе после президентства никакого твердого дохода. К тому же его семья и он сам наслаждались жизнью в Белом доме. Однако палата представителей однозначно высказалась 234 голосами против 18 против нарушения традиции двух сроков. Депутаты видели в этом (и напрасно) нарушение политических идей «отцов-основателей».

По окончании второго срока Грант с тяжелым сердцем покинул Белый дом и отправился со своей женой в кругосветное путешествие. Куда бы ни приезжал Грант, его везде встречали с большим почетом. После возвращения в США в 1879 году популярность его не уменьшилась. Даже скандалы во время пребывания в должности президента, казалось, не коснулись его лично или были забыты. Он был и оставался героем гражданской войны. Даже вновь поднялся вопрос о его кандидатуре на пост президента, но республиканцы предпочли ставшего впоследствии президентом Джеймса А. Гарфилда.

Грант окончательно отошел от политики и, благодаря щедрой поддержке друзей, приобрел дом в Нью-Йорке. Попытка зарабатывать себе на жизнь собственной мак-

лерской фирмой, которую он основал с помощью кредита в 150 000 долларов промышленника Уильяма Вандербилта, два года спустя закончилась банкротством. Без средств и больной раком гортани, Грант принял предложение Марка Твена опубликовать мемуары. Неделью спустя после окончания работы над своими личными воспоминаниями, Грант умер 23 июля 1885 года в Маунт Мак-Грегор, Нью-Йорк. Мемуары генерала Гранта стали бестселлером и принесли семье долей прибыли в 450 000 долларов финансовую обеспеченность.

Несмотря на военные успехи в борьбе за единство страны, в истории США Грант относится к слабым президентам. Он считался пассивным политиком, который выполнял указания Конгресса, вместо того чтобы осуществлять свои собственные идеи. После потери авторитета института президентов при Джонсоне для решения возникших сложных задач было необходимо усилить позицию исполнительной власти и взять на себя руководство различных группировок в Конгрессе. Грант не мог выполнить эту задачу. Случаи коррупции, особенно во время второго срока пребывания в должности президента, представляют его правительство в неблагоприятном свете. Политика по отношению к южным штатам, часто оцениваемая как неудачная, сейчас рассматривается более дифференцированно: все же Грант пытался защитить гражданские права черного населения, когда большинство республиканцев отказались от этого. Какие политические меры он должен был предпринять, чтобы утвердить гражданские права, является спорным. Применение военных средств кажется более чем проблематичным. Грант понимал и соглашался с тем, что белый расизм южных штатов, равнодушие на Севере и конституционный консерватизм, усиленные экономическим кризисом и политическим расколом внутри республиканской партии, исключают возможность равных прав для черных на Юге. Гранта упрекают в том, что он своей экономической и финансовой политикой отдавал предпочтение промышленникам на восточном побережье. Но они пред-

ставляли молодые, развивающиеся отрасли промышленности, которые должны были во многом определить экономику страны на долгое время. То, что он в конце своего президентства объявил возврат к валюте, основанной на металлических деньгах, обещало положительное влияние на экономическое развитие.

Грант оказывал значительное влияние на историю Соединенных Штатов в течение более чем пятнадцати лет. В то время как его заслуги как офицера в рядах армии союза в деле сохранения единства страны являются общеизвестными, возникает впечатление, что свое президентство Грант воспринимал как своего рода преддверие политического покоя: в сочетании с политической наивностью эта позиция создала опасность манипулирования. Такая негативная оценка является не в последнюю очередь результатом прославления героя войны Гранта и больших надежд, которые президент Грант не смог оправдать.

Ульрике Скорсети

РАТТЕРФОРД Б. ХЕЙС 1877–1881

Конец реконструкции

R. B. Hayes

Раттерфорд Бёрчард Хейс родился 4 октября 1822 года, три месяца спустя после смерти отца в Делавэре, Огайо. Благодаря финансовой поддержке своего дяди он получил основательное школьное образование и в 1842 году сдал экзамены в колледж Кенйон в Гэмбиере, Огайо. После практики в адвокатской фирме в Колумбусе, Огайо, в 1845 году закончил учебу в Гарвардской юридической

школе. Четыре года накапливал опыт в адвокатской конторе своего дяди, а в 1850 стал самостоятельным адвокатом в Цинциннати. В 1852 году женился на Люси Уоррен Уэбб, образованной женщине с разносторонними интересами, активно защищавшей социальные реформы и отвергавшей рабство. Она оказала большое влияние на Хейса, который всегда был противником рабства, но до этого времени политикой почти не занимался. Его привлекла молодая республиканская партия, которая в 1856 году оспаривала власть с демократами и четыре года спустя он вместе с Авраамом Линкольном вступил в Белый дом.

Во время гражданской войны Хейс был майором 23-го пехотного полка добровольцев Огайо и дослужился до звания бригадного генерала. Во время войны усилился его интерес к политике. Благодаря поддержке влиятельного издателя Уильяма Генри Смита Хейсу удалось в 1864 году быть избранным в палату представителей союза. Как радикальный республиканец он выступал за политику реконструкции в южных штатах. Будучи защитником строгого политического контроля Юга, был против жестких действий относительно бывших конфедератов. Он одобрил 14-е и 15-е дополнения к конституции, в которых были зафиксированы гражданские права афро-американцев, и поддержал требование процедуры импичмента против президента Джонсона. Хейс содействовал созданию университета штата Огайо и преобразованию библиотеки Конгресса в Вашингтоне в общественное учреждение.

С 1868 по 1872 гг. и с 1876 по 1877 гг. Хейс являлся губернатором Огайо. В промежутках между этими годами он посвящал себя семье и частным делам. У Хейса было четыре сына и одна дочь, трое других детей умерли в раннем возрасте.

Как губернатор Хейс завоевал признание благодаря своему выступлению в защиту реформ в государственной системе управления. Чтобы избежать обмана на выборах, высказывался за регистрацию всех имеющих права голоса, пытался осуществить более строгие меры

безопасности в горной промышленности и рекомендовал государственное регулирование железнодорожного транспорта. К тому же предлагал создать лучшие условия в тюрьмах и неврологических клиниках. Он считался пронищательным политиком, смелым и либеральным администратором. Поддержал предвыборную борьбу Улисса С. Гранта, в президентстве которого был позже очень разочарован.

Когда республиканцы в начале 1875 года попросили его баллотироваться в следующих выборах губернатора и одновременно в перспективе обещали выдвинуть его кандидатом на пост президента на выборах 1876 года, он согласился лишь после долгих колебаний.

Хотя сам оценивал шансы на выдвижение довольно низко, на национальном конвенте уже в 7-м туре он получил необходимое большинство голосов.

В своем заявлении на согласие быть кандидатом на пост президента Хейс главными темами своей предвыборной борьбы назвал необходимость реформ управления с целью ликвидации системы распределения государственных должностей среди сторонников партии, победившей на выборах, создание авторитетных и способных правительств в южных штатах, улучшение общественной школьной системы и решение еще существующего конфликта по поводу бумажных денег или металлических. Одновременно он объявил, что в случае избрания его президентом по истечении четырех лет не будет баллотироваться на второй срок. За это Хейс оговорил себе больше свободы в проведении реформ управления и широкую независимость от благосклонности влиятельных членов партии. Таким способом он смог вернуть в партию многочисленных либеральных республиканцев, которые откололись в 1872 году.

Выдвинутый демократами кандидат на пост президента Сэмюэл Тилден сконцентрировал свою предвыборную борьбу на темах экономии, металлических денег и реформ. Когда вечером 7 ноября 1876 года были подсчитаны голоса, то оказалось, что Тилден победил с

преимуществом в 250 000 голосов и результатом в выборной коллегии 184 к 165. Однако республиканцы сразу же подвергли сомнению законность результатов голосования в Южной Каролине, Луизиане, Флориде и Орегоне и потребовали назначения арбитражной комиссии. Было приглашено по пять членов сената, палаты представителей и Верховного суда, чтобы составить бесприимчивую в истории Америки комиссию. В нее входили 8 республиканцев и 7 демократов, которые голосовали соответственно их партийно-политической позиции. Так Хейсу большинством в один голос были присуждены оспариваемые голоса избирателей, и 2 марта большинством в один голос члена выборной коллегии он был объявлен президентом Соединенных Штатов.

Торжества по поводу инаугурации прошли в тени споров о выборах. За время пребывания Хейса на посту президента протесты против него затихли и большинство населения относилось с уважением к президенту и его жене, которая активно сотрудничала в движении умеренных и очистила Белый дом от всех алкогольных напитков.

Чтобы пойти навстречу демократам, Хейс одобрил вывод последних размещенных в Луизиане и Южной Каролине союзных войск. 24 апреля 1877 года последний союзный солдат покинул область бывшей Конфедерации.

Так как исход выборов был долго неясен, то при вступлении в должность Хейс имел неполный состав кабинета. Хотя он и заявил, что при назначении на должность не будет учитывать партийно-политическую принадлежность, однако одарил своих друзей и помощников в предвыборной борьбе. Но могущественные силы внутри республиканской партии не смогли влиять на него. В течение всего срока он боролся против повторяющихся попыток Конгресса навязать ему назначения на государственные должности. Обсуждая предложение по замещению должностей с сенаторами и депутатами, решение оставлял за собой.

Самое большое влияние на президента оказывали министр финансов Джон Шерман, министр иностранных дел Уильям Эвертс и министр внутренних дел Карл Шурц. В лице Мак-Кендри Ки из Теннесси, назначенного министром почты, впервые пост в кабинете получил бывший конфедерат.

В своей инаугурационной речи Хейс, касаясь финансовой политики, высказал точку зрения, что бумажные деньги приемлемы только в том случае, если их ценность основана на монетах и если они в любое время могут свободно конвертироваться. Относительно реформ управления президент заявил о возвращении к принципам и практике «отцов-основателей» и подчеркнул, что Конгресс не имеет права предписывать распределение должностей. Хейс обещал поддержку правительства в улучшении общей школьной системы, Югу он обещал в перспективе установление гражданских прав для тех, кто получил свою свободу.

Так как начало нового президентства совпало с экономическим спадом, то решение финансовой проблемы стало для Хейса первоочередной задачей. В то время, как он считал золото единственным стандартом ценности, палата представителей и сенат издали проект закона, который в ограниченных пределах допускал серебро как монетную стоимость. Этот закон, представляющий собой компромисс между «твердой валютой» и бумажными деньгами, был принят в начале 1878 года против вето президента.

Это было единственный раз, когда вето Хейса (а он наложил всего 13 вето на проекты Конгресса) Конгресс отклонил.

Особенно энергично Хейс возражал против всех попыток урезать достижения 14-го и 15-го дополнений к конституции для черного населения.

В соответствии со своим заявлением Хейс с самого начала работал над реформой управления, и министр внутренних дел Шурц оказался подходящим для этого человеком. Для наглядности своего намерения покончить

с распределением государственных должностей среди сторонников победившей партии и с семейственностью, Хейс выбрал таможенные органы Нью-Йоркского порта, где подавляющее большинство (из более чем 1000 работающих) обязаны были своим рабочим местом покровительству сенатора Роско Конклинга, главы мощной партийной машины Нью-Йорка. Преодолевая сопротивление сенатора, Хейсу удалось поставить во главе этого важного учреждения безупречных и ориентированных на реформы людей. Результатом явились высокая эффективность и современный, профессиональный менеджмент — доказательство необходимости и пользы запланированных реформ и личная победа Хейса.

Его надежда, что после вывода войск союза бывшие виги и часть демократов в южных штатах примкнут к республиканцам или, по крайней мере, будут лояльно относиться к ним, не оправдалась. Даже замещение демократами многочисленных федеральных должностей на Юге не могло ослабить политического напряжения. В сентябре 1877 года Хейс с большой правительственной делегацией совершил поездку по многим южным штатам с целью пропаганды своей политики. Но он не смог воспрепятствовать возвращению консервативных демократов на почти все влиятельные посты. После выборов в Конгресс 1878 года из 63 южан в палате представителей только четыре были республиканцами. Впервые с гражданской войны демократы вновь представляли большинство в сенате. Политика Хейса по отношению к южным штатам и его либеральная, направленная на примирение позиция все больше подвергались критике внутри собственной партии. Его обвиняли в ослаблении партии на Юге, возлагали ответственность за потерю гражданских прав, которые после войны были предоставлены афроамериканцам. Хотя Юг постепенно экономически восстанавливался, усиливающееся социальное и политическое давление вызывало миграцию значительной части афроамериканского населения на Север. Настоящее примире-

ние бывших союзных и конфедеративных штатов не состоялось.

Вскоре после вступления Хейса в должность президента началась крупная стачка железнодорожников. В условиях экономического спада железнодорожные общества несли большие потери. Снижение заработной платы вызвало забастовку, которая из Балтимора в Мериленде быстро перекинулась на 14 штатов. Девять губернаторов обратились к президенту за помощью. После того как начались насильственные столкновения, Хейс решил направить войска в Западную Виргинию, Мериленд, Пенсильванию и Иллинойс. В первый раз армия использовалась против бастующих рабочих. Так как Хейс отказался поддержать штрейкбрехеров, то были предотвращены большие кровопролития, и несколько недель спустя восстановилось спокойствие.

Во внешней политике у Хейса не возникало больших проблем. Пограничные конфликты, связанные с революционными волнениями в Мексике, были улажены мирным путем. Намерение Франции построить канал через Центральную Америку вызвало в Соединенных Штатах временное волнение, которое быстро улеглось, когда от этого плана отказались.

В крупных городах западного побережья обострились конфликты между большинством белого населения и переселяющимися в большом количестве китайцами, которым в Берлингеймском договоре (1868) было предоставлено право неограниченного переселения. Работающие за низкую плату китайцы казались опасными конкурентами, и проникнутый расовыми предрассудками Конгресс издал закон по ограничению иммиграции. Хейс наложил на него свое вето. Чтобы противостоять продолжающемуся давлению Конгресса, он вступил в переговоры с китайским правительством. Эти переговоры привели к заключению выгодного торгового договора и к «добровольному» самоограничению Китая, который взял на себя ответственность за контроль иммиграционного движения.

Как и объявил, Хейс не пытался остаться на второй срок. Он поддержал кандидатуру Гарфилда, о котором сказал: «Он идеальный кандидат, так как является идеалом человека, сделавшего себя». По окончании президентства Хейс со своей женой вернулся в Шпигель Гроув во Фремонте, Огайо, где они провели старость. До смерти (17 января 1893 года) он сотрудничал в благотворительных обществах.

В истории США Хейс связан с окончанием реконструкции, которая так и не установила настоящего политического и социального равновесия между северными и южными штатами. Его современник и друг Гарри Уильямс писал, что он является «странной смесью из идеализма и практической сути». После вихрей гражданской войны, политического кризиса при Джонсоне и скандалов при Гранте в стране при Хейсе наступил некоторый покой. Финансовая политика Хейса содействовала тому, что после пяти лет спада наступило экономическое оздоровление. В противовес палате представителей, сначала контролировавшейся демократами, и сенату, которым во второй половине его президентства управляли демократы, Хейс осознанно укреплял позиции президента в правительственной системе. Он считал своим личным успехом то, что может сказать: «...Ни один член обеих палат не пытается больше диктовать замещение должностей. Я начал с выбора кабинета против их воли». Этим он заложил основу для дальнейших реформ правительства и управления.

Марк Твен считал, что спокойное и незаметное, но истинное величие Хейса со временем бесспорно найдет признание в истории. Сегодня в оценочной шкале президентов Хейс занимает среднее место. Его политический показатель заключался в способности соединять старые ценности с новыми идеями и повышать к этому восприимчивость общества.

Ульрике Скорсетиц

ДЖЕЙМС А. ГАРФИЛД 1881

Несостоявшийся реформатор

James A. Garfield

Джеймс Гарфилд, родившийся 19 ноября 1831 года недалеко от Кливленда, Огайо, был вторым после Уильяма Гаррисона президентом с самым коротким сроком пребывания в должности. Однако он заслуживает внимания не только из-за совершенного на него покушения. Гарфилд в высшей степени является воплощением американского идеала человека, *самого себя сделавшего*. Маль-

чик-сирота пережил детство, полное лишений, получил школьное образование с христианским уклоном и рано начал работать сначала на ферме, затем юнгой на лодке. Способному и любознательному юноше удалось поступить в Западный институт эклектики (позже Хайрам-колледж). Потом он учился в колледже Уильямса в Новой Англии. В 26 лет стал президентом Института эклектики, где в 1856 году начал заведовать кафедрой древних языков и литературы. Всю жизнь Гарфилд был глубоко верующим человеком. Он публично выступал против эволюционной теории Дарвина и делал доклады о связи географии и религии.

Очень рано его потянуло в политику. Весной 1859 года Гарфилда выбрали в сенат Огайо. Блестящий оратор и ярый противник рабства, он скоро стал лидером республиканцев. Во время гражданской войны руководил набором 42-го полка добровольцев Огайо, а потом взял на себя и командование им. В 1862 году был избран в палату представителей в Вашингтоне, где высказывался за военную оккупацию Юга, избирательное право для черного населения и за ограничительную финансовую политику. Решительно выступал против патроната и семейственности.

С 1877 года Гарфилд в качестве сенатора представлял штат Огайо. Три года спустя принял участие в национальном конвенте республиканцев. Поддерживал выдвижение Джона Шермана кандидатом на пост президента, в то время как *стойкие члены партии* придерживались третьего срока для Гранта и предложили в качестве кандидата *метиса* Джеймса Блейна. Раскол между фракциями был столь глубок, что ни один кандидат не набрал требуемого большинства. Неожиданно Гарфилд нашел себя в списке кандидатов, а 36 туров спустя стал кандидатом на пост президента. Непокколебимый противник Юга Гарфилд заявил на партийном съезде, что установлено *«навечно»*: в гражданской войне Север был прав, а Юг не прав. Одновременно он высказался за расширение реформ управления. Гарфилд получил политичес-

кую поддержку от президента Хейса, который консультировал его и позже. Одну из своих важнейших задач Гарфилд видел в том, чтобы свести республиканцев в сплоченную партию в предвыборной борьбе против демократов. Для поддержания этого процесса кандидатом на пост вице-президента был выдвинут Честер Артур, который соответствовал представлениям стойких членов партии. К тому же Гарфилд предпринял во время предвыборной борьбы поездку доброй воли в Нью-Йорк, чтобы обеспечить себе поддержку мощного партийного механизма Нью-Йорка.

Гарфилд выиграл выборы в ноябре 1880 года, получив 214 голосов членов выборной коллегии против 155, отданных за демократа Уинфилда Скотта, причем его преимущество в народном голосовании составило всего 7368 голосов. В то время как распределение мест в сенате было уравновешено, республиканцы в палате представителей достигли абсолютного большинства.

Гарфилд попытался предпринять выбор своих министров независимо от различных группировок внутри партии. Назначением Джеймса Блейна министром иностранных дел и отказом назначить на столь же важный пост человека из лагеря влиятельного нью-йоркского сенатора Роско Конклинга Гарфилд настроил против себя привыкшую к власти Нью-Йоркскую фракцию. Борьбу за независимость президента при замещении постов в правительстве подогрело назначение Уильяма Робертсона верховным таможенным чиновником Нью-Йоркского порта. В знак протеста Конклинг и Томас Плэтт, тоже сенатор штата Нью-Йорк, отказались от своих мест в Конгрессе. Победа Гарфилда над системой покровительства усилила независимую позицию президента. Однако внутрипартийная борьба за власть затруднила и омрачила его усилия изменить системы управления и финансов, как и во всех значительных политических вопросах. Новый министр почты Томас Джеймс пытался раскрыть злоупотребления почтовой службы, министр финансов начал мероприятия по уменьшению государственного дол-

га путем выпуска долговых обязательств правительства, а министр флота Уильям Хант стремился к реорганизации военно-морского флота. Сам же Гарфилд занимался улучшением возможностей образования для черного населения. С помощью союза он пытался смягчить ущемление экономических и политических прав и таким путем содействовать уравниванию Севера и Юга.

Ни одна из этих инициатив не была доведена до конца. 2 июля 1881 года Гарфилд, который вместе с министром иностранных дел и двумя своими сыновьями находился на вокзале Вашингтон-Пенсильвания, был ранен выстрелами Чарльза Гито. Гито объяснил свои действия следующими словами: «Я стойкий член партии и теперь Артур президент». 19 сентября 1881 года президент умер вследствие полученных ранений.

Его жена Лукреция Рэндольф, которую он знал с детства и на которой женился в 1858 году, ухаживала за ним до его смерти. Он оставил пять детей, еще двое умерли в раннем возрасте. Два его сына позже, при президентах Теодоре Рузвельте и Вудро Вильсоне, занимали высокие правительственные посты. Трудно сказать, как развивалось бы президентство Гарфилда, если бы его не убили несколько месяцев спустя после его инаугурации. Личный секретарь Линкольна Джон Хей считал, что Гарфилд вступил на пост президента с бóльшей и лучшей подготовкой и бóльшими интеллектуальными способностями, чем любой другой президент за полвека до него.

Принципиально преследуя те же политические цели, что и Хейс, Гарфилд укрепил позиции президента, но одновременно стремился установить конструктивные отношения между законодательной и исполнительной властью.

Раймунд Ламмерсдорф

ЧЕСТЕР А. АРТУР 1881–1885

Болото покровительства и коррупции

Chester A. Arthur

Институт президентов не всегда является центром и источником силы американской правительственной системы. Это особенно отчетливо видно на примере президентов «золотого века», этого только внешне блестящего, «позолоченного века» Соединенных Штатов, который длился примерно с 1870 года до начала нового столетия. На этой фазе стремительного общественного развития

федеральное правительство было подчинено политической системе, в которой господствовали регионально ориентированные партии. Скорее господствующие условия и политические обстоятельства заставляли президентов двигаться, нежели они сами приводили что-либо в движение. Важнейшие политические решения принимались на местном уровне, президент и Конгресс были сравнительно мало активны.

После того как были преодолены прямые последствия гражданской войны, страна переживала серьезные экономические, социальные и демографические изменения. С большой энергией продолжилось и закончилось освоение Запада. Благодаря хозяйственному использованию прерий во много раз возросло производство пшеницы. Огромные, не требующие затрат пастбища позволили производить много говядины, которая не только поставлялась на американский рынок, но и в больших объемах экспортировалась в Европу. В горах Запада были открыты и разрабатывались почти неисчерпаемые месторождения полезных ископаемых. Освоение Запада стало возможным и стимулировалось проложением железной дороги. В 1885 году, 16 лет спустя после постройки первой трансконтинентальной линии, протяженность железнодорожных магистралей достигла 140 000 миль, что сделало доступным каждый уголок страны. За короткое время Запад стал гигантским арсеналом растущих индустриальных обществ северо-востока. Так, новая разработка производства стали дала необходимый инновационный толчок для второй промышленной волны. Многочисленные открытия и технологические разработки привели к эффективному и требующему меньших затрат массовому производству. Последствием этого стал экономический бум, который к концу века сделал Соединенные Штаты сильнейшей экономической державой мира.

«Золотой век» был веком таких крупных промышленных магнатов, как Джон Д. Рокфеллер, Эндрю Карнеги и Джон Пирийнт Морган. С помощью вертикальной интеграции и оптимизации производственного

процесса, а также умелого, часто беспощадного, исключения всякой конкуренции, им удалось овладеть целыми промышленными отраслями. Доля в рынке таких трестов, как «Стандард Ойл» или «Юнайтед Стил» доходила до 80%, и они оказывали значительное влияние на общее экономическое развитие. Другой важной предпосылкой превращения Америки в индустриальное общество была массовая иммиграция из Европы. В семидесятых годах в Соединенные Штаты иммигрировало около 2,2 миллиона человек, а в последующее десятилетие даже более 5 миллионов. Новоприбывшие составили в конце концов треть всего 55-миллионного населения. Большинство из них селились в городах Востока и Среднего Запада, которые резко увеличились в результате переселения из деревни в город. В 1885 году треть населения жила в городах, которым иммигранты придавали свой отпечаток. Только в Нью-Йорке 80% жителей были рождены не в Америке. Эти перевероты поставили американское общество перед непредвиденными проблемами. Падение цен на пшеницу как следствие включения аграрного сектора в мировые экономические структуры и перепроизводства привело в деревне к обеднению мелких фермеров. В промышленности рабочие вынуждены были бороться за свои права в тысячах забастовок. Монополизация промышленности разорила многих мелких и средних предпринимателей. Большая часть новоприбывших жила в немыслимо нищенских социальных и санитарных условиях во вновь возникших гетто. Их введению в американское общество препятствовали недостаток школьного образования, предрассудки против иностранцев и дискриминация. К тому же страна с 1893 по 1897 годы впала в глубочайший кризис своей истории, превзойти который смогла только «Великая депрессия» тридцатых годов XX столетия.

Традиционная американская политическая система, в которой всегда больше внимания уделялось сохранению свободной игры сил, чем развитию сильного централизованного регулирующего механизма, не могла справиться

с новыми проблемами. Возник политический вакуум, который был скоро заполнен на местном уровне новой группой политиков, решительно изменившей политическую систему. Теперь решения принимались не местной знатью, а маленькими князьками городских районов из гетто иммигрантов, которые часто сами были иммигрантами первого или второго поколения. Они становились адвокатами маленьких людей, социально угрожаемых, политически игнорируемых и дискриминируемых переселенцев, лояльность которых они обеспечивали себе патерналистскими попечительскими мероприятиями, такими как содействие в получении работы или квартиры. В большинстве крупных городов из этого возникли так называемые *«политические машины»*, сети покровительства и раздачи должностей, которые в извращенной форме часто приводили к коррупции и расхищению общественных денег.

Эта новая политическая культура (или отсутствие таковой) скоро отложила свой отпечаток на партии в отдельных штатах и на федеральном уровне. Политический пост более не был служением обществу, к нему стремились, чтобы добраться до пирога власти. Борьба за большинство опустилась до борьбы за деньги, которая отвела политическому содержанию второстепенную роль. Путь в политику отдельных штатов, как и в политику на федеральном уровне, проходил через местные политические машины и активное участие во всеобщей коррупции. Это также касалось членов кабинета, государственных чиновников, сенаторов и самого президента.

Вместо сильных личностей партийная система *«золотого века»* допускала на высший выборный пост в основном слабых политиков, которые не были лидерами своих партий, а зависели от нее. Так как партии были расколоты на региональные фракции с различными политическими программами, то при выборе президента они сходились на слабой компромиссной кандидатуре. Поэтому президенты оставались узниками в структуре власти своих партий и их политических машин. Из-за этой зависимости традиционного представления об огра-

ниченной власти президентской должности, а также из-за недостатка внешнеполитических или военных чрезвычайных институтов, где было бы необходимо президентское вмешательство, президенты «золотого века» были не более чем высшими чиновниками управления республики. Поэтому заслуживают внимания их попытки конструктивно вмешаться в политические события и придать должности президента больший вес в американской правительственной системе.

Наглядным примером партийного политика «золотого века» может служить Честер А. Артур. Он родился 5 октября 1830 года в Феарфилде, Вермонт, в семье баптистского проповедника и рос в различных общинах Вермонта и Нью-Йорка. Артур с отличием окончил колледж, стал учителем, а потом и директором школы, но после этого решил стать адвокатом. В 1859 году женился на Элен Льюис Херндон, дочери морского офицера. В Нью-Йорк Сити, где он имел процветающую практику, примкнул к республиканской партии сразу же после ее основания. Это было началом успешной политической карьеры. Артур, протеже могущественного нью-йоркского председателя партии Турлоу Уида и губернатора Эдвина Д. Моргана, стал незаменимым как организатор политики внутри Нью-Йорка. В 1861 году, к началу гражданской войны, он проявил большой талант при вооружении боевых частей, так что вскоре был назначен генерал-квартирмейстером штата Нью-Йорк. Он был тогда чрезвычайно честен и активен, но после поражения Моргана в 1862 году потерял свою должность. Он снова начал пробиваться вверх по ступенькам республиканской партии и стал ведущим сотрудником могущественного партийного вождя Роско Конклинга.

Его лояльность по отношению к председателю была в 1871 году щедро вознаграждена, когда президент Грант назначил его руководителем Нью-Йоркской таможенной службы. Эта должность была одной из завиднейших в Соединенных Штатах, так как контролировала ежегодно более 840 миллионов долларов таможенных пошлин и

1000 рабочих мест. За счет присвоения таможенных доходов, подкупа, взяток и продажи должностей Артур мог позволить себе роскошный образ жизни и одновременно еще больше расширить политическое влияние.

Но Артур недолго наслаждался своей должностью. Вездесущая коррупция и неспособность в государственной службе спровоцировали сильное движение за реформы, которое требовало лучшего контроля за исполнением служебных обязанностей и введения проверки пригодности претендентов на должность. В качестве устрашающего примера развала государственной службы к позорному столбу было выставлено именно руководство Нью-Йоркской таможни и стоящие за ним партийные боссы. Республиканскому президенту Хейсу удалось в 1878 году вытеснить Артура и его сотрудников. Однако следующие выборы президента показали, что таможенный скандал не повредил Артуру политически. В качестве вице-президента победившего республиканского кандидата Гарфилда он в 1880 году снова вошел в федеральное правительство.

Несколько месяцев спустя после своего вступления в должность Гарфилд стал жертвой покушения разочарованного члена партии, который надеялся на пост в новой администрации. Но этим поступком, за который он был быстро приговорен к смерти и казнен, покушавшийся усилил движение за реформы. В течение трехмесячной тяжелой болезни Гарфилда в результате полученных ранений до его смерти 19 сентября 1881 года все громче звучали призывы к реорганизации государственной гражданской службы, особенно в ожидании нового президента, который олицетворял все то, против чего боролись реформаторы. Смерть Гарфилда глубоко потрясла Артура, никогда не стремившегося к высшей должности и сомневавшегося в своей личной пригодности. В предыдущие месяцы он подвергался чрезвычайно резкой критике в прессе и знал, что многие люди молятся за здоровье Гарфилда, лишь бы не видеть Артура в Белом доме.

Возможно, что как раз обстоятельства смерти Гарфилда вызвали в Артуре удивительную перемену. Одним поворотом он освободился от своего прошлого и прекратил политику покровительства. При назначении на должности в новом кабинете больше уделял внимания способностям, чем партийному влиянию. Он противостоял требованиям друзей по партии дать им хорошие посты и разочаровал свою нью-йоркскую клиентуру, когда отказался поддержать ее выборную кампанию. Наложил вето на федеральные законы, которые должны были создать новые посты и тем самым новую коррупцию. После того как были разоблачены другие случаи коррупции в федеральной администрации, он в 1883 году поддержал образование комиссии государственной гражданской службы, которой было поручено обновление государственной службы. Должности должны были не продаваться или раздаваться верным членам партии, а предоставляться наиболее подходящим кандидатам. Государственные служащие освобождались от обязанности вносить пожертвования в пользу партии. Несмотря на массивное сопротивление партийных боссов, эти меры позволили изъять из системы покровительства и семейственности большую часть государственных должностей. Федерально-государственные органы постепенно стали работать более компетентно и эффективно.

Выступление Артура за реформы основывалось на поддержке общественности и последствиях покушения. Большого он не мог и не хотел добиться в Конгрессе, понимая свою должность традиционно как исполнительный орган законодательной власти с ограниченной функцией контроля и инициативы. Соответственно обстоятельствам, он честно старался быть хорошим администратором и представил Конгрессу ряд осторожных предложений, на которые не обратили внимание. В общем, как и у большинства политиков в Вашингтоне, у него не было большого желания работать. За пять дней в неделю он возможно, находил два часа за письменным столом, после обеда принимал посетителей или проводил одно из ред-

ких заседаний кабинета. Его штаб часто был вынужден настаивать на решении им срочных вопросов.

Президент сконцентрировался на светской функции своей должности. К большой радости вашингтонского общества, Артур не изменил роскошный стиль жизни и остался чрезвычайно радушным хозяином. После того как «*лимонадная Люси*» Хейс положила конец алкогольным эксцессам администрации Грапта, терпимость и щедрость Артура спасли жаждущих федеральных политиков. Он приказал очистить жилые и рабочие помещения президента от хлама, все обновить и обставить с роскошью для устройства там шумных праздников. Полный, но всегда безупречно одетый Артур приглашал на многочисленные маленькие обеды и большие банкеты, на которых не редкостью были 14 смен блюд и восемь различных вин. Он превратил Белый дом снова в первый дом в Вашингтоне. Популярному вдовцу приписывались некоторые истории, но он, в отличие от последующих президентов, мог позволить себе резко оборвать любопытных гостей: «Хоть я и президент Соединенных Штатов, мадам, но моя личная жизнь Вас не касается».

Но демонстративная радость жизни была во многом фасадом. Артур очень страдал из-за потери жены, которая умерла в 1880 году (роль хозяйки взяла на себя его младшая сестра). Одного сына он потерял много лет назад, другой вел распутную студенческую жизнь в Принстоне без перспектив на научные успехи. Только десятилетняя дочь уединенно жила с ним в Белом доме. В частной жизни Артур был чрезвычайно чувствителен и подвержен настроению, он часто ощущал себя одиноким и подавленным. Перепады его настроения находились в прямой связи с тяжелой болезнью, которая считалась одной из величайших тайн его президентства. Только восемь лет спустя после его смерти общественность узнала, что он страдал нефритом, в то время неизлечимым заболеванием почек. Хотя большую часть своего президентства он был тяжело болен и лежал в постели, из

чувства долга не допускал, чтобы это стало известно общественности.

Слабое политическое положение Артура, его скромное понимание своих служебных обязанностей, недостаточная политическая решительность и готовность действовать, как и его подорванное здоровье, не позволяют возлагать на него ответственность за какие-либо политические решения. Его заслуги ограничиваются настойчивой поддержкой реформ на государственной службе и представительством в общественной жизни. При таком недостатке политической активности нельзя ожидать особо важных внешнеполитических акций. Однако министр военно-морского флота Уильям Е. Чендлер начал модернизацию американского военного флота, который до того времени в основном состоял из парусных судов, и заложил основу будущей морской державы.

В конце срока своего пребывания на посту президента Артур официально не отказался от выдвижения на выборы 1885 года, но в действительности баллотироваться не хотел. Республиканцы выставили, наконец, своего старого министра иностранных дел Джеймса Блейна, который проиграл выборы демократу Гроверу Кливленду. Одним из последних появлений Артура на публике перед его выездом из Белого дома было участие в открытии памятника Вашингтону в центре столицы 21 февраля 1885 года. После возвращения в Нью-Йорк Сити в политике больше не участвовал. Он умер от тяжелой болезни 18 января 1886 года, два дня спустя после того, как сжег свои личные записи.

Раймунд Ламмерсдорф

ГРОВЕР КЛИВЛЕНД 1885–1889

*Возрастающее значение
экономики и финансов*

Grover Cleveland

Такой же полный, как и его предшественник Артур, но совершенно другой политической конституции, Стивен Гровер Кливленд сделал стремительную карьеру в демократической партии. Он родился 18 марта 1837 года в Калдуелле Нью-Джерси, был пятым ребенком в семье пастора-пресвитера и вырос в штате Нью-Йорк. В

1855 году стал учеником в одной адвокатской конторе в Буффало, где был одновременно и подсобным рабочим. Упорным трудом приобрел обширные юридические знания и уже в 22 года стал адвокатом. Недостаток интеллектуального блеска и спонтанности компенсировал основательным изучением дел. Отсутствие красноречия перед судом заменял тщательной подготовкой своей аргументации и блестящей памятью. Он стал солидным и уважаемым адвокатом с большим доходом. Долгое время «*Большой Стив*» оставался самодовольным провинциалом и закоренелым холостяком, который ограниченное свободное время проводил с друзьями за виски и покером, на охоте и рыбалке. Он редко покидал свой маленький город, не читал ни романов, ни поэзии и был невысокого мнения о музыке и других достижениях культуры.

У Кливленда мало что осталось от пресвитерианской набожности семьи, но его жизнь и политическая работа определялись непреложными принципами. В первую очередь он был верным поборником индивидуализма и противником слишком сильного правительства. Восхищался преуспевающими промышленниками или банкирами и мало думал о судьбе бедных. Его ограниченные интеллектуальные способности, отсутствие абстрактного мышления и профессиональный успех исключали какие-либо сомнения в себе. Раз приобретенные знания оставались бесспорными, любая критика или противопоставление казались неприемлемыми и глупыми. Его внутренняя простота и железная рабочая дисциплина способствовали большим политическим успехам, но он всегда упускал из виду общественные реальности и из-за этого терял одобрение избирателей.

Политическая карьера Кливленда началась с поста бургомистра в Буффало, которого он добился с помощью антикоррупционной кампании. Его девиз: «*Государственная служба — государственная ответственность*» стал лейтмотивом дальнейшей политической карьеры. Репутация честного сторонника реформ, который вскрывает

факты коррупции и бесхозяйственности и таким образом сохраняет деньги налогоплательщиков, уже год спустя сделала его кандидатом от демократической партии на предстоящие выборы губернатора Нью-Йорка. Победу на выборах он одержал с той же программой, что и в Буффало: честность, экономия и применение испытанных деловых принципов в работе правительства. И здесь он сумел убедить, потому что не побоялся выступить против коррумпированного господства Тэмени Холл, штаба демократической партии в Нью-Йорке. Вскоре он завоевал национальное признание, поэтому выдвинул свою кандидатуру на выборы президента 1884 года. Кливленд представлял большое количество избирателей Нью-Йорка, был в хороших отношениях с другими региональными партийными организациями и вписывался в общую атмосферу реформ. В кратчайший срок прошел путь от политического «никто» до кандидата на высший правительственный пост.

Предвыборная борьба 1884 года стала для него тяжелым испытанием. Она была самой грязной в американской истории. В то время как демократы старались представить кандидата республиканцев Джеймса Блейна образцом коррумпированного партийного бонзы, республиканцы поставили под сомнение нравственность Кливленда. Десять лет назад он признался в отцовстве ребенка, которого он, после того, как мать психически заболела, отдал приемным родителям. Так как отцовство не было установлено однозначно, то он считал, что выполнил свою задачу. Республиканские стратеги предвыборной борьбы обвинили Кливленда в сексуальном распутстве и в том, что он отделался от матери и ребенка, жертв его развращенной жажды к наслаждениям, и бросил их на произвол судьбы. Отражая эти обвинения, Кливленд показал все свое политическое умение. В ответ на нападки он пошел в атаку, признал отцовство, описал обстоятельства и скоро лишил вопрос его сенсационного характера. Среди общественности возникли голоса, которые прощали его сексуальные эскапады как допустимые, свой-

ственные человеку грехи и подчеркивали его бескорыстие, ответственные действия по отношению к матери и ребенку. Портрет честного, упорно работающего доверенного лица общественных интересов был дополнен чертами простого, безгрешного человека, отвечающего за последствия своих грехов. Кливленд победил на выборах с крохотным преимуществом в 0,2 процента голосов избирателей, но с более подходящим большинством в выборной коллегии. Впервые с гражданской войны президентом вновь был избран демократ. Примирение между республиканским Севером и демократическим Югом, казалось, сделало решительный шаг вперед.

Главными темами его первого президентства были валютная политика, пошленные реформы и продолжение реформ в правительстве и государственной службе, за которые он взялся с помощью своих испытанных принципов. В отличие от Артура работал ежедневно с утра до вечера и часто спал по четыре или пять часов. Он, как и раньше в адвокатской практике, запутывался в деталях, слишком углублялся в материалы даже самых маленьких проектов законов и с трудом распределял задачи. От этого страдала и светская жизнь в Белом доме. Кливленд ненавидел приемы, потому что они крали его драгоценное время, и не придавал значения презентации своей малопривлекательной внешности. «Дядя Джамбоу», как его называли племянники, весил все-таки больше 280 фунтов.

После двух лет президентства он неожиданно женился в возрасте 49 лет на своей 21-летней подопечной Франсес Фолсом. Несмотря на все злобные слухи о неравном браке, он оказался счастливым. Молодая первая леди выполняла представительские обязанности с большим тактом и шармом. Однако Кливленд не собирался сохранять пышность своего предшественника. В Белом доме он педантично соблюдал бережливость, платил из своего кармана за сено для своих лошадей, приказал пересыпать нафталином президентскую яхту, сам лично проверял ежемесячные расходы, оставаясь верным представле-

нию об ответственности своей должности. Он всеми силами пытался сдерживать раздачу доходных мест и исключить влияние местных политических знаменитостей на ведомства. Но был вынужден отказаться от попыток радикальных реформ. Для обеспечения поддержки своей партии и в дальнейшем он допустил, чтобы многие освободившиеся посты государственной службы были, как и прежде, заняты демократическими, хотя и необязательно квалифицированными, претендентами.

Несмотря на неприязнь к сильному правительству, он находил роль президента слишком слабой и старался уменьшить неравенство между исполнительной властью и Конгрессом. В принципиальном конфликте с сенатом добился, чтобы закон о пребывании в должности, который давал Конгрессу право контроля над увольнениями чиновников президентом, был отменен в марте 1887 года. Кливленд проявлял все больше собственной инициативы, чтобы достичь политических целей. За время пребывания в должности президента он 304 раза наложил вето, т. е. чаще, чем все его предшественники вместе взятые. Он больше не ждал, когда проекты законов Конгресса окажутся на его письменном столе, а сам требовал от законодательных органов новые законы. Эта активная позиция была недалеко от практики современных президентов регулярно брать инициативу в свои руки в законодательстве.

Двумя большими финансово-политическими вопросами его президентства являлись серебряный стандарт и вопрос пошлин. Мощно развивающаяся экономика страдала от острого недостатка денег, поэтому наряду с золотым долларом был введен серебряный, стоимостью на 20 процентов ниже. Следствием этого явились частные накопительство золотых долларов и постоянное уменьшение золотого резерва союза. В качестве меры против подрыва валюты Кливленд потребовал отмены серебряного доллара, но потерпел неудачу в Конгрессе. Мощные силы, особенно с аграрного Юга и Среднего Запада США, желали инфляционной денежной политики по-

средством полного разрешения серебряного доллара, чтобы устранить хронический недостаток денег и сверхдолги в фермерском хозяйстве. Они упрекали Кливленда в том, что он, с одной стороны, сопротивляется любому обесцениванию доллара, а с другой — не предлагает альтернативной финансовой политики, которая могла бы противодействовать продолжающемуся кризису в аграрном секторе.

В вопросе покровительственных пошлин Кливленд пытался склонить Конгресс к снижению тарифов. Пошлины были значительным источником доходов для федерального правительства. Одновременно они обеспечивали большей части американской промышленности защиту от более дешевой иностранной конкуренции. Кливленд был против высоких пошлин по трем причинам. Во-первых, правительство получило слишком много денег, федеральный бюджет — что сегодня немыслимо — толкал перед собой явный излишек, вследствие чего хозяйственный оборот лишился важного инвестиционного капитала. Во-вторых, Кливленд видел в пошлинах *«скрытое, несправедливое и ненужное налогообложение»* американских потребителей в пользу промышленности. Так же Кливленд возмущался прибылью, которую промышленность получала от высоких пошлин. Так как отечественные продукты продавались чуть ниже цены импортных, то предприниматели примерно сумму пошлинного тарифа клали себе в карман. Эти завышенные прибыли, как и усиливающееся из-за отсутствия конкуренции монопольное положение некоторых концернов, были прямым результатом правительственных мероприятий. Здесь существовало явное нарушение принципов справедливости Кливленда. Тем решительнее требовал он в различных обращениях к Конгрессу понижения протекционистских пошлин на готовые продукты и частичной отмены протекционистских пошлин на сырье.

Кливленд сделал вопрос пошлин главной темой своей предвыборной кампании 1888 года. Демократическая партия хотела требованием пошлинной реформы заво-

евать избирателей с низкими доходами, а также зависящие от дешевого сырья отрасли промышленности. Республиканцы же без компромиссов придерживались протекционизма и подогревали страх перед наводнением рынка дешевыми импортными продуктами, следующей из этого безработицей и экономическим крахом. Их кандидат Бенджамин Гаррисон, в противоположность Кливленду искусный оратор, обещал более высокие пошлины для защиты промышленности и рабочих мест, здоровую валюту и лучшее снабжение для большой группы избирателей, ветеранов гражданской войны. Его самого сильно поддерживали промышленность и банки, в то время как он упрекал Кливленда в том, что тот имеет в виду только денежные интересы банков в Лондоне и на Уолл-Стрит.

Кливленду нечего было противопоставить эмоциональной и националистической кампании республиканцев. Он считал ниже собственного достоинства активно вмешиваться в предвыборную борьбу и полагал, что может отказаться от поддержки местных партийных машин. К его большому удивлению, он потерпел поражение и разочарованно занялся личной жизнью. Странным образом он получил преимущество в 0,7 процента голосов избирателей, но Гаррисон обогнал его в выборной коллегии, получив 233 голоса к 168 против, так как завоевал самые густонаселенные штаты.

Раймунд Ламмерсдорф

БЕНДЖАМИН ГАРРИСОН 1889–1893

Президент в тени Конгресса

Benjamin Harrison

Бенджамина Гаррисона, внука девятого президента Соединенных Штатов Уильяма Генри Гаррисона, можно назвать самым незначительным президентом «золотого века». Он родился 20 августа 1833 года, вырос в сельской местности Огайо и был, как и Кливленд, воспитан в пресвитерианской вере. Однако, в отличие от своего

предшественника, он и будучи президентом, строго придерживался правил своей религии. Поставленный перед выбором между саном священника и юриспруденцией, решил стать адвокатом и переехал в Индианаполис в штате Индиана. Он остался верен церкви как дьякон и проповедник в воскресной школе и наряду с юридической работой сотрудничал в республиканской партии, пока гражданская война решительно не изменила его жизнь. В июле 1862 года офицером вступил в армию и благодаря своим качествам руководителя дослужился в короткий срок до бригадного генерала. Военные успехи сделали его интересным кандидатом от республиканцев для губернаторства в Индиане. Гаррисон многократно отказывался от этого поста, но согласился, чтобы его выбрали в 1881 году в сенат штата.

Гаррисону не хватало больших амбиций, он проиграл в повторных выборах 1887 года, но вокруг него были некоторые влиятельные политики и финансисты, подынявшие его до кандидата на пост президента. Не привлекающее всеобщего внимания прошлое Гаррисона, полное отсутствие политических скандалов и моральная чистота делали его прекрасным компромиссным кандидатом для выборов 1888 года.

Республиканская партия имела хорошего кандидата, но выбрала плохого президента. Гаррисон обладал незначительным политическим опытом, но был убежден в своей компетенции. Как глубоко верующий человек, в своем избрании он мог видеть только дело Бога. Его пребывание в должности проходило без подъёмов, политика была слабой и без направления. Гаррисон не мог и не хотел работать партийным лидером. Вместо того чтобы заниматься политическими проблемами, понимал себя в это время только как главного начальника страны по кадрам. В первые 18 месяцев президентства был занят исключительно замещением должностей 1700 государственных чиновников, вплоть до начальника почты. Он полностью пренебрег важнейшим до этого критерием при выборе, политической пользой назначения, и придавал

больше значения компетентности и неподкупности, и оскорбил тем самым всю партию. Возможно, самым чреватым последствиями решением было назначение тридцатилетнего ньюйоркца Теодора Рузвельта на государственную службу в федеральную комиссию. На этой службе Рузвельт основал свою федерально-политическую карьеру.

Первой реакцией партии был шок, потом неприятие. На последующие четыре года вряд ли можно было говорить о политике президента. У него не было ни достойной упоминания политической программы, ни желания пускаться в конфликты с Конгрессом. Президент бы одиночкой, ему не хватало привлекательности, он был холоден и сдержан, так что невозможно было установить с ним личные контакты. В ежегодные послания о положении нации Гаррисон включал свои предложения, Конгресс с удивительной регулярностью игнорировал их. После того, как он отбросил самое сильное оружие, власть покровительства, и высказался против использования права на вето, от него уже не ждали никакого сопротивления мероприятиям законодательной власти.

С женой Каролин Скотт, ее дедушкой, собственными детьми и внуками президент почти незаметно жил в Белом доме, где ритм жизни определялся набожностью семьи. Даже при выборе членов кабинета для Гаррисона важнейшим критерием было членство в пресвитерианской церкви. За исключением Джеймса Блейна, который после длительного нажима и политического лавирования снова стал министром иностранных дел и хотел утвердиться в качестве своего рода премьер-министра, чтобы на следующих выборах добиться, наконец, высшего поста, никто из политических знаменитостей не получил ни одного шанса. 51-му Конгрессу (1888—90), в котором господствовали республиканцы, была дана полная свобода. Он осуществил основные пункты республиканской предвыборной программы, президент не имел ни одного возражения. Гаррисон понимал конституцию в том смысле, что законодательная власть имеет самую мощную позицию в правительстве. Президент чувствовал себя обязан-

ным республиканской программе, и Конгресс осуществил ее. Результатом был федеральный бюджет, который впервые превысил миллиард долларов, и законодательная власть получила прозвище «миллиардный Конгресс». Под руководством Уильяма Мак-Кинли палата представителей издала пошлинный закон, с которым тарифы скакнули на непредвиденную высоту. Тем не менее по инициативе Блейна был введен принцип взаимности, который уполномочивал президента заключать с другими странами соглашения об обоюдных указах по пошлинам и контролировать их соблюдение. Так были обеспечены американские шансы на рынках, прежде всего в Латинской Америке.

«Серебряный блок» внутри республиканской партии требовал снятия ограничений с серебра, а представители республиканской партии с Востока единственным валютным стандартом считали золото. Гаррисон не обозначил свою позицию четко в Конгрессе, так что обе стороны не знали, где и с кем президент. Совершенно без участия президента в июле 1890 года акт Шермана о стоимости серебра стал законом. Если бы президент наложил вето, то закон был бы провален. Однако после того как он с легкими сомнениями одобрил закон, казначейство было обязано каждый месяц скупать 4,5 миллиона унций серебра, т. е. почти всю американскую продукцию. В результате золотой запас федерального правительства сильно сократился. К несчастью, упала цена на серебро, соотношение его стоимости к золоту резко ухудшилось, а следовательно, изменилась ценность доллара. Но ожидаемого экономического эффекта это не дало. Закон принес союзу огромную убыточную сделку, компенсировать которую пришлось следующей администрации.

Закон о пенсиях для ветеранов гражданской войны, который сразу на две трети повысил выплаты пенсий союза, способствовал дальнейшему уменьшению избытка в федеральной кассе. В истории Соединенных Штатов это был на то время самый дорогой закон. Из избытка при Кливленде скоро остался лишь дефицит. Необычай-

ное единодушие царило в Конгрессе по вопросу ограничения трестов. Прогрессирующая монополизация в экономике беспокоила большинство американцев, независимо от их регионального происхождения и политической ориентации. Антитрестовский закон Шермана 1890 года, который действителен и сегодня, был принят почти единогласно. Но Гаррисон не осуществил содержащихся в нем положений. Инициатива исходила в основном от местных прокуроров, президент не возбудил ни одного дела. На выборах в Конгресс 1891 года республиканцы потеряли большинство в палате представителей. Так как в сенате господствовала все еще республиканская партия, то обе палаты были нейтрализованы. В таких условиях невозможно было взяться ни за один важный законопроект.

Внешняя политика Гаррисона носила опереточный характер. Блейн преследовал цель панамериканского союза, который откроет Соединенным Штатам латиноамериканский рынок и предоставит шансы для конкуренции с Великобританией. Он созвал Конгресс американских штатов в Вашингтоне, результатом работы которого были лишь многочисленные общественные события и основание одного бюро. И в других областях внешней политики администрация Гаррисона не создала ничего значительного. Возникли проблемы с некоторыми европейскими странами, в том числе и с Германией, которые препятствовали наводнению их собственных рынков дешевой американской свининой из якобы гигиенических соображений. Конфликты с Канадой и Великобританией, связанные с охотой на тюленей, разбухали и дальше. Важнейшим событием внешних отношений явился глубокий кризис с Чили (после того как американское правительство вмешалось во внутренние дела страны, а два американских матроса были убиты там в октябре 1891 года). На протест вашингтонского правительства и требование о возмещении ущерба чилийский министр иностранных дел отреагировал оскорбительной нотой. Кризис вырос до угрозы войны в январе 1892 года, предотвращенной только благодаря уступке чилийского правительства. Вся

эта история доказала миру грубость внешней политики Блейна и Гаррисона, но тем не менее и показала, что Америка взяла на себя ведущую роль в Западном полушарии. Националистические проявления среди американского населения были предвестниками того национального опьянения, которое охватило Америку шесть лет спустя во время войны с Испанией.

Отказом от политики покровительства и нежеланием руководить партией Гаррисон в значительной степени содействовал все большему расхождению фракций внутри партии. Лидер республиканцев в палате депутатов Томас В. Рид и другие ведущие политики партии приложили все усилия, чтобы препятствовать его выдвижению в 1892 году. Но у них не было кандидата от оппозиции, так как Блейн вынужден был отказаться по состоянию здоровья. При поддержке делегатов из южных штатов Гаррисон без больших усилий был выдвинут кандидатом, но, когда за две недели до выборов 1892 года от туберкулеза умерла его жена, потерял к этому всякую охоту. Гаррисон проиграл Кливленду, которому блестяще удался вторичный подъем. Он получил преимущество более чем в 380 000 голосов и 277 к 145 голосам в выборной коллегии. И дальше занимался политикой, был оратором и членом арбитражной комиссии в пограничном конфликте между Великобританией и Венесуэлой. 13 марта 1901 года, почти забытый всеми, умер от воспаления легких.

Раймунд Ламмерсдорф

ГРОВЕР КЛИВЛЕНД 1893—1897

Второй срок пребывания в должности

Grover Cleveland

После разочарования 1888 года Кливленд сначала решил полностью сконцентрироваться на своих финансовых интересах. При поддержке различных финансистов он с успехом действовал на Уолл-Стрите. Но Гаррисон ежедневно усиливал его убежденность в том, что сам он гораздо больше подходит для должности президента.

Наконец он решился выставить свою кандидатуру, чтобы спасти нацию от республиканской бесхозяйственности и коррупции, а также от серебряной валюты. Он бесспорно научился на ошибках последних выборов, так как в этот раз речами, письмами и газетной кампанией тщательно зарабатывал себе поддержку различных фракций партии. Благодаря концентрированным акциям своей предвыборной кампании он уже в первом туре конвента в Чикаго в 1892 году был избран кандидатом. Кливленд воспринял выдвижение как личное искупление. Чтобы завершить триумф, был, наконец, готов вести предвыборную борьбу. Он ограничился несколькими речами, зато писал многочисленные открытые письма. Ловко избегал темы серебра, о которой в партии существовали различные мнения, и на первый план ставил пошлинный тариф. Подверг нападкам тариф Мак-Кинли как классовое законодательство, но смог одновременно отмежеваться от радикальных противников любого протекционизма как умеренный реформатор. По отношению к южным штатам не скрывал своей неприязни к законам, которые предоставили бы избирательное право черному населению. В Нью-Йорке добился осторожного примирения с местной партийной организацией (*машиной*).

Кливленд одержал блестящую победу, но его второй срок был менее успешным, чем этого ожидали. Он был омрачен самым крупным экономическим кризисом предыдущей американской истории. В период с 1893 по 1897 г. закрылись 600 банков и более 15 000 предприятий обанкротились. Безработица возросла до 20%. Особенно пострадали Юг и Запад. В результате быстрого падения цен на сельскохозяйственные продукты фермеры все глубже влезали в долги и многие потеряли свою собственность.

Причины депрессии заключались не только в американской экономике. Международный финансовый рынок был потрясен рядом банкротств, последствия которых децентрализованно организованная американская банковская система не могла амортизировать. Сверхпредложение сельскохозяйственных продуктов сбросило в без-

дну продажные цены американских фермеров, и без того работавших на границе рентабельности. Промышленность развила в некоторых областях сверхмощности. Однако как главный фактор экономического кризиса в Соединенных Штатах рассматривалась денежная политика федерального правительства. В то время как президент вину за упадок перекладывал на постоянное уменьшение золотого запаса и требовал отмены закона Шермана о серебре, защитники фермерского населения требовали еще большей концентрации на серебре как на валютной основе. Они обвиняли банкиров Уолл-Стрита и их мнимого союзника Гровера Кливленда в том, что те из корыстолюбия преследуют ограничительную денежную политику с искусственно завышенными кредитами и низкими ценами. Между тем золотой запас снизился до 65 миллионов долларов, значительно ниже границы в 100 миллионов долларов, которую финансовые эксперты рассматривали как минимальную сумму. Высоким выплатам пенсий противостояли снижающиеся пошлинные доходы, так как новые экстремально высокие тарифы давили на импорт. Кливленд продолжал твердо настаивать на стабилизации золотого резерва и на отмене закона Шермана.

Прежде чем Конгресс собрался 7 августа 1893 года на чрезвычайную сессию, Кливленд оперировался по поводу рака, операцию провели на яхте недалеко от Нью-Йорка при строгом соблюдении тайны. У Кливленда была удалена большая часть неба и заменена резиновым протезом. Он старался скрыть боль и тяжесть болезни, так как опасался, что больной президент может вызвать кризис недоверия на Уолл-Стрите. Только в 1917 году общественность узнала о болезни. Не прошло и двадцати дней после операции, как Кливленд вернулся назад в Вашингтон и вновь вступил в борьбу против серебряного стандарта. Президент подверг сначала целенаправленному нажиму депутатов и сенаторов, задержав раздачу покровительствуемых постов в соответствующих округах или штатах. Таким способом Кливленд сумел сделать то,

чего никто не ожидал: полностью отменил закон. Однако своей настойчивостью и угрозами в Конгрессе он создал себе многочисленных врагов, которые позже усложняли ему конфликт по вопросу пошлинного тарифа. Вопреки всем надеждам желаемой компенсации золотого запаса не наступило. Кливленд приказал подписаться на три государственных заема, но только один заем, выторгованный с частным банком Моргана, обеспечивший магнату высокие прибыли и за который Кливленда заклеймили как лакея Уолл-Стрита, поднял золотой запас в 1896 году над магической границей в 100 миллионов долларов. Зато федеральное правительство имело общую задолженность на сумму 262 миллиона долларов.

Вопреки всем усилиям, депрессия продолжалась. Чтобы снова поставить экономику на ноги, Кливленд хотел осуществить вторую большую цель своей администрации, реформу таможенных тарифов. Правда, были теоретики, которые доказывали, что снижение тарифов необходимо, чтобы освоить новые рынки для экспорта и таким путем снизить перепроизводство в собственной стране. Но для Кливленда, как и прежде, на первом плане стояли внутривнутриполитические соображения, особенно величина цен потребителей. Он требовал отмены таможенных пошлин на сырье и осторожного снижения защитных пошлин на готовые продукты. Но потерпел неудачу из-за региональных экономических интересов, которые господствовали в сенате. Его оружие, право назначения на должность, затупилося в битве с серебром. И без того его выступление в защиту потребительских прав граждан звучало неубедительно в силу его тесной связи с финансовым миром Нью-Йорка. В конце стояла таможенная реформа, которая принесла лишь незначительное снижение тарифов. С одной стороны, Кливленд недооценил влияние экономических лобби на сенат, с другой, слишком много энергии истратил на вопрос серебра.

При подавлении стачки в Пульмане в 1894 году выяснилось, насколько мало он разбирался в действительном положении рабочих и в случае сомнения применял власть

федерального правительства в интересах владельцев капитала. Сочувствие президента к интересам рабочего населения находило свою границу там, где затрагивались права собственности предпринимателей. Тогда он должен был вмешаться, потому что одной из важнейших задач федерального правительства считал защиту собственности и создание тем самым предпосылки для дальнейшего роста и приумножения всеобщего благосостояния. После того, как головной союз железнодорожных компаний призвал федеральное правительство прекратить стачку, генеральный адвокат Ричард Олни, бывший до этого долгое время адвокатом при железной дороге, добился федерально-судебного запрета ограничений железнодорожного сообщения между штатами. Олни сделал это в сотрудничестве с железнодорожными компаниями сознательно, чтобы спровоцировать бастующих к насилию. Вопреки резкому протесту губернатора Иллинойса Кливленд применил в Чикаго федеральные войска против бастующих рабочих и сочувствующих безработных. В последующих волнениях было убито семь человек, 70 профсоюзных лидеров арестовано и предано суду.

Внешняя политика играла для президента второстепенную роль. В стране появились первые призывы к великодержавной политике, но Кливленд не верил, что правительство должно заботиться об экономической экспансии Соединенных Штатов и освоении новых рынков. Он был против аннексий или колоний и только желал, чтобы другие нации уважали суверенитет Соединенных Штатов. Некоторые события во время его президентства, однако, уже указывали внешнеполитические зоны интересов и очаги конфликтов будущих администраций.

Еще во время первой администрации Кливленда различными путями возникали столкновения с канадским соседом из-за права на рыболовство и охоту на тюленей. Более крупный международный конфликт разразился по поводу суверенитета Самоа на юге Тихого океана. Германская империя стремилась к господству в этом регионе, чему хотели воспрепятствовать Великобритания и

Соединенные Штаты. После того, как перед Самоа разместили военные корабли всех сторон, недалеко было до кризиса. Но незадолго до выборов договорились о совместном протекторате, который существовал до 1899 года. Другой критической точкой были Гавайи, где американский консул в 1893 году самовольно поддержал мятеж белых, в основном американских плантаторов, против правящего короля. Кливленд отстранился от переворота и отклонил требуемую аннексию. Но решение предоставил Конгрессу, который отказался от включения островов в союз, однако признал суверенитет правительства путчистов. Таким образом, возможность приема группы островов сохранялась открытой.

Администрация Кливленда мало интересовалась Латинской Америкой, и то почти исключительно в связи с вопросами торговли. Но во время второй администрации произошло самое значительное внешнеполитическое событие тех лет, кризис в Венесуэле в 1895—96 гг., в котором Кливленд в первый и последний раз энергично преследовал ясную политическую цель. Венесуэла и Великобритания спорили о проведении границы с Британской Гайаной по реке Ориноко. Ситуация стала особенно критической, когда там были открыты месторождения золота, и оба правительства прервали дипломатические отношения. Кливленд опасался войны между двумя странами, которая могла бы привести к расширению британских колониальных владений в Латинской Америке и ослаблению «Доктрины Монро». 20 июля 1895 года президент призвал Великобританию к принятию арбитражного решения при американском участии. Он обосновал свое требование тем, что «Соединенные Штаты сегодня практически независимы на континенте и что их воля является законом». Нельзя терпеть подрыв этой позиции европейской силой. Премьер-министр лорд Сейлсбери был явно разозлен дерзостью американцев и ответил только через четыре месяца. Он поучал Кливленда, что «Доктрина Монро» ни в коем случае не является частью международного права. Это оскорбило служебную честь

президента, и он созвал Конгресс, что вызвало резкую националистическую реакцию у американской общественности, требовавшей даже войны против Великобритании. В Лондоне не хотели ввязываться в еще один ненужный конфликт с США из-за какой-то области в джунглях наряду с актуальными столкновениями с европейскими державами и другими трудностями в империи. Поэтому в ноябре 1896 года было подписано соответствующее арбитражное соглашение с Соединенными Штатами.

Кливленду приписывали прежде всего то, что он такой политикой хотел якобы продвинуть вперед экспансию американских экономических интересов в Латинской Америке. Однако нет доказательств тому, что его внешняя политика выходила за рамки принципиальной защиты «Доктрины Монро» и преследовала какую-либо определенную цель. Политика Кливленда была выражением идеологического национализма и не являлась составной частью большой великодержавной концепции. Своей политикой он лишь напомнил населению о «Доктрине Монро» и создал аргументированную основу для будущих экспансионистских намерений в Латинской Америке.

Несмотря на успешные атаки против британцев, базис Кливленда внутри партии уменьшался. Он снова потерял контакт с партией, потому что, с одной стороны, ждал слепой лояльности по отношению к президенту, а с другой — считал ниже своего служебного достоинства искать поддержку путем политических компромиссов и учета обстоятельств. Растущая враждебность в Конгрессе делала его еще более упрямым и одиноким. В то время как сам он считал себя последним знаменосцем истинных демократов, партия уже не поддерживала его.

Недовольство лидеров партии нашло свое выражение в выдвигании Уильяма Дженнингса Брайана, который представлял полную противоположность Кливленду. Он был энергичным, одаренным оратором, стройным и здоровым, неподкупным и героем «маленького человека» с

Запада. Вопрос о золотом и серебряном стандарте он представил как борьбу между холодными, эгоистичными интересами богатых, господствовавших в правительстве, и массой честно работающих американцев, которые распяты на золотом кресте. Но это выдвижение означало окончательное поражение и конец старой демократической партии. Республиканец Уильям Мак-Кинли победил на выборах и мог опираться на республиканское большинство в Конгрессе. Демократическая партия, расколотая на региональные фракции и руководимая блестящими, но противоречивыми кандидатами, зашла в политический тупик и потеряла все шансы на большинство. За исключением успеха на выборах Вудро Вильсона, демократы лишь 36 лет спустя снова смогли определять политические события.

После инаугурации президента Мак-Кинли Кливленд ушел в частную жизнь. Он жил со своей семьей в Принстоне, где как попечитель университета поддерживал тесный контакт с Вудро Вильсоном, будущим президентом. Но как председатель союзной организации страховых компаний и прежде всего как публицист Кливленд продолжал участвовать в общественной жизни. Когда он умер 24 июня 1908 года в Принстоне, то уже снова пользовался большим уважением населения.

Раймунд Ламмерсдорф

УИЛЬЯМ МАК-КИНЛИ 1897–1901

Вступление в мировую политику

William McKinley

С Уильямом Мак-Кинли закончилась эра слабых президентов «золотого века». Если президент по-прежнему не играл ведущую роль во внутренней политике, то его внешняя политика наметила поворотный момент в американской истории. Решение о войне против Испании и овладение частью испанских колоний превратили страну в новую крупную державу. Сам Мак-Кинли не способ-

ствовал этому, но значение должности возрастало вместе с задачами, которые вытекали из нового империализма Соединенных Штатов. Хотя центр правительственной власти сместился в направлении исполнительных органов, Мак-Кинли во многом остался пленником традиционных представлений о роли президента. Не будучи инициатором смены эпох в истории института президентов, он только был впереди нее.

Мак-Кинли родился 29 января 1843 года в Найлс, Огайо, и рос в простых, но экономически обеспеченных условиях. В 18 лет пошел на гражданскую войну, сражался вместе с Хейсом, ставшим позднее президентом, и с честью был уволен в чине майора. После войны работал адвокатом и поселился в Кентоне, Огайо, где в 1871 году женился на Сэкстон, дочери банкира. Он был процветающим адвокатом и начал свою политическую карьеру с избрания местным прокурором.

Мак-Кинли имел очень хорошее чутье на политическое настроение избирателей. Всегда старался приспособиться к воле избирателей и пойти навстречу политическим желаниям наибольшего количества из них. Это было особенно важно в таком штате, как Огайо с его многочисленными различными региональными и общественными интересами. В личной жизни он был скорее сдержанным человеком, но как оратор проявлял огромный талант. Он мог просто объяснить сложные экономические взаимосвязи, казался не напыщенным политиком, а настоящим представителем народа и излучал при этом достоинство, доброжелательство и понимание. Его личная судьба — депрессия разорила его в 90-х годах XIX века, он потерял двух дочерей, жена была тяжело больна — сделала из него человека с такими же заботами, как и многие его избиратели.

Мак-Кинли, казалось, не преследовал никакой отчетливой политической программы. О нем сохранилось очень мало высказываний, которые могли бы указать на ясную политическую линию. Он избегал связывать себя словом, почти не писал писем и редко выполнял обещания.

Его политические решения часто были оппортунистичны и иногда принимались вопреки рассудку. Мак-Кинли не хватало настоящей лояльности, за что на него часто обижались политические коллеги. Друг по партии Теодор Рузвельт заметил о нем, что у него теперь вместо позвоночника эклер. Однако как раз его оппортунизм делал его успешным претендентом на ряд должностей.

В 1876 году Мак-Кинли был впервые выбран депутатом Конгресса и оставался им с небольшими перерывами до 1890 года. В Конгрессе он выделился прежде всего как сторонник политики высоких пошлин и стал хозяйственно-политическим спикером республиканской партии. Названный его именем таможенный тариф Мак-Кинли 1890 года обеспечивал желаемую защиту отечественной промышленности и снижал своими тормозящими торговлю высокими пошлинами, с финансово-политической точки зрения, опасно высокие доходы союза. В последующие годы Мак-Кинли стал приверженцем принципа взаимности во внешней торговле, основанного на взаимовыгодном снижении пошлин между Америкой и другими экспортирующими нациями, что являлось одним из немногих твердых элементов в его политическом кредо. В финансовой политике его позиция к вопросу серебра не была столь прочной. Сначала он одобрял закон о серебряном стандарте, позже больше внимания уделял стабильности валюты. Он ушел от разногласия по вопросу валюты, полностью сконцентрировавшись на вопросе таможенных тарифов.

Как губернатор штата Огайо с 1891 по 1895 г. Мак-Кинли создал себе предпосылки для выдвижения в качестве кандидата на пост президента. До этого он проявлял большую симпатию к профсоюзам. Как адвокат, депутат и губернатор защищал бастующих рабочих и благодаря своей таможенной политике стал защитником американских рабочих мест. Улучшил свои контакты с боссами в экономике, особенно с предпринимателем Маркусом А. Ханна. Промышленник из Кливленда хотел сделать Мак-Кинли президентом и при этом получить

политическое влияние. В своего рода политическом симбиозе Ханна связал свои организаторские способности и большую ловкость в выколачивании пожертвований с политическим талантом Мак-Кинли. Долги Мак-Кинли после банкротства взяли на себя некоторые промышленники, уверенные в том, что после этого он не будет работать против их интересов. При отборе республиканских кандидатов на выборы президента 1896 года Мак-Кинли представлял собой идеального кандидата, который мог собрать голоса как в промышленности, так и среди сельскохозяйственных рабочих, был признан в различных регионах и обещал выход из экономической нужды. После того как серебряная фракция внутри партии была отстранена, его выдвинули в первом туре.

Ханна как менеджеру предвыборной кампании было нетрудно набрать щедрые пожертвования у заинтересованных в экономике сил. Мак-Кинли выгодно отличался от своего противника Уильяма Дженнингса Брайана, кандидата как демократической партии, так и популистов, которого опасались как опасного революционера из-за его пламенной риторики, бескомпромиссного выступления в защиту инфляционной политики серебряных денег и борьбы за интересы фермеров на Юге и Западе против элиты восточного побережья. Только банкир Морган и промышленник Рокфеллер пожертвовали вместе полмиллиона долларов, которые пошли на изготовление и распространение около 200 миллионов рекламных изданий. Внешне Мак-Кинли отличался от радикальной риторики своего противника подчеркнуто солидным поведением государственного деятеля. Выступления кандидата, который не ездил по стране, а произносил речи с веранды своего дома для избранных гостей, были тщательно подготовлены и широко представлялись в прессе. Мак-Кинли был первым кандидатом, которого снимали для кино. В итоге была явная победа: более 7 миллионов голосов за Мак-Кинли против 6,4 миллиона за Брайана. В выборной коллегии преимущество было еще более явным: 271 голос к 176 голосам.

Типичной для политического стиля Мак-Кинли была новая гласность в Белом доме. После замкнутости Кливленда, уединявшегося за стенами резиденции, Мак-Кинли вновь приглашал к себе общественность и в течение всего президентства стремился к тесным контактам с населением и прессой. За этим скрывалась, с одной стороны, настоящая потребность в близости к избирателям, а с другой, надежда на усиление власти по отношению к Конгрессу. Готовность Мак-Кинли к общению с журналистами, выразившаяся в регулярных пресс-конференциях и оборудовании специального помещения для прессы в Белом доме, служила прежде всего для того, чтобы иметь возможность влиять на свой собственный имидж. Однако Мак-Кинли продолжал придерживаться политической тактики без конфронтаций и почти не использовал свою популярность в борьбе против Конгресса. С самого начала президент добивался нового таможенного тарифа, но не смог воспрепятствовать установлению сенатом самых высоких тарифов в американской истории. Мак-Кинли проявлял здесь немного руководящей инициативы и мало влиял на дебаты. Хотя он должен был опасаться, что медленное экономическое оздоровление, наступившее в 1897 году, может быть сорвано тарифом, однако подписал законопроект, потому что это позволило ему в это же время добиться взаимных договоров.

Так же мало он занимался и проблемой трестов, резко критикуемых за монополистический контроль большей части экономики. Тесно связанный с боссами экономики и зависимый от их предвыборной поддержки, Мак-Кинли давно отбросил антимонополистические речи прежних лет. Он только смутно высказывался об экономическом ущербе, причиняемом трестами. Во время его президентства министерство юстиции мало уделяло внимания преследованию нарушений антитрестовского закона. По вопросу серебра программа республиканцев обещала ввести серебряный стандарт после заключения международного денежного соглашения. Мак-Кинли, вопреки трезвому разуму, придерживался обещания, но не был разочаро-

ван, когда соглашение не состоялось. Открытие больших месторождений золота на Аляске и в Южной Африке способствовали разрядке на мировых финансовых рынках и поддержали экономический подъем в США. Так было ликвидирована вызывающая горячие споры тема серебряного и золотого стандарта.

Ввиду продвижения вперед европейских колониальных держав в Азии и Африке к концу 90-х годов в центр общественной дискуссии выдвинулось требование новой внешней политики, выходящей за континентальные границы США. Под влиянием сочинений военно-морского теоретика Алфреда Тейера Мэхена Конгресс финансировал строительство современного военного флота, который должен был обеспечить безопасность и защитить заокеанскую торговлю. Американский империализм поддерживался глубоким цивилизирующим и религиозным сознанием миссии. Одной из его главных целей было освоение новых рынков, которые бы сократили избытки производства в сельском хозяйстве и промышленности и предотвратили волнения в стране. Мак-Кинли также явно был за эти аргументы и принципиально поддерживал цели империалистов.

Если аннексия Гавайев в июле 1898 года еще могла рассматриваться в рамках экспансионистского *«явного предназначения»*, то война против Испании и Филиппин однозначно вышла за пределы бывшей внешней политики. Господство испанской короны над Кубой и многолетнее жестокое подавление кубинского населения возмущали большую часть американской общественности. В связи с экономическими интересами и растущими притязаниями американцев на политическое и военное господствующее положение в Карибском море Куба все больше становилась объектом национальных интересов Соединенных Штатов. Избиратели, подогреваемые сенсационными сообщениями в бульварной прессе, все решительнее требовали поддержки кубинских борцов за свободу. Президент сочувствовал этой позиции, однако был явно против военной конфронтации с Испанией. На

него произвели впечатление предостережения американских антиимпериалистов и усилия по сохранению мира европейских держав. Однако взрыв судна США «Мейн» быстро положил конец его попыткам посредничества между Испанией и Кубой.

Для защиты американских граждан и их собственности американский военный корабль встал на якорь в порту Гаваны. 15 февраля 1898 года корабль затонул после взрыва, при этом погибли 266 американских солдат. Когда отчет расследования американского военно-морского флота возложил ответственность за крушение на внешние воздействия, возможно торпеду или мину, то возмущение американской общественности обратилось против испанцев. (Расследования 1976 года пришли к выводу, что причиной катастрофы явился огонь в угольном бункере «Мейна».) Мак-Кинли хотел расследованием выиграть время и успокоить разгоряченные умы. Но так как вина Испании была предположительно очевидна, то президенту не осталось ничего, кроме как потребовать полного ухода испанцев с Кубы, что было равносильно войне. Последние предложения испанцев по компромиссному решению пришли слишком поздно. После долгих совещаний Мак-Кинли решился на американскую интервенцию. 19 апреля 1898 года Конгресс по поручению президента объявил Испании войну.

Вопрос, почему президент после стольких усилий по сохранению мира все-таки решился на войну, сильно занимал как современников, так и историков. Разочарованные антиимпериалисты и критически настроенные историки приписывали ему то, что он якобы с самого начала работал на войну и только ждал благоприятной возможности осуществить империалистическую политику. Особенно утверждение, что он пришел к решению о войне по божественному наитию, вызывало большой скепсис. Но такая осторожно-выжидательная позиция была полностью созвучна его вышеописанному политическому характеру. Только когда он понял, что явное большинство американцев высказывается за военную интервенцию,

он прекратил сопротивляться войне. Потом очень просто убедил себя в том, что объявление войны было указано богом.

Однако войну легче объявить, чем выиграть. Вооруженные силы были недостаточно подготовлены и в кратчайший срок их следовало увеличить с 28 000 до 250 000 человек. Не хватало всего: летней формы, палаток, продовольствия, даже оружия и боеприпасов. Почти никто в добровольческой армии не имел военного образования, и штаб войска также не был в состоянии справиться с задачей. Многочисленные соединения размещались без всякой материально-технической поддержки в тропически жаркой Флориде и с большими трудностями доставлялись к кубинскому театру военных действий. Но и там царил ужасная неразбериха. Война была перенесена на море, где американский военно-морской флот показал себя в лучшей форме. В отличие от армии он был в последние годы очень хорошо оснащен и стал боеспособным и идеологически подготовленным войском. Первый крупный удар был нанесен испанцам на Тихом океане перед Филиппинами. Адмирал Джордж Дьюи 1 мая 1898 года неожиданно напал на ничего не подозревающий испанский тихоокеанский флот в заливе Манилы и потопил его без потерь со своей стороны. На Кубе началось хаотичное вторжение американских войск, в то время как военно-морской флот блокировал порт Сантьяго-де-Куба. Сражение под Сан-Хуан Хилл, в котором Теодор Рузвельт добился политически чрезвычайно ценных достижений, не решило еще исхода войны. Но когда был побежден испанский атлантический флот, то испанская капитуляция 10 августа 1898 года положила конец военным действиям. *«Великолепная маленькая война»* (по выражению министра иностранных дел Хейя) стоила американской стороне 379 погибших — к ним следует прибавить еще 5000 жертв различных тропических болезней.

В мирном договоре, заключенном в Париже, была прежде всего определена судьба испанских колоний. Правда, Соединенные Штаты в так называемой поправ-

ке Теллера к объявлению войны заранее отказались от аннексии Кубы. За это американцам отошли Пуэрто-Рико, Гуам и Филиппины. В дебатах по ратификации в сенате империалистически настроенные политики аргументировали тем, что жители завоеванных областей неспособны к самоуправлению и должны быть сначала подготовлены американцами к демократии и самостоятельности. Пуэрто-Рико был идеальной опорной базой флота для защиты планируемого Панамского канала. Филиппины считались трамплином для гигантского китайского рынка, в котором американские предприниматели видели для себя большие шансы. И ни в коем случае не хотели мириться с тем, чтобы эта стратегически важная группа островов досталась другой колониальной державе. Немцы уже во время войны проявили большой интерес к владению Филиппинами. Противники аннексии аргументировали свою точку зрения прежде всего принципиально идеологическим неприятием колониальной политики. Она противоречит собственным революционным традициям и принципам свободы американской демократии, она лишит филиппинцев их права на самоопределение и, наконец, поставит под угрозу саму демократию в Америке.

На переговорах о мире Мак-Кинли по политическим, стратегическим и экономическим причинам настаивал на принятии колоний в состав союза. В публичных дебатах и в Конгрессе он объяснял это прежде всего ответственностью за *«наших маленьких коричневых братьев»*. Победа обязала американский народ к тому, чтобы «воспитывать филиппинцев, поднять их, принести им цивилизацию и христианство и с божьей милостью предоставить им самое лучшее, потому что Христос умер и за них, наших братьев». Очевидно, он не сознавал, что большинство филиппинцев были католиками и уже давно чувствовали себя готовыми к самоуправлению и независимости. Филиппинское движение за независимость под руководством Эмилио Агуинальдо с 1896 года боролось против испанцев и поддерживало американцев в

войне. После решения Мак-Кинли присоединить группу островов Филиппины продолжили свою освободительную борьбу против американцев, которые ответили жестоким военным насилием, прежде всего против гражданского населения. До подавления восстания в 1902 году было задействовано 125 000 американских солдат, 4 000 из них погибли. Борцы за свободу оплакивали 20 000 погибших.

Если даже Мак-Кинли и убедился в миссии Америки нести цивилизацию, то на первом плане было все же значение Филиппин для американских экономических интересов в Азии, которое усилило желание администрации добиться колониального господства Америки. Теперь Соединенные Штаты, по крайней мере, приоткрыли дверь к китайскому рынку, за который они конкурировали с европейскими державами и Японией. Министр иностранных дел Джон Хей заставил в 1899 году заинтересованные державы договориться о принципах «политики открытых дверей»: равноправном, свободном доступе к китайскому рынку и сохранении территориальной неприкосновенности китайской империи. Год спустя, в связи с подавлением боксерского восстания, которое, прежде всего, русские рассматривали как прекрасную возможность колонизации китайской империи, Хей повторил свой призыв к державам и предотвратил соперничество за раздел страны. Наряду с результатами испано-американской войны «политика открытых дверей» явилась постоянным внешнеполитическим завещанием администрации Мак-Кинли. Она стала центральным экономическим принципом во всей американской внешней политике XX века.

После сенсационных военных побед, приобретения земли, мирового престижа и национальной уверенности, да к тому же в атмосфере облегчения в результате всеобщего экономического оздоровления, новое выдвижение президента на выборы 1900 года не вызывало сомнений. Существовали противоречивые мнения, кто должен быть кандидатом на пост вице-президента на стороне Мак-

Кинли. Из политической борьбы победителем вышел губернатор Нью-Йорка Теодор Рузвельт. Многие опытные республиканцы были шокированы выдвижением *«этого проклятого ковбоя»*. Но оба кандидата прекрасно дополняли друг друга в одной упряжке, обещающей успех. Рузвельт сумел завоевать многочисленные голоса на популистском и демократическом Западе. Кампания вечного кандидата Брайана привела, напротив, к катастрофе. Его антиимпериалистические тирады звучали непатриотично, а биметаллизм, ввиду экономического подъема, стал политическим залежавшимся товаром. Так Мак-Кинли смог завоевать по сравнению с 1896 годом еще 100 000 голосов избирателей и увеличить преимущество в выборной коллегии на 21 голос.

Президент находился в зените своей популярности и использовал первые месяцы пребывания в должности для дальних поездок по стране. Во внутренней политике наметился крупный конфликт с трестами. Но для Мак-Кинли более важным оставалось развитие внешней торговли. Политику военного подавления на Филиппинах он продолжал, так же как хлопоты по китайскому рынку, на Карибском море усилил свои старания по строительству канала через перешеек. Сначала администрация пыталась прийти к соглашению с Великобританией, которая еще сохраняла притязания на участие в строительстве. Договор Хей—Понсефо 1900 года был отклонен сенатом, но увеличивающееся сближение между двумя странами уже не исключало согласия. Соединенные Штаты постепенно стали привлекательным политическим партнером.

Всего полгода спустя после второго вступления Мак-Кинли в должность президента внезапно закончился национальный энтузиазм. 6 сентября 1901 года президент при посещении Панамериканской выставки в Буффало, Нью-Йорк, был застрелен из револьвера анархистом Леоном Чолгосом. Сначала еще была надежда, что Мак-Кинли, раненный в грудь и нижнюю часть живота, выживет. Но 14 сентября он умер от гангрены.

Слава Мак-Кинли померкла вскоре после его смерти. Ее затмило сенсационное ведение дел его преемником. Если бы не состоялась испано-американская война, то президентство Мак-Кинли забылось бы еще быстрее и не стоило большого внимания. Во внутренней политике он не оставил особых следов, его исполнение обязанностей не отличалось новизной, и из его тогда позитивно принимаемых речей ни одна не имела длительного воздействия. Только война и следующая из нее внешняя политика сделали Мак-Кинли исторической величиной — но только на основании особого конституционно-правового значения президента как главнокомандующего и главного ответственного лица за внешнюю политику. Сам он не преследовал никаких внешнеполитических планов и не привнес ничего своего собственного. Им, как и во всей его политической жизни, руководили обстоятельства, и только поэтому он приобрел историческое значение. Главную ответственность за планирование и проведение империалистической политики несли министр иностранных дел и военный министр, Джон Хей и Элихью Рут, два ярко выраженных, целеустремленных, интеллигентных и ловких администратора. В преемнике Мак-Кинли Теодоре Рузвельте они нашли конгениального начальника.

Рагнхильд Фибиг фон Хазе

ТЕОДОР РУЗВЕЛЬТ 1901–1909

Представитель «современной» Америки

Theodore Roosevelt

Теодор Рузвельт олицетворял для многих своих современников «Америку» как страну, чья политическая система, социально-экономическое развитие и культурные ценности рассматривались как воплощение всего современного. Никто иной, как австрийский император Франц Иосиф метко заметил в 1910 году, что по сравнению с прибывшим в Вену экс-президентом считает себя «по-

следним представителем старой системы», в то время как его гость воплощает в себе «новое движение», «движение современности и будущего».

Имя Рузвельта еще и сегодня тесно связано с восхождением США к современной мировой державе, хотя решающая основа для этого прорыва была создана до его президентства. Особенным в Рузвельте было то, что он ясно осознал и попытался полностью использовать новые возможности роли мировой державы. Неустанно призывал своих соотечественников положить вес Соединенных Штатов на чашу всемирно-политических весов, чтобы соблюдать собственные глобальные интересы. Он последовательно использовал конституционные возможности института президентов, чтобы с помощью реформ приспособить американскую политическую систему к условиям XX века. Также и стиль его руководства был современным в том смысле, что он целенаправленно пользовался новой массовой прессой для повышения своей личной популярности и политической силы. «Самым успешным политиком является тот, — заметил однажды почти цинично Рузвельт, — кто как можно чаще и как можно громче говорит то, что думает каждый». Мощно пользуясь словом и не боясь агрессивных формулировок, он защищал свои убеждения, причем его импульсивность и готовность к нравоучительным оценкам оказывала на всех противников скорее поляризующее, чем интегрирующее воздействие. Создавались и культивировались возвышенные портреты, чтобы убедить массы избирателей в правильности его целей и методов.

Представления о «новизне», которые сложились в особых американских условиях к концу века, наложили отпечаток на детский опыт будущего президента и определили позже политическое дело его жизни. Рузвельт стал сторонником тех сил, которые хотели привести в соответствие общественные последствия экономического преобразования, вызванного индустриализацией, и испытанные институты американской демократии. Для этой цели государство должно было взять на себя активную

преобразующую роль и получить больше полномочий для борьбы с негативными сопутствующими явлениями. Необходимо было больше социальной справедливости, чтобы избежать революционных потрясений, и необходима была эффективная внешняя политика, чтобы выстоять в глобальной конкуренции государств. Это было кредо Прогрессивного движения, многослойного и скорее расплывчатого прогрессивного движения, во главе которого встал Рузвельт.

Семья, в которой 27 октября 1858 года в Нью-Йорке родился Теодор Рузвельт, принадлежала к высшей американской прослойке. Отец Рузвельта, Теодор Рузвельт старший, был уважаемым и состоятельным оптовым торговцем стеклом, а Рузвельты принадлежали к старым семьям патрициев города. Его мать, Марта Буллох Рузвельт, происходила из уважаемой семьи плантаторов штата Джорджия, которая поддерживала традиции аристократического стиля жизни. Молодой Рузвельт, как и трое других детей, получили чрезвычайно добросовестное и преисполненное любви воспитание. Отец заботился о том, чтобы страдающий астмой и близорукий Теодор компенсировал физическую слабость спортивными тренировками и развивал творческие способности. Железная воля, с которой Рузвельт преодолевал собственные физические недостатки, надолго определила его отношение к жизни. И президентом он не оставлял тренировок по боксу, оставаясь страстным наездником, путешественником, охотником и теннисистом. Его идеалы мужского сильного характера, мужества, выносливости, честности, порядочности и ответственности соответствовали моральному кодексу американского среднего слоя, и энергичное выступление Рузвельта за эти ценности немало способствовало его популярности. Члены семьи и частные учителя преподавали мальчику, не ограничивая его склонности к естественным наукам и страстного интереса к литературе и философии. Во время ознакомительных поездок семьи он побывал в Европе, Египте и Палестине и получил представления о культуре Западной Европы

и другом образе жизни. В 1873 году Рузвельт несколько месяцев жил в Германии, где в одной дрезденской семье углублял знания немецкого языка.

С 1876 по 1880 годы Рузвельт посещал университет в Гарварде. На это время пришлось многие знакомства, прежде всего с Генри Кэботом Лоджем, будущим республиканским сенатором Массачусетса, который стал его ближайшим другом и политическим советником. Тогда же он познакомился со своей первой женой Элис Хэтеуэй Ли, дочерью ведущего банкира Бостона, на которой женился после окончания учебы. Она умерла в феврале 1884 года при родах. В 1886 году Рузвельт женился во второй раз на нью-йоркской подруге юности Эдит Кермит Кэроу. К Элис, дочери от первого брака, присоединились еще пять детей, с которыми Рузвельт поддерживал сердечные отношения всю свою жизнь.

Еще в Гарварде он решил выбрать карьеру политика. Вернувшись в Нью-Йорк, сначала изучал юриспруденцию в Колумбийском университете и продолжал заниматься историей. В 1881 году вышла его первая книга «Война на море 1812 года», в которой он высказывался за создание мощного американского военно-морского флота, ставшая началом его многосторонней историко-литературной деятельности.

В октябре 1881 года он успешно баллотировался для республиканской партии на выборах парламента штата Нью-Йорк. Это обращение к теневым сторонам политики было тогда необычным для представителя его общественной прослойки, так как на политической сцене Нью-Йорка господствовали коррупция, покупка голосов и фальсификация результатов выборов. Решение Рузвельта все-таки начать свою карьеру на политической базе основывалось на том, что политика местной знати не даст ему никаких шансов и он сможет осуществить свои политико-реформаторские цели только путем непосредственного обращения к избирателям.

В палате депутатов в Олбани Рузвельт начал крестовый поход против коррупции в юстиции и полиции и за

реформу государственной службы. Чтобы создать эффективное и независимое управление, нужно было установить принцип оплаты по труду. Молодой депутат чутко воспринял взрывную силу социальных несовершенств, когда столкнулся с нуждой рабочих табачной промышленности в Нью-Йорке. Реформа государственного управления и устранение грубейшей социальной несправедливости стали с тех пор для Рузвельта важнейшими целями его политической деятельности, при этом он никогда не усомнился в американской общественной системе.

После смерти своей первой жены Рузвельт в 1885 году вернулся в Бэдлендс на Среднем Западе, чтобы найти покой в простой жизни скотовода. Но и в этом бегстве из столицы Нью-Йорка проявился представитель его поколения, среди которого были широко распространены пресыщение современной цивилизацией промышленной эры и романтическая тоска по «простой» и суровой жизни времен пионеров. В своем произведении «Завоевание Запада», которое сделало его популярным на аграрном Западе, он прославлял ушедший «благословенный» мир и сожалел об исчезновении границ продвижения переселенцев как о потере специфического американского пограничного опыта. Засуха быстро положила конец жизни Рузвельта на ранчо, а связанное с этим финансовое фиаско вернуло его на реальную почву. Однако мир ковбоев и звероловов восхищал его всю жизнь.

В 1886 году Рузвельт вернулся в Нью-Йорк и снова окупился в местную, а вскоре и в национальную политику. После победы на выборах Мак-Кинли он в 1897 году был назначен помощником министра военно-морского флота. Пост давал ему возможность интенсивно знакомиться с предпосылками американской политики безопасности и заняться созданием военного флота. Эти приготовления оправдали себя, когда весной 1898 года началась испано-американская война и своевременно мобилизованная американская эскадра под командованием Джорджа Дьюи победила испанский флот перед Манилой. Этим была не только предотвращена возможная

опасность для собственного тихоокеанского побережья, но и в американское владение попали Филиппины.

Рузвельт предложил Дьюи для командования в восточной Азии и по телеграфу передал ему приказ о начале действий. Эти два факта часто используются для того, чтобы возложить ответственность за начало войны на молодого статс-секретаря военно-морского флота. Более поздние исследования исправили картину: ни Мак-Кинли не был пассивным, манипулируемым своими советниками президентом, как это считалось долгое время, ни Рузвельт не действовал самовольно. Правильно то, что Рузвельт всеми силами был за войну с Испанией из убеждения, что возможность благоприятна для того, чтобы укрепить свое господствующее положение в Западном полушарии путем устранения испанского колониального господства. Одновременно можно было лучше защитить и расширить американские интересы в восточной Азии, овладев опорной базой на Филиппинах.

Инстинктивно Рузвельт понял, что война предоставляет ему самому исключительный шанс. Полный жаждой действий он пошел на военную службу и повел на Кубу в бой сформированный им батальон «Суровые всадники». Необычный состав добровольческого корпуса привлекал всеобщее внимание; тем более, что честолюбивый командир умело извлекал пользу из публицистического воздействия предприятия. В конце войны Рузвельт был героем войны и одним из известнейших мужчин США.

В конце 1898 года он был избран губернатором Нью-Йорка, но занимал эту должность недолго, потому что национальная популярность сделала его идеальным кандидатом на пост вице-президента от республиканцев на выборах 1900 года. С приверженцами на востоке и западе страны он дополнял консервативного и скорее уединенно жившего Мак-Кинли. Могущественный сенатор Марк Ханна, правда, предостерегал от «проклятого ковбоя» и «дикого мужчины», но и консервативное крыло партии не могло игнорировать преимущества кандидатуры Рузвельта. После победы на выборах 4 марта 1901 г.

Рузвельт принес присягу как новый вице-президент Соединенных Штатов. В своем коротком обращении к сенату, председателем которого он стал одновременно, выразил свою убежденность в величии и будущей всемирно-политической ответственности США. «Мы принадлежим к новой нации, — так он определил современное местоположение Америки и свои собственные представления о будущем, — которая уже располагает гигантской силой, но политическая сила ее означает только предварительную демонстрацию власти, которая еще придет. Мы — ведущая держава на континенте, на одном полушарии. На востоке и западе мы через два больших океана видим жизнь еще большего мира, в котором мы, хотим этого или нет, должны принимать все большее участие».

14 сентября 1901 года Мак-Кинли умер от последствий покушения в Буффало, и Рузвельт в тот же день в возрасте 42 лет был приведен к присяге как 26-й президент Соединенных Штатов. С времен Джона Куинси Адамса в Белом доме не пребывал еще американский президент, который бы так основательно изучил ремесло политика и одновременно располагал бы такими основательными знаниями во всех всемирно-политических вопросах, как и близкими отношениями с ведущими политиками Европы. Новый президент твердо решил исчерпать всю полноту власти этого поста для осуществления своих политических представлений. Но при этом не были обойдены и радости жизни. Рузвельт в полной мере наслаждался властью, популярностью и всеми возможностями, которые открывала ему должность. Со своей большой семьей он принес жизнь в Белый дом. Приказал полностью отремонтировать здание, так, чтобы была восстановлена ясная простота первоначальной архитектуры, с другой стороны, велел пристроить новое крыло, чтобы создать пространственные предпосылки для расширения президентской активности. После этого Белый дом был открыт для посетителей всех слоев населения и всего мира. Вашингтон начал вживаться в свою роль столицы мировой державы.

Важнейшим внутривластным источником власти Рузвельта после его вступления в должность была большая популярность, которую он и дальше повышал своим «президентством, отмеченным его личностью», осознанным выставлением своей персоны и семьи как образца общественной и личной жизни. Этому обстоятельству обязан своим именем и мишка (игрушка) Тэдди. Однажды на охоте в 1902 году Рузвельт пожалел молодого медведя. Случай быстро стал известен, и это тронуло не только детские сердца. Фабриканты игрушек использовали этот шанс и создали «Мишку Тэдди», который быстро принес коммерческий успех и получил известность во всем мире.

Незащищенное положение в собственной партии оставалось сначала слабым местом. Марк Ханна, самый опасный противник Рузвельта, поддерживался финансовой олигархией Нью-Йорка, которая была мишенью для атак Рузвельта против «имущего класса». Если Рузвельт хотел провести свои законопроекты через Конгресс и быть выдвинутым своей партией на президентские выборы 1904 года, то должно было измениться соотношение сил внутри партии и разрядиться его отношение к крупным банкирам Нью-Йорка и капитанам индустрии. То, что это удалось, доказывает его мастерство опытного политика. Благодаря ловкой кадровой политике он приобрел влияние на республиканские партийные машины в отдельных штатах. Добросовестно поддерживал отношения с церковью и лидерами американских евреев, итальянцев, немцев и негров. С другой стороны, умело создавал впечатление непрерывности, не изменяя состава кабинета Мак-Кинли и показывая сначала готовность к компромиссам в своих намерениях реформы. После смерти Ханна в феврале 1904 года ведущая позиция Рузвельта в партии стала, наконец, неоспоримой. В июне 1904 года делегаты на съезде республиканцев в Чикаго почти единодушно выдвинули его кандидатом на предстоящие выборы президента. Вместе со своим кандидатом на пост вице-президента сенатором Чарльзом Уорреном Фэрбенк-

сом из штата Индиана Рузвельт 8 ноября 1904 года с подавляющим большинством выиграл выборы против кандидата от демократов Олтона Брукса Паркера. Еще в ночь выборов Рузвельт объявил об отказе выставлять свою кандидатуру на выборы 1908 года.

Уже в декабре 1901 года он заявил перед Конгрессом, что центры тяжести его внутренней политики будут лежать на осуществлении реформ и обеспечении социальной стабильности и что во внешней политике на передний план выдвинутся проведение «Доктрины Монро» и строительство флота.

В центре политики реформ его президентства, которую он в 1903 году характеризовал понятием «Честная сделка», стоял контроль государства над гигантскими трестами. Рузвельт знал, что США не могут отказаться от крупных предприятий, если они хотят выстоять в международной конкуренции. Его борьба против могущественных промышленных «властителей страны» касалась только «белых ворон» среди них, которые, по его мнению, из чистого эгоизма и жажды наживы злоупотребляли правилами игры свободной конкуренции. Только посредством государственного контроля, в этом он был убежден, общество может овладеть неблагоприятной ситуацией. «Хорошие» предприятия, напротив, доказали свою сознательность тем, что наряду с заинтересованностью в прибылях учитывают благо общества.

Испытание на власть началось в 1902 году, когда генеральный прокурор Рузвельта Филандер Нокс с помощью антитрестовского закона Шермана от 1890 года начал процесс против влиятельного железнодорожного конгломерата «Северной акционерной компании», и Верховный суд в 1904 году постановил распустить трест. К этому прибавились другие процессы против трестов. Прагматизм Рузвельта проявился в том, что он избежал столкновения с финансовыми магнатами с Уолл-Стрит, когда они показали готовность к кооперации и признанию государственных полномочий контроля.

Другие реформаторские мероприятия охватывают создание министерства торговли и труда в 1903 году, которое взяло на себя контроль над хозяйственными предприятиями, функционирующими на национальном уровне. На законной основе были урегулированы грузовые тарифы частных железных дорог, а также устранены грубейшие нарушения при обработке продуктов питания и в фармакологии. Радиус действия этих мероприятий был, правда, ограничен, но реформы популярны, тем более, что Рузвельт одновременно отмежевался от сторонников радикальных изменений, которых он презрительно называл «гряземетателями». Рузвельт сдержанно вел себя в особенно щекотливом вопросе экономической политики о таможенных тарифах, хотя лично был убежден в необходимости реформы. Это было уступкой консервативному крылу его партии, которое в 1897 году начало Тарифом Дингли экстремальную политику защитных пошлин.

Заинтересованная позиция Рузвельта по отношению к задачам организованных рабочих подверглась испытанию в 1902 году стачкой на шахтах по добыче антрацита в Пенсильвании. Президент однозначно сочувствовал бастующим рабочим, требования о повышении зарплаты которых казались ему оправданными. Но сам он вмешался в конфликт только тогда, когда владельцы шахт проявили неблагоразумие, и продолжавшаяся месяцы забастовка поставила под серьезную угрозу снабжение углем на предстоящую зиму. Угрозой направить армию в угольные области и национализировать шахты президент после долгих переговоров добился того, что владельцы шахт согласились принять по вопросу зарплаты решение арбитражного суда. Признание государственного права вмешиваться в трудовые конфликты Рузвельт оценил как один из своих крупнейших внутривластных триумфов. Хотя приговор арбитражного суда принес рабочим лишь скромные преимущества, этим был создан прецедент того, что рабочие конфликты не являются исключительно частным делом.

В начинаниях реформ условий труда особенно отчетливо проявилась умеренно-консервативная политическая философия Рузвельта, которая основывалась на вере в гармонию интересов между капиталом и трудом. Государство должно лишь корректировать недостатки, как защитник равновесия стоять над партиями и восстанавливать *«естественную»* гармонию. Приверженцев теории классовой борьбы он осуждал как *«двуличных демагогов и глупых мечтателей»*, а *«триумф черни»* он считал *«таким же скверным, как и триумф плутократии»*. С другой стороны, приветствовал образование профсоюзов как необходимый противовес против движения концентрации со стороны капитала.

Рузвельт постоянно клеймил отсталость американского трудового законодательства по сравнению с другими современными индустриальными государствами. Прежде всего он выступал за восьмичасовой рабочий день и за законы охраны труда для детей и женщин. Но для решения вопросов трудового права отдельные штаты имели законодательные полномочия, и поэтому федерально-государственные инициативы были сильно ограничены. Даже закон об ответственности работодателей был отклонен Верховным судом в Вашингтоне как противоречащий конституции. Интересам американских рабочих соответствовало также стремление Рузвельта ужесточить иммиграционные законы, чтобы удерживать вдали от Соединенных Штатов переселенцев из Азии и Южной и Восточной Европы, которые как дешевая рабочая сила снижали зарплату.

Важные инициативы были разработаны по защите природы и окружающей среды. Уже в 1902 году согласно закону о мелиорации был начат широкомасштабный план орошения засушливых регионов запада. К этому добавилась защита лесов от беспощадного вырубания, причем право всеобщности имело преимущество перед интересами частных владельцев. Помимо этого были созданы новые национальные парки, а уже существующие расширены. Так как эти мероприятия прежде всего были

направлены против крупных спекулянтов, то в западных штатах они нашли большое признание.

Об отношении к американским аборигенам Рузвельт думал также *«современно»* в понимании своего времени. Цель закона об общем распределении, который делил земельные владения индейцев между членами рода, заключалась в том, чтобы *«сломить массу рода»*. Для тех, кого это касалось, оно означало не что иное, как принудительное окультушивание и потерю своего «я». Эта по сегодняшним представлениям негуманная политика казалась тогда *«прогрессивной»*, так как приобщение индейцев, стоящих якобы культурно и социально на более низкой ступени развития, к *«современной»* цивилизации считалось частью миссии прогрессивной политики.

Рузвельт не был расистом в строгом смысле современной расовой теории, которая принципиально объявляет людей с другим цветом кожи биологически неполноценными. Он был первым президентом, который пригласил в Белый дом представителя черных, хотя за посещение знаменитого Букера Т. Вашингтона его подвергли критике. Не цвет кожи, а успехи цивилизации народа были для него решающими. О японцах, чьи социально-культурные достижения он ценил, говорил с большим уважением. Однако его стереотипы мышления, односторонне направленные на собственную культуру, мешали проникновенно понять проблемы других этнических групп и народов.

Глубокая вера Рузвельта в превосходство англосаксонской и древнегерманской цивилизации определили его внешнеполитические убеждения и особенно его политику по отношению к латиноамериканским соседним государствам. Экономические мотивы играли в его *«империалистической»* политике скорее подчиненную роль, тем более, что конъюнктура с момента его вступления в должность до краха на Уолл-Стрите развивалась удовлетворительно и американский экспорт не оставлял желать лучшего. Рузвельту были важны не территориальные завоевания, хотя область, предусмотренная для

строительства Панамского канала, составляла важное исключение. Его «империализм» был мотивирован политической безопасностью и концентрировался в связи с Панамским каналом на обеспечении американского военного превосходства в районе Карибского моря. Рузвельт разделял, однако, мнение многих теоретиков империализма, что западные нации должны взять на себя миссию по отношению к нецивилизованным, якобы еще мало развитым народам периферии. Он был не в состоянии понять социально-экономические трудности, с которыми боролись эти страны, и возлагал вину за их экономическую и политическую нестабильность на коррумпированную руководящую элиту. *«Мошеннической маленькой обезьянкой»* обозвал он венесуэльского президента Киприано Кастро, когда тот хотел заставить одно американское предприятие соблюдать действующие в Венесуэле законы. Подобными ругательствами он одарил колумбийских парламентариев, которые, отказавшись продать США права на строительство Панамского канала, сначала блокировали начало строительства. Рузвельт не посчитался с их сопротивлением, поддержал стремления Панама к независимости и таким образом приобрел в американское владение маршрут канала. Ничто не отвращало политические отношения между латиноамериканскими государствами и США до первой мировой войны так, как эта демонстрация рузвельтовской политики силы. К этому контексту относится также и Заключение Рузвельта к «Доктрине Монро» от декабря 1904 года, которое гласило, что США в будущем берут на себя функцию полиции на Карибском море, чтобы контролировать поведение тамошних властей имущих. В 1905 году был силой навязан таможенный контроль в Доминиканской Республике, от которого Рузвельт не отказался, даже несмотря на оппозицию в сенате. Куба еще в 1903 году была вынуждена смириться с отягчающим ограничением своего суверенитета согласно поправке Платта и уступить США Гуантанамо как опорный пункт военно-морского флота. В 1906 году американские военно-морские

части вновь высадились на Кубе. Только Элайхью Руту, который после смерти Джона Хейя в 1905 году занял пост министра иностранных дел, удалось временно успокоить волны возмущения в Латинской Америке.

Латиноамериканская политика Рузвельта принесла ему славу одержимого властью и жаждущего войны империалиста. Своей примечательной фразой *«говори мягко и носи большую дубинку, и ты далеко пойдешь»* он сам способствовал тому, чтобы его портрет во всеобщем историческом сознании исказился до карикатуры. Под *«большой дубинкой»* подразумевался американский боевой флот, который Рузвельт хотел применить не для приучения к дисциплине слабых государств Карибского региона, а который служил ему инструментом его политики устрашения по отношению к немецким экспансионистским устремлениям в Латинской Америке, а также против японских амбиций в Азии. По отношению к Великобритании морские угрожающие жесты казались излишними, так как английское правительство после Венесуэльского кризиса 1895/96 годов держалось проамериканского курса ввиду растущих тягот в Европе и Африке и принимало во внимание незащищенную в военном отношении Канаду.

Вся американская политика безопасности уже с 1900 года была нацелена на немецкие устремления, после того, как кайзеровское правительство перешло к *«мировой политике»* и законами Тирпица начало систематическое строительство военно-морского флота. Ввиду огромных масштабов германских планов вооружения нужно было рассчитывать на смещение равновесия сил на Атлантическом океане, что могло на долгое время поставить под угрозу *«Доктрину Монро»*, тем более, что имперское руководство громогласно заявляло, что в будущем намерено утвердить германское *«место под солнцем»* также и в Вест-Индии. Тогда американские адмиралы не чувствовали себя достаточно готовыми к военному конфликту с немецким военно-морским флотом. Высшей целью американской политики безопасности поэтому стало

помешать кайзеровской империи приобрести морскую базу на Карибском море, потому что тогда стратегическая исходная позиция в немецко-американской войне значительно изменилась бы в пользу Германии. Одновременно успехи в строительстве немецкого флота стали решающим критерием для вооружения американского военного флота. Рузвельт неограниченно поддерживал эти принципы политики безопасности.

Американские опасения были взяты не с потолка, потому что германское командование флотом было действительно заинтересовано в военной базе на Карибском море, а существование аналогичных планов военных действий на случай войны с Соединенными Штатами указывает на то, что имперское руководство в то время учитывало повышенный риск германо-американской войны.

Основанием для американских опасений служило еще и то, что сформулированное в «Доктрине Монро» притязание США на политическое господство на всем Западном полушарии еще не было подкреплено реальным экономическим соотношением сил в Латинской Америке. Европейские и особенно британские и германские экономические интересы, а не американские, определяли картину. Одновременно с 1890 года значительно возросла европейская готовность к военной интервенции для защиты собственных интересов как в Азии и Африке, так и в Южной и Центральной Америке. Рузвельта беспокоил факт, что по международному праву ничто не препятствовало европейским интервенциям, и осуществление «Доктрины Монро» было исключительно вопросом силы. Поэтому флот приобрел для него большое значение как политический инструмент устрашения.

Серьезная проба сил с империей состоялась в связи с немецко-английской блокадой венесуэльского побережья зимой 1902/1903 годов. С помощью флота, своевременно собранного для маневров перед Пуэрто-Рико, Рузвельт продемонстрировал устрашающее действие собственной морской силы и принудил кайзеровское правительство к компромиссу в очередном вопросе претензий. Сам Руз-

вельт исходил из того, что немецкое правительство метило на приобретение венесуэльского острова Маргарита как военной базы. Только после кризиса стало ясно, что вместо этого оно делало ставку на установление финансового контроля по египетскому образцу. Рузвельта несколько сбilo с толку британское участие в блокаде, так как она была непредвиденной и перечеркивала его планы устрашения по отношению к кайзеровской империи. Но немецко-английский альянс оказался непрочным. Поэтому дипломатично-дружески, но решительно Рузвельт ввел в игру свой размещенный в Карибском море флот в качестве «*большой дубинки*» и принудил кайзеровское правительство к отступлению. Дипломатически кризис для Рузвельта закончился большим успехом, тем более, что в его ходе стало ясно, что совместные немецко-английские действия в Латинской Америке не имели больше прочной основы у населения обеих стран. С немецкой стороны сам император стал искать расположения Рузвельта, и возникло немецко-английское соперничество за американскую дружбу, которое становилось тем интенсивнее, чем более критически складывались германо-английские отношения.

Венесуэльский кризис имел продолжение в 1904 году, когда Международная судебная палата в Гааге признала за державами-интервентами приоритетное право на выполнение их рекламационных требований. Приговор поставил Рузвельта перед нерадостной альтернативой: или смириться с насильственным взысканием рекламаций и долгов европейскими державами в Латинской Америке, или самому взять ответственность за эти государства и сделать из себя судебного исполнителя европейских кредиторов. Рузвельт выбрал вторую возможность как наименьшее зло. В этой связи следует оценивать его «Заключение» к «Доктрине Монро». Перед американским сенатом он обосновал свою интервенцию в Доминиканской Республике тем, что после Гаагского решения повысилась опасность интервенции европейских держав. Из защиты от европейского господства, которую проклами-

ровала «Доктрина Монро», Рузвельт вывел оправдание своей интервенции. При этом он допускал, что «Доктрина Монро» служит в первую очередь американским интересам собственной безопасности, но не признавался, что американское господство так же ненавистно Карибским республикам, как и европейское. Но это ничего не изменило бы в его решимости защитить «Доктрину Монро» соответственно собственным представлениям.

Наивысшей точки своего внешнеполитического влияния Рузвельт достиг в международном кризисе 1904—1906 годов, развязанном русско-японской войной и германо-французским конфликтом в Марокко. После поражения русских в восточной Азии ему удалось способствовать прекращению военных действий, которое привело к миру на конференции в Портсмуте в Нью-Хемпшире под председательством Рузвельта. Также и в споре о Марокко он достиг в 1905 году решающего поворота, после того как кайзеровская политика угроз по отношению к Франции зашла в опасный тупик. Французское правительство пошло навстречу настояниям Рузвельта и согласилось с немецким требованием провести международную конференцию по Марокко. На конференции в начале 1906 года Рузвельт позаботился о том, чтобы кайзеровское правительство не достигло своей цели подвергнуть давлению Францию в Марокко и тем самым ослабить англо-французский союз. Этот союз, который Рузвельт считал гарантом европейского равновесия, благодаря американской поддержке вышел из кризиса еще более сильным.

Развивающийся германо-английский конфликт принес США определенную разрядку напряженности на Атлантическом океане. Одновременно защита американских интересов на Тихом океане становилась все проблематичнее, так как с 1906 года надолго ухудшились американо-японские отношения из-за антияпонской иммиграционной политики Калифорнии и из-за японских экспансионистских устремлений в Китае. Особенно критическим оказалось то, что американского военного

флота не хватало, чтобы успешно защитить Филиппины от японского нападения на время, пока военный флот должен был оставаться инструментом устрашения против Германии в Атлантике. Рузвельт понял, что приобретение группы островов, которого он требовал так настоятельно в 1898 году, было ошибкой, потому что Филиппины могли стать *«ахиллесовой пятой»* для американской безопасности на Тихом океане. Эта возникшая дилемма двух фронтов могла быть решена только с помощью Панамского канала, который бы обеспечил быстрое реагирование американского военного флота на обоих океанах. До окончания строительства канала США были вынуждены, по убеждению Рузвельта, действовать по отношению к Японии со всей осторожностью. *«Джентльменским соглашением»* 1907 года и соглашением Рута — Такахира 1908 года удалось временно успокоить споры. В 1908 году Рузвельт, однако, решился на демонстрацию военной силы по отношению к Японии, для чего направил американский военный флот под предлогом *«кругосветного плавания»* на Тихий океан. *«Дружественное»* посещение американским флотом порта Токио отрезвляюще подействовало в Японии, но однако не разрядило конфликтного потенциала, накопленного между двумя державами.

Рузвельт неумоимо требовал расширения мощи американского флота, в результате чего в конце его срока пребывания в должности США стали второй морской державой мира. Рузвельт, несмотря на его воинственные жесты, не был милитаристом. Акцентирование военной мощи не являлось самоцелью, а вытекало из его видения глобального положения: в вооруженном до зубов мире США не могли стоять в стороне, не подвергая опасности свои национальные интересы. Собственная страна, по его мнению, стояла перед альтернативой: самой вооружаться на море или долгосрочно стать, как Китай, жертвой алчности других держав. Страдания Китая были для него примером судьбы высокообразованной и богатой,

но размягченной, более неспособной к новшествам цивилизации, от такой судьбы он хотел избавить свою нацию.

Рузвельт считал всех крайних пацифистов далекими от действительности романтиками, но не был принципиальным противником движения за мир, которое пережило свой расцвет непосредственно перед 1914 годом. Безопасность была для него относительной величиной. Разоружение могло только тогда стабилизировать мир, когда в нем участвовали все крупные державы. Так, перед второй Гаагской мирной конференцией 1907 года Рузвельт одобрял соглашение по морскому вооружению как средство международной разрядки, пока оно не способствовало изменению международного равновесия за счет США. В глубине души он не верил в реальность таких намерений при данных предпосылках. Идею о третейском суде, пропагандируемую движением за мир, он подчинил сохранению национальных интересов. В серьезном случае не должна быть ущемлена собственная суверенная свобода принятия решения. Этому принципу соответствовали заключенные в 1904 году с Великобританией, Германией и другими европейскими странами договоры о третейском суде, действенность которых соответственно была незначительна.

То, что в 1906 году Рузвельт, несмотря на свой скепсис к движению за мир, получил Нобелевскую премию за деятельность по укреплению мира, проливает свет на беспокойное состояние в начале XX века. Премий были удостоены, прежде всего, его заслуги в окончании русско-японской войны. При вручении премии в Христиании (теперь Осло) 5 мая 1910 года Рузвельт еще раз призвал к разоружению на море, к укреплению Гаагской судебной палаты и образованию Лиги мира, которая должна при необходимости силой карать любое нарушение мира. Здесь он предвосхитил идею Вудро Вильсона о Лиге Наций, выступая, однако, за это только на словах.

Во время своего путешествия по столицам Европы по дороге в Христианию Рузвельт — уже как экс-президент — достиг вершины своего международного автори-

тета. Его повсюду с энтузиазмом приветствовало население и монархи одаривали необычайными почестями. Только в Германии прием показался ему холодным, хотя кайзер Вильгельм II буквально засыпал его уверениями в дружбе. На траурных торжествах британского короля Эдуарда VII в Лондоне в мае 1910 года он вел себя как чрезвычайный посланник своей страны среди собравшихся коронованных глав Европы с уверенностью, исходившей не только из уверенности в себе, но и из уважения, которое оказывали ему присутствующие монархи как личности и представителю американской мировой державы.

Возвратившись в Соединенные Штаты, Рузвельт начал конфликт со своим преемником Уильямом Х. Тафтом, который принял особенно горькие черты, так как это был его близкий друг. Ожидания Рузвельта, что Тафт будет продолжать его политику, не оправдались. Вместо этого инициативы Тафта в вопросе таможенного тарифа и окружающей среды приблизили республиканскую партию к расколу. С ужасом Рузвельт наблюдал, как его преемник во внешней политике прекратил осторожные действия по отношению к Японии и не боялся оскорбить европейские державы своей китайской политикой. Рузвельт резко критиковал предложения Тафта по арбитражным договорам с европейскими державами во влиятельном журнале «Аутлук», в котором он с 1909 года сотрудничал как издатель. Перспективы на победу Тафта на президентских выборах 1912 года становились все меньше. Попытка Рузвельта баллотироваться от прогрессивного крыла своей партии против Тафта потерпела неудачу, так как Тафт контролировал республиканскую партийную машину, обеспечивавшую ему повторное выдвижение в качестве кандидата на пост президента. Потом республиканская партия окончательно раскололась, и была основана Прогрессивная партия, которая программой «Новый национализм» представляла широкие реформы и выбрала Рузвельта своим кандидатом на пост президента. Надежда на наплыв из прогрессивного лагеря демократической партии также не

оправдалась после того, как она выставила тоже прогрессивного кандидата Вудро Вильсона. На выборах в ноябре 1912 года Вильсон победил Рузвельта и Тафта. Это был тяжелый удар для привыкшей к победам партии, в котором частично обвиняли Рузвельта.

По окончании срока пребывания в должности президента Рузвельт отправился на корабле в 1909 году в Африку, чтобы принять участие в сафари, и проплыл от Британской Восточной Африки до Египта. После крушения его второй попытки стать президентом в октябре 1913 года он поехал в Бразилию с циклом лекций и участвовал в экспедиции в неисследованные районы страны. В джунглях подхватил малярию и серьезно повредил ногу, что отрицательно сказалось впоследствии на его здоровье.

Однако Рузвельт не прекратил своей политической деятельности и явно надеялся еще отвоевать президентство у Вудро Вильсона. С осени 1914 года он поддерживал резкий протест американцев против немецкого вступления в Бельгию и массовое вооружение американской армии и флота. После потопления британского парохода «Лузитания» высказался за вступление в войну на стороне союзников. В начале 1917 года он метал громы и молнии против военной цели Вильсона *«мир без победы»*, потом приветствовал его объявление войны, но в 1918 году со страстью осуждал его *«программу четырнадцати пунктов»* и требовал вместо этого продолжения войны до безоговорочной капитуляции стран Центральной Европы. Если в начале мировой войны он полностью приветствовал функцию Германии как оплота против России, то теперь хотел видеть прусскую военную державу уничтоженной раз и навсегда. Его кампания против президента Вильсона все больше переходила в неконтролируемые оскорбления. Несмотря на это прогрессивное крыло вновь объединенной к этому времени республиканской партии крепко держалось за него как за лидера, и даже Тафт помирился с ним. В 1918 году он считался кандидатом с наибольшими шансами на выбо-

ры президента в 1920 году. Но его здоровье быстро разрушило эти планы. Вследствие полученных в бразильских джунглях повреждений ему сделали операцию, которую он едва перенес. Смерть младшего сына Квентина на французском фронте дополнительно ослабила его волю к жизни. 6 января 1919 года Рузвельт умер в возрасте 60 лет в своем поместье Сагемор Хилл под Нью-Йорком. Почти до самой смерти он показательным образом работал над докладом об «Американизме», т. е. над темой, которая всю жизнь занимала его больше всего.

Определенно Рузвельт не был духовным новатором Соединенных Штатов. Благодаря личной целостности, жизненной силе, энергии, политической близости к реальности, знанию мира и дальновидности, он обладал харизмой, которая перекрывала его слабости и сделала одним из популярнейших президентов США. В историческом сознании он представляет восхождение Америки к мировой державе. Институту президентов Рузвельт придал непривычный до того блеск. Может ли он быть причисленным к величайшим президентам, является спорным, но бесспорно то, что он, как никто другой из обитателей Белого дома, восхищал гильдию историков и заставлял занять определенную позицию.

Рагнхильд Фибиг фон Хазе

УИЛЬЯМ Х. ТАФТ

1909–1913

Президент и Верховный федеральный судья

A handwritten signature of William H. Taft in dark ink. The signature is stylized, with the first letters of the first and last names being prominent.

Когда Уильям Хоуард Тафт 4 марта 1909 года принес присягу на конституции, то уже имел за собой необычно успешную карьеру на государственной службе. Он родился 15 сентября 1857 года в Цинциннати, Огайо, посещал школу в своем родном городе, потом Йельский университет, где в 1878 году получил ученую степень, и юридическое образование в юридической школе Цин-

циннати. В 1880 году был допущен к адвокатской практике, в 1881 году перешел на государственную службу и в 1887 году стал судьей верховного суда штата Огайо. В 1890 году президент Гаррисон назначил его Главным прокурором Соединенных Штатов. В 1892 году он вернулся в Цинциннати, где восемь лет работал судьей в выездной сессии суда Соединенных Штатов. Мак-Кинли в 1900 году избрал его президентом Второй Филиппинской комиссии, которая должна была разработать конституцию для архипелага, с 1898 года оккупированного американскими войсками. Год спустя он стал первым губернатором Филиппин, эта должность требовала особой дипломатической ловкости из-за упорного филиппинского сопротивления американской оккупации. В 1904 — 1908 годах он входил как военный министр в кабинет президента Рузвельта. По предложению Рузвельта республиканская партия выбрала его в июне 1908 года своим кандидатом в президенты. В выборах в ноябре 1908 года он вместе со своим кандидатом на пост вице-президента сенатором Джеймсом Шерманом из Нью-Йорка победил кандидата от демократов Уильяма Дженнингса Брайана.

Долголетний опыт государственной службы, однако, не был гарантией успеха для президентства. В сегодняшней картине истории сгущается впечатление провала: еще во время президентства о нем говорили как о «*халтурщике*» и критиковали его нерешительность и летаргию. В 1912 году он проиграл президентские выборы сопернику от демократов Вудро Вильсону, после того как раскололась его собственная партия и экс-президент Рузвельт выступил против него как кандидат прогрессивного крыла. На этом закончился период почти неоспоримого господства республиканцев в Вашингтоне. Причины провала следует искать в характере Тафта, в его отношении Рузвельтом, состоянии республиканской партии, но и где всего в политических предпочтениях и решениях Тафта.

Вместе с семьей братьями и сестрами Тафт прозаботливо оберегаемую юность в Цинциннати в доме

их родителей, уважаемого судьи Альфонсо Тафта и его второй жены Луизы Марии, урожденной Торри. Представления родителей о ценностях, которые перенял молодой Тафт, были консервативными и отличались ярко выраженным индивидуализмом, который сочетался с чувствительной социальной совестью, интенсивным правосознанием. Доброго, умного, обходительного и оптимистически настроенного молодого Уильяма любили повсюду. Очень рано он начал бороться с проблемой влияния и проявил уже тогда боязнь конфликтов и пассивность, которые во время его президентства перешли в депрессивные фазы. Наряду с честолюбием матери и хорошими связями отца как движущая сила его карьеры действовала (после женитьбы в 1886 году) его высокоинтеллигентная и очаровательная жена Элен, урожденная Херрон, которая не ограничивала своего честолюбия воспитанием троих детей, а мечтала о должности президента для своего мужа.

Собственные амбиции Тафта сначала не шли дальше поста главного судьи Верховного суда. Эта целевая установка говорит о реальной оценке собственных способностей и характера, которому не хватало политической харизмы. То, что он предоставил свою кандидатуру республиканской партии вопреки неприязни к предвыборной борьбе и общественной работе, указывает на влияние его жены и его брата Чарльза, поддерживавшего его также и финансово.

Во время президентства Тафту не удалось выйти из тени своего предшественника. Успехи Рузвельта были тем аршином, которым Тафт мерил себя и которым его измеряла общественность. Несмотря на противоположность характеров, Тафт и Рузвельт были и политически, и в частной жизни друзьями. Динамика политика Рузвельта и непретенциозная рассудительность активного юриста дополняли друг друга. Рузвельт ценил доброжелательную неторопливость Тафта, его неподкупный характер, острый юридический ум и безусловную лояльность. Тафт наслаждался дружбой и положением доверия,

которое занял в 1904 году как один из самых близких советников президента. Обоих связывали их республиканско-демократические представления о ценностях и их активность в обновлении государства и общества, хотя Тафт при этом постоянно представлял более консервативные позиции. Поэтому Рузвельт был убежден, что Тафт как президент продолжит его политику реформ. Доброжелательные советы своего наставника Тафт скоро начал воспринимать как мелочную опеку, так что восхищение Рузвельтом все сильнее вступало в противоречие с собственным желанием самоутвердиться. Но когда Тафт пошел своей дорогой и в результате этого возникла угроза провала, то и установка Рузвельта превратилась в соперничество и, наконец, во враждебность.

Целью Тафта сначала была консолидация реформ Рузвельта, причем он больше считался с консервативным крылом своей партии, сторонниками *неизменности партийных установок*, и его могущественными представителями в Конгрессе сенатором Нельсоном Олдричем и республиканским спикером палаты депутатов Джозефом Кэнненом. Поэтому он вступил в конфликт с прогрессивным крылом республиканцев, так называемыми *инсургентами* вокруг сенатора Роберта М. Лафоллетта, которые ссылались на реформы Рузвельта. Первым поводом к разладу для Рузвельта послужил состав нового кабинета. Рузвельт ожидал, что Тафт продемонстрирует политическую непрерывность и в кадровом отношении, но был разочарован. Вместо старой гвардии на важнейшие посты в кабинете Тафт назначил лиц из круга своих собственных доверенных, среди которых были также два демократа, доминировали консервативные юристы с тесными связями в крупной промышленности. Так, адвокат по экономическим вопросам Филандер Нокс как министр иностранных дел взял на себя руководство внешней политикой. Резкой критике из круга реформаторов Тафт подвергся после назначения Ричарда А. Боллингера министром внутренних дел, так как он пересмотрел политику защиты природы Рузвельта на Западе и хотел

предоставить большую часть оставленных за государством лесных площадей снова в пользование частным владельцам.

Однако не может быть речи об общей враждебности Тафта к реформам, так как он довел до конца многие из начатых при Рузвельте и взялся за новые. Он провел трудную реформу почты и создание сберегательной кассы почтового ведомства, продвинул вперед реформу федерального управления с оплатой по труду. Министерству торговли и труда было подчинено собственное ведомство, целью которого являлось ограничение детского труда. В 1910 году законом *Манна-Элкинса* удалось расширить государственный контроль над железнодорожными компаниями. В 90 антитрестовских процессах, заслушанных в суде, Тафт действовал намного энергичнее Рузвельта против незаконного использования рыночной власти большими предприятиями, несмотря на свое дружеское расположение к предпринимателям. Однако эта непреклонная антитрестовская политика ослабила его политический фундамент в республиканской партии и среди близких к ней предприятий.

Важнейшим внутривнутриполитическим намерением Тафта была давно назревшая реформа таможенного тарифа. Высокие таможенные тарифы закона Дингли от 1897 года должны были быть снижены. Рузвельт сознательно избегал этой щекотливой задачи. Крыло республиканцев, выступавшее за высокие защитные пошлины и сопротивлявшееся таможенной реформе, было сформировано из представителей отраслей промышленности, центральным интересом которых являлась защита американского рынка от дешевых продуктов их европейских конкурентов и которые, во всяком случае, одобряли снижение пошлин на импорт сырья. Прогрессивное крыло представляло интересы сельского хозяйства и некоторых перерабатывающих промышленных предприятий, которые хотели добиться повышения экспорта путем либерализации внешней торговли. В действительности последствия финансового кризиса осенью 1907 года и последовавший за ним

экономический спад сделали необходимой, как никогда, смену курса в экономической и финансовой политике. Но сторонники *неизменности партийных установок* блокировали в Конгрессе повышение налога с наследства и введение подоходного налога, которые предусматривались как компенсация за потерю доходов в результате снижения пошлин. В августе 1909 года законом *Пейна — Олдрича* они, не обращая внимания на *инсургентов*, настояли на своих «пошлинных» желаниях, после того как президент Тафт практически не предпринял никаких усилий, чтобы обуздать безграничный эгоизм заинтересованных группировок и настроить собственную партию на курс компромиссов. Среди прогрессивных республиканцев усилилось впечатление, что президент входит в консервативный лагерь. В длительной поездке по западным штатам с целью агитации за свою политику Тафт столкнулся с открытым неприятием, которое еще больше усилилось, когда в ходе 1909 года резко повысился прожиточный минимум, и ответственность за это была возложена на новый таможенный закон. В волне забастовок в 1910 году открыто проявилось широко распространенное недовольство.

Во внешней политике Тафт также шел своим путем. Несмотря на повторные настойчивые предостережения Рузвельта от обременения отношений с Японией калифорнийским расовым законодательством и от политической опасности в Восточной Азии, ни Тафт, ни Нокс не были готовы продолжить сдержанную до этого политику по отношению к Японии и терпеть японскую экспансию в Китае. Более того, оба были убеждены, что ничто не сможет приглушить «*японскую опасность для Дальнего Востока*» эффективнее, чем засилье американских банков и предприятий в Китае. В рамках «*политики доллара*» американский капитал должен был содействовать экономическому развитию Китая, что могло бы привести к политической стабильности и усилить американское влияние. Одновременно это должно было положить конец устремлениям колониальных держав разделить Ки-

тай на сферы интересов. Миф о неисчерпаемых возможностях сбыта на китайском рынке являлся важным стимулом, одновременно многие работающие в Китае миссионерские общества получили представление об «особом отношении» собственной страны к «стране середины» в жизни. Само правительство, а не Уолл-Стрит, было движущим элементом политики с Китаем, только особая настойчивость и гарантии правительства побудили американских финансистов к рискованным контактам с Китаем. С помощью энергичного нажима на китайское правительство Ноксу удалось, вопреки сопротивлению европейских держав, добиться участия американских банков в крупном проекте строительства железной дороги Ханькоу — Цзиньчжоу. Его план нейтрализации железных дорог в Маньчжурии был направлен на устранение русского и японского влияния. Попытка столкнуть при этом Англию и Германию с Россией и Японией не удалась, так как ввиду напряженного положения в Европе обе державы не хотели позволять распоряжаться собой американской политике в Китае. Когда Россия и Япония 4 июля 1910 года в связи с американскими попытками вмешательства договорились о своих интересах в Маньчжурии, политике Нокса был нанесен тяжелый удар. В 1911 году американским банкам удалось возглавить так называемый консорциум шести для реформы китайской валюты, однако все крупные державы были рассержены агрессивной американской политикой в Китае. Но и моральные предпосылки «особого отношения» оказались прикрытием державно-политических целей, когда правительство Тафта вместе с другими крупными державами выступило против китайских устремлений к независимости и в 1911 году, после начала революции и свержения императорского дома, отказалось признать новое правительство. Революция закончила все дальнейшие американские проекты экспансии. В марте 1913 года американские банки вышли из консорциума шести, когда новое американское правительство Вудро Вильсона отклонило дальнейшие гарантии для американского ка-

питала и вместо этого признало новое китайское правительство Юань-Ши-Кая.

Вера Тафта в благословение либерально-демократического невмешательства отчетливо проявилась в *«долларовой дипломатии»* в Латинской Америке. Особенно в неспокойных государствах Центральной Америки следовало заменить *«пушечные ядра на доллары»*. Однако в Никарагуа в 1912 году попытка достичь таким образом политической стабильности только спровоцировала применение американских частей военно-морского флота. Усилия Нокса навязать Никарагуа американский таможенный контроль, как он уже был введен Рузвельтом в Доминиканской Республике, также провалилась, потому что американский сенат отказался его одобрить. Подобная судьба постигла попытки Тафта с помощью американских банков контролировать финансы Гондураса. Американское влияние все-таки усиливалось, так как новый никарагуанский президент Адольфо Диас был всего лишь марионеткой, поддерживаемой присутствием американских войск. Нокс осуществил вооруженную интервенцию также и в Доминиканской Республике в 1911–13 годах, после того как не оправдалось ожидание, что с установленным в 1907 году американским таможенным контролем будет достигнута политическая стабилизация, и насильственно было свергнуто правительство, и начались кровавые волнения. Однако ни провал доминиканского таможенного контроля, ни начавшаяся в 1910 году революция в Мексике не могли поколебать веру Тафта в плоды американских инвестиций для латиноамериканских соседних государств. При этом как раз мексиканская революция была характерным примером социальной взрывной силы одностороннего экономического развития, финансируемого прежде всего американским капиталом. С беспокойством Тафт реагировал на растущее антиамериканское настроение в Мексике и мобилизовал американские вооруженные силы. Завершение срока его президентства избавило Тафта от необходимости и дальше заниматься мексиканской революцией.

В общем, результатом *«долларовой дипломатии»* Тафта была тяжелая потеря доверия и престижа США в Латинской Америке.

Европейские великие державы реагировали на латиноамериканскую политику Тафта не менее раздраженно, чем на его китайские проекты. Только растущая поляризация в Европе и особенно англо-германский антагонизм препятствовали более острому разногласиям. Даже на переговорах по новым арбитражным договорам с европейскими державами в 1912 году Тафту было отказано в успехе. И здесь он доказал чрезмерную склонность к законности и недостаточное чутье на политические противоречия. Стремлением сделать арбитражную процедуру обязательной для всех международных конфликтов он слишком много потребовал от европейских партнеров по договору и от своих собственных политических друзей. Рузвельт и сенатор Генри Кэбот Лодж резко выступили против намерения больше не касаться в арбитражной процедуре вопросов национальной *«чести, независимости и неприкосновенности»*, и сенат провалил выторгованные с Францией и Великобританией договоры.

Уже победа демократов на промежуточных выборах в 1910 году отчетливо продемонстрировала потерю власти Тафтом. Все яснее президент видел сам, что шансы для его переизбрания тают. Но после того, как Рузвельт решился на выдвижение своей кандидатуры в качестве кандидата на пост президента от республиканцев против Тафта, в Тафте проснулся дух противоречия. Глубоко обиженный поведением бывшего друга, воспринятым как предательство, Тафт боролся в первую очередь за собственное уважение и сам себя возвышал и убеждал, что должен защитить американскую конституцию от *«деспотических»* намерений *«демагога»* Рузвельта. Хотя большинство предварительных выборов были в пользу Рузвельта, Тафт с помощью партийного руководства смог пройти выдвижение на республиканском съезде в Чикаго 18 июня 1912 года. Четыре дня спустя новообразован-

ная Прогрессивная партия назвала Рузвельта своим кандидатом на пост президента.

Тафт еще взывал к консервативным представлениям о ценностях американцев, но одновременно уже не надеялся на победу на выборах. Он давно потерял доверие избирателей, и можно было предвидеть поражение 5 ноября 1912 года. Вудро Вильсон победил на выборах с 6,3 миллиона голосов Рузвельта (4,1 миллиона). Тафт получил 3,5 миллиона голосов и был третьим. В сенате и палате представителей демократы добились солидного большинства. Никогда прежде президент не проигрывал переизбрание так катастрофически.

Не беря в расчет безрадостных сопутствующих обстоятельств, уход с нелюбимой должности означал для Тафта большое облегчение. Он вернулся в Йельский университет профессором права. Здесь возникли три книги *«Народного правительства»*: *«Его сущность, его постоянство и его опасность»* (1913 г.), *«Антитрестовский закон и Верховный суд»* (1914 г.) и *«Наш главный судья и его власть»* (1916 г.), в которых он научно обработал свой опыт судьи и президента и резко выступил за более узкую трактовку президентских полномочий. После начала войны он поддерживал политику нейтралитета Вильсона и как президент Лиги борьбы за мир выступал за новый глобальный мирный порядок. В назначении главным судьей Верховного суда в 1921 году Тафт, наконец, нашел предназначенный для него круг деятельности. Уже в 1922 году он провел обширную реформу американского судоустройства. Личность Тафта и его правовая философия, по которой закон может сохранять свою действенность только тогда, когда он осторожно и медленно приспосабливается к социальному и экономическому изменению, доминировали в суде и после его смерти 8 марта 1930 года. Он был лишен славы как президент, но зато вошел в историю как один из величайших главных судей Соединенных Штатов.

Клаус Швабе

ВУДРО ВИЛЬСОН 1913–1921

Крестовый поход за демократию

Woodrow Wilson

В галерее американских президентов после Линкольна Вудро Вильсон возвышается как исключение. Если они, как правило, были выходцами из среды профессиональных политиков, юристов или ведущих групп в экономике, то Вильсон изначально принадлежал к университетско-академической прослойке своей страны. Помимо этого, в отличие от большинства президентов той эпохи

он был из южных штатов. К его детским воспоминаниям относилась гражданская война. Он родился 28 декабря 1856 года в семье пресвитерианского пастора и преподавателя Джозефа Р. Вильсона и его жены Джанет в Стоктоне, Виргиния, и никоим образом не был предназначен для профессии политика. Он, конечно, унаследовал от отца талант оратора и организатора. Но в родительском доме был воспитан в строгой кальвинистской вере, и сначала все указывало на то, что он последует профессии своего отца. Получилось по-другому: будучи первокурсником и популярным представителем студентов в университете в Принстоне, он все больше и больше увлекался политической карьерой. Его идеалом стал английский христианско-либеральный государственный деятель Уильям Гладстон. Только через десятилетия он достиг этой цели.

Изучением правовых наук он, казалось, прямо направлялся к своей цели. Но юридические науки не удовлетворили его. Ему хватило нескольких месяцев работы адвокатом в Атланте, Джорджии. Между тем, что его сильнее привлекало, так это политико-публицистическое писательство. Здесь он все больше и больше открывал свой действительный талант. Им он хотел воздействовать на общественность. Чтобы повысить квалификацию, он в 1883 году, как имеющий степень, записался на курс политических наук в университет Джона Хопкинса в Балтиморе, который уже тогда принадлежал к ведущим американским вузам. Он защитил ученую степень книгой, которая сразу сделала его известным за пределами университетского мира: «*Congressional Government*» (1885). Это была убедительная критика малодейственного для общественности, в конце концов, малодемократичного способа работы американского народного представительства. Все больше и больше занимался сравнительным изучением конституций и для этого научился читать по-немецки. После ряда небольших сочинений в 1899 году появился главный плод его изучений, произведение «*The State*», сравнительное учение о правительстве.

Между тем он сделал себе академическое и публицистическое имя. В 1890 году университет в Принстоне пригласил его на юридическую кафедру. То, чему он действительно учил с растущим успехом, больше относилось к области политических наук. Но и за стенами университета росла его популярность. Все больше и больше высказывал он свою точку зрения на темы текущей политики в отточенных, имеющих широкое воздействие эссе. В 1902 году университет Принстона назначил его своим президентом. Казалось, в 46 лет он достиг вершины своей жизни — в университете и вне университета его очень уважали, экономически был обеспечен, жил в счастливом браке с женой Элен, урожденной Экссон, с которой у него было три дочери.

Опыт, накопленный на посту президента университета, своеобразным способом предопределил дальнейшую карьеру политика Вильсона.

Успехам в коренных реформах академического преподавания противостоял тотальный крах в конце его президентства. В миссионерском рвении в проведении реформ он сделал своими врагами некоторых академических знаменитостей Принстона (так, например, филолога-классика Эндрю Ф. Уэста). Полностью рассорившись со своим университетом, с подорванным здоровьем, он в 1910 году сдался и ушел в отставку. Но для разочарования и огорчения у него почти не было времени. Университетские конфликты проходили на глазах всей общественности и сделали его известным во всей стране как политика высшей школы. Уже в 1906 году его имя появилось в консервативном крыле демократической партии как возможная кандидатура на пост президента. Вильсон предложил себя демократическим партийным руководителям, которые подняли его на щит, как потомка одной из семей южных штатов и как публициста, в экономических вещах думающего консервативно. Уже год спустя после разрыва в Принстоне в ноябре 1910 года его выбирают губернатором штата Нью-Джерси. Во время предвыборной борьбы, и еще более во время пребыва-

ния в должности, он разочаровал своих консервативных политических спонсоров. В первый раз за его спиной прозвучал упрек в нелояльности, так как он, чтобы улучшить свои шансы на выборах, открыто перешел в лагерь прогрессизма. Это реформистское течение, приобретающее все больше и больше сторонников в обеих больших партиях, агитировало за демократизацию политической практики, за социально-государственные мероприятия, защиту окружающей среды и за экономические реформы, которые бы остановили образование таких концентраций власти, как картели и монополии, и больше не подчинялись свободному развитию рынка. В духе своей программы Вильсон провел в Нью-Джерси предварительные выборы для внутрипартийного избрания кандидатов и ряд социальных законов (например, страхование рабочих от несчастных случаев). В силу всего этого он стал известен за пределами одного региона. На второй фазе пребывания в должности губернатора его законодательное дело основательно запуталось, но это ни в коей мере не уменьшило его авторитета. В 1912 году он был избран кандидатом на пост президента демократической партии против Уильяма Брайана, красноречиво-популистского рупора прежде всего интересов аграрных реформ американского Запада. К моменту его выдвижения шансы президентских выборов для него и демократической партии не могли быть лучше, так как республиканская конкурирующая партия увязла в спорах и разногласиях. В предвыборную борьбу вступила новая прогрессивная партия с республиканским экс-президентом Теодором Рузвельтом в качестве кандидата. Республиканские избиратели раскололись. Вильсон вступил в предвыборную борьбу с традиционным для его партии призывом к свободной торговле и с прогрессивной экономической программой реформ, которая больше внимания уделяла саморегулирующим силам экономики, чем государственному контролю, как этого требовал его противник Рузвельт. Он выиграл выборы 3 ноября 1912 года с явным, хотя и относительным большинством.

4 марта 1913 года он, сопровождаемый ожиданиями американских сторонников реформ, въехал в Белый дом. Было бы *«иронией»*, заявил он, если бы ему, полностью сконцентрированному на интересах внутренней политики, пришлось в будущем много заниматься внешней политикой.

В этот раз Вильсон не разочаровал своих сторонников. Система реформ, которую он под лозунгом *«Новая свобода»* в течение одного года после своего избрания с большим мастерством провел через Конгресс, осуществилась: американские пошлины были снижены, банковское дело и система денежного обращения коренным образом модернизированы и подчинены (чего раньше не было!) центральному управлению (Federal Reserve Board); наконец, в интересах предотвращения искажений конкуренции был преобразован и усилен федерально-государственный контроль над промышленными концернами, благодаря созданию федеральной торговой комиссии. Однако, чтобы гарантировать издание этого закона Конгрессом, Вильсон вынужден был заплатить свою цену консервативным демократам. Среди прочего к этому относилось, что явилось несложным для представителей южных штатов, временное восстановление положений апартеида в некоторых вашингтонских федеральных органах.

Раньше, чем ожидалось, прогрессивно-демократические принципы его *«Новой свободы»* были подвергнуты сомнению извне. Не признавая себя действительно внешним политиком, Вильсон лелеял мысль, что демократия и за пределами США содействует мирному прогрессивному развитию. Он отмежевался от империалистически мотивированной *«долларовой дипломатии»* своего предшественника Тафта и отменил, например, американское участие в международном консорциуме по развитию Китая. Но честность его направленных вовне надежд на демократизацию подверглась действительно испытанию только в соседней стране Мексике. Здесь он установил действующее до сих пор дидактическое положение по проблеме гуманно-демократически инспирированной

политики интервенции развитой страны по отношению к стране «третьего мира». В Мексике в начале 1913 года в результате путча к власти пришел генерал индейского происхождения Викториано Уэрта. Нужно ли признать его дипломатически? Европейские державы, прежде всего Англия и Германия, требовали этого так же, как и американские нефтяные интересы. Вильсон воспротивился. Он хотел признать только демократически-легитимное мексиканское правительство и оказал военную помощь внутренним противникам Уэрты под руководством ориентированного на реформы политика Венустиано Карранса. В ставшую таким образом неизбежной войну в апреле 1914 года были втянуты и сами США. Вильсон получил двойной опыт: даже прогрессивно понимаемая интервенция в другой стране подвергает ее инициатора упрекам во вмешательстве, такую интервенцию довольно просто начать, но закончить ее бесконечно тяжело. Только в конце 1916 года последние части США покинули север Мексики. Но Вильсон достиг своей цели: Уэрта был свергнут, Карранса встал у руля, выборы и конституционное развитие Мексики были обеспечены.

Тем временем в Европе началась война, которая требовала от Вильсона как внешнеполитического деятеля более широких действий. Первые месяцы войны прошли для него в тени личного семейного кризиса. В начале 1914 года умерла его глубоко почитаемая жена. Однако он не мог, даже если бы хотел этого, игнорировать воздействия мировой войны на свою страну. Как и все большие европейские войны до этого, так и эта остро требовала соблюдения американского нейтралитета. Несмотря на свои личные привязанности к Великобритании и ее духовной жизни — его предки были из Шотландии, он сам многократно путешествовал по Англии — Вильсон старался честно и бесстрастно держаться нейтралитета. С учетом меньшинства в США ему и не оставалось другого выбора. Несмотря на это, в начале 1915 года быстро ухудшились американские отношения с Германской империей. Виной тому была так называемая нео-

граниченная война подводных лодок, т. е. решение немецкого морского военного руководства топить без предупреждения все торговые суда, неважно, нейтральные или нет, внутри объявленной им военной зоны, пролегающей вокруг Англии. Инциденты с американскими кораблями и человеческие потери были, таким образом, уже запрограммированы. Катастрофа произошла 7 мая 1915 года. Немецкая подводная лодка торпедировала в военной зоне перед Ирландией британский пассажирский корабль «Лузитания». Большинство пассажиров — более 1000 мужчин, женщин и детей — утонули, среди них 124 американца. В США подобный терроризм на море вызвал волну возмущения. В первый раз речь зашла о войне с Германией. Вильсон настаивал по отношению к германскому правительству на ведении подводной войны по правилам крейсерской войны, т. е. щадить жизнь нейтральных. После дальнейших инцидентов, наконец торпедирования французского парохода «Sussex», 18 апреля 1916 года он подкрепил свое требование ультиматумом. Его жесткая позиция по отношению к Германии уже в 1915 году привела к разрыву между ним и его пацифистски настроенным министром иностранных дел Брайаном. Его преемником стал Роберт Лансинг, издавна симпатизирующий Англии эксперт права в американском министерстве иностранных дел.

Впоследствии критики утверждали, что именно Вильсон выбрал курс столкновений с Германией с учетом интересов вооружения. Для этого нет никаких доказательств. Но Вильсон настойчиво, даже жестко защищал действующее международное право и престиж США как великой державы. Экономические мотивы были приняты им во внимание только тогда, когда в конце 1914 года начинающаяся конъюнктура американской экономики во многом зависела от потока товаров из США в европейские западные державы. Вильсон понимал это. Если он хотел предотвратить падение страны в застой, который она пережила перед войной, то не мог допустить, чтобы немецкая война под водой душила этот экспорт.

Германо-американский конфликт, на который так надеялись западные державы, не состоялся, потому что Германия еще в апреле 1916 года так называемым «Sussex Pledge» наконец подчинилась американскому требованию и прекратила неограниченную подводную войну. После этого британская блокадная практика по отношению к США привела к напряжению британо-американских отношений. Вильсон узнал, каким хрупким был американский нейтралитет. Через своего доверенного советника полковника Эдварда Хауза он многократно пытался посредничать между воюющими — напрасно. На предстоящие в ноябре 1916 года президентские выборы Вильсон выставил свою кандидатуру с лозунгом «He kept us out of the war» («Он не дал нам ввязаться в войну»). Этой тактике он обязан, по крайней мере частично, победой с чрезвычайно небольшим преимуществом над кандидатом вновь сплоченно выступающей республиканской партии Чарльза Е. Хьюза.

В подтверждении пребывания на посту президента Вильсон увидел обязанность интенсифицировать свои усилия в содействии миру. Чтобы сделать союзников более сговорчивыми к миру, он не боялся даже применить финансовый нажим. 18 декабря 1916 года Вильсон публично предложил воюющим американское посредничество, но натолкнулся на отказ с обеих сторон. Непокколебимо он продолжал свои секретные зондирования и свою публичную кампанию за *«мир без победы»*. Германское правительство поначалу создавало видимость определенной готовности пойти навстречу, но потом разрушило все надежды на мир и полностью подорвало доверие к себе, когда 31 января 1917 года объявило, что в последующие дни вновь вернется к неограниченной подводной войне. Если Вильсон не хотел потерять свое лицо, то после своего ультиматума от 18 апреля 1916 года не мог сделать ничего больше, как прервать дипломатические отношения с Берлином. После потопления первых американских кораблей немецкими подводными лодками американское правительство объявило 6 апреля

1917 года войну Германии при почти единодушном одобрении Конгресса. Вильсон мог рассчитывать на лояльность своих соотечественников тем более, что уже и жители американского Запада чувствовали угрозу. Немецкое правительство в январе 1917 года предложило Мексике союз так называемой Нотой Циммерманна и пообещало вернуть ей области от Техаса до Аризоны, отошедшие в XIX веке к США. Британская секретная служба перехватила эту ноту и предоставила Вильсону. Он опубликовал ее 1 марта 1917 года и вызвал этим сенсацию.

Вильсон глубоко осознавал тяжесть шага, который сделали США, объявив войну Германии. Он предсказал вспышку военной истерии и жестокости также и в своей собственной стране — концом будет мир на кабальных условиях. Однако и не видел другого выхода после того, как германское правительство спровоцировало США как мировую державу и защитника международного права. Теперь уступка, так он полагал, нанесла бы ущерб авторитету США как мировому посреднику. Теперь США должны были в силу их вклада в победу над странами Центральной Европы создать предпосылки для прогрессивного мира в американском понимании. Вопрос состоял в том, как должен выглядеть такой мир. Вильсон признавал факт, что его новые европейские партнеры ни в коей мере не преследуют *«прогрессивные»*, а также явные империалистические военные цели, которые они оговаривали в многочисленных секретных соглашениях. Чтобы не ввязывать США в подобные интересы, Вильсон назвал свою страну лишь *«входящей в объединение»* (не *«союзницей»*) Антанты. Подобное дипломатическое разграничение было тем более необходимо, что осенью 1917 года в России к власти пришли большевики и поспешно опубликовали секретные договоры союзников, чтобы дискредитировать западные державы как империалистических завоевателей в глазах собственного населения. Когда в конце 1917 года именно как милитаристски заклеянная Германия вступила в мирные переговоры с

Россией, возникла острая опасность тяжелого кризиса доверия внутри союзных стран, прежде всего в сфере политических левых, кризис, который грозил нанести вред воле всего населения стран Антанты держаться до конца и тем самым поставить победу западных держав под вопрос. Чтобы противодействовать этому, одновременно обязать европейских «входящих в объединение» к специфически прогрессивно-американской программе целей войны, чтобы, более того, подтолкнуть Россию к возвращению в западный союз и мобилизовать левые фракции среди врагов против их правительств, 8 января 1918 года Вильсон провозгласил свои знаменитые «Четырнадцать пунктов» ведущей линией в борьбе за прогрессивный мир. Будущий мир, так заявил президент перед торжественно собравшимся Конгрессом, должен покоиться на принципах открытой дипломатии, мировой свободной торговле, всеобщем разоружении и проведении границ соответственно карте национальностей. Народы Габсбургской монархии должны пользоваться широкой автономией, новой России должны быть предоставлены все преимущества такого прогрессивного мира. Важнейшей гарантией мира Вильсон назвал в пункте 14 создание союза народов. Что касается Германии, то она должна компенсировать несправедливость, нанесенную Франции аннексией Эльзас — Лотарингии, восстановить суверенитет Бельгии и возместить ущерб и предоставить, наконец, Польше свободный доступ к морю. Вильсон добавил, что о таком мире он будет говорить только с германским правительством, которое опирается на большинство (центр и левые) в рейхстаге, а не с немецкой империалистической «военной партией».

Прежде всего нужно было победить германскую военную державу. Для этого Вильсон мобилизовал всю американскую экономику. Ключевые отрасли промышленности поставили на период войны под государственный контроль. Деньги, необходимые для финансирования войны, были получены посредством военных займов, а также налогов, которыми были обложены прежде всего

слои населения с большим доходом. Подавляющее большинство американцев с безоговорочным энтузиазмом поддерживало свое правительство. Возможных критиков, в первую очередь среди немецкого меньшинства или среди американских социалистов и пацифистов, запугали или заставили замолчать с помощью почтовой цензуры. С начала 1918 года в Европу устремился постоянно возрастающий поток американских солдат — осенью их было 1,2 миллиона. Для того чтобы европейские западные державы могли продержаться, был необходим моральный, материальный и военный вклад США в совместное ведение войны. Это, наконец, имело решающее значение при наступлении на Западном фронте, к которому западные державы перешли в июле 1918 года во Франции.

3 октября 1918 года все было закончено: перед лицом угрожающего поражения Германия попросила о прекращении боевых действий и мира на основе *«Четырнадцати пунктов»* Вильсона. Всемирно-политическое влияние американского президента достигло своей наивысшей точки. На его долю выпало решение о войне и мире. Германия дала ему возможность формально обязать также и европейские западные державы к своей программе мира. Готовность к этому была тем выше, чем меньше казалось военное поражение Германии в глазах западно-европейских союзников установленным в действительности. Именно поэтому Вильсон обменялся с Германией нотами. Однако предпосылкой для перемирия (и тем самым для избежания капитуляции) и для *«мира Вильсона»* он потребовал, чтобы немецкий народ отказался от своей старой военной системы. Что подразумевалось под этим конкретно, вопрос остается открытым. После трудных переговоров он через своего эмиссара полковника Хауза добился от европейских союзников в Париже, чтобы они удовлетворили просьбу Германии — и таким образом одновременно, хотя и с определенными оговорками, приняли его программу мира. 11 ноября 1918 года в Компьне было заключено перемирие. После более чем

четырёх лет войны, которая постепенно переросла в мировую, ружья замолчали.

В том, что был достигнут мир в духе его «*Четырнадцати пунктов*», Вильсон видел решающее испытание своих способностей как государственного деятеля и одновременно выполнение всемирно-исторической миссии. Поэтому он настоял на том, чтобы этот мир был заключен даже с его европейскими партнерами. Энтузиазм, с которым его встречало население Лондона, Парижа и Рима, разбудил в нем самые смелые надежды. В действительности он и его советники основательно подготовились к предстоящим вопросам по существу — представление об американцах, не имеющих никакого понятия о европейских делах на мирной конференции 1919 года, является легендой. Чего Вильсон недооценил, так это реальных трудностей заключения мира и недостаток готовности к компромиссам — а это значит: недостаточное уважение к его «*Четырнадцати пунктам*» со стороны европейцев, как только речь заходила об их национальных интересах.

Так Парижские мирные переговоры победителей (январь — май 1919 года) стали для Вильсона изматывающим нервы испытанием терпения. Многократно грозил выходом один из партнеров по переговорам: поочередно Франция, Япония, Италия и, наконец, Великобритания. Каждая попытка решения исключала проблему России, где бушевала гражданская война между большевиками и «*белогвардейцами*» и союзные (также и американские) войска держали оккупированными стратегически важные зоны, прежде всего порты, — в общем и целом, конечно, ограниченная интервенция, которая, однако, в политическом и военном аспектах была бессмысленной после перемирия и которая не помешала большевикам весной 1919 года политически утвердиться также и в Центральной Европе (среди прочих в Венгрии). Сам Вильсон принимал близко к сердцу прежде всего разработку хартии союза народов (по шотландско-библейской традиции он говорил о *Covenant*). Это удалось уже в первые недели конференции. Хитроумная арбитражная сис-

тема должна была избегать возникновения военных конфликтов: если это не удавалось, то были предусмотрены распределенные по категориям санкции. Договоры или положения, не отвечающие более требованиям времени, соблюдение которых угрожало миру, должны были быть проверены для возможной модификации. Хартия Лиги Наций, как ее понимал Вильсон, должна была установить Версальский мир по всем пунктам не на все времена. Германии сначала было отказано в членстве в Лиге наций. Она потеряла свои колонии, для которых предусматривались мандаты Лиги Наций.

Для некоторых важнейших спорных вопросов были найдены более или менее неустойчивые компромиссы, как, например, для Рейнской области, которая политически осталась частью Германии, одновременно была на долгое время оккупирована западными державами и демилитаризована. За Саарскую область и Данциг в последней инстанции и по-разному была ответственна Лига Наций. Остальные вопросы остались более или менее открытыми, как итальянско-югославская граница (Фиуме) или размер репараций, которые должны быть возложены на Германию как на одну из держав, ответственных за начало войны. Новое немецкое правительство под массивным давлением принудили подписать Версальский договор. Это произошло 28 июня 1919 года. Вильсон был убежден, что договор соответствует духу *«Четырнадцати пунктов»*, за соблюдение которых он настоятельно выступал на тайных конференциях со своими союзниками. Однако это не было полной правдой, как это поняли некоторые современники также и среди держав-победительниц, а позже и знаменитый национальный экономист Джон Мейнард Кейнс. Прежде всего совершенно не удалось сделать Германию и новую Россию лояльными носителями нового мирового порядка.

С подписанием Версальского мира перед Вильсоном встала еще одна важнейшая задача: согласно американской конституции договор должен быть одобрен в сенате США большинством в две трети голосов, прежде чем он

будет ратифицирован США. Конкретно для Вильсона это значило, что он должен завоевать для своей системы мира часть сенатской фракции республиканской партии. Это было тем более трудно, что республиканцы с победой вышли из промежуточных выборов в ноябре 1918 года. Так как республиканцы со своей стороны не были едины в позиции к договору, то шансы Вильсона выиграть голосование оказались не так уж плохи. Республиканская критика касалась вовсе не тех частей договора, которые относились к Германии, а в значительной степени хартии Лиги Наций, которая являлась единой составной частью всего договора, здесь перевешивала озабоченность, что США, как член Лиги Наций, в обозримом будущем будут обязаны соблюдать Версальский мирный порядок и что они одновременно могут быть вовлечены автоматически во все мыслимые военные конфликты Земли. Эта критика явно преувеличена, так как основная и в первую очередь оспариваемая статья 10 хартии Лиги Наций имела лишь рекомендательный характер, но касалась основного вопроса, были ли США как мировая держава готовы, и насколько, позволить каким-либо образом мировой организации урезать свою собственную суверенную свободу решения, т. е. свою возможность объявить войну. Критика, направленная против Лиги Наций, была в своей основе националистической, но содержала дополнительную пищу для разочарованных сторонников Вильсона из сферы левых фракций, которые полностью отвергали Версальскую систему договоров как *«империалистическую»*. С точки зрения противников Вильсона эти дебаты были самыми важными, потому что касались конституционно-правовых компетенций Конгресса, и прежде всего права объявлять войну. Опасались, что гарантийные обязательства хартии Лиги Наций как раз президенту присудят решение по вопросам войны и будут содействовать необозримому расширению его полномочий — подозрение, особенно уместное по отношению к Вильсону, которому его противники в войне постоянно приписывали диктаторские приступы. Наконец респуб-

ликанская оппозиция получила стимул благодаря желанию многих американцев, которые устали от *«великого времени»*, вернуться к нормальной жизни. Инфляционные тенденции в американской послевоенной экономике, вытекающие из этого социальные конфликты, политическое противодействие радикальных левых и не в последнюю очередь собственное секретничанье Вильсона во время мировой конференции и его несговорчивость не облегчили положение президента. Его склонность согласиться с республиканскими желаниями изменить статью 10 хартии Лиги Наций ничуть не увеличилась под впечатлением этой критики и этих трудностей.

В этом неясном положении он решился на большую поездку по стране, чтобы лично донести до американского народа свои стремления и, таким образом, оказать давление на сенат. Для тактики, нацеленной на исключение критически настроенных сенаторов, американская конституция не предлагала никаких способов, так как каждый сенатор в течение своего шестилетнего мандата был практически неуязвим. Врачи Вильсона к тому же предостерегали его от нагрузок на здоровье, связанных с его намерением. Они знали, что уже мирная конференция подорвала сопротивляемость организма президента. Однако Вильсон настоял на своем, вопреки этим сомнениям. Подобно библейскому пророку, он был глубоко проникнут своим предназначением способствовать успеху доброго дела для будущего всего мира. С волнующим красноречием агитировал в больших городах Среднего и Дальнего Запада за свою систему мира. Если США останутся в стороне от нее, то скоро разразится следующая мировая война, предсказывал он. Однако все его речи в конечном счете не имели успеха и воздействия: при произнесении речи в Пуэбло, Колорадо, у него внезапно начались резкие головные боли и тошнота. Хотя он сразу же был доставлен назад в Вашингтон, там 2 октября 1919 года у него произошло кровоизлияние в мозг, вследствие чего была парализована левая сторона. Он выздоравливал медленно и не полностью. Таким образом, над-

зор за правительственными делами попал в руки его жены. Вильсон женился в 1915 году на вдове Эдит Боллинг Голт, привлекательной представительнице вашингтонского делового мира, которая, не думая о политике, имела только одно желание — оградить своего мужа от всех волнений, которые подвергали риску его здоровье. Исходя из этого по-человечески понятного интереса, она решала, что можно говорить больному, а что нельзя.

Никакая другая ситуация не могла быть более фатальной для защиты Версальского договора в США, чем эта. Так как действительная болезнь Вильсона держалась в тайне, то курсировали дикие слухи о психическом состоянии, которые дискредитировали его самого и его дело.

Конфликт в сенате достиг в ноябре 1919 года наивысшей точки. Вильсон отказывался пойти на любую уступку своим политическим противникам во главе с республиканским сенатором Генри Кэботом Лоджем, которая, по его пониманию, противоречила основным целям хартии Лиги наций. Попытки прийти к согласию между демократическими сенаторами, стоящими за Вильсона, и умеренными республиканцами, готовыми на уступки, потерпели неудачу из-за упрямства больного президента. «Не следует забывать, — писал он 8 марта 1920 года, — что эта статья (10 хартии Лиги Наций) представляет собой отказ от вводящего в заблуждение честолюбия у сильных наций, с которыми мы были союзниками в войне... Что касается меня, то я также нетерпим по отношению к империалистическим намерениям других наций, как нетерпим по отношению к таким же намерениям Германии». На двух голосованиях — 19 ноября 1919 года и 19 марта 1920 года — сенат отклонил Версальский договор в предъявленной форме. США отказывались быть гарантом Версальского мирного договора и Лиги Наций. Согласованная в Париже англо-американская гарантия по сохранению демилитаризованного статуса Рейнской области также оказалась недействительной. Однако вклад Вильсона в содержание договора

был все-таки не напрасным, так как он после ратификации другими контрагентами в неизменной форме вступил в силу и без США.

Тем не менее Вильсон воспринял решение сената как горькое личное поражение. Хотя и наполовину парализованный, он не хотел мириться с таким концом своей политической карьеры. Втайне подумывал еще раз баллотироваться на пост президента. Понимая, как далеко он уходит от реальности, серьезные политики его партии это желание даже не принимали во внимание. Вильсон надеялся теперь на подавляющую победу своей партии в следующих выборах, в которых он видел *«большой и торжественный референдум»* по хартии Лиги Наций. Но и эти надежды разбились, и основательно. Демократы на президентских выборах в ноябре 1920 года потерпели самое худшее поражение в их истории. Американский народ уже отвернулся от своего пророка. Политическая карьера Вильсона имела трагический конец, для него самого не совсем незаслуженно. Экс-президенту осталось несколько лет, омраченных хронической болезнью и растущим одиночеством. Он умер 3 февраля 1924 года. Свой последний покой нашел в неоготическом Национальном соборе в Вашингтоне.

Независимо от его заключительного крушения Вильсон принадлежит к числу великих американских президентов, которые придали развитию США новый поворот. Начиная с него и благодаря ему США стали нацией, повернувшейся к Европе, заинтересованной в судьбе внеамериканского мира в целом. Это относилось даже ко времени после ухода с поста президента, когда его преемникам еще был непонятен масштаб роли Америки как мировой державы в Европе с точки зрения политики безопасности. Но уже девять лет спустя после его смерти новый американский президент Франклин Д. Рузвельт после первоначального колебания примкнул к его наследию. Мысль об интернационально организованном мире пережила во время второй мировой войны также и в США триумфальное пробуждение и нашла свое выраже-

ние в хартии Объединенных Наций. Европейские союзники обязаны своей победой в первой мировой войне, или хотя бы масштабом этой победы, Соединенным Штатам, руководимым и вдохновленным Вильсоном. Даже здесь он проявил себя как морально безупречный, неподкупный и материально бескорыстный реформатор, проникнутый глубокой и строгой религиозностью, возможно, не всегда доступный лично для посторонних, не всегда совсем откровенный, тем не менее ясный ум, увлекающий оратор, выдающийся организатор и не в последнюю очередь страстный, порой непреклонный борец за то, что он считал добрым делом. Несмотря на его кажущееся крушение, благодаря его политическим успехам Соединенные Штаты значительно продвинулись вперед по пути к большей современности и большей открытости миру.

Петер Шефер

УОРРЕН ГАРДИНГ 1921–1923

Назад к нормальности

Warren Harding

Три республиканских президента Гардинг, Кулидж и Гувер и их администрации обнаруживают ряд общих черт, которые вытекают из условий их политики и из их политической концепции. После перелома в результате мировой войны и американского участия в ней с двадцатых годов в США усиленно продолжались социальные, технологические и экономические преобразования, пере-

ход к производству массовых товаров (автомобилей, радио, бытовых приборов) стал определяющим моментом времени. Противоречия между традиционной сельской Америкой и расширяющимися промышленными городскими агломерациями выражались в различных культурных и моральных представлениях о ценностях. В 1920 году из 106 миллионов американцев впервые 48,6 процента населения, т. е. менее половины, проживало в сельской местности в маленьких населенных пунктах с населением менее 2500 жителей. Между 1922 и 1929 годом страна переживала необычайно сильный промышленный подъем. За ним с «Великой депрессией» последовал длительный экономический кризис подобного же необычного характера. Политические выборы президента и Конгресса тех лет показывали республиканское превосходство. Демократическая партия находилась в кризисе, потенциал реформ предвоенного времени был израсходован. Три президента представляли в их экономической и социальной политике преимущественно консервативно-республиканский курс. Они прекратили государственное регулирование экономики а-ля Вильсон и вновь установили кооперативные отношения с деловым миром. Выступали за политику экономии, за повышение пошлин и ограничение иммиграции, за значительное снижение налогов, особенно при высоких доходах. Их консервативный национализм «*America First*» проявился в отходе от Лиги Наций и даже от Международной судебной палаты. Одновременно они способствовали, пока это было возможно до 1929 года, экономической экспансии Соединенных Штатов и показывали свою заинтересованность в соглашениях по разоружению и в запрете войны. Различия в их президентстве были частично обусловлены внешними обстоятельствами, частично вытекали из специфического политического опыта и восприятия, из более или менее выраженных способностей к государственной деятельности этих трех президентов. Гардинг правил, в основном, в переходный период от войны к послевоенному и к мирному периоду и должен был заниматься

наследием эры Вильсона. Он был среднеодаренным провинциальным политиком, который хотел вернуться к американской нормальной жизни, но репутация которого была задрана вышедшим из берегов скандалом, связанным с коррупцией. Кулидж продолжил возврат к нормальности, он был символической фигурой экономического подъема двадцатых годов. Гувер, самый примечательный и наибольший новатор из трех, был современным консерватором с корнями в *«прогрессивном движении»*, который имел несчастье войти в историю как президент кризиса. Даже если он не смог найти выхода из *«Великой депрессии»*, то все равно заслуживает наибольшего внимания, и не только во внешней политике.

Уоррен Гамалиил Гардинг, будущий 29-й президент США, родился 2 ноября 1865 года на ферме в Блуминг-Гроув, Огайо. Его отец был фермером и гомеопатом. После учебы в школе и колледже Гардинг работал временно учителем, а потом стал издателем и совладельцем *«Марион Стар»*, популярной местной дневной газеты. Активный в делах Гардинг, который в 1891 году женился на разведенной дочери банкира Флоренс Кинг, был спортивным, красноречивым мужчиной приятной наружности, на всю жизнь сохранившим пристрастие к благородным напиткам, покеру, гольфу и женщинам. Политически он примкнул к республиканской партии. Местные связи и красноречие позволили сделать ему с конца века политическую карьеру в качестве члена сената Огайо, или вице-губернатора этого штата. В 1914 году его выбрали в федеральный сенат. Там Гардинг посвятил себя интересам *«большого бизнеса»*, выступая за повышение пошлин и расширение торгового флота и высказываясь за сухой закон и избирательное право для женщин, но против вступления США в Лигу Наций. Выдвижением кандидатом на пост президента от республиканцев на выборы 1920 года он был обязан ничейному исходу между двумя главными претендентами республиканцев Леонардом Вудом и Френком О. Лоуденом. Гардинг со своим патриотическим провинциальным горизонтом со-

ответствовал распространенному тогда образу мышления, и обладал доверием делового мира, который ожидал от него восстановления нормальной мирной экономики. Соответственно он вел предвыборную борьбу в дискуссиях с либеральной политикой Вильсона, он выступал консервативно, националистически и против всякого радикализма. Предвыборная платформа республиканцев требовала снижения налогов, повышения пошлин, ограничения иммиграции, обращалась против забастовок, *«которые бы велись против правительства»*, выступала, однако, за равную оплату женского труда. В 1920 году женщины по всей стране получили избирательное право.

2 ноября 1920 года Гардинг победил на выборах с редкой однозначностью. Он достиг большинства в 37 штатах, его противник от демократов Джеймс М. Кокс — только лишь в 11 штатах Юга. Разочарование исходом мировой войны и политикой Вильсона, националистическое, не желающее реформ, антикоммунистическое послевоенное настроение также отразилось на результатах выборов.

В своей речи при вступлении на пост президента 4 марта 1921 года в Вашингтоне Гардинг обещал стране «реконструкцию, реадaptацию, реставрацию». В новом кабинете собралась группа знаменитых политиков, назначение которых частично вызвало недоумение консервативной старой гвардии республиканцев. В него входили министр иностранных дел Чарльз Е. Хьюз, ранее сторонник Лиги Наций, министр торговли Гувер, способный организатор с репутацией филантропа, и министр сельского хозяйства Уоллес, известный эксперт сельского хозяйства. Более по вкусу консервативным республиканцам был министр финансов Меллон, глава концерна алюминиевой промышленности. Наконец, Гардинг наделил правительственными должностями многих своих старых политических друзей из Огайо (*«Ohio-Gang»*). К ним относились новый министр юстиции Доэрти, менеджер Гардинга в предвыборной борьбе из Огайо, и министр внутренних дел Фолл, спекулянт земельными участками и рудниками.

Оба воплощали темные стороны слияния политики и бизнеса в эру Гардинга способом, особо бросающимся в глаза.

Новый президент и его жена Флоренс открыли для вашингтонского общества Белый дом, который на последней фазе администрации Вильсона был мало гостеприимен. Новая первая леди заявила, что президент и она *«только простые люди»*. Гардинг регулярно принимал своих друзей в Белом доме на длительных партиях в покер, на которых, несмотря на сухой закон, не было недостатка в виски. Он поддерживал хорошие отношения с прессой и вновь ввел регулярные пресс-конференции. Независимо от его различных пристрастий в свободное время и склонности к любовным интрижкам, Гардинг был трудолюбивым работником. К одним из первых его мероприятий относится создание бюджетного бюро, отвечавшего за экономное применение бюджетных средств. Экономическое регулирование Вильсона было устранено везде, где только можно. Налоговые законы снизили высшие налоговые ставки, таможенные законы повысили пошлины на сельскохозяйственные и промышленные продукты. Первое общее ограничение иммиграции зафиксировало в 1921 году национальную квоту и ограничило ежегодную иммиграцию 355 825 персонами. Это была уступка националистической и враждебной по отношению к иностранцам позиции в американской политике и общественности.

Правительство Гардинга предоставило более 2 миллиардов долларов для кредитов ферм и поддержало законном сельскохозяйственные кооперации по сбыту. Также оно впервые содействовало строительству федеральных автомобильных дорог. Президент амнистировал приговоренных к лишению свободы противников войны, таких как социалист Дебс, и публично напомнил на Юге страны о гражданских правах для черных американцев. Он не смог провести через Конгресс закон против линчевания и создание министерства общественной благотвори-

рительности, так как в 1922 году вообще возросли проблемы в отношениях с Конгрессом.

Противоречиво складывались отношения правительства с профсоюзами. Гардинг и Гувер добились восьмичасового рабочего дня в сталелитейной промышленности, но жестокие действия министра юстиции Доэрти против стачки железнодорожников привели в сентябре 1922 года к отчуждению многих профсоюзов от политики правительства. В ноябре 1922 года промежуточные выборы в Конгресс принесли республиканцам явное поражение.

Во внешней политике Гардинг предпочитал смесь из национализма, прагматизма и консервативной мировой политики, комбинацию из содействия внешнеэкономическим отношениям, отстранения от Лиги Наций и договоренностей с другими державами о стабилизации международного положения. Особого внимания требовали заключение мира с бывшими военными противниками, регулирование вопроса военных долгов и положение на Дальнем Востоке с проблематичными отношениями с Японией. В августе 1921 года был подписан мирный договор с Германией, в котором США обеспечили себе все права из Версальского договора, не беря на себя его обязательств.

Важнейшим внешнеполитическим событием была открытая Гардингом в ноябре 1921 года в Вашингтоне конференция девяти держав, которая должна была содействовать успокоению положения на Дальнем Востоке и ограничению вооружения на флоте. В соглашении четырех держав США, Англия, Франция и Япония взаимно гарантировали друг другу их владения в районе Тихого океана. В соглашении девяти держав о Китае и с Китаем державы подтвердили, хотя и не безоговорочно, суверенитет и территориальную целостность Китая. В договоре пяти держав в феврале 1922 года США, Англия, Япония, Франция и Италия временно ограничили гонку вооружений на море.

В первые месяцы 1923 года к общественности проникла информация о крупных незаконных действиях среди

сотрудников администрации Гардинга. Президент, сам не участвующий непосредственно в скандальных случаях коррупции, был также ответствен, так как главные обвиняемые происходили из круга его личных друзей в Огайо и еще потому, что он, со своей стороны, не способствовал безжалостному раскрытию скандала, как это ему советовал Гувер. Это не враги, а его друзья не дают ему спать по ночам, жаловался все более изможденно и подавленно выглядевший президент. Растраты, пассивный подкуп, приобретение привилегий были обычным делом среди сотрудников правительства. Начальники ведомств, даже министры были втянуты в это. Самую большую сенсацию вызвал скандал «Teapot-Dome», передача ценных правительственных нефтяных месторождений министром внутренних дел Фоллом за высокую взятку двум нефтяным предпринимателям. Позже Фолл был за это приговорен к тюремному заключению. Он оказался первым членом кабинета в истории США, который угодил в тюрьму. Министр юстиции Доэрти избежал подобной судьбы только за недостаточностью доказательств. Оба нефтяных предпринимателя даже не предстали перед судом.

Чтобы успокоить общественность и укрепить свою позицию, летом 1923 года Гардинг предпринял политическую агитационную поездку на Аляску и на запад страны. Там он умер 2 августа 1923 года в Сан-Франциско в возрасте всего лишь 57 лет, предположительно вследствие апоплексического удара.

Уоррен Г. Гардинг при опросах среди историков США по иерархии президентов занимает как «неудачник» постоянно последнее место. Это является результатом его посредственного политического формата, его моральной распушенности и прежде всего последствий единственного в своем роде скандала Гардинга. Как бы ни был оправдан столь негативный приговор, фактом остается то, что Гардинг способствовал восстановлению нормальных политических условных рамок в переходный период после окончания войны. Соразмерно длительности его

правления и возможностям его законодательные успехи довольно значительны. Результаты конференции в Вашингтоне также принадлежат к положительному наследию этого президента. Однако, когда после смерти Гардинга стал известен масштаб коррупции и суды вынуждены были многократно утруждать себя, то это быстро перекрыло позитивные результаты его правления, и с тех пор его имя ассоциируется с одним из крупнейших и серьезнейших скандалов американской истории президентства, связанных с коррупцией.

Петер Шефер

КАЛВИН КУЛИДЖ

1923–1929

Пуританин в Белом доме

A handwritten signature of Calvin Coolidge in cursive script.

Калвин Кулидж был выходцем из сельского Вермонта, из среды, традиционно связанной с Новой Англией. Он родился 4 июля 1872 года в Плимут Ноч и там получил свое школьное образование. Его отец, фермер, владелец лавки и почты, очень влиял на воспитание юного Кулиджа. Его мать умерла уже в 1885 году. Кулидж посещал

респектабельный колледж Эмерст. С 1898 года был адвокатом в Нортхэмптоне, Массачусетс. Одновременно честолюбивый молодой республиканец начал политическую карьеру, сначала на городском уровне в Нортхэмптоне (городской адвокат, мер) и вскоре в своем штате Массачусетс как депутат, с 1912 года — как сенатор, наконец, в 1916—1918 годах он стал вице-губернатором, в 1919—1920 годах — губернатором Массачусетса. Кулидж был консерватором, выступал за традиционные требования республиканцев и восхищался преуспевающими деловыми людьми, представления о ценностях которых были и его представлениями. Он не имел возражений против улучшений условий жизни общества, если это мало стоило.

Во времена беспокойного политического настроения после окончания войны и преследования любых радикалов Кулидж, будучи губернатором, добился национальной известности, когда в 1919 году жестко и энергично действовал против бастующих полицейских. Общеизвестна была его телеграмма лидеру профсоюза Гомперсу с изречением: «Никто нигде и никогда не имеет права на забастовку против общественной безопасности». Репутации защитника закона и порядка Кулидж обязан выдвижением в качестве кандидата на пост вице-президента в 1920 году на национальном конвенте республиканцев. На новый пост был избран вместе с Гардингом. Благодаря внезапной смерти Гардинга он сам 2 августа 1923 года выдвинулся на пост президента. Приведение к присяге нового президента провел его отец, который был также мировым судьей, в своем доме в Плимуте. При свете керосиновой лампы Кулидж присягнул на семейной Библии. Эта передаваемая по радио скромная церемония представила президента как воплощение сельской, здоровой Америки.

Кулидж не имел харизмы политика, он не был ярко выраженным политическим лидером. Он являлся солидным представителем американского среднего слоя, экономным, немногословным в личном общении (*Silent Cal*), старательным и непретенциозным. Для общественности,

обеспокоенной скандалом Гардинга, он был «*пуританином в Вавилоне*». Ему удивительно быстро удалось восстановить целостность и репутацию федерального правительства. В этом ему помогли хорошие отношения с прессой. Он был первым президентом, который сознательно использовал возможности радио, чтобы донести до слушателей свою политику. Кулиджа поддерживала его жена Грейс Анна Гудхью, бывшая учительница в школе для глухих, на которой 33-летний Кулидж женился в 1905 году и которая своим шармом, сердечностью и общительностью как *первая леди* завоевала сердца посетителей Белого дома.

Президентство Кулиджа пришлось на зенит экономического подъема двадцатых годов. Многим соотечественникам новый президент скоро казался символом и гарантом длительного процветания. Своими взглядами на здоровое состояние страны, на необходимую экономию в правительстве, на благодатную действенность больших способностей он следовал господствующим тогда идеям и идеалам. Характерной для такого мышления была его речь перед издателями газет в Вашингтоне в январе 1925 года, в которой он заявил: «Главное дело американского народа — это дело». Минимальное государственное вмешательство в экономическую жизнь и тесная неформальная кооперация правительства и большого бизнеса были характерными признаками времени Кулиджа.

Во внутренней политике Кулидж в основном продолжал программу своего предшественника Гардинга. Он признал себя сторонником дальнейшего ограничения иммиграции, сохранения защитных пошлин в интересах американской промышленности, государственного регулирования кредитов для фермеров, приватизации судостроения. Президент сохранил также кабинет, за исключением уволенных из-за скандала Гардинга министра юстиции Доэрти и военного министра Уика.

В 1924 году Кулидж был вновь избран с большим преимуществом голосов. Он победил как кандидата демократов, консервативного адвоката с Уолл-Стрита Джо-

на У. Дэвиса, так и кандидата коалиции избирателей, состоящей из фермерских организаций, профсоюзов, гражданских и женских союзов, сенатора и реформатора из Висконсина Роберта М. Лафоллетта. Бывший президент Тафт сказал по поводу исхода выборов: «Эта страна не является страной для радикализма. Я думаю, что это действительно самая консервативная страна в мире».

Министр торговли Гувер выступил инициатором целого ряда законов, которые учитывали новые разработки в воздушном сообщении, в радиовещании и в других областях. Наряду с законом о воздухоплавании следует назвать и закон о контроле радио 1927 года, который предусматривал государственный контроль частного радиовещания. Законом о проекте Боулдер-Каньон 1928 года было начато возведение в то время крупнейшей в мире плотины на реке Колорадо. Кулидж подписал эти ориентированные на будущее законы, которые, собственно, противоречили его позиции невмешательства, без особого восторга.

К позитивным внутривнутриполитическим мероприятиям Кулиджа относится также предоставление права гражданства для американских индейцев в 1924 году. Но следует также упомянуть и негативную сторону итогов внутренней политики Кулиджа. Поощряемый в то время правительством неконтролируемый рост большого бизнеса и безгранично возрастающие спекулятивные сделки на бирже, на которые государство смотрело сквозь пальцы, в определенной степени также обусловили остроту Великого кризиса 1929 года.

Правительство Кулиджа редко прислушивалось к работам и нуждам фермеров и шахтеров. На многие изданные Конгрессом законы, направленные на реформы, президент наложил вето. Закон о дополнительных льготах для ветеранов войны был издан вопреки вето президента. Это не было случайностью, поскольку отношения между президентом и Конгрессом ухудшились за время пребывания его на посту, и Конгресс ставил президенту

препоны при утверждении на должности вновь назначенных членов правительства или судей. Чрезвычайно пассивно Кулидж относился к дискриминации черных американцев. Расистскую организацию Ку-клукс-клан он публично критиковал только тогда, когда ее влияние уже пошло на убыль. Иммиграционный закон 1924 года усилил ограничения иммиграции. Регулирующие квоты для отдельных национальностей ставили в невыгодное положение иммигрантов из Восточной и Южной Европы совершенно преднамеренно. Иммиграция из Японии, несмотря на возражения министра иностранных дел Хьюза, была полностью прекращена, что привело к значительному ухудшению американо-японских отношений.

Внешняя политика Кулиджа опиралась на экономическую экспансию и на главенствующее промышленное и финансовое положение страны в двадцатых годах. Американские иностранные инвестиции (центр тяжести: Европа, Канада, Латинская Америка) достигли в конце этого периода 17 миллиардов долларов, т. е. объема ведущих до этого британских вкладов в зарубежных банках и в иностранные ценные бумаги. Администрация Кулиджа на этой основе и дальше следовала консервативному интернационализму.

Организацию внешней политики Кулидж предоставил своему министру иностранных дел Чарльзу Хьюзу, а с 1925 года — Фрэнку Келлоггу. В вопросе репараций и военных долгов, основной проблеме европейской политики того времени, с помощью плана Дауэса удалось в 1924 году при активном участии Америки урегулировать на новой основе германские репарационные платежи, благодаря чему стали возможны долгосрочные займы американских банков в Германии. Также в духе компромиссного решения был урегулирован открытый вопрос военных долгов с союзниками США в мировой войне. Между 1923 и 1926 годами были заключены соглашения с Великобританией, Францией и еще одиннадцатью государствами, которые предусматривали долгосрочную выплату долгов при умеренной процентной ставке.

Самым примечательным результатом внешней политики Кулиджа явился пакт об отказе от войны 1928 года, инициаторами которого были французский министр иностранных дел Аристид Бриан и министр иностранных дел Фрэнк Келлогг. Пакт Бриана — Келлогга был многосторонним договором, в который вошло более 60 стран. Подписавшие его отказывались от войны как средства национальной политики и внесли этим вклад в международно-правовую кодификацию отказа от насилия и временно успокоили международное положение. Чтобы действовать на длительное время, пакту не хватало действенного механизма безопасности, который можно было бы применить в случае нарушения договора.

В Латинской Америке Кулидж, с одной стороны, продолжил традицию военной интервенции в Центральной Америке и в районе Карибского моря и приказал американской морской пехоте начать военные действия в Никарагуа в 1926 году. С другой стороны, он в 1924 году прекратил военное господство в Доминиканской Республике. Государственный департамент в 1926 году оказывал массивное политическое давление на Мексику и требовал изменить те законы страны и законы, касающиеся нефти, которые называл «большевистскими», но Кулидж направил в качестве нового посла в Мехико своего друга по учебе Дуайта У. Морроу, которому на переговорах в 1928 году удалось примириться с мексиканским правительством. В январе 1928 года сам Кулидж, демонстрируя дружеское отношение, принял участие в открытии 6-й интерамериканской конференции в Гаване. В том же году государственный департамент сформулировал сначала внутренний меморандум о «Доктрине Монро», в котором автор Джеймс Кларк младший опровергал тот факт, что «Доктрина Монро» может служить оправданием американской интервенции в полушарии. Так латиноамериканская политика Кулиджа наметила к концу его президентства новое начало, которое было продолжено его преемником Гувером.

В 1928 году администрация Кулиджа официально признала китайское национальное правительство Чан Кай-ши, возникшее в революционной гражданской войне, после того как за год до этого бомбардировкой Нанкина вмешалось в китайскую гражданскую войну. Однако Кулидж и государственный департамент непоколебимо твердо держались непризнания СССР, несмотря на растущие экономические отношения между обеими странами.

В августе 1927 года Кулидж неожиданно заявил, что не имеет намерения участвовать в выборах президента в 1928 году. Этим решением, основанным на личных и семейных причинах, он открыл своему министру торговли Гуверу путь к выдвижению кандидатом и избранию новым президентом США.

Калвин Кулидж в годы его правления был чрезвычайно популярным президентом. Когда он покидал пост президента, страна наслаждалась экономическим процветанием и внутренним и внешним миром. В исторических исследованиях Кулидж оценивается более критически. Он считался скорее посредственным президентом, который больше руководил своим ведомством, чем определял события. Его традиционное понимание политики сильнее ориентировалось на опыт прошлого, чем на необходимость будущего. Тем не менее *«этот первосвященник процветания»* (Уильям А. Уайт) в настоящее время вспоминается в целом ряде забавных анекдотов, в центре которых стоят его немногословность и природное остроумие.

Покинув Белый дом, он вновь поселился в Нортхэмптоне. Кулидж писал автобиографию, а также какое-то время регулярно статьи в газету, в которых выступал за индивидуализм, экономное ведение хозяйства и невмешательство. Кулидж умер 5 января 1933 года в возрасте всего лишь 60 лет от последствий инфаркта.

Петер Шефер

ГЕРБЕРТ К. ГУВЕР

1929—1933

Администратор в кризисе

Herbert Hoover

Герберт Кларк Гувер был первым президентом, чья родина лежала западнее Миссисипи. Для будущего президента у него было необычное и интересное профессиональное развитие, и перед въездом в Белый дом, что было редкостью, он не занимал выборной должности.

Гувер родился 10 августа 1874 года в Вест Бранч Айова. Его отец был кузнецом и торговал земледобра-

тывающими орудиями. Два обстоятельства отложились в памяти молодого Гувера: религиозное воспитание как квакера, которому он был позднее обязан своими гуманными и пацифистскими взглядами, и ранняя смерть родителей, которая смолоду заставила его заботиться о себе. С 1891 по 1895 годы Гувер изучал геологию в только что открывшемся университете в Стэнфорде. Там он познакомился со своей будущей женой Лу Генри, в то время первой студенткой женского пола этого университета, изучавшей геологию. Они поженились в 1899 году. Миссис Гувер была умеренной защитницей прав женщин, которая как *первая леди* особенно выступала за женский спорт и поддерживала организацию девочек-скаутов.

По окончании учебы Гувер почти двадцать лет был преуспевающим инженером горного дела и коммерсантом за границей, имея главное бюро в Лондоне, и скоро стал интернационально известным экспертом горнорудного дела. Мировая война 1914 года застала его в Лондоне. С этого времени он посвятил себя гуманитарным задачам, сначала организации помощи Бельгии, после войны — продовольственной помощи для разрушенной войной Европы, включая и помощь Советской России, пострадавшей от голода.

Президент Вильсон после вступления Америки в войну передал Гуверу в 1917 году управление продовольствием, которым он эффективно руководил в интересах обеспечения страны и союзников. После войны Гувер поддерживал Вильсона в его желании вступить в Лигу Наций. В 1920 году, когда окончательно вернулся из-за границы, он стал возможным республиканским кандидатом на пост президента, и реформистские силы обеих партий боролись за него. В 1921 году Гардинг назначил его министром торговли. На этом посту он беспримерно трудился в духе одобряемой им неформальной, добровольной кооперации правительства и делового мира. Теперь Гувер был современным консерватором, политиком центра, который выступал за *«американский индивиду-*

ализм», за сохранение либеральной демократии и капиталистических институтов в своей стране. Как министр торговли он развивал статистику и хозяйственный анализ, исследование рынка и промышленности, а также обмен информации внутри делового мира. Он выступал за кооперацию между предпринимателями и профсоюзами, за активную политику против безработицы и за развитие жилищного строительства, строительства дорог и воздушного сообщения. Все это должно было достигаться не столько государственным принуждением, сколько добровольным совместным трудом частных предпринимателей.

После отказа Кулиджа от участия в выборах Гувер смог выставить себя в качестве кандидата. Предвыборной борьбе между ним и демократом Альфредом Е. Смитом, губернатором Нью-Йорка и католиком, не хватало больших вопросов. Гувер сделал своей предвыборной темой процветание и возвестил для страны скорый конец бедности: *«курица в каждой кастрюле и автомобиль в каждом гараже»*. В результате Гувер победил 6 ноября 1928 года с преимуществом в 6 миллионов голосов и еще более убедительным преимуществом в выборной коллегии. В Конгрессе снова усилилось республиканское большинство.

Гувер, присягнувший 4 марта 1929 года, был первым президентом из элиты менеджеров своей страны, одаренный организатор, администратор и технократ. До осени 1929 года у него были хорошие отношения с общественностью. Его политическая концепция прежде всего предусматривала административное обновление, попытку управлять экономикой посредством неофициального взаимодействия правительства и руководителей экономики. В его кабинет и в правительственные органы, как это было принято в *«республиканскую эру»*, входили многие важные промышленники и банкиры. Министром иностранных дел стал опытный республиканский политик и дипломат Генри Л. Стимсон.

Внутренняя политика Гувера была посвящена сначала расширению национальных парков и уходу за леса-

ми, улучшению условий жизни индейцев, проведению «сухого закона», реорганизации тюрем и координации действий национальных благотворительных и социальных служб. Изменения в этих областях были, однако, скромными.

Позже подчинившим себе все событием администрации Гувера стала начавшаяся в октябре 1929 года в Америке «Великая депрессия». Американское промышленное производство к 1932 году упало до уровня 1913, а внешняя торговля даже до уровня 1905 года. В зените кризиса зимой 1932 — 33 годов почти каждый четвертый рабочий был без работы. Драматически обострился кризис у фермеров. Гувер стал пленником событий, он долго не понимал масштабов экономической разрухи и социальной нужды. Его политика по преодолению кризиса полагалась, в основном, на самоисцеляющие силы капиталистической экономики. Он отклонял правительственный контроль экономики и политику расходов для финансирования федеральных социальных программ. Тяжелейшей ошибкой было одобрение Гувером таможенного закона от июля 1930 года, который рекордными ставками таможенной пошлины оказал катастрофическое воздействие на мировую торговлю. Только в конце 1930 года администрация Гувера начала переходить к антикризисным мероприятиям и лишь в январе 1932 года после создания финансовой корпорации по восстановлению действия стали более активными и широкомасштабными.

До 2 миллиардов долларов было предоставлено для государственных субсидий в экономику. В июле 1932 года правительство выделило отдельным штатам 300 миллионов долларов для оказания помощи и пособий. На предложенные Конгрессом широкие реформы, как, например, введение национальных пособий по безработице, Гувер в 1932 году наложил свое вето. Однако он подтвердил своей подписью закон Норриса — Ла Гуардиа в пользу профсоюзов. Как оказалось, жесткая позиция президента перед лицом всеобщей нужды быстро способствовала потере авторитета Гувера у общественности. Чрезвычайно непопулярным было его решение в июле

1932 года прогнать с помощью военной силы несколько тысяч ветеранов войны из Вашингтона, где они устроили демонстрацию за предварительную выплату возмещения ущерба и расположились лагерем недалеко от Капитолия.

Внешняя политика Гувера также в значительной степени была отмечена воздействиями кризиса мировой экономики и ухудшившейся международной позицией США. Еще до начала кризиса в июне 1929 года план Янга при активном участии США предпринял пересмотр немецких репарационных выплат. Выплаты репараций и военных долгов сорвались в результате кризиса. Мораторием, названным его именем, Гувер в июне 1931 года пытался сдержать коллапс отсрочкой всех международных правительственных долгов на один год. На деле с тех пор были надолго приостановлены выплаты репараций и военных долгов.

Гувер принципиально продолжал внешнеполитический курс своих обоих предшественников. Он также твердо придерживался неучастия в Лиге Наций и непризнания СССР. В его миропонимании в странное соединение вступили националистическое самосознание, чувство международной ответственности, вера в превосходство *«белых народов»* и желание уберечь страну от новой войны. Гувер верил в международную кооперацию без принуждения, в мирную международную систему, основанную на власти общественного мнения. У него была глубокая неприязнь к войне и разорительной гонке вооружений.

Гувер старался улучшить отношения с Латинской Америкой, разрушить недоверие к *«колоссу на севере»*, отбросить интервенционные притязания и империалистические жесты запугивания и развивать экономическое и культурное сотрудничество. Кризис перечеркнул, правда, эти намерения, однако к концу его президентства был осуществлен вывод американских войск из Никарагуа и подготовлен вывод с Гаити. В вопросе разоружения Гувер достиг на Лондонской конференции 1930 года вместе с Англией и Францией компромисса, который предусматривал верхний предел тоннажа для крейсеров,

эсминцев и подводных лодок, но существовал недолго. Широкомасштабное предложение Гувера по разоружению на Женевской конференции 1932 года, которое бы полностью запретило оружие нападения и на треть сократило бы национальные вооруженные силы, осталось в области благих намерений. На нарушение договора японцами во время «Маньчжурского кризиса» 1931–32 годов Гувер и Стимсон отреагировали 7 января 1932 года названной их именами доктриной, которая подтверждала непризнание Соединенными Штатами японских завоеваний или сделок в Китае, достигнутых насилием. Экономическими акциями против Японии, на которых настаивал Стимсон, Гувер ничего не приобрел. В сравнении с поставленными Гувером задачами его внешняя политика в кризисные годы несмотря на все усилия осталась нерезультативной. Так же мало она могла помешать дальнейшему ухудшению международной позиции страны.

Осенью 1932 года перед предстоящими выборами президента авторитет Гувера достиг низшей точки. Однако республиканцы выдвинули его, так как у них не было альтернативы для Гувера. Демократы выставили кандидатом губернатора-реформатора Нью-Йорка Франклина Д. Рузвельта. Ввиду изменившейся вследствие кризиса расстановки политических сил и неэффективности его антикризисных мероприятий Гувер потерпел на выборах тяжелое личное поражение. Конгресс теперь опять был в руках демократов. Разочарованный и одинокий Гувер покинул пост президента 4 марта 1933 года.

Герберт Гувер, несмотря на преимущественно негативный итог деятельности его администрации, принадлежит к ярким личностям в политической жизни страны того времени. Новые исследования более справедливо оценивают общие достижения Гувера, чем старые клише, которые клеймили его как доктринера, консервативного идеолога и старомодного политика и взваливали на него ответственность за катастрофический масштаб большого кризиса. Если измерять политику Гувера как президен-

та только по его провалу в экономическом кризисе, то упускается из виду, что и любой другой президент в «Великой депрессии» натолкнулся бы на границы своей власти. Не только будучи министром торговли в годы своей самой плодотворной политической деятельности, но и на посту президента Гувер проявил новаторские стороны и реформистские начала в своем политико-экономическом мышлении. Сегодня исследования не так строго, как раньше, проводят границы между скорее неформальным экономическим регулированием Гувера и обязательным экономическим регулированием согласно *«новому курсу»*. При всех существующих разногласиях по поводу отдельных сторон его политики сегодня в Гувере видят выдающегося, способного, часто дальновидного политика своего времени.

После ухода из Белого дома Гувер прожил еще 31 год, дольше, чем любой другой экс-президент. Сначала он жил в Нью-Йорке в гостинице «Уолдорф-Астория» и резко критиковал политику *«нового курса»* (Речи об американском пути), который, по его мнению, приведет или к фашизму, или к социализму. Так же непоколебимо он отвергал в период между началом мировой войны и Перл-Харбором вступление в войну на стороне Великобритании, а с июня 1941 года в качестве союзника СССР. Сброс атомных бомб на японские крупные города в конце войны возмутил его *«из-за убийства без разбора женщин и детей»*. При президенте Трумэне и Эйзенхауэре в период с 1946 по 1955 год Гувер еще раз исполнял правительственные поручения в качестве координатора американской организации продовольственной помощи для Европы и в качестве руководителя комиссии по реорганизации правительственного аппарата в Вашингтоне. Он не одобрил военное вмешательство его страны в Корею и Вьетнаме. Гувер умер 20 октября 1964 года в возрасте 90 лет в Нью-Йорке. Он был похоронен на своей родине в Вест Бранче, Айова, где с 1962 года находится библиотека имени президента Герберта Гувера.

Детлеф Юнкер

ФРАНКЛИН ДЕЛАНО РУЗВЕЛЬТ 1933–1945

Мечтатель и государственный политик

Franklin D. Roosevelt

Франклин Делано Рузвельт является самым выдающимся, мощным и результативным политиком США в XX веке. Он был президентом военного времени. Самый тяжелый экономический кризис с начала промышленной революции и до сегодняшних дней, самая крупная война

мировой истории дали ему двойной шанс для исторического величия.

В свое время современники не только безгранично уважали его, но и резко критиковали и даже ненавидели, в свете же дистанции его вес возрастает по трем причинам: во-первых, с редким единодушием историки и политологи разделяют точку зрения, что «Ф.Д.Р.» является основателем современного американского института президентов. Во-вторых: начиная с пребывания его на посту президента интервенционное государство и смешанная экономика (*mixed economy*), в которые федеральное правительство в Вашингтоне вмешивается регулируя, поправляя, планируя и управляя, принадлежат к повседневной жизни американцев. В-третьих: во внешней политике он с несгибаемой волей принял раньше, чем большинство американцев, вызов немецкого национал-социализма, японского империализма и итальянского фашизма. Когда в 1940/41 годах на карту было поставлено будущее западной цивилизации, он был последней надеждой демократов и прямой альтернативой Гитлеру. Благодаря необычному сочетанию сознания силы и призвания, крепости нервов и тактических тонкостей он воспрепятствовал тому, чтобы США изолировались в Западном полушарии. Рузвельт был великим победителем второй мировой войны, и когда он умер, США стали новой супердержавой мира.

Его планы послевоенного порядка потерпели крах. Ни Объединенные Нации, ни кооперация с Советским Союзом, ни сотрудничество четырех «полицейских мира» США, Советского Союза, Великобритании и Китая не стали определяющими факторами послевоенной политики. Также и неделимый, либерально-капиталистический мировой рынок остался иллюзией.

Франклин Делано Рузвельт родился 30 января 1882 года на солнечной стороне общества. Дом, где он родился, находился в Гайд-Парке, это было просторное поместье на реке Гудзон между Нью-Йорком и Олбани. Франклин был единственным ребенком от второго брака

его тогда 54-летнего отца Джеймса Рузвельта с Сарой, которая была на 26 лет моложе мужа и принесла приданое в один миллион долларов. Отец вел размеренную жизнь сельского дворянина из лучших новоанглийских семей голландского происхождения. Он был одновременно фермером, коммерсантом и светским человеком, который так же любил оперу и театр, как и регулярные поездки в Европу. Хотя состояние Рузвельтов не шло в сравнение с новобогатыми Вандербильтами и Рокфеллерами, их общественное положение среди ведущих семей Новой Англии было неуязвимо.

Джеймс и Сара дали своему единственному и любимому сыну соответствующее положению, бережное и одновременно богатое событиями и идеями воспитание. Естественная надежность, которую излучали родители и родительский дом, перешла на восприятие жизни сына и заложила основу его непоколебимой уверенности в себе и мире.

Эта уверенность в себе и чрезвычайная самодисциплина помогли ему, когда он в 1921 году тяжело заболел полиомиелитом. Несмотря на с большой энергией проводимые попытки в течение многих лет победить болезнь, Рузвельт остался парализованным и привязанным к инвалидной коляске. Без помощи стальных шин весом в десять фунтов он не мог стоять, только на костылях медленно и понемножку передвигался. Как бы внутренне он ни роптал на судьбу, внешне надевал безукоризненную маску, полную надежд и уверенности. Он запретил себе всякую мысль о разочарованности и жалости к себе, а своему окружению — любой сентиментальный жест.

Болезнь изменила также и его жену Элеонор и характер их брака. Рузвельт женился на Элеонор Рузвельт, дальней родственнице пятой степени родства из долины Гудзона и племяннице президента Теодора Рузвельта, в 1905 году. Первый ребенок, дочь, родилась в 1906 году, в последующие 10 лет родилось еще 5 сыновей, один из которых умер в возрасте 8 месяцев. Из первоначально робкой на публике и скромной домохозяйки и матери

шаг за шагом сформировалась «Элеонор», женщина, которой, возможно, больше всех восхищались в Соединенных Штатах в 30-е и 40-е годы. Наряду с ее многосторонней социально-политической деятельностью, ее неумолимым выступлением за равноправие женщин и профсоюзное движение, вообще за угнетенных, униженных и бедных в американском обществе, наряду с ее деятельностью в качестве учительницы, автора передовых статей, оратора и организатора она, особенно с 1922 по 1928 годы, стала заместителем Рузвельта и контактным лицом с демократической партией. Брак превратился в политическое рабочее содружество, в котором руководимая христианско-социальными убеждениями Элеонор воплощала *«левую совесть»* Рузвельта и в котором с течением лет возрастал ее собственный авторитет, но она по убеждению всегда признавала политическое первенство своего мужа. Для Элеонор эта смена роли означала одновременно бегство от внутреннего одиночества. Потому что афера Рузвельта в первую мировую войну с Люси Мерсер, привлекательной секретаршей Элеонор, вызвала трещину в их браке, никогда более не склеенную. С вступлением на пост президента в 1933 году Элеонор была вынуждена оставить надежду на то, что ее муж выделит для нее место в своей жизни, которого она так желала: место равноправной доверенной и партнерши, разделявшей самые глубокие надежды и разочарования. Блистательный, остроумный и очаровательный Рузвельт, который еще до своего президентства как магнит притягивал мужчин и женщин, использовал их для своих политических амбиций и ожидал от них абсолютной лояльности, никому не открывая своих сокровенных чувств, даже своей жене.

После посещения одной из самых изысканных частных школ страны в Гротоне Рузвельт с 1900 по 1904 годы учился в колледже Гарварда, а потом с 1904 по 1907 годы был студентом правоведения в университете Колумбии.

Он отказался от академического завершения учебы, сдал экзамен нью-йоркской палате адвокатов и поступил

на службу в знаменитую нью-йоркскую адвокатскую контору в качестве умеренно оплачиваемого стажера. Так как он не испытывал никакой тяги вникать в детали экономического права и права картелей и уже имел финансовое обеспечение и социальное признание, то единственным объектом его ярко выраженного честолюбия стала политика. К тому же был еще пример Теодора Рузвельта, которого Франклин и Элеонор много раз посещали в Белом доме. Без всякой иронии в ходе беседы Рузвельт разработал четкий график движения наверх: в благоприятный для демократической партии год выборов он хотел попытаться стать депутатом парламента в штате Нью-Йорк, потом его карьера должна следовать по пути Теодора Рузвельта: государственный секретарь в министерстве военно-морского флота, губернатор штата Нью-Йорк, президент.

По этому образцу его карьера и развивалась. В ноябре 1910 года он стал секретарем штата Нью-Йорк, в парламенте которого связал свою судьбу с «прогрессивными» демократами. В марте 1913 года был назначен государственным секретарем министерства военно-морского флота, должность, обязанности которой он с восторгом исполнял семь лет. В 1920 году демократическая партия назначила его даже кандидатом на пост вице-президента. Год спустя после поражения демократов на президентских выборах и после его заболевания полиомиелитом он связал надежду на окончательное выздоровление с планом возвращения в политику. В 1928 и 1930 годах Рузвельт стал губернатором штата Нью-Йорк, 8 ноября 1932 года после ожесточенной предвыборной борьбы против находящегося в должности президента Герберта Гувера он был избран президентом США.

«Эта предвыборная борьба больше, чем борьба между двумя мужчинами. Это больше, чем борьба между двумя партиями. Это борьба между двумя точками зрения на цель и задачи правительства». Это предвыборное высказывание президента Гувера могло бы слово в слово принадлежать Рузвельту, так как по смыслу он утверждал

то же самое в ходе своей предвыборной борьбы. В страстной полемике о причинах и о преодолении экономического кризиса, с которым явно не справилось правительство Гувера, вопрос о том, имеет ли федеральное правительство во главе с президентом право и обязанность, и в какой степени, вмешиваться для регулирования и наведения порядка в экономику США с целью устранения кризиса и нужды, являлся решающей противоположностью между обоими кандидатами. Вопрос касался ядра американского самопонимания. Глубокий и пожизненный антагонизм между Рузвельтом и Гувером основывался на их несовместимых взглядах на функцию правительства.

В то время как Гувер взывал к классическим американским добродетелям индивидуализма и добровольности и предостерегал от тиранства государства, Рузвельт агитировал за самую радикальную государственно-интервенционистскую программу планирования, которая до тех пор еще не формулировалась в мирное время кандидатом в президенты. Уже весной 1930 года он написал: «Для меня не подлежит сомнению то, что страна должна быть довольно радикальной, по крайней мере для одного поколения. История учит, что нации, у которых это время от времени происходит, избавлены от революций». Он понимал себя как хранителя и новатора, как сторонника традиций и прогресса одновременно. Никогда не собиравшись подвергать сомнению такие основы американской системы, как частная собственность, мотивация прибыли, региональное и функциональное разделение власти, свобода прессы и свобода вероисповедания. Несмотря на резкие выпады против корыстолюбцев на вершине социальной пирамиды, он не был идеологом классовой борьбы. Это бы глубоко противоречило его основному убеждению, что президент является защитником общественных интересов. Он, конечно, не был марксистом или социалистом, как утверждал Гувер на заключительной фазе предвыборной борьбы. Так же мало хотел быть классифицированным как капиталист. На

вопрос о его политических убеждениях мог с обезоруживающей простотой сказать, что он христианин и демократ. Но если американская система не может сделать то, что, по мнению Рузвельта, она должна делать, а именно, служить общему благу и обеспечить каждого американца приличным пропитанием, то тогда должно вмешиваться правительство. Этого требуют здравый смысл и человеческая порядочность. Глубоко неамериканская правительственная философия Гувера распространяет только сомнения, безнадежность и страх среди миллионов людей, которые без денег, власти и социального статуса прозябают у фундамента социальной пирамиды. Рузвельт же обещал в предвыборной борьбе *«новый курс»* и подразумевал под этим понятием из лексикона игроков в карты, что США стоят перед новым началом.

Тяжесть кризиса и убеждения Рузвельта привели к тому, что произошел количественный и качественный скачок в значении института президентов. В более широком масштабе, чем даже при Теодоре Рузвельте и Вудро Вильсоне, Белый дом стал энергетическим центром всей американской правительственной системы, источником новых идей, движущей силой торговли, двигателем социального преобразования и тем самым, по представлению Рузвельта, воплощением всеобщего блага. Для массы американского населения федеральное правительство и президент в первый раз стали узнаваемой составной частью их повседневной жизни, центром их ожиданий и надежд.

Образование современного американского института президентов объясняется тем, что Рузвельт последовательно вывел всю страну из мирового экономического кризиса и из величайшей в истории войны. В определенном смысле США постоянно воевали эти двенадцать лет, сначала с экономической нуждой, потом с внешними врагами. Двойное чрезвычайное положение стало часом исполнительной власти. Примечательно, что при преодолении экономического бедственного положения метафора *«война»* играла первостепенную роль.

«Рузвельт вел дело» до границ возможного, которые американская конституционная система устанавливает даже сильному президенту. Он был артист в политике власти. Как ни один президент до него, он вырвал у Конгресса законодательную инициативу и в этом смысле расширил законодательную функцию института президентов. Рузвельт побил все рекорды использования власти вето, в общей сложности он наложил вето 635 раз. Он обхаживал и уговаривал решающих депутатов и сенаторов в личных разговорах, использовал возможность должностного покровительства и, если было необходимо, оказывал давление на Конгресс с помощью общественного мнения. Рузвельт сконцентрировал ожидания общественности на институте президентов, потому что умел оба средства массовой информации того времени, прессу и радио, несравненным образом использовать как инструменты своей политики. Рузвельт был первым президентом средств информации. Он господствовал в крупных газетных заголовках, не в последнюю очередь вследствие своей суверенной политики «открытых дверей» по отношению к работающим в Вашингтоне журналистам. Из года в год парализованный ниже пояса президент собирал дважды в неделю вокруг своего письменного стола до 200 журналистов. Они могли задать ему любой вопрос без предварительной письменной заявки. Эти конференции были шедеврами умения обходиться со свободной прессой. По значимости их сравнивали с часом вопросов и ответов в британской палате общин. Тайна успеха его непринужденных бесед у камина (fire-side chats) по радио, которые завоевали миллионную публику, заключалась в том, что этот диалог с народом не был для Рузвельта манипуляционной уловкой, а касался сути его понимания демократии.

Смещение центра тяжести политики на исполнительную власть проявлялось также на кадровом и институциональном уровнях. Особенно между 1933 и 1935 годами, а потом снова с 1939 все новые учреждения, ведомства, комитеты, комиссии вырастали как грибы, находились в

постоянном преобразовании, роспуске и реорганизации, нередко пересекались и могли довести до отчаяния приверженцев четко разграниченных компетенций и упорядоченного пути по инстанциям. Во время пребывания Рузвельта на посту президента удвоился и даже утроился персонал исполнительных органов: в 1933 году в федеральном правительстве было занято ровно 600 000 человек, а в 1939 году, перед началом европейской войны, около 920 000 человек. Когда японцы напали на Перл-Харбор, число увеличилось до более чем 1,5 миллиона, чтобы потом в результате войны еще раз резко возрасти. Ни при одном из его последователей число не опускалось ниже 2 миллионов.

Наконец, реорганизация и кадровое расширение службы президента сами предположительно принадлежали к имеющим большие последствия воздействиям мирового экономического кризиса на политическую систему США. После 1933 года Рузвельт быстро понял, что его бюро институционно не справляется с огромными задачами и требованиями. Он назначил комитет, знаменитый комитет Браунлоу. Этот комитет в 1937 году пришел к выводу: *«Президенту нужна помощь»*. Он предложил создание исполнительной службы президента, под крышей которого и служба Белого дома должна быть укомплектована компетентными, энергичными сотрудниками, которые должны отличаться только одним: *«страстью к анонимности»*. После ожесточенного политического перетягивания каната Конгресс в 1939 году издал закон о реорганизации института президента, который Рузвельт превратил в жизнь президентским распоряжением № 8248.

Благодаря этому президент получил самостоятельную бюрократию, которая дала ему возможность конкурировать с также значительно возросшим бюрократическим аппаратом Конгресса. Одновременно эта реформа таила в себе возможность злоупотребления, искушение собрать в Белом доме силовую элиту, недостаточно контролируемую Конгрессом и общественностью, и основать, таким образом, *«имперское президентство»*.

Постоянные новообразования и переименование инстанций принесли Рузвельту славу плохого администратора. И до известной степени это правильно, но в этом процессе таился метод. Рузвельт делал ставку на спонтанность, мощную инициативу, импровизацию, желание экспериментировать, конкуренцию и соперничество как движущую силу *«нового курса»*, а позже и военной экономики. Расщепление власти ниже уровня президента соответствовало технике *«разделяй и властвуй»*, которой он виртуозно владел.

Он сохранял свою свободу принятия решений и последнюю ответственность только благодаря тому, что в деловом, кадровом и институциональном отношении оставлял открытыми альтернативы, всегда использовал много информационных каналов, никому не предоставлял монополии на доступ к президенту и принуждал спорящих министров и советников ко все новым компромиссам. За вполне оправданными жалобами политиков из окружения Рузвельта на его неортодоксальные и непредсказуемые обычаи получения информации и принятия решений часто скрывалось также уязвленное тщеславие.

Преобразование института президентов и усиление вашингтонской бюрократии были одновременно предпосылкой и следствием государственно-интервенционистской политики *«нового курса»*, цели, сферы, и противоречия которой в грубых чертах проявились уже в предвыборной борьбе. Согласно пониманию Рузвельтом власти как объединения заинтересованных лиц, политика следовать *«диагонали»*, которая будет пытаться помочь всем группам и привлечь все сферы экономики. Рузвельт обещал краткосрочную помощь в кризисе, оздоровление экономики и долгосрочные реформы, которые должны были сделать невозможным повторение беспримерной катастрофы. Законодательство *«нового курса»* отражало эти цели в различных смесях, нередко пытались одним мероприятием одновременно осуществить две, а то и три цели.

Рузвельт вступил на национальную сцену 4 марта 1933 года как исцелитель и покинул ее только после трехкратного переизбрания в 1936, 1940 и 1944 году вместе со своей смертью 12 апреля 1945 года. Даже не принимая во внимание ставшие знаменитыми 100 первых дней его президентства, в которые Вашингтон чуть не взорвался от активности и Конгресс большинство законопроектов одобрил в рекордном темпе, Рузвельту, несмотря на некоторые неудачи, вопреки растущей оппозиции слева и справа, почти всегда принадлежала инициатива.

Когда Рузвельт вступил на пост, США находились в небывалом кризисе. В феврале 1933 года всему банковскому делу грозил крах, и было несколько случаев голодной смерти в стране, страдающей от избытка продуктов питания. Одной из областей, куда сразу после вступления на пост вмешалось правительство Рузвельта, объявив четырехдневные *«банковские каникулы»*, была система денежного и кредитного обращения США. Все мероприятия в этой области служили трем целям: радикальная реформа довольно хаотического банковского дела, надзор и контроль торговли ценными бумагами и, что особенно важно было на начальной фазе, создание законных основ для инфляционной политики государства, чтобы преодолеть дефляцию посредством новой денежной эмиссии.

Наряду с открытием банков Рузвельт, если он хотел вернуть доверие населения к правительству, должен был срочно приступить к неотложной социальной проблеме — огромной безработице. Нельзя было ждать, пока реформа законодательства принесет ожидаемые экономические плоды. Средствами временного улучшения были прямые выплаты пособий социального обеспечения союза отдельным штатам и общинам, но прежде всего широкая государственная программа трудоустройства, которая началась в марте 1933 года как временная вынужденная мера и закончилась, вопреки первоначальным планам, только с вступлением США во вторую мировую войну.

Как бы запутана ни была внешняя картина сменяющихся и дополняющих друг друга программ и организаций, как бы ни соперничали друг с другом интенсифицирующие капитал и труд проекты, основная идея Рузвельта была проста: он хотел убрать с улицы тех трудоспособных безработных, которые не нашли рабочего места в частном хозяйстве, уберечь их от обнищания и отчаяния и вернуть чувство самооценности посредством уверенности, что они заработают свое пропитание, сознательно трудясь для общего блага. Если прибавить к этому членов семьи, то 25—30 миллионов человек получают пользу от, хотя и скромных, зарплат за государственную работу. Администрация под руководством доверенного лица Рузвельта Гарри Хопкинса построила 122 000 общественных зданий, 664 000 миль новых дорог, 77 000 мостов и 285 аэропортов. Работу получили даже учителя, художники и писатели, чем Рузвельт завоевал формирующую общественное мнение прослойку для «нового курса».

К самым глубоким вмешательствам государства в рыночную экономику относятся вспомогательные мероприятия в сельском хозяйстве, которое бесспорно являлось наиболее пострадавшей отраслью экономики. Опираясь на срочно изданные Конгрессом законы, правительство Рузвельта предприняло широкую попытку регулировать производство и цену. Проклятие перепроизводства подталкивало также к вмешательству в промышленный сектор. С федеральным законом о восстановлении промышленности связывалась надежда посредством своего рода кооперативной саморегуляции под нестрогим надзором и при содействии правительства заменить «разрушающую конкуренцию» «честной конкуренцией». Правительство, предприниматели и рабочий класс должны были добровольно сотрудничать, чтобы стабилизировать производство, цены и зарплаты.

Рабочий класс в этой концентрированной акции впервые в истории США получил как вознаграждение право свободной, стоящей над предприятием организации и право вести коллективные переговоры по тарифам. Да-

лее были согласованы максимальный рабочий день и самые низкие зарплаты, полностью был запрещен труд детей до 16 лет.

Решающий шаг союза на пути к социальному государству был отмечен законом о социальном обеспечении 1935 года, который ввел страхование безработных и пенсию по старости. Но начала социального обеспечения были чрезвычайно скромными. Почти половина американцев была еще лишена возможности пользоваться и без того незначительными выплатами. Не было введено страхование на случай болезни. Законодательство *«нового курса»*, однако, и сегодня еще определяет двойную структуру федерально-государственной социальной политики. Оба основных принципа социального государства, финансируемое за счет взносов социальное страхование и финансируемая из налогов социальная помощь или социальное обеспечение уходят корнями в 30-е годы.

До сих пор является спорным вопрос, насколько успешен был *«новый курс»*. Правда, что *«новый курс»* смог смягчить, но не устранить безработицу и нужду, а социально-политические законы не пошли дальше скромных начал. Только война принесла полную занятость и побивающее все рекорды производство. Неорганизованные группы населения и социально деклассированные меньшинства, а также черные, остались на краю *«нового курса»*, неодинаковая структура возможностей и дохода изменилась незначительно, монополии и концерны потяжили во влиянии, но не в размере. Никто не знал границ *«нового курса»* лучше, чем сам Рузвельт, ведь он на свой второй срок провозгласил борьбу против нищеты низшей трети нации. То, чего он не достиг, зависело не от него, а от непреодолимых барьеров, которые политико-экономическая система США ставила даже перед сильными президентами. Его оба тяжелых внутривнутриполитических поражения, попытка реорганизации Верховного суда, который оказывал сопротивление централизующим тенденциям *«нового курса»*, и исключение консервативной оппозиции в собственной партии после выдающейся победы на

выборах 1936 года являются яркими тому примерами. Обе попытки, которые, по мнению Рузвельта, должны были обеспечить и продвинуть вперед *«новый курс»*, не удались, потому что он переоценил возможности и власть президента.

Решающим было то, что Рузвельт дал новую надежду упавшей духом, неуверенной в себе и не имеющей направления нации. Единственное, чего должна была бояться нация, как он провозгласил при введении в должность, так это самого страха.

Взаимозависимость, понимаемая как взаимная зависимость всех слоев американского народа, была центральным понятием внутриполитического мышления, взаимозависимость, понимаемая как взаимная зависимость всех государств мира, была центральным понятием внешнеполитического мышления Рузвельта. США не должны изолировать себя от остального мира, потому что будущая безопасность и общее благо страны неразрывно связаны с судьбой Европы и Азии. Правда, чтобы быть избранным и не потерять внутриполитическую поддержку для *«нового курса»*, Рузвельт был выпущен в 30-е годы пойти на уступки преобладающему изоляционистскому настроению в США, которое при любых обстоятельствах хотело уберечь Америку от новой войны в Европе и Азии. Но ограничение изоляции национальными интересами в Западном полушарии и половиной Тихого океана он не разделял никогда. Его интернационалистическое миропонимание привело его в силу экспансивной внешней политики Германии, Италии и Японии в 1941 году к дилемме, от которой он освободился только благодаря нападению японцев на Перл-Харбор и объявлению Гитлером войны США.

В 30-е года в США росло опасение, что, возможно, предполагаемый *«троянский конь»* НСРПГ в США, *«Союз друзей новой Германии»*, будет угрожать внутренней безопасности США. Одновременно росло опасение, что внешняя политика *«Третьего рейха»* представляет угрозу для мира на земле. Это двойное опасение

привело не к превентивной интервенционистской политике в Европе, а, напротив, к усилению изоляционистского настроения американского народа ввиду этих сигналов опасности еще решительнее изолироваться от Европы. Традиционные внешнеполитические рецепты, предполагаемые выводы из неудавшегося «крестового похода» 1917–18 годов и узкое понимание национальных интересов США были важнейшими детерминантами американской внешней политики до начала европейской войны в 1939 году. То, чего Гитлер в 1940 году напрасно пытался добиться Пактом трех держав, нападением на Советский Союз в 1941 году и союзничеством с Японией, а именно, держать Америку подальше от Европы и отпугнуть назад в Западное полушарие, американский Конгресс сделал сам, издав закон о нейтралитете. Международно-политическая ситуация стала развиваться в обратном направлении. В то время, как в Европе и Азии возрастали агрессия и экспансия, Конгресс законами о нейтралитете от 1935 и 1937 годов пополнял реестр внешнеполитических мероприятий, запрещенных для правительства Рузвельта на период войны и кризиса. На уровне официальной внешней политики, поддерживаемой Конгрессом, законодательством и общественным мнением, Рузвельт был в начале европейской войны в 1939 году невооруженным пророком, бесконечно малой величиной, и как к таковому к нему соответственно относился Гитлер.

Рузвельт слишком хорошо знал, что завоеует себе свободу действий и возможность действия в мировой политике в той степени, насколько ему удастся изменить «ощущение угрозы», представления американского народа о потенциале угрозы национал-социалистической Германии и для Соединенных Штатов. Он должен был объяснить и продемонстрировать американскому народу, что ограничение национальных интересов Западным полушарием, изоляция себя в крепости «Америка» и предоставление событий в Евразии их собственному течению является для США опасной иллюзией. Готовность — промышленная, экономическая и психологическая подготовка к воз-

можной войне — была до 1941 года превалирующей целью его внешней политики. В этом смысле внешняя политика в значительной степени была и внутренней.

Методически и в институционном смысле Рузвельт действовал чрезвычайно искусно. Чтобы не попасть под подозрение в распространении своего мировоззрения с помощью правительственной пропаганды, что только усилило бы обвинение ненавистников Рузвельта в желании сделать себя «диктатором Америки», он сделал ставку, как и в годы «нового курса», на неформальную, однако чрезвычайно эффективную стратегию. В Белом доме, в многочисленных министерствах и учреждениях были созданы так называемые «информационные отделы», которые якобы имели лишь одну цель — информировать американский народ о международном положении. После случая с Францией в 1940 году с правительством скооперировались Голливуд, большое количество студий документальных фильмов и хроник, радиостанции, газеты и журналы, чтобы заставить изоляционистов и нон-интервенционистов перейти к обороне. В этой воспитательной кампании Рузвельт разработал свое интернационалистическое видение мира, основные взгляды на будущую роль США в мире. И на этом фундаментальном уровне Рузвельт был чрезвычайно постоянен, он не был ни утешителем, ни жонглером, ни оппортунистом, ни аферистом, который, обещая не вступать в войну, лишь затягивал в нее США, — все это было только на тактическом уровне. Во внутривнутриполитическом конфликте с изоляционистами он развернул диалектику глобализма США в его обоих компонентах: предостережение от мирового господства врага и глобальное определение национальных интересов США, а именно, в отношении содержания и радиуса действия национального интереса.

Он разделял точку зрения Томаса Джефферсона, Теодора Рузвельта и морского стратега Альфреда Тайера Мэхена, что равновесие сил на Европейском континенте является жизненным интересом для США. Вместе с Вудро Вильсоном он верил в идеал «такого мира», в кото-

ром самоопределение нации и принципы коллективной безопасности должны гарантировать мир. Со своим министром иностранных дел Корделлом Халлом он разделял убеждения, что только свободная мировая экономика может производить товары и услуги, которые необходимы, чтобы надолго сохранять мир во всем мире. Гитлер и «Третий рейх» явно угрожали всему одновременно: равновесию сил в Европе, миру во всем мире и свободной мировой экономике. Поэтому Рузвельт сформировал свои предостережения, свой глобализм как тройное предупреждение будущего.

С каждым военным успехом агрессоров в Европе и в Азии, по мнению президента и его сторонников, приближалось будущее, осуществление которого означало бы катастрофу для американской экономики: победа Гитлера и Муссолини в Европе, Японии на Дальнем Востоке принудят оба региона к системе почти независимого от импорта планового хозяйства, что означало бы конец либерального, неделимого мирового рынка и серьезную угрозу американской экономической и социальной системе. Если США и их союзники потеряют контроль над мировым океаном, по Рузвельту, то он может быть использован державами «оси» для нападения на Западное полушарие. Но контроль морей не может осуществляться только флотом США, он возможен лишь в том случае, если в Европе и Азии не будут господствовать державы «оси» и можно будет располагать судостроительными мощностями двух континентов. Францию, Британскую империю и Китай, а с середины 1941 года и Советский Союз нужно поддерживать, потому что они косвенно защищают и США.

К тому же приближающаяся война имела для Рузвельта еще до массового уничтожения моральный масштаб. Она была для него крестовым походом на защиту свободы от агрессоров и диктаторов. Почти навязчиво повторяя, Рузвельт постоянно объяснял: право народов на свободное самоопределение и долг государств подчиняться в международной политике принципам междуна-

родного права неразделимы. Насилие и агрессия как средство изменения status quo являются незаконными. Еще до 1941 года он толковал войну как эпохальную борьбу за будущий образ мира между агрессорами и мирными нациями, между либеральной демократией и варварством, между гражданами и преступниками, между добром и злом. Для Рузвельта не могло быть никакого мира с агрессорами. Самой худшей возможностью, с его точки зрения, был «супер-Мюнхен» в Европе и Азии, который развязал бы руки Гитлеру для его расовой империи в Европе, а японцам для их империи в Восточной Азии. В то время как он с учетом общественного мнения и Конгресса до осени 1941 года придерживался фикции, что меры помощи, оказываемые США своим союзникам, должны уберечь саму страну от войны, Рузвельт еще до Перл-Харбора знал, что США должны вступить в нее. Однако утверждение, что он был заранее информирован о нападении японцев на тихоокеанский флот и сознательно не предпринял никаких мер, относится к области легенд.

С вступлением США в войну перед 61-летним Рузвельтом встали задачи, которые подтачивали его силы так, что с 1944 года каждому было видно физическое разрушение. К тому же относились еще переход на военную экономику, военные и союзно-политические проблемы «большой коалиции» против держав «оси» и Японии, новая дипломатия конференций в войне, самоотверженно выполняемая Рузвельтом роль главнокомандующего всеми американскими вооруженными силами, с 1943 года проблемы отношений с вражескими государствами после ожидаемой победы, которые он долго пытался откладывать и, наконец, большой вопрос, как после этой второй мировой войны создать длительный мирный порядок. Все эти задачи Рузвельт вынужден был решать, постоянно оправдываясь перед обществом, которое президенту не предоставило свободу действий даже в войне, но при этом оставило существовать институты критики. Общественное мнение, Конгресс, партийно-политические противоречия между демократами и республиканцами, наконец,

выборы президента 1944 года остались и во время войны факторами, которые Рузвельт должен был учитывать в слове и деле. В этом отношении он был зависимее, чем Уинстон Черчилль, не говоря уже о Сталине и Гитлере.

Наряду с многообразием проблем проявлялись еще их глобальные масштабы. Во время войны с большей силой действовало то, что Рузвельт сформировал еще в 1941 году: задачи американской внешней политики так огромны и переплетены друг с другом, что каждая попытка только представить их принуждает его думать о двух континентах и семи морях. В мировой войне Соединенные Штаты, как и предсказывал Рузвельт, стали *«арсеналом демократии»*. В 1943 и 1944 годах страна производила 40% всех военных товаров мира. Как главные враги Германия, Япония и Италия, так и главные союзники Англия и Британская империя, Советский Союз и Китай вынуждали Рузвельта мыслить глобальными масштабами. Важнейшие решения в Европе принимались с учетом Азии, и наоборот. Гитлеровская Германия была главным врагом номер один, однако, начиная с наметившегося поражения, играла менее значительную роль в планах президента на будущее.

За два дня до Перл-Харбора Рузвельт закончил беседу у камина полной надежд фразой: «Мы выиграем войну, и мы выиграем мир». Но во время войны для него вторая цель подчинялась первой. Внешняя политика Рузвельта в войне являлась, в первую очередь, политикой для ее успешного завершения. Высшая военная и политическая цели были идентичны, а именно — уничтожение врага, хотя президент очень серьезно относился к принципам для будущего мира, которые он провозгласил еще в январе 1940 года в обращении к Конгрессу и уточнил в августе 1941 года на встрече с английским премьер-министром Уинстоном Черчиллем у побережья Ньюфаундленда в Атлантической хартии. Из этого для Рузвельта следовали как основные принципы действий — обязать своих партнеров по союзу перед общественностью к исполнению этих общих принципов и воспрепятство-

вать тому, чтобы возможные политические конфликты по конкретным вопросам послевоенного порядка, как, например, о границах и репарациях, не взорвали большую англосаксонскую-советско-китайскую коалицию. В случае конфликта следовало сослаться на эти общие принципы, заключить компромиссы или отложить спорные решения до победы.

Политике Рузвельта по отношению к Советскому Союзу, часто критикуемой после 1945 года, не было альтернативы. Ему нужен был Советский Союз, потому что Рузвельт должен был вести и выиграть американскую войну, т. е. с беспримерным применением техники и относительно незначительными жертвами. США нужны были русские солдаты, чтобы победить немецкие и японские войска. За каждого американца, погибшего в войне, умерло 15 немцев, 53 русских. Уже в 1942 году Рузвельт знал, *«что русская армия убьет больше людей держав «оси» и уничтожит больше военной техники, чем все 25 объединенных наций вместе»*. Из этого вытекал неизбежный вывод, что мощь и влияние Советского Союза после совместной победы будет несравнимо больше, чем в 1939 году. Никто не мог помешать тому, чтобы победа во второй мировой войне сделала из Советского Союза евроазиатскую мировую державу, и, как следствие, после самой убийственной войны в истории мир будет зависеть от сотрудничества с Советским Союзом. От этой логики власти нельзя было уйти, что Рузвельт и Черчилль понимали со всей ясностью. Но в начале этой причинной цепочки стоял Гитлер.

Иллюзия Рузвельта заключалась в вере в то, что при всех признаниях потребностей Советского Союза в безопасности можно достичь сотрудничества с Атлантической хартией на американских условиях. Он не понимал, что имперско-гегемонистская потребность Советского Союза в безопасности не шла в Восточной и Южной Европе так далеко, чтобы посягать на международно-правовую независимость этих государств и присоединить их к союзу государств СССР, что она была с самого начала

нацелена на то, чтобы сломить самостоятельную волю этих государств посредством трансформации в «антифашистские демократии нового типа», в «народные демократии», которые, по советскому мнению, представляли собой промежуточную ступень на пути к диктатуре пролетариата.

Источники не дают ответа на вопрос, продолжал ли скептически настроенный Рузвельт в последние месяцы перед своей смертью надеяться, вопреки всем ожиданиям, или он, учитывая общественное мнение своей страны после конференции в Ялте (4–11 февраля 1945 года), только делал вид, что верит в общность целей союзников, чтобы не подвергнуть угрозе вступление США в Объединенные Нации.

Объективно, однако, сразу же после его смерти, наступившей вследствие кровоизлияния в мозг 12 апреля 1945 года, распалось все, что Рузвельт хотел одновременно осуществить: политическое сотрудничество с Советским Союзом и американское видение лучшего мира. Он также не мог совместить реалистичные и идеалистические компоненты американской внешней политики, власть и воображение. Можно было бы говорить о трагизме, если бы эти категории глубоко не противоречили непоколебимому оптимизму и здоровой вере Рузвельта в прогресс Нового мира.

Германн-Йозеф Рупинер

ГАРРИ С. ТРУМЭН 1945–1953

*Непопулярный творец
послевоенного мира*

A handwritten signature of Harry S. Truman in dark ink. The signature is stylized and cursive, appearing to read 'Harry S. Truman'.

Гарри С. Трумэн, человек из Миссури, был чрезвычайно непопулярным президентом. В декабре 1951 года только 23% американцев положительно оценили его деятельность. Даже Ричард Никсон на самой низкой точке Уотергейтского скандала с 24% имел более высокий показатель. Когда президент в 1953 году покинул свой пост,

только 31% населения были согласны с его правлением, в то время как 56% отвергали его. Противоположность этим цифрам является оценка Трумэна историками и общественностью после его смерти. Опрос мнения среди историков в 1982 году отвел ему восьмое место в списке американских президентов. В опросе Гэллага в 1980 году он занимал даже 3 место после Джона Кеннеди и Франклина Д. Рузвельта. Нелюбимый, непопулярный президент возвысился таким образом после смерти до американского народного героя. Если о президентстве Трумэна имеется очень много исследований, то годы его вступления в должность президента в Вашингтоне, когда он был сенатором в Миссури, исследованы значительно хуже.

Гарри Трумэн родился 8 мая 1884 года в семье мелко-го фермера. В 1890 году его отец Джон Эндерсон Трумэн поселился в Индепенденсе, Миссури, где Гарри окончил школу. Он не получил шанса посещать колледж, так как его отец все потерял на спекуляциях на зерновой бирже и был вынужден продать дом в Индепенденсе и переехать в Канзас-Сити, где нашел работу на элеваторе. Трумэн вместе со своим братом решил избрать деятельность банковского служащего. С 1906 по 1907 год вместе со своим отцом и братом работал на ферме бабушки. Когда отец умер в 1914 году, Трумэн взял на себя руководство предприятием и явно добился успеха. В отличие от других фермеров этого региона Трумэн ввел севооборот и начал разводить крупный рогатый скот. Вместе со своим партнером он одновременно инвестировал цинковые и свинцовые рудники в Оклахоме и участвовал в нефтяных скважинах, которые, однако, оказались небогатыми. В это время в нем проснулся интерес к политике. Он приветствовал избрание Вудро Вильсона президентом США, вступил в национальную гвардию и воевал во время мировой войны под командованием генерала Першинга на фронте во Франции. В апреле 1919 года уволился из армии в чине капитана, женился на Элизабет Уоллес Ферман, своей юношеской любви из Индепенденса, которая всегда держалась на заднем пла-

не и позже почти не участвовала в общественной жизни в Вашингтоне, но которую Трумэн всегда информировал о важных политических решениях. Вместе со своим партнером Трумэн открыл на своей родине магазин мужского платья. Экономический спад 1921–22 годов привел к закрытию магазина. После этого осталось 25 000 долларов долга, которые Трумэн должен был выплатить в последующее десятилетие.

После краха коммерческого предприятия Трумэн воспользовался возможностью быть избранным чиновником управления. Трумэн был ужасно плохим оратором, но у него было и много преимуществ: он являлся сторонником демократов, мощнейшей партии Юга, его знали в избирательном округе и его поддерживали бывшие сослуживцы по полку. Его главная деятельность как *«председательствующего судьи»* в округе Джексон охватывала ответственность за содержание дорог округа, отвод сточных вод и управление домом для престарелых и нуждающихся в посторонней помощи граждан. В тесном сотрудничестве (а возможно, в зависимости) с местным партийным руководством демократов под предводительством Тома Пендергеста ему удалось создать современное управление округом. Таким образом Трумэн вошел в тесный контакт с покровительственной системой американских партий того времени. Когда подошла к концу его деятельность в штате Джексон в 1934 году, США находились как раз в середине мирового экономического кризиса. Сначала показалось, что Трумэну нужно вернуться назад на ферму. В силу многих счастливых обстоятельств и конфликтов в демократической партии ему, однако, удалось выдвинуться сенатором на выборы 1934 года.

В возрасте 50 лет Трумэн сенатором штата Миссури приехал в Вашингтон. У него не было опыта в федеральной политике, но как *«председательствующий судья»* крупного округа он видел, что может сделать федеральное правительство для нуждающегося населения в период депрессии. Первая встреча с президентом Рузвельтом

прошла успешно, и Трумэн оказался убежденным сторонником «нового курса». Он с головой окунулся в работу, и ему повезло с назначением в один из комитетов. Так, например, он участвовал в формулировании закона о регулировании воздушного сообщения, сделал себе имя при преследовании нелегальных махинаций среди менеджеров на железной дороге и вместе с Бертом Уилером из Виргинии подготовил закон о транспорте от 1940 года. После его переизбрания с небольшим преимуществом в 1940 году он возглавил чрезвычайный комитет по исследованию программы вооружения федерального правительства. Благодаря этой деятельности, которая после японского нападения на Перл-Харбор приобрела большое значение, Трумэн добился все-таки национальной известности, открывшей ему в 1944 году дорогу к посту вице-президента. Комитет Трумэна, как он вскоре стал называться, контролировал американскую военную деятельность, осуществлял конструктивную, не вызывающую сенсаций критику и вскоре был принят различными политическими группировками и институтами. Председатель открыто высказывался по внешнеполитическим вопросам и выступал за американское участие в международных организациях после окончания войны, что в частично изоляционистской стране вовсе не было само собой разумеющимся.

Основной причиной подъема Трумэна на пост вице-президента было то, что демократическое партийное руководство решительно высказывалось против повторного избрания вице-президента Генри Уоллеса, которого рассматривали как приверженца левого крыла и мечтателя, не имеющего никакого влияния на сенат. Вице-президентство Трумэна после победы демократов с относительно небольшим преимуществом в ноябре 1944 года проходило без сенсаций. Он не принимал участия в военных конференциях и его не информировали о проекте Манхеттен, создании атомной бомбы.

Когда Трумэн после смерти Рузвельта 12 апреля 1945 года вступил в должность президента, то столкнул-

ся с драматической ситуацией. Война в Европе шла к концу. Советско-американские отношения на последней конференции значительно ухудшились. Начались конфликты по развитию Восточной Европы и по системе передачи займы или в аренду, которую Трумэн закончил за несколько дней до немецкой капитуляции. С другой стороны, Трумэн продолжал важнейшие политические и экономические проекты администрации Рузвельта: создание и построение Объединенных Наций, Всемирного банка и Международного валютного фонда.

Трумэн был заинтересован в хороших отношениях со Сталиным и одновременно, как и Рузвельт, имел проблемы с политикой британского премьер-министра Уинстона Черчилля. О своей первой встрече со Сталиным на Потсдамской конференции он положительно высказался в своем дневнике. После избрания британским премьер-министром Клемента Эттли, которого он считал слабым человеком, Трумэн начал ценить его предшественника, в то время как его положительное отношение к Сталину быстро уменьшилось. Он был рассержен советско-польской договоренностью относительно линии Одер — Нейсе. Коммунистическую систему считал полицейским государством, которое было ничуть не лучше, чем Германия Гитлера или Италия Муссолини. Когда он находился на борту крейсера «Аугуста» на обратном пути в США, то получил 6 августа сообщение о взрыве первой атомной бомбы в Хиросиме. Трумэн информировал Сталина еще 24 июля о новом оружии, не говоря четко, что речь идет об атомной бомбе. Ему было ясно, что этим война против Японии будет значительно сокращена, возможно, закончится раньше, чем русские осуществят свое объявление выступить против Японии. В своем Потсдамском дневнике президент писал: «Мы разработали самое ужасное оружие в истории человечества... Это оружие будет применено против Японии... так, чтобы военные объекты, солдаты и моряки были целями, а не женщины и дети. Даже если японцы дикие — беспощадны, жестоки и фанатичны, то мы как руководители мира для общего бла-

га не можем сбросить эту ужасную бомбу ни на старую, ни на новую столицу».

Впоследствии сброс бомбы на Хиросиму и Нагасаки часто критиковали. Возможно, было бы лучше предупредить японцев, провести пробный сброс или, по крайней мере, между двумя применениями оставить больше времени. Но эти аргументы не учитывают того, что в распоряжении было только две атомные боеголовки, испытания могли не удалиться, а бомба создавалась, чтобы ее использовать. Возможно, на Трумэна, как показывает цитата, большое впечатление произвело японское ведение войны: японское нападение на Перл-Харбор было внезапным ударом, на Филиппинах японцы проводили смертельные марши пленных, и во время войны появились многочисленные сообщения об истязаниях военнопленных. Сам Трумэн считал, что не должен сожалеть о решении, так как оно, по его мнению, спасло жизнь сотням тысяч американцев и японцев, которые были бы убиты при вторжении. Однако он постоянно занимался этой темой. Когда генерал Мак-Артур в 1951 году потребовал расширения войны в Корее, Трумэн отказался дать разрешение. Его мысли постоянно кружили вокруг применения атомной бомбы, особенно, когда Китай вступил в войну на стороне Северной Кореи. Но, как во время Берлинской блокады в 1948 году, когда министр армии Кеннет Ройалл одобрил превентивный удар, он отклонил это по моральным и стратегически-дипломатическим причинам. Трумэн видел в атомной бомбе прежде всего политическое оружие, которое в будущем можно будет применять только в прямой военной конфронтации с Советским Союзом, если речь пойдет о существовании Соединенных Штатов.

По окончании мировой войны обнаружилось, что альянс победителей невозможно сохранить. Правда, были свободные выборы в Венгрии и в Чехословакии, но не в Польше, Румынии и Болгарии. Вместе с французской оккупационной властью советское управление в Германии не подчинялось центральному экономическому

управлению в оккупированной Германии. Также одностороннее перенесение территорий восточнее Одера и Нейсе к Польше до мирного договора способствовало обострению напряжения. Подобные конфликты возникли в Корее, где Советский Союз выступал за государство-сателлит, и в Иране, где он пытался приобрести сферы особых интересов. Советское правительство отказывалось от сотрудничества во Всемирном банке и в Международном валютном фонде, институтах, которые предусматривались американскими плановыми органами как центральные для восстановления мировой экономики.

Конечно, причинами этих трений были не одни только действия Сталина, но для Трумэна было бесспорно, что ему противостоит государственный деятель, который не держит своего слова. Из этого Трумэн сделал вывод, что Советский Союз ни в коей мере не намерен кооперироваться с Западом для сохранения равновесия сил, а будет пытаться распространить свою власть повсюду, где только возможно. Тоталитарные государства, так думал Трумэн, а вместе с ним и большинство американцев, полагаются на военную силу или угрозу насилия, чтобы осуществить свой интерес. Образование в 1947 году Коминформа, казалось, указывало на то, что Советский Союз и дальше хочет действовать как политическое и идеологическое острие копья коммунистической мировой революции.

Развитие в Восточной Европе и успехи коммунистических партий в Западной Европе, на Балканах и в Китае поддержали эту интерпретацию. Хотя американский дипломат Джордж Кеннен, блестящий знаток русской истории, никогда не пытался объяснить советскую внешнюю политику с чисто идеологической точки зрения, но его *«длинная телеграмма»* из Москвы в январе 1946 года все-таки способствовала ужесточению позиции Вашингтона. Кеннен видел в Советском Союзе государство — преемника царского режима с его самодержавными институтами и тенденцией к изоляции от внешнего мира. Также опубликованная Кенненом в 1947 году под

псевдонимом «М-р Х» в журнале «Форин Аффэарс» работа о причинах советского поведения подтверждала эту оценку положения и произвела впечатление на Трумэна.

От предположения советской угрозы для Западной Европы, каким бы односторонним и проблематичным оно ни было, было недалеко до необходимости поддержки и обеспечения безопасности Западной Европы в интересах национальной безопасности США. Западной Европе и Японии было отведено стратегическое значение для защиты Соединенных Штатов. Ни Пентагон, ни государственный департамент, ни секретные службы, ни сам президент Трумэн не ожидали прямой военной конфронтации с Советским Союзом. Советский Союз тяжело пострадал от немецкого нападения и войны, и потребуются годы для восстановления страны. Более значимым казался факт, что советская политика должна была привести к психологическому влиянию на население в той же мере ослабленных западных демократий. Для Трумэна существовала прямая зависимость между экономическим благосостоянием, психологическим самосознанием и обороноспособностью. Если не удастся вселить европейцам уверенность в скором восстановлении, то можно было предвидеть, Москва приобретет массовое влияние.

Из этих соображений возникла «политика сдерживания», которая сначала как «двойное сдерживание» была направлена против Советского Союза и Германии. Она должна была установить глобальное военное равновесие держав и одновременно образовать в Европе и Японии новые силовые центры, которые могли в будущем закрепиться против советской политики. Советские и ревизионистские историки в США и других странах утверждали в 60-х и 70-х годах, что США перереагировали в отношении советской политики. Как показывают новые исследования, не исключено, что Запад прекратил попытки кооперации раньше, чем это сделал Сталин. Новые исследования британской политики, однако, показывают, что как консервативное правительство Черчилля, так и лейбористское правительство Эттли еще до американ-

ских руководителей пришли к мнению, что с Советским Союзом невозможно сотрудничать долгосрочно.

Никто из американских президентов не повлиял так решительно на развитие в Европе в послевоенное время, как Трумэн. В 1947 году он провозгласил *«Доктрину Трумэна»*, когда призвал Конгресс оказать Греции и Турции военную и экономическую помощь, чтобы уберечь их от якобы грозящего коммунистического захвата власти. Так как Великобритания была больше не в состоянии выступать в качестве противовеса относительно Советского Союза в этом регионе, то США стали доминирующей силой в районе Средиземноморья и обязались предоставить весь свой экономический потенциал для сдерживания коммунизма.

Еще большее значение имел план Маршалла. В качестве главных целей плановые органы в Вашингтоне наметили предотвратить дальнейший экономический застой в Западной Европе, прекратить экономический хаос, который считали питательной средой для распространения коммунистической идеологии, и побудить демократию в Западной Европе к экономической и политической кооперации. Ревизионистские историки упрекали Трумэна в том, что планом Маршалла он крепко привязал Западную Германию к Западу, придав законную силу разделению Германии и Европы. Эти документы предстают после политического поворота в мире 1989—90 годах в новом свете.

Как с избранием Джорджа Маршалла министром иностранных дел в 1947 году, точно так же Трумэну повезло с назначением его преемником Дина Эйксона в 1949 году. Маршалл и Эйксон лояльно поддерживали политику Трумэна, были убеждены в особом значении Западной Европы в глобальном конфликте с Советским Союзом и помогали защищать внешнюю политику во внутриполитических столкновениях.

Решение о создании НАТО (1947 г.) также пришлось на первый срок пребывания Трумэна на посту президента. Подобно Берлинскому *«воздушному мосту»* развитие НАТО наглядно показало, что Трумэн осознал психоло-

гическое значение политических решений. Создание НАТО и Берлинского «воздушного моста» следовало понимать как политические сигналы Советскому Союзу. В обеих акциях речь шла об оборонительных мероприятиях. У народов Западной Европы нужно было создать впечатление, что Соединенные Штаты тесно связали свою судьбу с дальнейшим развитием демократии.

В послевоенное время можно было определенно говорить об американской гегемонии в Западной Европе. Трумэн не поддавался первоначальному импульсу срочно сократить заокеанскую активность, а проводил внешнюю политику, которая брала на себя экономические и военные обязательства и одновременно действовала как катализатор политического объединения Европы. Эта роль Америки была бы невозможна, если бы США не нашли, особенно в Великобритании, в странах Бенилюкса и после образования Федеративной Республики Германии в Бонне, партнеров, которые бы понимали присутствие американцев в Европе как необходимость для национального выживания. С этой точки зрения следует рассматривать также и план Маршалла и связанную с ним американскую кампанию производства.

Несмотря на общую риторику, Трумэн не имел ни намерения, ни военных средств использовать США как «мирового жандарма». «Длинная телеграмма» и статья «М-ра Х» не содержали конкретных рекомендаций, а являлись настоящей просьбой автора Джорджа Кеннена обратить внимание американской общественности на глобальные проблемы политики безопасности после 1945 года и напомнить ей о возросшей ответственности. Более этого ничего сначала и не произошло. В политике безопасности администрации Трумэна до 1950 года речь шла о политике экономического сдерживания действительных или мнимых советских экспансионистских устремлений. Были введены двусторонняя экономическая помощь, санкции, либерализация торговли и валютная политика, чтобы остановить рост советского влияния. Но пока еще не предпринималось расширение

военных структур и структур политической безопасности. Доктрина Трумэна предназначалась, главным образом, для оказания влияния на американскую общественность и сопротивляющийся Конгресс, который должен был предоставить финансовые средства для экономической стабилизации в Европе.

Главную цель плана Маршалла также следует рассматривать в контексте политики безопасности. Это была попытка пресечь подрыв Западной Европы, осуществляемый посредством распространения голода, нищеты и безнадёжности. План Маршалла сменил неудавшуюся двустороннюю помощь европейским государствам и должен был создать равновесие сил в Европе. Переворот в ЧССР весной 1948 года и советская блокада Берлина еще не привели к значительному расширению военного вооружения. Передислокация бомбардировщиков Б-29 в Англию являлось, в первую очередь, способом ведения психологической войны, так как эти самолеты совсем не были пригодны для атомного оружия. Сдержанность Трумэна в расширении военной активности проявлялась также в его решении ни в коем случае не вмешиваться американскими наземными войсками в конфликт между Мао Цзе-дуном и Чан Кай-ши. Ограниченность финансовых ресурсов требовала концентрации усилий на Европе, которая и была осуществлена.

На этом фоне создание НАТО означало не столько образование военного альянса, хотя и это имело место, сколько политическое дополнение к политике экономического сдерживания. Исходным моментом были требования Великобритании и Франции об американской поддержке. Договор НАТО не содержал автоматических обязательств защиты Европы, а ставил такие действия в зависимость от согласия Конгресса. Только с 1951 года НАТО располагало американскими войсками. Ни военные, ни Трумэн не исходили из того, что с созданием НАТО связано постоянное присутствие США в Европе.

Политика администрации Трумэна, однако, изменилась под впечатлением от успешных испытаний первой

советской атомной бомбы и после ставшего известным как NSC 68(1950 г.) анализа американской политики безопасности, проведенного Национальным Советом Безопасности. Решающей вехой для Трумэна было, однако, северокорейское нападение на Южную Корею в июне 1950 года, и конфликт был интерпретирован как «*вторая Греция*» и как начало военной агрессии по инициативе Советского Союза. Это, возможно, явилось сверхреакцией, так как ситуацию в Азии в действительности трудно было сравнить с ситуацией в Европе. Но для Трумэна и его советников стало ясно, что Советский Союз проводит совместно с Китаем глобальную экспансионистскую политику.

В политике по отношению к Палестине существовали серьезные разногласия между Белым домом и министерством иностранных дел. Трумэн положительно относился к созданию Израильского государства в Палестине, так как сочувствовал жертвам массового уничтожения. Он полагал, что государственный департамент слишком вступает за арабские государства и американские нефтяные интересы, и в поддержке еврейской иммиграции в Палестину он видел возможность завоевать еврейские голоса для выборов в сентябре 1948 года. Решение Трумэна о признании государства Израиль в мае 1948 года еще вовсе не означало американскую гарантию выживания, но оно отмечало начало вхождения США в развитие Ближневосточного кризиса.

В последние годы внутренняя политика администрации Трумэна привлекла в себе усиленное внимание. Трумэн идентифицировал себя с «*новым курсом*», но у него были большие трудности с либеральными советниками Рузвельта, которые упрекали его в том, что он запустил наследство президента или не расширяет его. В конечном счете речь здесь шла скорее о проблеме личного стиля в политике, чем о существенных разногласиях, и в 1948 году многие либеральные сторонники «*нового курса*» поддерживали Трумэна в предвыборной борьбе за президентство. После того как республиканцы уже в промежуточ-

ных выборах 1946 года завоевали большинство в обеих палатах Конгресса, шансы Трумэна в 1948 году были чрезвычайно плохи. Демократическая партия находилась в кризисе, и президент получил конкуренцию из собственных рядов как от консервативных южан, которые не доверяли его расовой политике, так и от левых сил вокруг бывшего вице-президента Уэллеса. Хотя исследователи общественного мнения и пресса уже «похоронили» Трумэна и объявили победителем республиканского противника Томаса Е. Дьюи, под впечатлением Берлинского кризиса президенту удалось сенсационное возвращение в форме минимальнейшего с 1916 года преимущества голосов.

К большим путеводным внутривнутриполитическим реформам Трумэна принадлежала отмена расового деления в армии. Не будет неверным считать началом движения за гражданские права время правления Трумэна, так как помимо армии президент заботился об интересах цветного населения в обществе. Еще сенатором выступал за равноправие цветных граждан в мире труда. Он проголосовал за отмену избирательного налога в отдельных штатах, поддерживал основанный на законе запрет линчевания и заботился об интересах своих цветных избирателей в Миссури. Как президент предложил Конгрессу создать постоянную комиссию для обеспечения равных шансов образования и получения профессии для черных. Но из-за сопротивления консервативных демократов из южных штатов, так называемых «*Dixiecrats*», дальнейшее проведение реформ стало очень сложным. Принципиально Трумэн верил в гражданские права для всех американцев, в общественную «честную сделку», как он это называл. Хотя ему в конце концов не удалось получить согласие Конгресса на свою систему реформ, примечательно то, что ревизионистские историки при всей остроте критики его внешней политики совершенно положительно оценивают его политику гражданских прав.

Отношения Трумэна с лидерами крупных профсоюзов подвергались сильным колебаниям. Сразу после

войны, когда в связи с переходом от военной к мирной экономике возник конфликт по поводу повышения зарплат и мероприятий по стабилизации, они были скорее ожесточенными. Улучшение наступило во время предвыборной борьбы за пост президента в 1948 году, когда Трумэн смог воспользоваться своим вето против закона Тафта—Хартли, изданного консервативными силами Конгресса с целью снижения влияния профсоюзов. Ухудшение наступило опять, когда Трумэн во время корейской войны выступил за контроль зарплат и цен.

Если отношения между президентом Трумэном и профсоюзами часто были противоречивыми, то не лучше было его отношение и к крупной промышленности. Когда в 1952 году возник конфликт в сталелитейной промышленности, причиной которого, по мнению президента, была негибкая позиция промышленников, он, недолго думая, распорядился 8 апреля 1952 года передать сталелитейные заводы в распоряжение правительства до разрешения конфликта. Верховный суд объявил эту чрезвычайную меру в начале июня 1952 года противоречащей конституции, и все длилось до конца июля, пока работодатели и профсоюзы не пришли к компромиссу.

К самым спорным внутривнутриполитическим решениям Трумэна относится программа лояльности, попытка обеспечить национальную безопасность Соединенных Штатов также посредством контроля левых политических диссидентов. Это привело не только к ограничению гражданских свобод и идеологической травле предполагаемых коммунистов в государственном управлении под руководством сенатора Джозефа Маккарти, но и к отравлению внутривнутриполитического климата в США. В этом контексте Трумэна часто обвиняют в том, что он излишне акцентировал советскую угрозу для Соединенных Штатов, чтобы завоевать Конгресс для поддержки своей политики в Европе и Азии, и тем самым развязал антикоммунистическую травлю. Против такой интерпретации в последнее время появились возражения, что американская общественность, самое позднее с 1946 года, все больше

настраивалась антисоветски, реагируя таким образом на советскую политику в Восточной Европе, и что Трумэн только пытался контролировать Конгресс. Несмотря на это, *«направленная по ошибочному пути программа лояльности»*, как она была названа, остается самой проблематичной главой президентства Трумэна.

Отношения между Гарри Трумэном и американским Конгрессом были отягощены многими факторами: после его избрания президентом в 1948 году он представил охватывающую 25 пунктов программу *«Справедливый курс»*. Она охватывала контроль цен, кредитов, промышленных продуктов, экспорта, зарплат и квартирных плат. Обещала расширение гражданско-правового законодательства, дешевое жилье, минимальную зарплату в 75 центов в час, отказ от закона Тафта — Хартли, обязательное страхование на случай болезни, лучшее обеспечение социальной безопасности и федеральную помощь для системы образования. Ввиду республиканского большинства в Конгрессе эта честолюбивая программа не могла быть выполнена, но она указывала направление расширения соответственно европейским стандартам все еще не развитой американской социальной системы.

Конфликты между Трумэном и Конгрессом участились во время второго срока пребывания Трумэна в должности президента, так как республиканцы приписывали президенту в резкой форме *«проигрыш Китая»* коммунистам Мао. За время двух сроков Трумэн противостоял 4 Конгрессам, в которых каждый раз большинство было справа от его внутренней политики. Трумэн не стеснялся широко пользоваться правом на вето, чтобы отражать республиканские инициативы и придерживаться своего курса. К крупнейшим успехам его президентства, бесспорно, относится то, что ему удалось обязать контролируемый республиканцами 80-й Конгресс (1946–48) к *«надпартийной внешней политике»*. Ввиду возрастающей внутриполитической критики Трумэн весной 1952 года заявил о своем отказе от следующего выдвижения кандидатом. Конгресс к этому времени уже принял 22-е до-

полнение к конституции, которое ограничивало президентство двумя сроками. Трумэна это бы все равно не коснулось, так как он только 6 лет исполнял обязанности президента. Своим преемником он избрал губернатора Иллинойса Эдлая Стивенсона, который, однако, явно уступал популярному генералу Дуайту Д. Эйзенхауэру. В мемуарах Трумэн писал, что быть президентом означает быть *«одиноким, очень одиноким во время больших решений»*. Из Индепенденса, где в 1957 году была открыта библиотека Гарри С. Трумэна, экс-президент внимательно следил за политическими событиями и был рад, когда в 1961 году в лице Джона Ф. Кеннеди в Белый дом вновь вошел демократ и когда при Линдоне Б. Джонсоне с 1964 года были осуществлены многие из его планов и реформ.

Трумэн умер 26 декабря 1972 года в возрасте 88 лет в Канзас-Сити. На похоронах Джонсон оценил его как *«великана двадцатого века»*, который, как никто другой до него, оказал влияние на мир — оценка, которую сегодня разделяют большинство американских историков. Этой посмертной положительной оценке не в последнюю очередь способствовало то, что с открытием архивов все яснее становится, что Трумэн, вопреки многим личным нападкам, обладал твердой волей, в трудных ситуациях сам принимал все решения, даже если они не были популярными, и никогда не отступал от принятого.

Германн-Йозеф Рупинер

ДУАЙТ Д. ЭЙЗЕНХАУЭР 1953–1961

Герой войны и президент

Dwight D. Eisenhower

Наряду с Джорджем Вашингтоном, которым он восхищался, Дуайт Д. Эйзенхауэр принадлежит к самым популярным американским президентам. Одна только его военная карьера обеспечила бы Эйзенхауэру выдающееся место в американской истории. Он был Верховным главнокомандующим экспедиционными войсками союз-

ников в Европе во время второй мировой войны, командующим оккупационными силами США в Германии, начальником штаба армии и первым главнокомандующим силами НАТО. Он с успехом выполнял обязанности президента Колумбийского университета, прежде чем в 1952 году как кандидат республиканской партии был избран на пост президента, который занимал до 1961 года.

Путь от Денисона, Техас, где он родился 14 октября 1890 года, до Белого дома является преимущественно американской историей успеха. Родители Эйзенхауэра — выходцы из провинциально-сельской местности Среднего Запада. Они были упорно работающими, богобоязненными меннонитами, которые пытались дать своим детям лучшую жизнь, чем была уготована им самим. Отец Эйзенхауэра попытался обрести счастье в качестве владельца лавки колониальных товаров, но потерпел неудачу из-за неспособности к этому делу своего партнера и из-за экономического спада 90-х годов XIX века. Потом он нашел работу на железной дороге, пока один из родственников не устроил его на молочный завод в Абилене, Канзас.

Там Дуайт Д. Эйзенхауэр провел свое детство и юность. Хотя отец смог в последующие годы улучшить положение, Эйзенхауэр все равно познал здесь теневые стороны жизни. Во время обучения в школе выделялся преимущественно как футболист. Позже работал на молочном заводе и поддерживал старшего брата Эдгара, который учился в университете. Один друг сказал ему о возможности бесплатного посещения военной академии в Вест-Пойнте. Отец не возражал против желания начать военную карьеру, зато значительно труднее было получить согласие матери, убежденной пацифистки.

Академическая карьера Эйзенхауэра в Вест-Пойнте ничем не была особенно примечательна. Он закончил академию 65-м в группе из 170 человек. По окончании был направлен в Техас, где осенью 1915 года познакомился с Мэри Дженева Дауд (Мами), на которой же-

нился в июле следующего года. Он не участвовал активно в первой мировой войне, хотя очень стремился к этому. Его попытка с помощью специализации по новому танковому оружию попасть на фронт не удалась. Начальники ценили его организаторские способности, работу тренера по футболу, умелое обхождение с бюрократией и убедительные тактические исследования по разработке танкового оружия. Публикации, в которых он критиковал господствующую военную доктрину, предусматривающую танки только как поддержку пехоты, привели к угрозе возбуждения процесса военным трибуналом, на что Эйзенхауэр ограничился выполнением задач по демобилизации.

Период между войнами принес Эйзенхауэру ряд военных поездок за границу: в Панаму (1922–1924 г.), в Париж как член комиссии по военным памятникам (1928–29) и на Филиппины (1936–1939). К этому добавились курсы в Академии Генерального штаба в Форте Ливенворт, которые он закончил как лучший в классе, пребывание в военном колледже в Вашингтоне, в дипломатическом корпусе, а также назначение в военный департамент, где он познакомился с военной бюрократией. Во время мирового экономического кризиса он вместе с товарищами-офицерами разработал план *«промышленной мобилизации»* США. В первые годы президентства Рузвельта Эйзенхауэр, сторонник *«нового курса»*, участвовал в организации рабочей службы для молодежи.

К началу второй мировой войны относительно неопытный в строевой службе Эйзенхауэр стал офицером штаба генерала Джорджа Маршалла, начальника Генерального штаба. Он разрабатывал планы для защиты Южной Азии и Филиппин против продвигающихся японцев и участвовал под командованием генерала Дугласа Мак-Артура в организации последней безуспешной защиты Филиппин. После временного отступления из Южной Азии главный интерес американцев обернулся сначала к Европе. Как начальник оперативного отдела Генерального штаба Эйзенхауэр был ответствен за стра-

тегическое планирование, психологическое и экономическое ведение войны, предоставление техники, а также за дипломатическую координацию с государственным департаментом. Маршалл, как и Эйзенхауэр, выступал за скорейшее открытие *«второго фронта»* против гитлеровской Германии, чтобы освободить Советский Союз от тяжелого немецкого давления. Они считали британскую стратегию высадки десанта в Северной Африке бесполезной и расточительством ресурсов. Эйзенхауэр разработал в это время все американские планы действий и был назначен генералом Маршаллом главнокомандующим европейского фронта. Британские военные приняли его назначение еще и потому, что полагали возможным относительно легко воздействовать на него.

После прибытия в Англию 24 июня 1942 года перед Эйзенхауэром встала первая задача, состоявшая в улучшении кооперации между британскими и американскими военными и подготовке высадки во Франции. Он выступал за фронтальное наступление через канал, но между тем Уинстон Черчилль уговорил президента Рузвельта на поход в Северную Африку и высадку в Сицилии. Только 6 июня 1944 года началась операция *«Оверлорд»*, высадка союзников в Нормандии. Неделию спустя Эйзенхауэр вступил на французскую землю, а в конце войны Айк, который как неизвестное лицо взял на себя командование, был одним из самых популярнейших американцев. Рузвельта уже не было. Черчилля вскоре должен был сменить Клемент Эттли, а Гарри С. Трумэн как президент еще никак не проявил себя. Эйзенхауэр же воплощал в себе как народный герой политическое и военное превосходство западной демократии.

С конца войны до ноября 1945 года Эйзенхауэр был военным губернатором американской зоны в Германии. Несмотря на растущее недоверие к Советскому Союзу, он надеялся продолжить советско-американскую кооперацию, которую начал в Берлине с маршалом Жуковым. Летом 1945 года Эйзенхауэр высказывался против применения атомного оружия в Японии, так как опасался,

что такая демонстрация силы может повредить отношениям с Советским Союзом. Одновременно был против разработанного в 1944 году плана Morgenthau, который предусматривал деиндустриализацию Германии. Он рассматривал восстановление Рурской области как важнейшую предпосылку экономического выздоровления Европы.

С конца 1945 по февраль 1948 года он был как преемник генерала Маршалла начальником штаба армии. В этой функции он добился всеобщей действительной службы и способствовал объединению воинских частей под гражданским контролем. Но не участвовал в принятии важнейших решений о военном бюджете, о военной помощи Греции и Турции или о международном контроле атомной энергии. Хотя он был идеологически скорее умеренным, однако постепенно свернул на антикоммунистическую линию, которой следовал и президент Трумэн. С другой стороны, он не верил, что от Советского Союза действительно исходит военная опасность.

Когда в 1948 году Эйзенхауэр ушел из армии в отставку, он получил много предложений для своей новой деятельности. Томасу Уотсону, председателю правления International Business Machines (IBM) и опекуну университета в Колумбии, удалось уговорить его стать президентом университета, пост этот он занимал с июня 1948 года по октябрь 1950 года. Но почти не вмешивался в академические дела, а посвятил себя в основном автобиографической книге о второй мировой войне «Crusade in Europe».

Характерным для Эйзенхауэра было то, что он даже своим близким друзьям не говорил, к какой партии расположен. Оба политических лагеря, как демократы, так и республиканцы, предполагали, что он стоит ближе к ним. Президент Трумэн, опасавшийся за свое переизбрание в 1948 году, предложил Эйзенхауэру, известному как представителю активной внешней политики, пост вице-президента. Как и Трумэн, Эйзенхауэр безоговорочно одобрял план Маршалла. Он был убежден, что Соединенные Штаты в собственных интересах должны

способствовать восстановлению Европы и европейской интеграции. Но отклонил предложение Трумэна, так как считал недостойным торговаться за поддержку на партийных конвентах. Как профессиональный солдат Эйзенхауэр привык держаться в стороне от политических конфликтов.

Без колебаний он последовал предложению президента Трумэна в конце 1949 года стать главнокомандующим вооруженных сил вновь образованного НАТО. Для Эйзенхауэра НАТО был не только военным союзом, он видел в нем прежде всего политическое сообщество ценностей западной демократии. Деятельность в штаб-квартире в Париже укрепила его убеждения в том, что Соединенные Штаты должны создать своим присутствием в Европе щит от Советского Союза, пока европейцы не будут в состоянии сами защитить себя. Предпочитаемую правым крылом республиканской партии и особенно сенатором Робертом Тафтом изоляционистскую концепцию «крепости Америки» он просто считал бессмыслицей. Вывод войск США из Европы должен был разрушить систему коллективной безопасности, убежденным приверженцем которой был Эйзенхауэр. Эти размышления так сильно повлияли на него, что в конце концов он заявил о своей готовности быть республиканским кандидатом на пост президента в 1952 году. Он опасался, что выдвижение Тафта может повредить национальным интересам США. Особую роль в согласии Эйзенхауэра участвовать в выборах сыграл республиканский сенатор Генри Кэбот Лодж младший, который убедил его: население будет положительно реагировать на его кандидатуру. Подобное влияние оказал, очевидно, и Джон Фостер Даллес, внешнеполитический анализ которого совпадал с анализом Эйзенхауэра. Генерал Лусиус Д. Клей, его политический советник во время войны и преемник на посту военного губернатора в Германии, также сыграл в этом контексте важную роль. Так как Трумэн не выставлял свою кандидатуру на следующий срок, то Эйзенхауэр не должен был бороться против президента,

находящегося еще на своем посту, что было бы явно неудобно для Эйзенхауэра.

Во время деятельности Эйзенхауэра в Европе значительно усилилась общественная критика президента Трумэна. Затяжная, с большими потерями война в Корее (1950—1953 гг.) и увеличение срока службы, конфронтация с Китаем, где с победы Мао Цзе-дуна в 1949 году правили коммунисты, а также страх перед обменами атомными ударами с Советским Союзом вселяли населению неуверенность. К тому же началась беспрецедентная в истории Америки кампания травли консервативным сенатором Джоозефом Маккарти, который пытался представить правительство, демократическую партию и большую часть интеллектуальной элиты находящимися под коммунистическим влиянием.

После ухода с поста главнокомандующего вооруженными силами НАТО Эйзенхауэр вел предвыборную борьбу 1952 года по темам: Корея, защита от коммунизма и борьба против коррупции в правительстве, не подвергая при этом нападкам лично президента. Помимо этого он критиковал уменьшение значения отдельных штатов, в жизненной силе которых видел гарантию американской демократии. Важнее, чем все аргументы, была военная слава и популярность кандидата, фамиллярно-интимно называемого «Айк». Эйзенхауэр не был особенно религиозным человеком, но он глубоко чувствовал моральные ценности американского среднего слоя и себя понимал как ответственного «*служу*» нации. С обещанием быть президентом всех американцев он вступил в предвыборную борьбу. Победил кандидата от демократов Эдлая Е. Стивенсона, получив 21,5 миллиона из 39 миллионов отданных голосов. После 20 лет республиканский президент вновь вступил в Белый дом, и одновременно республиканцы добились большинства в обеих палатах Конгресса.

В кабинете в своем личном штабе Эйзенхауэр собрал группу бывших военных сотрудников, людей с университетским образованием и деловых людей. Правительство

во было для него большой организацией, которой нужно управлять так же, как современным промышленным предприятием, а еще лучше — как генеральным штабом. Он вовсе не был зависящей от окружения, пассивной фигурой, как долго его воспринимала общественность, а скорее президентом, который управлял событиями «*скрытой рукой*» за кулисами. Он ожидал от своих советников и министров, что они будут представлять предложения подготовленными к утверждению и в наиболее краткой форме, что приводило в отчаяние еще профессоров в университете Колумбия. Эта форма поисков решения особенно ярко проявилась во внешней политике. Эйзенхауэр укрепил значение Национального Совета Безопасности (NSC), который заседал почти еженедельно и обсуждал все проблемы внешней политики и политики безопасности. Последнее решение всегда было в его руках.

Эйзенхауэр обозначил принципиальные идеи своей программы как «*Современный республиканизм*» или «*динамический консерватизм*». К этому относился, прежде всего, вывод государственной руки из экономики. Обусловленная войной государственная квота в валовом отечественном продукте с 1940 года поднялась с 23 до 93%. Лозунг предвыборной борьбы «*Пришло время изменения*» сигнализировал поворот этой тенденции. Это удалось не в полной мере, но когда Эйзенхауэр в 1961 году уходил с поста, доля государственных расходов уже не поднималась. Одновременно доля федеральных расходов в общих расходах государства снизилась с 76 до 60%.

Второй основной целью экономической политики было развитие свободной конкуренции. Для своих внутриполитических противников Эйзенхауэр считался близким доверенным промышленности. В действительности он выступал за обострение антитрестовского законодательства, отменил введенные под впечатлением второй мировой и корейской войны контроль зарплат и цен и распустил различные исполнительные экономические органы. Экономическая политика Эйзенхауэра покоилась, в ко-

нечном счете, на концепции создания благоприятных государственных рамок для индивидуальной экономической деятельности. Под этим он понимал сдерживание инфляции, равномерный экономический рост и защиту индивидуума и семьи от экономического риска в урбанизованном, индустриализированном мире. Для Эйзенхауэра существовала одновременно тесная связь между фискальной ответственностью и развитием демократии. Он был убежден, что военные расходы должны быть настолько ограничены, чтобы население не страдало под тяжким бременем налогов. Это соображение способствовало выработке новой военной стратегии «New Look», которая в первую очередь основывалась на применении «дешевого» атомного оружия. Угроза «массированного возмездия» должна была в самом начале уже отпугивать любую мыслимую советскую агрессию.

Свое мировоззрение, основанное на нравственных принципах, Эйзенхауэр перенес на внешнюю политику. Конфликт между Востоком и Западом он все больше понимал как непреодолимое противоречие между безнравственной коммунистической диктатурой, представленной Советским Союзом и Китаем, и основополагающей свободной западной демократии. Эйзенхауэр считал советских вождей одержимыми властью идеологами, которые не остановятся перед подрывной деятельностью, коррупцией, подкупом и угрозой силы, чтобы достичь своих целей. Он сравнивал отношения к Советскому Союзу с отношениями к гитлеровской Германии. Только сильная коалиция западных демократий может наглядно показать советам бесперспективность их планов на мировое господство. Хотя Эйзенхауэр представлял бескомпромиссную политику устрашения, одновременно он был все-таки заинтересован в ослаблении конфликтов с Советским Союзом. Его призыв к мирному использованию ядерной энергии, который привел в 1957 году к созданию международных органов по атомной энергии, и предложение взаимного контроля воздушного пространства «открытое небо», которое он сделал на конференции

на высшем уровне в Женеве в 1955 году, должны рассматриваться, независимо от пропагандистского аспекта, как честные усилия с помощью создающих доверие мероприятий способствовать разрядке конфронтации между двумя супердержавами в атомный век. Zenитом этой политики явилась Женевская конференция на высшем уровне в 1954–55 годах. В то время, как вопрос Индокитай был урегулирован лишь поверхностно, западные державы с Советским Союзом пришли к взаимному решению вопроса политического будущего Австрии. Государственный договор от 24 июня 1955 года закончил оккупацию союзными войсками, обеспечил Австрии упорядочение рыночной экономики и гарантировал политический нейтралитет альпийской республики.

Со вступлением в должность Эйзенхауэра в американской политике по отношению к Европе не появилось значительных изменений, несмотря на агрессивную риторику нового министра иностранных дел Джона Фостера Даллеса, который отношения между Востоком и Западом рисовал в интенсивных черно-белых тонах. Ни Эйзенхауэр, ни Даллес не думали о военном «освобождении» угнетенных народов Восточной Европы, даже если они и говорили об «откатывании назад» советского влияния в Восточной Европе. Как и его предшественник Трумэн, Эйзенхауэр был убежден в том, что переговоры с Советским Союзом о разрядке между блоками могут быть успешными только после укрепления Западной Европы. Для него Европа оставалась ядром глобальной политики безопасности США, и он возражал поэтому против политики «старой гвардии» республиканцев, сильнее ориентированной на Азию. Присоединение Федеративной Республики Германии к Западу в рамках Европейского экономического сообщества (ЕЭС) имело впредь высший приоритет. На этом фоне становится понятным, почему Эйзенхауэр после неудачи с договором ЕЭС во французском парламенте (30 августа 1954 года) начал форсировать принятие Федеративной Республики Германия в союз НАТО.

Эйзенхауэр исходил из того, что Москва будет использовать национализм народов *«третьего мира»* для собственных целей. В этом Великобритания и Франция, которые не хотели терять свои колонии, принимали, по его мнению, значительное участие. Президент и его важнейший советник, министр иностранных дел Даллес, были убеждены, что США морально обязаны помогать зависимым народам в их конфликтах с колониальными державами. Такие принципиальные соображения было, однако, не так просто применить в политической практике. Так, Эйзенхауэр организовал интервенцию в 1953 году в Иране против националиста, премьер-министра Мосаддыка, который хотел национализировать западные нефтяные компании, и помог приходу к власти прозападного шаха Реза Пехлеви. К стремлениям французских колоний в Юго-Восточной Азии к независимости Эйзенхауэр относился с симпатией, однако он понимал, что национализм в Индокитае стал инструментом коммунистического движения. Настоящая трудность заключалась, по его мнению, в двойной задаче *«победить коммунизм в этом регионе и дать свободу местному населению»*. Эйзенхауэр пытался осторожно убедить французских политиков в необходимости укрепления местных буржуазных сил и в уходе из Индокитае. С одной стороны, его правительство несло до 1954 года 80% финансового бремени французской войны, с другой, Эйзенхауэр не собирался впутывать в войну сами США. Он отклонил применение американских воздушных сил даже тогда, когда французские войска были окружены соединениями Вьетминь в Дьенбьенфу. Он боялся, что интервенция США создаст у народов Азии впечатление, будто бы французский колониализм будет заменен американским. В капитуляции французских вооруженных сил в Дьенбьенфу 7 мая 1954 года Эйзенхауэр не увидел непосредственной угрозы для американской безопасности. Чтобы предотвратить в Юго-Восточной Азии эффект *«домино»*, достаточно, по его мнению, регионального оборонного союза, как это было сделано с Организацией договора

Юго-Восточной Азии (СЕАТО). США оставили военное представительство на своих опорных базах в Тихом океане, но азиатские народы, за исключением значительно разоруженной Японии, сами должны были нести основную груз своей обороны.

1956 год, год выборов, был отмечен драматическими событиями. В октябре Эйзенхауэр заставил Великобританию, Францию и Израиль вывести свои войска с Суэцкого канала, после того как три государства без договоренности с США выступили против президента Египетского государства Насера. Хотя Эйзенхауэр и решительно отвергал национализацию Суэцкого канала Насером, он был все-таки глубоко рассержен своевольными действиями европейских держав. Он оказал массовое экономическое и денежное давление на Великобританию, чтобы добиться окончания конфликта и освобождения Египта. Тем самым закрепил падение европейских колониальных держав, которые полностью уступили передний план *«супердержаве»* США. Однако очень скоро Эйзенхауэр увидел необходимость самому заполнить вакуум власти, возникший в результате отступления европейцев.

В то время как администрация Эйзенхауэра активно действовала на Ближнем Востоке и завоевала симпатии во всем мире благодаря четкой позиции по отношению к колониальным державам, пассивное наблюдение за советским подавлением восстания в Венгрии 1956 года показало, по крайней мере риторически, воинственное содержание американской внешней политики. Первенство Эйзенхауэра в деле сохранения мира, так же как и простой и запоминающийся лозунг «Я люблю Айку», способствовали в ноябре 1956 года на выборах лавинообразной победе над демократическим соперником Эдламом Стивенсоном. Насколько это был личный, а не партийно-политический триумф, ясно из факта, что республиканцы не смогли добиться большинства ни в палате представителей, ни в сенате. Эйзенхауэр находился в зените своей популярности.

Во внешней политике президент продолжил курс, начатый в первый срок президентства. С учетом Ближнего Востока в марте 1957 года провел через Конгресс и издал резолюцию, так называемую *«Доктрину Эйзенхауэра»*, которая позволила ему спешить на помощь в экономическом и военном отношении каждой нации, просившей о поддержке против вооруженной агрессии страны, которая контролировалась *«международным коммунизмом»*. Опираясь на это полномочие, он в 1958 году временно послал американские части военно-морского флота в Ливан, чтобы воспрепятствовать дестабилизации Ближнего Востока, который представлял жизненный интерес для безопасности и экономического благосостояния США, а еще больше Западной Европы. Демонстрация силы не могла обмануть в том, что последние годы президентства Эйзенхауэра не имели никакой действительной концепции во внешней политике. Динамичную политику Хрущева, использовавшего свое посещение Соединенных Штатов в сентябре 1959 года с чрезвычайным пропагандистским успехом, Эйзенхауэр встретил с ни к чему не обязывающим доброжелательным выражением доброй воли. После того, как над советской территорией в мае 1960 года был сбит разведывательный самолет типа У-2, Хрущев оскорбил президента на Женевской конференции на высшем уровне 16–17 мая 1960 года, забрав обратно приглашение для Эйзенхауэра к государственному визиту.

Внутриполитические проблемы вытекали из того, что демократы с 1954 года снова выиграли в Конгрессе в местах и влиянии, но также, в большей степени, из борьбы между «крыльями» в республиканской партии. Президент и его сторонники в Конгрессе, так называемые *«республиканцы Эйзенхауэра»*, иногда могли лучше сотрудничать с лидером демократического большинства Линдоном Б. Джонсоном, чем со *«старой гвардией»* республиканцев. Как при планировании автодорог, так и при использовании национальных полезных ископаемых или разработке новых ирригационных проектов воз-

никли значительные различия во мнениях. В то время как президент видел в этих проектах легитимные задачи федерального правительства, консервативные республиканцы доказывали, что подобные предложения будут упрочивать, а не уменьшать федерально-государственную власть. При принятии Гавайев и Аляски в союз в качестве 49 и 50 штатов также были расхождения. Эйзенхауэр выступал за принятие Гавайев, но в отличие от большинства в Конгрессе считал, что Аляска имеет значение в основном с военно-стратегической точки зрения. Поэтому он предпочитал федерально-государственное управление Аляской образованию штата. Этот конфликт затянул принятие обеих территорий в союз на долгие годы, прежде чем оно было окончательно осуществлено в 1959 году. Постепенно Эйзенхауэр смог положить конец внутривнутриполитической охоте на коммунистов. Когда сенатор Джозеф Маккарти со своими клеветническими нападками не остановился даже перед членами кабинета, президент добился с помощью своих сторонников в сенате, чтобы Маккарти был публично осужден и политически изолирован. К тому же в 1954 году Эйзенхауэр назначил верховным федеральным судьей Эрла Уоррена, чья либеральная политика была решительно направлена против дискриминации и нетерпимости. В приговоре по делу *«Браун против отдела народного образования»* 17 мая 1954 года Верховный суд объявил расовое деление в школах противоречащим конституции и год спустя призвал штаты ликвидировать разделенные по расам школы. Эти решения вызвали на юге США волну протестов. В 1956 году более 100 членов Конгресса подписали так называемый *«Южный манифест»*, который обвинил Верховный суд в недопустимом вмешательстве в права отдельных штатов. Конфликт достиг высшей точки в сентябре 1957 года в Арканзасе, где губернатор Орвил Фоубес с помощью национальной гвардии пытался силой помешать черным студентам посещать до этого доступную только белым Центральную высшую школу в Литтл-Роксе. Чтобы сохранить авторитет федерального

суда, Эйзенхауэр, который в частном порядке считал назначение Уоррена *«самой большой проклятой ошибкой, которую я когда-либо делал»*, вынужден был действовать. Впервые со времен реконструкции после гражданской войны на Юг для защиты черного населения были посланы федеральные войска, которые остаток года обеспечивали студентам беспрепятственное посещение школы. Хотя до 1960 года в смешанных школах афроамериканцы составляли меньше 1% всех студентов, приговор по делу Брауна стал указывающим направление для движения за гражданские права в последние годы.

После ухода с поста президента до самой смерти 28 марта 1968 года Эйзенхауэр не занимался больше политикой, а написал два тома мемуаров. Он, должно быть, понимал, что последние годы его президентства характеризовались застоем, так как в своем прощальном обращении к американскому народу в январе 1961 года напомнил об опасности сверхмощного *«военно-промышленного комплекса»*, с которым нужно бороться. Большие расходы на вооружение и космическая программа в сочетании с экономическим застоєм тяжелым бременем ложились на федеральный бюджет и граждан. Как в предвыборной борьбе 1952 года, он напомнил о тесной связи между процветающей экономикой и сильной демократией.

Эйзенхауэр явился символической фигурой пятидесятих годов. Он воплощал в себе руководящую силу и надежность, общество благосостояния и американскую мощь. Его наследство было, однако, двойственным: мощная и богатая Америка, которая не смогла уже справиться с многими внешне- и внутривполитическими проблемами. В военно-стратегическом отношении Советский Союз, казалось, достиг *«пата»*, а в Азии, Африке и Латинской Америке большее влияние приобрели антиамериканские тенденции. В Соединенных Штатах феминистские группы и борцы за гражданские права выдвигали требования общественного равенства и справедливого раздела американского благосостояния. Огромный экономический

подъем к началу пятидесятих годов перешел в экономический спад, а культурная жизнь грозила застыть в условностях. За самодовольными пятидесятыми годами последовало потрясемое кризисами десятилетие, в котором Эйзенхауэр почти был забыт. Только постепенно американцы начали снова осознавать его бесспорные внешне- и внутривнутриполитические заслуги.

Юрген Хайдекинз

ДЖОН Ф. КЕННЕДИ 1961–1963

Имперский президент

John F. Kennedy

Никакой другой президент XX века так не окрылял фантазию современников и не проник так глубоко в коллективное сознание американцев, как Джон Ф. Кеннеди. Его юношеское воодушевление, холодная с долей иронии рациональность и шарм, воздействующий на средства информации, сигнализировали переход к новому поколению, которое было намерено прорваться из спо-

койствия последних лет президентства Эйзенхауэра к неизвестным, роковым *«новым границам»*. В президентство Кеннеди мир вступил на порог атомной войны, но сам он, казалось, выходил еще более закаленным из следующих один за другим кризисов. Белый дом, в который он вместе со своей симпатичной семьей и *«мозговым трестом»* интеллектуальных советников принес свежий ветер, вскоре был окружен романтической аурой Камелота из эпоса об Артуре. Столица Вашингтон стала и внешне центром супердержавы, несней ответственность за *«Свободный мир»*, за глобальную неформальную империю. Влечение к созданию идола *«вождя свободного мира»* стало непреодолимым, когда Кеннеди после двух лет и десяти месяцев президентства пал жертвой покушения, повергшего нацию и, более того, многих европейцев в шок и траур. Как и после убийства Линкольна, имидж личной жертвы во имя высоких, универсальных ценностей начал перекрывать и преображать историческую действительность. Среди широких слоев общественности и сегодня действителен *«миф Кеннеди»*, хотя историки и публицисты уже давно стараются создать трезво-аналитическую и даже экстремально-критическую точку зрения.

Джон Фицджералд (Джек) Кеннеди родился 29 мая 1917 года в Бруклине, Массачусетс, и был вторым из девяти детей в ирландско-католической семье, которая в течение короткого времени стала одной из самых богатых в стране и получила доступ в элиту восточного побережья. Воспитание отца Джозефа, который в двадцатых годах ловкими спекуляциями на бирже заложил основу состояния в 200 миллионов долларов, было направлено на интенсивную физическую и умственную конкуренцию; любящая порядок, строгая мать Роза проявляла мало эмоций по отношению к детям. В интернате в Коннектикуте Джон был средним учеником, но его одноклассники ожидали от него в особой степени успеха в практической жизни. Его учеба в Принстоне и Гарварде постоянно прерывалась болезнями. Назначение отца послом США в Лондоне позволило ему долгое время жить

в Англии и совершать длительные поездки по Европе, где он в непосредственной близости наблюдал развитие фашизма. Событием, оставившим отпечаток на его юности, стали дебаты об английской политике умиротворения и американское вмешательство во вторую мировую войну. Уклоняясь от изоляционизма отца, в своей выпускной работе в Гарварде он выступал за решительную борьбу демократии против тоталитарной угрозы. Расширенная редакция этого сочинения под названием *«Почему спала Англия»* имела большой успех после падения Парижа летом 1940 года. Благодаря влиянию отца Джек, несмотря на слабую физическую конституцию, вступил в военно-морской флот США и участвовал в тихоокеанской войне в качестве командира торпедного быстроходного катера. Когда в августе 1943 года его катер был потоплен японским эсминцем, ему, несмотря на ранение, удалось спастись вместе с оставшимися в живых членами экипажа на острове и связаться с американскими частями. После тяжелой операции спины он с честью уволился из военно-морского флота в конце 1944 года в чине старшего лейтенанта. Проблемы со здоровьем позже были представлены как последствие этого ранения и спортивного несчастного случая. Основной же причиной была болезнь Аддисона, медикаментозное лечение которой приводило к ряду негативных побочных действий. Насколько этот державшийся в тайне недуг, который часто подвергал его сильным болям, влиял на исполнение обязанностей президента, остается в исследованиях спорным. Так как старший брат Джозеф, морской летчик, погиб в 1944 году, то Джек стал надеждой семьи Кеннеди. Он унаследовал честолюбие отца и при поддержке семейного клана и широкого круга друзей начал планомерно создавать политическую карьеру. Очень полезной в этой связи оказалась его женитьба на элегантной, привлекательной Жаклин Ли Буве в 1953 году. Хотя Кеннеди подвергал эту связь нагрузкам в виде многочисленных любовных интриг (в 1954 году дело чуть не дошло до развода), в общественной жизни и в предвыборной

борьбе его жена Джеки всегда лояльно стояла на его стороне. У них было трое детей, один из которых умер вскоре после рождения.

Ни разу не проиграв на выборах, Кеннеди представлял свой избирательный округ Бостон с 1947 по 1953 год как депутат от демократов в Конгрессе и потом как сенатор Массачусетса вошел во вторую палату. Во внутренней политике призывал к социальным реформам и лучшим условиям жизни для рабочего класса и меньшинств, во внешней политике поддерживал план Маршалла и НАТО, но критиковал политику Трумэна по отношению к Китаю. Уже в начале он говорил о вызове, брошенном *«советским атеизмом и материализмом»*, которому можно было противостоять только *«постоянной бдительностью»*. Антикоммунистическую кампанию Джозефа Маккарти, который был близок его отцу, он наблюдал с постоянно растущим смешанным чувством, однако четко не дистанцируясь от него.

Как член сенатского комитета по иностранным делам Кеннеди начал проявлять себя в речах и статьях по внешнеполитическим вопросам, причем он особенно интересовался деколонизацией и новым национализмом в Африке и в Азии. За пределами США он привлек к себе внимание в 1957 году, когда критиковал французскую колониальную политику в Алжире и высказывался за предоставление независимости африканской стране. Он подвергал сомнению привычные шаблоны мышления, когда требовал усиленной помощи на развитие и призывал проявить понимание к нейтрализующим тенденциям в молодых государствах. Другим ключевым событием, которое Кеннеди разделял со многими американцами своего поколения, был *«спутниковый шок»* 1957 года. Из советского успеха в космосе он сделал вывод, что коммунистические диктатуры лучше вооружены для будущего, чем демократический Запад, и что теперь следует ликвидировать собственное *«отставание»* во многих областях, начиная с образования и заканчивая ракетным вооружением, посредством удвоенных усилий.

С тех пор, когда Кеннеди в 1956 году на конвенте демократов с небольшим отставанием проиграл выборы в кандидаты на пост вице-президента наряду с Эдлаем Е. Стивенсоном, он считался будущим человеком партии. Во внутренней политике двигался к леволиберальному сектору, что проявилось в его выступлении за права профсоюзов и черных американцев. Переизбрание в сенат в 1958 году он использовал как тест на заявку быть преемником Эйзенхауэра. Его победа, с самым большим в истории Массачусетса преимуществом голосов, была практически началом предвыборной борьбы за должность президента в 1960 году. Благодаря предвыборной кампании, блестяще организованной младшим братом Робертом (Бобби), он смог разбить всех внутрипартийных конкурентов, среди них Хьюберта Хэмфри и Линдона Джонсона. Многократно приводимое против него обстоятельство, что никогда еще католик не был в должности президента, он использовал наступательно, сделав себя защитником современного понимания религии и отделения церкви от государства. Конвент демократической партии в Лос-Анджелесе выдвинул его в июле 1960 года уже в первом туре кандидатом в президенты, а Кеннеди завершил успех, приобретя в качестве кандидата на пост вице-президента южанина Линдона Джонсона. При вступлении в предвыборную борьбу он провозгласил прорыв к *«новым границам»*, этот лозунг с сильной тягой к традиционному американскому влечению к миссионерству и освоению, выходя за границы предвыборной борьбы, стал отличительным знаком президентства Кеннеди.

В дискуссиях со своим республиканским противником Ричардом Никсоном, который как вице-президент Эйзенхауэра имел преимущество известности и опыта, Кеннеди выступал за социальные реформы, прогресс и движение вперед во всех областях. Прежде всего, он переложил на республиканцев, не касаясь лично популярного Эйзенхауэра, ответственность за потерю престижа США в мире и обещал сдерживать опасный упадок американской власти. При этом обращался к идеализму

своих соотечественников и готовности жертвовать, чем нашел сильный отклик, особенно среди молодежи и в интеллектуальных кругах. Деньги, хорошие связи семьи облегчили борьбу за благосклонность избирателей, так же как и организационный талант брата Роберта и собственная способность быстро устанавливать личные контакты с людьми. В использовании телевидения, которое впервые играло важную роль в предвыборной борьбе, Кеннеди оказался более ловким кандидатом. Многие наблюдатели и ученые и сегодня убеждены, что 4-кратные большие телевизионные дебаты между Кеннеди и Никсоном, за которыми следило около 100 миллионов американцев, имели решающее значение для юношески выглядевшего сенатора из Массачусетса. Отдохнувший и хорошо подготовленный Кеннеди устранил сомнения в своем политическом опыте и оставил по сравнению с усталым Никсоном впечатление свежести и динамики. В день выборов, однако, преимущество Кеннеди примерно в 120 000 голосов при участии в выборах 68,8 миллиона избирателей оказалось небольшим. Важен был, несомненно, успех Кеннеди в крупных городах, среди католиков и афро-американцев. Последним он был обязан усилиям по регистрации черных избирателей на Юге и, возможно, телефонному разговору с Кореттой Кинг, которую он за несколько недель до выборов заверил в своей солидарности с арестованным мужем, лидером движения за гражданские права Мартином Лютером Кингом.

Президентство Кеннеди с самого начала стояло под знаком нового и непривычного: первый президент, рожденный в XX веке, был в 43 года одновременно самым молодым избранным обладателем высшей должности в истории Соединенных Штатов и к тому же первым католиком в Белом доме. В инаугурационной речи 20 января 1961 года, которую он сформулировал вместе со своим блестящим референтом Теодором Соренсеном и с учетом внешней политики, четко проявились заботы и амбиции президента. С одной стороны, предостерегал от грозящей опасности уничтожения человечества ядерным оружием,

с другой стороны, он взывал к жизненной силе американской нации, которая призвана для защиты свободы: весь мир должен знать, что американцы *«заплатят любую цену, вынесут любое бремя, вытерпят любые лишения, поддержат любого друга и противостоят любому противнику»*, чтобы выполнить эту миссию. Глобальная конфронтация приближает *«час наивысшей опасности»*, и США должны вести *«длительную борьбу в сумерках»*. Позже постоянно цитируемой фразой: *«Не спрашивай, что может сделать для Тебя Твоя страна — спроси, что Ты можешь сделать для Твоей страны»* — Кеннеди призвал каждого из своих соотечественников взять на себя личную ответственность за наличие этого, касающегося существования соперничества. Речь произвела впечатление, но не всеми была воспринята позитивно. Ее апокалиптический подтекст, акцентирование самоотверженности и далеко идущие скрытые обязательства по отношению к союзникам и *«друзьям»* обеспокоили некоторых внимательных слушателей.

При распределении постов в кабинете и выборе штаба советников Кеннеди, в силу небольшого преимущества на выборах, должен был в определенной степени учитывать последовательность и надпартийность. Он назначил министром финансов прагматичного республиканца Дугласа Диллона, отозвал из отставки бывшего начальника штаба армии генерала Максвелла Тейлора и назначил его особым военным представителем, оставил Аллена Даллеса шефом ЦРУ, чтобы завоевать доверие делового мира, военных и интеллигенции. Сознывая, что с его победой был передан *«факел новому поколению»*, окружил себя прежде всего более молодыми специалистами и менеджерами, которыми частично восхищались как интеллектуальными *«яйцеголовыми»* или как *«мозговым центром»*, а частично с недоверием наблюдали. К ним, прежде всего, относится советник по национальной безопасности Макджордж Банди (род. в 1920 г.), декан Гарвардского университета; специализирующийся на вопросах экономики и деколонизации Уолт Ростоу (род. в 1916 году),

профессор истории в Массачусетском технологическом институте, и министр обороны Роберт Мак-Намара (род. в 1916 году), который после изучения экономических наук в Беркли и Гарварде поднялся до президента концерна Форда. Сильное влияние оказывал брат Кеннеди Роберт (род. в 1925 году), также учившийся в Гарварде, и который как министр юстиции нес главную ответственность за политику гражданских прав. К тесному кругу доверенных лиц относились далее гарвардский историк Артур Шлезингер младший (род. в 1917 году), юрист Теодор Соренсен (род. в 1928 году), который был ассистентом Кеннеди с 1952 года, а также пресс-секретарь Пьер Сэлинджер (род. в 1925 году). Так как Кеннеди хотел держать в своих руках все бразды правления внешней политики, то он провел Эдлая Стивенсона на пост посла США при Объединенных Нациях и выбрал министром иностранных дел лояльного и бесцветного Дина Раска (род. в 1909 году) из Джорджии, который под конец руководил Фондом Рокфеллера. Советника по внешней политике Кеннеди нашел в консервативном лагере в лице Дина Эйксона, который при Трумэне был государственным секретарем.

С командой Кеннеди, средний возраст которой составлял 45 лет (против 56 в администрации Эйзенхауэра), в Белый дом вошли новый дух и новый стиль. Соответственно лозунгу Ростоу: *«Давайте заставим эту страну снова двигаться»* институт президента должен был стать как внешне-, так и внутривластным центром вдохновения и инициативы для нации и всего *«свободного мира»*. В то время как Эйзенхауэр все сильнее познавал границы своих возможностей преобразования и к концу президентства проявил черты пассивности и разочарования, теперь царил бурная активность. Она основывалась на оптимистическом предположении, что с помощью интеллектуального анализа и энергичного руководства можно разрешить любую проблему и что США уже на основе просто силы воли можно сделать моделью глобальной модернизации. Это, с сегодняшней точки зре-

ния, наивное чувство «осуществимости» и образцового характера американского развития для всего мира было характерным для «имперского президентства», которое Кеннеди представлял лучше, чем его предшественники и преемники.

Преобразование коснулось также организации правительственного аппарата, который Эйзенхауэр подогнал под военную структуру штаба мировой войны. Эту систему, основанную на иерархической компетентности и ясном следовании приказов по инстанциям, Кеннеди, не имевший большого опыта с бюрократией, заменил гибким, неортодоксальным, очень личным стилем руководства. Решающий центр переместился из кабинета в Совет Национальной Безопасности, члены которого часто небольшими, специально для этого образованными группами и комитетами обсуждали очередные проблемы. Кеннеди ожидал, что его советники и привлеченные эксперты будут предлагать ему несколько вариантов, из которых он сможет выбрать подходящее решение. За преимущества подвижности и творчества, которые бесспорно имел такой менеджмент, нужно было платить недостатками, к которым относились трудности координации между министерствами и определенная скачкообразность и недостаточная предсказуемость в процессе принятия решения.

Рука об руку с новой организацией шло изменившееся самопреподнесение, в котором Кеннеди предпочтительно использовал телевидение, чтобы установить прямое, непосредственное общение с американским народом. Повод для этого давали не только большие речи о положении нации или внешнеполитические кризисы, но и регулярные пресс-конференции, на которых Кеннеди без специальной подготовки отвечал на вопросы журналистов. Более широкую сцену, только сейчас воспринимаемую правильно, представляли собой поездки за границу. Они давали Кеннеди возможность произносить программные речи в символических местах и «окунуть» телевидением прямо в

американские дома и способствовало его популярности. Помимо этого, Кеннеди поддерживал близкие отношения с ведущими журналистами такими, как, например, Джеймс Рестон из «Нью-Йорк Таймс», от которых в ответ ожидал самоограничения, если они высказывались по чувствительным вопросам национальной безопасности. Важным козырем Кеннеди был ораторский дар, который он совершенствовал постоянными упражнениями. Один немецкий наблюдатель свидетельствовал, что он излучает атмосферу, *«которая является одновременно холодно-деловой и располагающе сердечной... Сегодня можно делать политику, если только трезво, по-деловому и с определенной долей иронического превосходства соблюдать дистанцию к вещам»*. Реализм и откровенность, на которые президент часто считал способной свою публику, должны были убедить в том, что поставленные цели возникли не из мечтательного идеализма, а были разумны и достижимы. После Линкольна, Теодора Рузвельта, Вильсона и Франклина Рузвельта американцы снова нашли в Кеннеди харизматическую личность вождя, и средства массовой информации усиливали это воздействие во всем мире. Для американской правительственной системы это, однако, означало, что вес чувствительно переместился с отдельных штатов на федеральное правительство, а там — с законодательной на исполнительную власть.

Но как раз в области внутренней политики Конгресс оказывал значительное сопротивление намерению президента взять на себя инициативу и добиться законодательной программы. От случая к случаю республиканцы и консервативные демократы южных штатов приходили к альянсу, который тормозил подъем администрации Кеннеди. Внутриполитически *«новые границы»* содержали честолобивую повестку дня, на которой стояли оживление экономики посредством снижения налогов, улучшение социального страхования, обслуживания больных и образования, оздоровление городов и прогресс в расовой интеграции. Многие из этих инициатив застряли в Кон-

грессе или не могли быстро осуществиться в комплексной федеративной системе. В экономическом отношении Кеннеди получил пользу от благоприятной конъюнктуры, большое снижение налогов по большому счету было излишне. Совокупный общественный продукт возрастал в среднем на 5% в год, и темп инфляционного роста цен, несмотря на легкое повышение государственной задолженности, составлял только 2%. Члены экономического совета под руководством Уолтера Хеллера были убеждены, что экономику можно привести к длительному, без колебаний курсу роста «командными» методами. Когда им, наконец, удалось при президенте Джонсоне осуществить на практике свои представления, многие из предположений оказались иллюзорными.

Кеннеди смог сильно наложить свой отпечаток на внешнюю политику, когда в октябре 1962 года Конгресс уполномочил его законом о расширении торговли к действительному снижению пошлин, которое потом проводилось во всем мире в рамках «*раунда Кеннеди*» ГАТТа до 1967 года. Если профсоюзы в общем благосклонно встречали администрацию Кеннеди, то в лагере предпринимателей преобладало недоверие, по крайней мере в начале, к интервенционистской экономической и финансовой политике Кеннеди. Это недоверие укрепилось, когда Кеннеди в 1962 году массивно повлиял на ценообразование сталелитейных концернов посредством снижения государственных заказов. Биржа отреагировала резким падением курса, но широкая общественность стояла за президента.

В расовом вопросе тактика Кеннеди была осторожной, чтобы без необходимости не раздражать белое население южных штатов. Принимая во внимание международное положение, он считал, что следует укреплять согласие американцев; с другой стороны, признавал необходимость прекратить дискриминацию черных, которая противоречила демократическим идеалам Америки и представляла собой уязвимое место для коммунистической пропаганды в «*третьем мире*». Застигнутая врас-

плох взрывоопасностью движения за гражданские права администрация часто была вынуждена действовать против своей воли. В серьезных случаях Кеннеди, не колеблясь, решительно демонстрировал авторитет федерального правительства. Многократно он посылал федеральную полицию или федеральные войска на Юг или мобилизовал национальную гвардию, когда дело доходило до расовых волнений или когда препятствовали доступу черных в школы и университеты. Когда в 1963 году он направил Конгрессу проект закона о гражданских правах, то более 200 000 белых и черных поборников гражданских прав под руководством Мартина Лютера Кинга устроили демонстрацию за его быстрое издание в Вашингтоне. Кеннеди опасался насильственных действий, но потом объяснил свою поддержку по телевидению следующими словами, что нация *«не будет действительно свободной, пока не будут свободны все ее граждане»*. Обещание одинаковых гражданских прав, особенно неущемленного избирательного права для черных на Юге, было выполнено Конгрессом только после смерти Кеннеди.

Особое внимание с самого начала президент уделял внешней политике. Здесь ни Конгресс не сдерживал его воли, ни конституция не устанавливала ему ясно видимых барьеров. За его короткое президентство наблюдалось еще небывалое до этого скопление кризисов и конфликтов. Сознание, что Советский Союз принудил США к *«глобальной обороне»*, порождало необходимость демонстрации воли, твердости и силы, а также повышенную потребность в приобретении международно-политического престижа. Одновременно Кеннеди полностью осознавал опасности для существования человечества, порождаемые атомной и водородной бомбами. В отличие от его иногда острой риторики, на практике он действовал весьма осторожно и пытался сдерживать на минимальном уровне риск эскалации. При этом как хороший политик всегда учитывал интересы демократической партии и перспективы переизбрания. Он был склонен переоценивать

мощь коммунистических диктатур в Советском Союзе и Китае и жил в постоянной заботе о том, что США могут потерять свой авторитет как великая держава у союзников и у врагов. Поэтому мощной программой обычного вооружения Кеннеди хотел расширить пространство для собственных действий. С помощью новой стратегии скрытой войны он надеялся справиться с проникновением коммунистически инспирированных, поддерживаемых Москвой и Пекином освободительных движений в колониях и бывших колониальных областях.

Горячими точками «холодной войны» стали Берлин и Куба, два очага кризиса, неразрывно связанные друг с другом, потому что Советский Союз мог оказывать давление на Западный Берлин, чтобы удерживать США от действий против своих кубинских сателлитов. Это соображение сыграло уже свою роль, когда Кеннеди высказался во время кризиса в апреле 1961 года против открытой военной поддержки кубинских эмигрантов, которые с помощью ЦРУ высадились на остров. Большой внутриполитический ущерб президент предотвратил, взяв на себя полную ответственность за плачевную неудачу этой, еще при Эйзенхауэре запланированной, операции. Отношения с директором ЦРУ Алленом Даллесом и начальником Генерального штаба, которые отводили предприятию высокие шансы на успех, были вследствие этого надолго омрачены.

На конференции на высшем уровне в Вене 3–4 июня 1961 года уверенный в себе Никита Хрущев сообщил еще неуверенному во внешнеполитических делах Кеннеди о намерении заключить сепаратный мирный договор с ГДР. Кеннеди оценил эту первую попытку личной дипломатии как собственное поражение, потому что он уступал Хрущеву в идеологической дискуссии. 13 августа 1961 года правительство США было, несмотря на различные намеки секретных служб, застигнуто врасплох строительством Берлинской стены и ему потребовалось более суток, чтобы высказать свое мнение. Так как Советский Союз не действовал непосредственно против Западного Берли-

на и не посягал на свободный доступ в Берлин, оцениваемый как *«существенно важный»*, то Кеннеди не видел причины расширять кризис со своей стороны. Явная готовность американцев примириться с фактическим делением города и нации, подействовала на многих немцев как шок, который исключил их надежду на объединение. Бундесканцлер Аденауэр подозревал, что правительство США может уступить еще больше в вопросе статуса Западного Берлина. Соответствующие восточно-западные переговоры так же не состоялись, как и грозящий сепаратный мирный договор между Советским Союзом и ГДР.

На краю атомной войны оказались державы в драматическом Кубинском кризисе в октябре 1962 года. И здесь позиция Кеннеди характеризовалась осторожностью и сдержанностью, хотя размещение советских ракет средней дальности с атомными боеголовками на Кубе представляло собой непосредственный вызов США. В штабе по решению кризиса в Белом доме, который заседал почти непрерывно в течение двух недель, Кеннеди отклонил как бомбардировку ракетных позиций, так и вторжение на остров. Вместо этого он решился на *«мягкий»* вариант *«карантина»* Кубы посредством американских морских соединений. Несмотря на чрезвычайную напряженность, между Кеннеди и Хрущевым не обрывалась нить переговоров. Президент облегчил своему визави переход на примирительную позицию, обещав, что в случае отвода ракет США не будут больше нападать на Кубу в военном плане. (Позже, однако, Кеннеди уполномочил секретные службы на усилия *«дестабилизировать»* ненавистный ему режим Кастро.) Если бы Хрущев упорно придерживался своего требования об одновременном выводе американских ракет из Турции, то Кеннеди, через посредничество ООН, пошел бы на еще большие уступки.

Западная общественность, не знавшая заднего плана кризиса, праздновала исход конфликта как личный триумф президента. Сам же Кеннеди смотрел на вещи на-

много трезвее, после того как заглянул в «ядерную бездну». Он пришел к убеждению, что Советское правительство разделяет его интерес в ограничении гонки вооружения и что он с Хрущевым, с которым мог прямо связаться по «красному телефону», должен сообща работать над этой целью. Это были первые ростки «политики разрядки», мотивы и цели которой он подробнее изложил в программной речи в Американском университете 10 июня 1963 года. Здесь он отдал должное тяжелым потерям Советского Союза во время второй мировой войны и стимулировал усиленную коммуникацию между Востоком и Западом, чтобы преодолеть заколдованный круг взаимного недоверия. Первого конкретного успеха он достиг соглашением о прекращении ядерных испытаний, которое подписал вместе с британским премьер-министром Гарольдом Макмилланом и Хрущевым. В это время в Вашингтоне уже внимательно следили за растущей напряженностью между Советским Союзом и Китаем. Кеннеди, кажется, даже надеялся на то, что сможет склонить Москву к совместным действиям против китайской программы атомного вооружения.

Но неразвитые и освобожденные от колониального господства области мира Кеннеди ни в коем случае не хотел уступать коммунистическим советам без боя. Глядя в будущее, он считал этот «третий мир» собственным «полем боя» в конфликте между диктатурой и демократией. Он делал ставку на комбинацию экономической помощи и военной поддержки с целью воспрепятствовать тому, чтобы коммунисты использовали для своих политических целей социальные конфликты, неизбежно возникающие при переходе к современности. При этом он хотел, как доказывает его подход к президенту Египта Насеру и его готовность к «нейтрализации» Лаоса, отмежеваться от основного принципа, что развивающаяся страна имеет возможность быть только за или против Запада. Нужно поддерживать некоммунистические, прогрессивно-националистические силы, даже если они взяли курс «вне блока». При этом администрация Кеннеди

оказалась, однако, перед двойной дилеммой: во многих случаях эти силы были так слабы, что не могли пробиться даже с чужой помощью; в других местах, особенно в Латинской Америке, их поддержка означала бы отказ от традиционно прозападных авторитарных режимов и необходимость примириться с хотя бы временными нестабильными отношениями. Пример с Насером опять же наглядно показывает, что Кеннеди и его советники старались правильно оценить самодинамику региональных конфликтов: сближение с Египтом было несовместимо с гарантией безопасности и поставками оружия для Израиля.

Две заслуживающие внимания инициативы, которые Кеннеди взял на себя с учетом *«третьего мира»*, отражают дух *«новых границ»* особенно четко: *«альянс прогресса»*, соглашение о кооперации с 19 латиноамериканскими государствами, на которое Конгресс предоставил 20 млрд долларов на 10 лет; и *«корпус мира»*, посылавший помощников развития в Африку, Азию и Латинскую Америку и основание которого вызвало восторженное одобрение как раз среди учащейся молодежи в США. Большие ожидания, связанные многими американцами с обоими проектами, однако, не оправдались. В силу огромных потребностей развивающихся стран, которые сильно недооценивал даже такой эксперт, как Ростоу, начатые Кеннеди финансовые и кадровые программы помощи могли способствовать только несущественным изменениям. Тем не менее президенту удалось пробудить в США проблемное сознание по вопросам развития, которого еще не было у европейцев.

Пробным камнем демонстрации решимости США соответствовать их всемирно-политической ответственности и остановить продвижение коммунизма Кеннеди выбрал Южный Вьетнам. Для него эта страна, где действовали в 1961 году 15 000 поддерживаемых Северным Вьетнамом и Китаем вьетконговских партизан, была стратегическим ключом ко всей Юго-Восточной Азии. Прямое военное вторжение, как это среди прочих требовали генерал Тейлор и Ростоу, он, однако, отклонил. Более того, борьба

должна была вестись согласно как раз разработанной доктрине «скрытой войны» подспудно, сочетанием военных, экономических и психологических мероприятий. Цель состояла в том, чтобы завоевать «сердца» и чувства южновьетнамского населения и тем самым иссушить запас симпатий к партизанам в этой стране. После первоначальных успехов в июле 1962 года по предложению Мак-Намары было решено постепенно с 1965 года вернуть около 6000 американских военных советников. С 1963 года, однако, положение ухудшилось, и к концу года число военных советников США в Южном Вьетнаме возросло уже до 16 000. Но еще 2 сентября 1963 года Кеннеди заявил, что это война вьетнамского народа и в последней инстанции вьетнамцы сами должны ее выиграть или проиграть. После убийства диктатора Дьема в начале ноября 1963 года, в котором ЦРУ участвовало по крайней мере опосредованно, незадолго до смерти президента американская активность вступила в новую стадию. Как бы Кеннеди реагировал на изменившиеся обстоятельства, является наиболее спорным вопросом в исследованиях и публицистике. Если учесть его общую осторожность и установку на «скрытую войну», то предположение, что под руководством Кеннеди США не вявались бы в обычную войну, нельзя игнорировать.

В другом круге проблем в трудно распутываемый клубок переплелись вопросы ядерной стратегии, политики в Европе и отношений с союзниками. Кеннеди и Мак-Намара намеревались заменить доктрину «массированного возмездия», которая основывалась на устрашении, более гибкой стратегией, чтобы на каждой стадии эскалации соответственно реагировать на возможные конфликты. Это требовало усиления обычных вооруженных сил, которое Кеннеди энергично проводил уже во время своего пребывания в должности президента. У европейских партнеров по союзу это переориентирование вызвало озабоченность тем, что США могут «оторваться» от НАТО и «продырявить» их гарантию атомной защиты. Идея состоящей из кораблей «многосторонних

ядерных сил», которой Кеннеди хотел подсластить европейцам свою концепцию, не получила, исключая Бонн, взаимной любви и никогда не была реализована. Так же мало успеха было суждено иметь «большому дизайну» Кеннеди, плану новой сходной структуры, в котором Западная Европа должна была играть роль младшего партнера американской ведущей державы. Этот план столкнулся с представлением французского президента Шарля де Голля о «Европе отчизн», которая станет самостоятельной державой между Советским Союзом и США. Тяжелым ударом для Кеннеди явилось наложенное де Голлем в январе 1963 года вето на одобренное США вступление Великобритании в ЕЭС. Не менее разочарован он был и тем, что вскоре Аденауэр подписал в Париже немецко-французский договор о дружбе. В ответ на американское давление бундестаг «смягчил» соглашение преамбулой, в которой подчеркивалась необходимость атлантического сотрудничества. Визит Кеннеди в Германию в июне 1963 года в первую очередь служил цели отговорить население ФРГ от «ложного пути» немецко-французского альянса, направленного против США. Триумфальные приемы, которые ожидали президента в Кельне, Франкфурте и Берлине, показали, что его расчет был верен. В памяти немцев, еще находившихся в шоке от строительства стены, осталась прежде всего обновленная гарантия защиты Западного Берлина, символически подкрепленная сказанной по-немецки фразой: «Я — берлинец». Эти слова, направленные с площади перед ратушей в Шенеберге к сотням тысяч людей — а по радио и телевидению ко всем немцам — должны были выразить повсюду во всем мире внутреннюю связь между непоколебимостью жителей Западного Берлина и демократическими устремлениями.

Пять месяцев спустя после высшей эмоциональной точки его президентства Кеннеди был застрелен 22 ноября 1963 года во время поездки с автоколонной по Далласу. Посещение Техаса должно было служить подготовкой к борьбе за переизбрание в 1964 году. В речи, которую он

уже не смог произнести, говорилось, что американцы его поколения являются *«скорее волею судьбы, чем собствен-ного выбора, стражами на крепостных стенах свобо-ды мира»*. Развитие событий между покушением и похоронной процессией к национальному кладбищу Арлингтон, которая вызвала ассоциации с похоронной процессией Линкольна от Вашингтона до Спрингфилда, сжались в сознании многих современников в эпохаль-ный перелом, в *«потерю невинности»*, что позже нашло свое подтверждение в войне во Вьетнаме. Из-за этого отступили назад предположения, что Кеннеди мог быть жертвой заговора. Назначенная президентом Джонсоном следственная комиссия под руководством верховного фе-дерального судьи Эрла Уоррена пришла в 1964 году к выводу, что Ли Харви Освальд действовал в одиночку. С одной стороны, не было несомненных противополож-ных доказательств, а с другой, члены комиссии явно не хотели дополнительно волновать население спекуляция-ми. Так же в 1977 году образованному Конгрессом след-ственному комитету не удалось пролить свет на этот вопрос. В прошедшем десятилетии много внимания уде-лялось теориям заговора — среди прочего назывались мафия, КГБ, кубинские эмигранты и ЦРУ, что было вызвано многочисленными книгами и фильмом Оливера Стоуна «ДФК» (1991). Но снятие запрета с до тех пор державшихся в секрете материалов, которое Конгресс предпринял в связи с вызванными фильмом дебатами, пока еще не дало достоверных оснований для версии заговора с целью убийства.

Трагический конец Джона Ф. Кеннеди, переросший пять лет спустя в результате убийства Роберта Кеннеди в семейную катастрофу, определенно в значительной сте-пени способствовал созданию легенды и возникновению *«мифа Кеннеди»*. Но есть и другие, более глубокие при-чины очарования, которое исходит от 35-го президента США. Джону Ф. Кеннеди удалось вывести американ-скую нацию из определенной летаргии, в которую она грозила впасть в последние годы президентства Эйзен-

хауэра. Он более чем выполнил обещание соотечественникам подарить им *«1000 дней напряженного президентского руководства»*. Он был *«чистокровным политиком»*, который, казалось, наслаждался стрессом правления вопреки постоянным болям в спине. Многие из его инициатив содержали хорошие начала, которые потом, однако, исполнялись без необходимой последовательности или временной горизонт которых далеко превышал срок его президентства. Заслуживающая внимания попытка одновременно вести *«холодную войну»* и проникнуть в суть сходства с идеологическим и политическим противником уже таила в себе все преимущества и противоречия позднейшей политики разрядки.

По крайней мере, в одном отношении видение *«новых границ»* приобрело конкретную форму: еще под впечатлением *«спутникового шока»* Кеннеди потребовал от Конгресса в мае 1961 года одобрить космическую программу, по которой США до конца десятилетия отправили человека на Луну и безопасно вернули его назад. Этим он дал сигнал старта для *«бега наперегонки к Луне»*, который американцы в июле 1969 года с небольшим преимуществом выиграли у Советского Союза. Кроме завоевания престижа проект «Аполлон», стоящий миллиарды долларов, означал массивную конъюнктурную программу и технологический рывок, который катапультировал США в компьютерную эру.

В личной жизни для самого Кеннеди и его семьи явно действовали другие масштабы, чем для простых смертных. Раздачей должностей своему брату Роберту и зятю Сардженту Шриверу (он руководил *«корпусом мира»*) Кеннеди вызвал на себя значительную критику. К этому добавилось и то, что его брат Эдвард, Тедди, занял освобожденное Джоном в 1960 году место сенатора (и занимает еще и сейчас). Семейная жизнь в Белом доме была во многих отношениях красивой видимостью, которой средства массовой информации удовлетворяли потребность массовой публики в романтическом почитании. Сочетанием интеллигентности, богатства, красоты, успе-

ха, власти и счастья Кеннеди воплощал в себе надежду, желания и иллюзии миллионов их соотечественников. Один комментатор справедливо заметил однажды, что американцы никогда не были так близки к монархии, как при Джоне и Джеки Кеннеди. Сексуальные эскапады президента, которые тогда не были известны общественности, сегодня, в изменившемся общественном климате, многими расцениваются как слабость характера. Зато уважение к Жаклин Кеннеди, на которую одно время обижались из-за ее второго брака с греческим судовладельцем Онассисом, еще больше возросло после ее смерти от рака в 1994 году. У нее не было политического влияния, но она умела как «первая леди» создавать свое поле деятельности. Благодаря ее интересу к современному искусству и культуре Белый дом и даже столица Вашингтон приобрели либеральный, открытый всему миру флер и авангард стал допустим в приличном обществе. Оба Кеннеди видели тесную связь между художественным творчеством и свободой, которые демократическое общество гарантирует индивидууму. Это завещание их короткого, интенсивного *«рандеву с историей»* сохраняют многие культурные институты столицы, но прежде всего центр Кеннеди на Потомаке, напротив их общей могилы в Арлингтоне.

Марк Фрей

ЛИНДОН Б. ДЖОНСОН 1963–1969

*Великое общество
и вьетнамская травма*

Lyndon B. Johnson

В опросах общественного мнения о деятельности и личности президентов, начиная с Франклина Д. Рузвельта, Линдон Б. Джонсон постоянно занимает одно из последних мест. Большинство американцев считают 36-го президента одержимым властью и хитрым оппортунистом, пытавшимся доминировать и манипулировать и впутав-

шим страну в единственную войну, которую Соединенные Штаты когда-либо проигрывали. Травматические события омрачили его президентство, начавшиеся с насильственной смерти Джона Ф. Кеннеди и сопровождавшиеся студенческими беспорядками и тяжелыми расовыми волнениями. Оно закончилось убийством афро-американского борца за гражданские права и лауреата премии мира Мартина Лютера Kinga и Роберта Ф. Кеннеди, являвшегося надеждой молодого поколения. Далекая война в джунглях перечеркнула обещание мира, свободы и благосостояния, данное Джонсоном, — Вьетнам стал Немезидой Америки, а президент — предателем «американской мечты». Почти полностью забыты его социально-законодательные достижения и заслуги в области гражданских прав.

Линдон Бейнс Джонсон родился 27 августа 1908 года недалеко от Стоунуолла, Техас, ровно 100 километров западнее Остина. Его отец, Сэмюэл Джонсон младший, был фермером, маклером, позже служащим железной дороги. Временно — депутатом демократической партии в палате представителей Техаса. Мать Ребекка Бейнс после замужества оставила профессию журналистки. Линдон Джонсон, его три младшие сестры и брат не росли в бедности, как потом он постоянно утверждал. Условия были скромными, но электричества и водопровода не было в первых десятилетиях XX века нигде в холмистой местности Техаса, к этому ландшафту Джонсон был привязан всю свою жизнь. Годы юности наложили на него свой отпечаток: экономические возможности семьи были ограничены, и она страдала от постоянного падения цен на сельскохозяйственные продукты. Семья вынуждена была влезть в долги, чтобы Линдон Джонсон смог получить образование в Юго-западном педагогическом колледже штата Техас. Для честолюбивого, смышленного, чувствительного и неуверенного молодого человека, постоянного нуждающегося в самоутверждении, колледж не был стимулом. Итоги специализации по истории и английскому языку были средними. Свою почти безгра-

ничную энергию и неукротимый рабочий напор, который до конца жизни редко давал ему спать больше 4 часов в сутки, он впервые проявил во время школьной практики в 1928–29 годах. В высшей степени успешно преподавал детям мексиканских переселенцев в одной сегрегационной школе в Котулле, Техас. На местную знать и преподавателей колледжа это произвело большое впечатление. Когда демократический депутат палаты представителей Ричард Клебер в конце 1931 года искал ассистента, то выбор пал на Линдона Джонсона. Во время деятельности в качестве начальника бюро в Вашингтоне, который в это время находился под знаком мирового экономического кризиса, он накопил значительный опыт и завязал многочисленные контакты. Как бы между прочим в сентябре 1934 года познакомился с Клаудией Алтой Тейлор, которую в семье называли «леди птица». Они поженились, по настоянию Джонсона, два месяца спустя. В 1935 году был назначен директором Национальной молодежной администрации в Техасе, учреждения по делам безработной молодежи. Его репутация активного, либерального сторонника «нового курса» и прекрасного организатора обеспечила 28-летнему Джонсону на дополнительных выборах 1937 года место в палате представителей. Как ревностный поборник интересов своего техасского избирательного округа и родного района, Джонсон направил более 70 млн долларов на мероприятия по трудоустройству и проект строительства плотины, завоевав этим симпатии всех слоев населения. При этом Джонсон получил и личную пользу. Доход, которым он поддерживал всю семью, значительно возрос благодаря подаркам и морально сомнительным указаниям для капиталовложений. В 1941 году ему не удалось войти в сенат в результате манипулирования на выборах его конкурента.

Как член Комитета вооруженных сил палаты представителей и старший лейтенант запаса Джонсон в 1942 году был награжден за боевые действия на Тихом океане, в которых участвовал в качестве наблюдателя. В

1948 году при резком изменении в распределении голосов между партиями он смог на предварительных выборах в сенат, сопровождавшихся также незаконными действиями, победить с незначительным преимуществом в 87 голосов своего конкурента. Он сумел в программном плане нигде не вызвать недовольства. Бедным избирателям обещал расширение социального страхования и дотации для сельского хозяйства, нефтяной промышленности предлагал себя в качестве защитника ее интересов, консерваторам намекал на свое сопротивление прогрессивной политике гражданских прав президента Трумэна. Во внешней политике выделялся своим категоричным антикоммунизмом, энергично выступал за повышение бюджета обороны и одобрял план Маршалла и НАТО. Эта программа была характерной для политики Джонсона. Он пытался полюбовно учитывать отдельные интересы, найти объединяющий средний путь и как сенатор, а позже как президент, быть представителем, да и слугой всех американцев.

В сентябре Джонсон быстро сделал карьеру. Уже в 1951 году стал парламентским организатором демократической фракции, год спустя — лидером фракции меньшинства, а после выборов в Конгресс в ноябре 1954 года лидером большинства. Он насквозь, как никто другой, видел сложные переплетения власти в Конгрессе и отношения между сенатом, палатой представителей и президентом. Выдающийся тактик, он стал одним из влиятельнейших лиц в Вашингтоне. Уважение и влияние ему создавали не публичные выступления, а действия за кулисами. Важнейшими результатами его деятельности в сенате являлись дискредитация сенатора Джозефа Маккарти, развязавшего антикоммунистическую *«охоту на ведьм»*, которая зашла слишком далеко даже с точки зрения Джонсона, издание закона о космонавтике в 1958 году и участие в создании Национального управления по аэронавтике и исследованию космического пространства (НАСА). Как особый успех Джонсона рассматривалось осуществление закона о гражданских правах 1957 года. Этот предложенный президентом Дуайтом

Д.Эйзенхауэром и относительно неаффективный закон должен был обеспечить афро-американцам на Юге избирательное право, чему до этого широко препятствовали. Без активного участия Джонсона не было осуществлено даже это скромное начало на пути к полному гражданскому праву. Он разбавил первоначальный проект Эйзенхауэра, предусматривавший особую подсудность, с помощью которой афро-американцы могли оспаривать свое избирательное право. Как и другие депутаты с Юга, Джонсон рассматривал это как односторонне направленную против южных штатов дискриминацию. Когда он вычеркивал этот пункт из проекта, то уже выступал как сторонник давно назревших реформ гражданских прав. Его умеренная позиция нашла в Конгрессе широкую поддержку, разрядила разбухающий кризис между Севером и Югом, между консервативными и либеральными демократами, и проложила путь первому закону о гражданских правах со времен реконструкции.

На выборах 1960 года политические наблюдатели отводили Джонсону хорошие шансы на выдвижение кандидатом на пост президента от демократов. Однако расчет на то, что он будет выжидать и надеяться, пока различные претенденты взаимно исключают друг друга и в конце он останется единственным фаворитом, не оправдался. Когда 5 июля 1960 года за несколько дней до начала демократического конвента он выставил свою кандидатуру, было уже слишком поздно. Не он, а Джон Ф. Кеннеди стал выразителем надежд внутренне разобщенной конфликтами партии. Чтобы завоевать голоса на Юге, Джонсон был вынужден довольствоваться почетным, но политически не влиятельным вторым местом вице-президента при Кеннеди. Последующие годы характеризовались разочарованием. Выпускник Гарварда и уверенный в себе, явно наслаждающийся своей должностью Кеннеди вызвал в техасском «ковбое от политики» сильнейшую неуверенность и чувство неполноценности. Принужденный к чистому представительству, Джонсон напрасно пытался придать своей должности

политические очертания. Кеннеди не использовал его контакты с сенатом и не привлекал, за небольшим исключением, к процессам принятия политических решений. Но в области космонавтики и вопросе гражданских прав Кеннеди признавал за своим заместителем определенную собственную ответственность. Также многочисленные заграничные поездки не предоставляли ему возможности развернуться политически, а служили представительству Соединенных Штатов и их президента. Среди прочих поездок он 19 августа 1961 года, несколько дней спустя после воздвижения стены, посетил Западный Берлин, чтобы продемонстрировать блокированному городу продолжительную и неограниченную поддержку Америки. Его восторженно принял миллион берлинцев.

Убийство Кеннеди сразу вывело Джонсона в центр власти. 22 ноября 1963 года его машина шла прямо за автомобилем Кеннеди, когда были произведены смертельные выстрелы в президента. Сотрудники службы безопасности бросили его на пол автомобиля, который с сумасшедшей скоростью следовал за умирающим Кеннеди в больницу. В 14 часов 39 минут, около двух часов спустя после трагических событий, Джонсон был приведен к присяге на борту военного самолета. Первым действием нового президента, приведение к присяге которого одним показалось странной излишней поспешностью, а другим — обеспечиванием американской дееспособности, был приказ: *«Взлетаем вверх»*. Как и подавляющее большинство американцев, он был глубоко потрясен событиями в Далласе. По отношению к вдове и бывшим сотрудникам Кеннеди он вел себя тактично и великодушно. Большинству успешно предложил остаться в правительстве. Но личное участие сочетал с тонким чутьем на людей власти. Популярность Кеннеди, его миф и атмосфера оцепенения после убийства можно было отлично превратить в политический капитал. Наконец появился повод стать равным идеалу Франклину Д. Рузвельту. Программа Джонсона заключалась в кадровой и политической непрерывности. Сверх этого он решитель-

но выступил за укрепление и расширение существующей социальной политики. Так, в своем первом правительственном заявлении 8 января 1964 года он провозгласил *«безоговорочную войну против бедности»*.

Как никакой другой президент до него, Джонсон разбирался в законодательных процессах и слабых и сильных сторонах американской правительственной системы. Со времен Рузвельта был приверженцем активного федерального правительства и сильного института президента. Не только внешнюю политику он рассматривал как вотчину президента: во внутренней политике предоставлял Конгрессу функцию политического средства исправления, власти, правящей по инициативе президента. Техасский школьный учитель, добравшийся за долгие годы в Конгрессе до уровня лидера большинства, рассматривал свое правительство как семью, как свою собственность. В этой сфере личной власти, где повсюду господствовало сокращение «ЛБД», он правил безгранично. Он доводил себя и своих сотрудников до крайности, контролировал все правительственные дела и лично следил за каждым политическим процессом. За первые два года президентства он затмил все другие конституционные органы — один стал господствующим политическим фактором.

Представленный еще Кеннеди, но застрявший в Конгрессе закон о гражданских правах он смог издать в течение кратчайшего времени. Закон о гражданских правах 1964 года, который дал, наконец, афро-американцам на юге избирательное право и ввел равноправие мужчин и женщин, по праву определяется как важный шаг по пути равноправия полов и этнических и религиозных меньшинств со времен Билля о правах 1791 года. Подавляющая победа на выборах над архиконсервативным республиканцем Барри Голдуотером в ноябре 1964 года — Джонсон победил с большинством в 15 млн голосов (61,1% избирателей) — дала ему возможность осуществить мечту всей его жизни: выполнить лелеемую еще с учительских времен надежду улучшить условия жизни *всех* американцев. Поток законов, которые Кон-

гресс по инициативе администрации Джонсона издал под лозунгом *«великое общество»* за два последующих года, не обнаруживает единой программной структуры и не вытекает из какого-либо идеологического образца. Джонсон был прагматиком, понимал себя таковым. В отличие от своего предшественника умел ловко обходиться с Конгрессом. Мастерски завоевывал сопротивляющихся сенаторов и выжидал нужного момента, чтобы представить законопроект. Не зря 89-й Конгресс вошел в американскую историю как *«конгресс осуществления»*. Своими намерениями Джонсон реагировал на постоянно растущий нажим со стороны либеральной Америки, афроамериканского движения за гражданские права, женского движения и протестующих студентов. Верховная судебная палата под руководством Эрла Уоррена также целым рядом значительных решений в процессах о гражданских правах сигнализировала о необходимости обширных общественных реформ. Но Джонсон не только не плыл по течению общественного развития, а пытался влиять на него и управлять им.

Закон об избирательном праве 1965 года удвоил в течение одного года участие в выборах на Юге афроамериканцев. Другой законодательной вехой явилось создание страхования на случай болезни для пожилых и бедных, а также мероприятия по развитию школ, университетов, музеев и других образовательных учреждений. Было стимулировано жилищное строительство внутри городов, изданы радикальные законы по защите окружающей среды и создана защита прав потребителей. Новый иммиграционный закон отменил дискриминирующее положение 20-х годов против азиатских иммигрантов и благоприятствовал внешнеамериканской иммиграции. На фоне процветающей экономики Джонсон смог даже провести планируемые еще Кеннеди понижения налогов для частников и специалистов. Средний доход американских семей возрос за 60-е годы реально на 85%. Однако уже в 1967 году были сокращены многочисленные социальные программы и снова повышены налоги, пото-

му что война во Вьетнаме поглощала огромные суммы. Такие мероприятия, как продуктовые карточки для бедных, в перспективе оказались тяжким бременем для федерального бюджета. Несмотря на все недостатки и отклонения, успехи «великого общества» впечатляют: если в 1965 году ровно 90% живущих на юге афро-американцев не могли участвовать в выборах и только несколько сотен из них занимали высокие государственные посты по всей стране, то двадцать лет спустя участие черных в выборах соответствовало в процентном соотношении участию белых американцев, и 6000 афро-американцев занимали значительные государственные должности. Если в 1965 году более половины всех пенсионеров не имели страховки на случай болезни и треть из них жила ниже официальной черты бедности, то двадцать лет спустя эти социальные феномены были устранены. Число американцев, живущих ниже прожиточного минимума, снизилось с 17% в 1965 году до 11% в 1973 году, а если учесть государственные продовольственные пособия, то в 1973 году это число составляло не более 6,5%. Потом, однако, тенденция развития повернула назад.

Во внешней политике Джонсон ориентировался на направление Кеннеди. Он осторожно выступал за лучшее сотрудничество с Советским Союзом. Вопреки значительному сопротивлению в Конгрессе, но к радости американских фермеров он предоставил Москве большие кредиты на закупку зерна: в 1968 году подписал договор о нераспространении ядерного оружия, а в конце своего президентства работал над вступлением в переговоры об ограничении атомного вооружения (ОСВ-1). Однако ввод американских войск в сотрясаемую политическими кризисами Доминиканскую Республику (1965 год) показал его, наконец, как традиционного борника политики сдерживания и привел к потере симпатий к США в Латинской Америке. Джонсон интерпретировал призыв к реформам как попытку управляемого Кубой коммунистического подрыва. Его известное как «Доктрина Джонсона» обоснование участия в военных

действиях гласило, что Соединенные Штаты должны везде защищать своих граждан (2 мая 1965 г.). Американско-немецкие отношения все больше отягощались проблематикой валютной компенсации. Отклоненное требование Джонсона к федеральному правительству под руководством Людвига Эрхарда в качестве вознаграждения за размещение американских войск усиленно закупать вооружение в Соединенных Штатах, чтобы стабилизировать соотношение обменного курса между долларами и маркой ФРГ, способствовало свержению канцлера осенью 1966 года. В шестидневной войне (5—10 июня 1967 года) администрация Джонсона встала на сторону Израиля и таким образом сильнее, чем правительство Кеннеди, отклонилось от нейтральной линии, которой пытался придерживаться Эйзенхауэр в ближневосточном конфликте.

Его закостенелое мышление *«друг — враг»* и опасение того, что он противостоит мировому коммунистическому заговору, стали для Джонсона роковыми. Не социальная, а внешняя политика стала центром его президентства. Кричащие ошибочные решения и информационная политика, которая намеренно скрывала масштаб американской активности во Вьетнаме, вылились в 1967 и 1968 годах в тяжелый кризис общества с беспорядочными и кровавыми столкновениями. После убийства президента Нго Динь Дьема в ноябре 1963 года вьетнамскими военными, которые состояли в связи с агентами ЦРУ, в Южном Вьетнаме обострилось внутривластное положение. Национальный фронт освобождения (НФО), союз из коммунистов и ориентированных на реформы буржуазных сил, мог политически и военной силой взять власть и грозил взять под свой контроль страну, управляемую сменяющимися военными хунтами. Джонсон отреагировал на это отсылкой очередных военных советников и вооружением южно-вьетнамских войск. До сих пор не выясненный военный инцидент в Тонкинском заливе, в котором американские военные корабли были обстреляны северовьетнамскими морскими соединениями, он использовал 7 августа 1964 года как

предлог, чтобы провести через Конгресс без всякой оппозиции уже подготовленную резолюцию о Тонкинском заливе. Это решение дало президенту право применять «подходящие средства», чтобы отражать нападения на американские части. Понятая Конгрессом как решение об обороне в отдельном случае, Тонкинская резолюция представляла для Джонсона и его важнейших советников, министра иностранных дел Дина Раска, министра обороны Роберта Мак-Намары и советника по безопасности Макджорджа Банди своего рода «полномочия бланко» и функциональный эквивалент объявления войны. Число американских солдат в Южном Вьетнаме постоянно росло в последующие годы и достигло весной 1968 года 550 000, хотя в конце 1964 года там находилось 23 000 американских военных. Гражданская война в Южном Вьетнаме приобрела международный характер и стала войной Соединенных Штатов против коммунистического Северного Вьетнама во главе с Хо Ши Мином и его пособниками на Юге. Массированные бомбардировки, в которых на Северный и Южный Вьетнам было сброшено в три раза больше взрывчатых веществ, чем во второй мировой войне (всего 7,5 млн тонн), должны были принести победу над коммунистами. Сотни тысяч человек гражданского населения были убиты, полностью разрушились инфраструктура и экономика Севера, но против партизанской тактики НФО и легендарного генерала Во Нгуен Зиапа, как и против недоверия сельского населения, средства ведения обычной войны были бес- сильны.

С 1966 года война стала господствующей над всем темой американских средств массовой информации. Изо дня в день телевидение транслировало картины ужасных событий в миллионы американских квартир. Собственные потери возрастали (до 1969 года свыше 23 000 погибших), и утверждение Джонсона, что США идут по улице победителей, звучало как насмешка. Доверие к оптимистическим заявлениям президента полностью разрушилось весной 1968 года. Если незадолго до этого глав-

нокомандующий генерал Уильям Уэстморленд еще видел *«свет в конце туннеля»*, то наступление в феврале 1968 года доказало нестигаемую боевую силу противника. Длящиеся неделями ожесточенные бои за удерживаемые до этого американскими и южновьетнамскими войсками города, а в первую очередь сражения на охраняемой территории американского посольства в Сайгоне, глубоко потрясли американское население. Для НФО наступление было военной неудачей — ожидаемое восстание в городах не состоялось, потери в живой силе были огромны, и с тех пор война координировалась исключительно Северным Вьетнамом. Политическое воздействие на Соединенные Штаты было, однако, очень серьезным. Апострофа сенатора Уильяма Фулбрайта *«Высокомерие власти»* подорвала авторитет Соединенных Штатов в мире, уверенность американцев в свои силы и перечеркнула желание Джонсона войти в историю великим президентом.

После того как 12 марта демократический противник войны и критик Джонсона Юджин Ф. Маккарти неожиданно выиграл предварительные выборы в Хэмпшире и перспективный Роберт Кеннеди четыре дня спустя вступил в борьбу за президентство, 31 марта 1968 года Джонсон объявил о прекращении бомбардировок Северного Вьетнама и об отказе участвовать в выборах в качестве президента. Его надежда, несмотря на войну, на продвижение вперед и финансирование *«великого общества»*, оказалась обманчивой и опасной. В глазах многих американцев Джонсон стал недостойным доверия. Для них больше не согласовывалась борьба против бедности в собственной стране и война против бедной страны далеко от Америки. В определяемой радикализированными мнениями политической атмосфере 1968 года средняя позиция была уже невозможна. Джонсона критиковали со всех сторон. Один считал его расточителем общественных денег, которые было бы лучше направить на преодоление бедности, для другого его военная политика во Вьетнаме была слишком нерешительной и мало-

душной. Как президент-неудачник он возмущался находящееся под угрозой агонии правительство.

Во внешней политике Соединенные Штаты попали в тяжелое положение благодаря взятой на себя международной политической ответственности — во Вьетнаме американская власть натолкнулась на свои границы. «Глобализация» американской внешней политики значительно ограничила действия Соединенных Штатов при подавлении «Пражской весны» войсками Варшавского договора (21 августа 1968 года). Внутриполитически 1968 год характеризовался тяжелыми волнениями. После убийства Мартина Лютера Кинга 4 апреля 1968 года в 125 городах Соединенных Штатов прошли тяжелые расовые волнения, которые до основания потрясли устой американского общества. Демонстрации сотен тысяч американцев соединялись с движением протеста афро-американцев и в конце концов вылились во всеобщую критику молодым поколением социальных недостатков, общественных норм и «системы» как таковой.

Джонсон пытался политически защитить свое наследство, поддержав выдвижение своего вице-президента Хьюберта Хэмфри, который после смерти Роберта Кеннеди хотел выиграть на выборах доходящей до смешного кампанией «политики радости». За пять дней до президентских выборов 30 октября 1968 г. Джонсон объявил о начале мирных переговоров с Северным Вьетнамом. Этим он хотел привлечь к Хэмфри многочисленных избирателей, но для победы демократов на выборах этого уже было мало.

Джонсон и его популярная жена «леди птица», которая в успешные годы «великого общества» также энергично выступала за улучшение условий жизни бедных американцев, вернулись в январе 1969 года на свое ранчо в Техасе. Физически усталый, без иллюзий и психически надломленный, Джонсон почти не появлялся на общественной сцене до самой смерти 22 января 1973 года. В последние годы своей жизни он заботился о детях своих

обеих дочерей, сочинил мемуары и написал автобиографическом библиотеки им. Линдона Б. Джонсона в Остине.

Исторические описания стараются сейчас справедливо оценить его личность и дело его жизни. Как социальный реформатор Линдон Б. Джонсон наряду с Авраамом Линкольном и Франклином Д. Рузвельтом относится к великим президентам Соединенных Штатов. Однако человек, который почти двадцать лет как сенатор, вице-президент и президент в значительной мере формировал судьбу своей страны, навсегда останется нелюбимой фигурой. Его имя останется неразрывно связанным с американским крушением во Вьетнаме. Как и вьетнамская война, Джонсон был долгое время вытеснен из коллективной памяти Америки, и даже его заслуги подвергались критике в консервативной Америке 70-х и 80-х годов.

Манфред Берг

РИЧАРД М. НИКСОН 1969–1974

Институт президентства в кризисе

Richard Nixon

Когда Ричард Никсон 9 августа 1974 года подписал свое заявление об отставке, то впервые в истории президент Соединенных Штатов досрочно отказался от своей должности. Этот беспрецедентный шаг казался единственным выходом из уже два года разбухавшей аферы Уотергейта, которая, кроме того, воспринималась как самый тяжелый конституционный кризис со времен гражданской

войны. При этом то, что в 1974 году закончилось личным позором, долгое время считалось «американской мечтой». Ричард Милхаус Никсон родился 9 января 1913 года в южнокалифорнийской Йорбе-Линда и поднялся из простых условий жизни до высшей государственной должности. Его родители, глубоко религиозные квакеры, имели маленький продовольственный магазин в местечке недалеко от Лос-Анджелеса. Детство и юность прошли в труде и бережливости и были омрачены смертью двух братьев, всего их было четыре. Интеллигентный, спортивный, одаренный музыкальным талантом и чрезвычайно честолюбивый молодой Ричард Никсон выделялся в местном колледже как превосходный студент. В 1934 году он получил стипендию для изучения права в университете Дьюк в Дареме, Северная Каролина, который закончил три года спустя третьим в своем выпуске. Своим товарищам он imponировал прежде всего железной дисциплиной. Его страстью были длящиеся часами дебаты, политически он признавал себя противником «нового курса».

Вернувшись на родину, стал сотрудником маленькой адвокатской канцелярии. Такой старт карьеры несколько разочаровал его. В июне 1940 года скорее робкий молодой человек после долгого ухаживания женился на Телме Кэтрин «Пэт» Риан, учительнице его возраста. У них родились две дочери, Патрисия (1946 год) и Джулия (1948 год). Как бы недоверчив и часто циничен он ни был по отношению к своим друзьям и противникам, гармоничная семейная жизнь давала поддержку для его своеобразной в американской истории политической карьеры.

Сразу после вступления Америки во вторую мировую войну супруги переехали в Вашингтон, округ Колумбия, где Никсон получил место в национальных органах контроля цен, которые вскоре показались ему воплощением произвола государственного вмешательства. Хотя, как квакер, был освобожден от военной службы, он добровольно, возможно с учетом будущей политической

карьеру, пошел в военно-морской флот. С конца 1942 по середину 1944 года он служил офицером снабжения на юге Тихого океана и был любим как начальниками, так и подчиненными. Служба не предоставляла возможности проявить героизм, зато он преуспел в игре в покер, выиграв значительную сумму в 10 000 долларов.

После увольнения с военной службы Никсону, которого считали консервативным и политически честолюбивым, предложили быть республиканским кандидатом от 12-го калифорнийского избирательного округа в американскую палату представителей. Он не только без колебаний принял предложение, но и финансировал предвыборную борьбу частично из своих сбережений, хотя демократ, занимавший эту должность, считался фаворитом. Разжигание страха перед коммунистами, которым республиканцы хотели выиграть выборы в Конгресс в 1946 году, окупилось и для Никсона, по его признанию, вопреки убеждению оклеветавшего своего соперника кандидата от оппозиции как сочувствующего коммунистам. С преимуществом в 13,3% голосов он вошел в палату представителей.

Молодой депутат не был фанатичным антикоммунистом, но решительно выступал за внутренне- и внешнеполитическое сдерживание коммунизма, а также за план Маршалла, который отвергали многие консервативные республиканцы. Прежде всего он понял, что страх перед коммунистическим проникновением можно прекрасно использовать в свою пользу, для чего членство в «комитете палаты представителей по расследованию антиамериканской деятельности» предоставляло идеальный форум. Сенсационное расследование против Эджера Хисса, бывшего высокопоставленного дипломата и президента Фонда Карнеги, которого один отступившийся от своих убеждений коммунист обвинял в том, что тот принадлежит к Коммунистической партии США и занимается шпионажем в пользу Советского Союза, сделало Никсона осенью 1948 года известным во всей стране. При том, что позже Хисс был стилизован под мученика, не следует забывать, что он не только был обвинен в

лжесвидетельстве, за которое был в 1950 году приговорен к 5 годам тюремного заключения, но и, возможно, в неподсудной за давностью лет измене родине.

Тактику доноса на своих противников, как на скрытых коммунистов, Никсон продолжил в 1950 году в предвыборной борьбе за место в сенате, когда он бестактно назвал свою соперницу Элен Дуглас *«Розовая леди»*. Она отплатила ему оставшейся за ним кличкой *«Ловкий сыщик»*, но это не смогло воспрепятствовать его огромной победе и, по-видимому, безудержному подъему. В 1952 году оба республиканских претендента на пост президента Роберт Тафт и Дуайт Эйзенхауэр старались привлечь в качестве кандидата на должность вице-президента Никсона, который активно встал на сторону популярного героя войны. Из-за разоблачений по поводу якобы нелегальных пожертвований на предвыборную борьбу его кандидатура чуть было не потерпела фиаско, если бы он не перешел, по-своему, в атаку и не мобилизовал в легендарном телевизионном обращении своих сторонников, внушив им трогательную историю, что якобы у его дочерей хотят отобрать подаренного его политическим другом кокер-спаниеля *Чекерса*. Этот эпизод освещает боевой дух Никсона и его ловкость в обращении с новым средством массовой информации — телевидением, но он и обострил, с другой стороны, его тенденциозно-параноидальное отвращение к критически настроенным журналистам.

Хотя между Эйзенхауэром и Никсоном так и не возникли тесные личные отношения, вице-президент играл важную роль как посредник между администрацией и республиканской партией. Он регулярно принимал участие в заседаниях кабинета и Национального Совета Безопасности (НСБ) и в 1955 и 1957 годах кратковременно замещал заболевшего президента. Прежде всего, у него появился интенсивный интерес к внешней политике, который привел его с официальным визитом не менее чем в 61 страну. Среди них были сенсационные выступления, такие как сопровождавшаяся националистскими беспорядками

рядками поездка по Южной Америке в 1958 году или словесная проба сил с Никитой Хрущевым в 1959 году в Москве («кухонные дебаты»). Никсон как вице-президент приобрел столь большой политический вес, что в 1960 году ни внутривнутриполитические соперники, ни скептически настроенный Эйзенхауэр не смогли помешать ему стать кандидатом от республиканцев.

Выборы президента в 1960 году закончились с незначительным преимуществом в 0,17% в пользу Джона Ф. Кеннеди, который въездом в Белый дом был не столько обязан своей привлекательной внешности и победе по пунктам в первой телевизионной дуэли с усталым выглядевшим Никсоном, сколько манипуляциям при выборах в Иллинойсе и Техасе.

Однако Никсон не бросил все, а попытался создать новую базу, выдвинув свою кандидатуру на пост губернатора Калифорнии. Однозначное поражение, которое он в 1962 году потерпел против демократического губернатора Эдмунда Брауна, казалось, закрепило конец его политической карьеры. На своей *«последней пресс-конференции»* он ругал журналистов и заявил об уходе из политики. Семья переселилась в Нью-Йорк, где Никсон поступил в известную адвокатскую контору.

Было ли это отречение серьезным, вызывает сомнение. В общем, начало 60-х годов было неблагоприятным временем для республиканцев, и в 1964 году Никсон предоставил ультраконсервативному сенатору Барри Голдуотеру жалко проиграть президенту Джонсону. Но два года спустя на выборах в Конгресс он снова вступил в предвыборную борьбу в качестве претендента в Белый дом. Между тем коренным образом изменился политический климат в США. Эскалация войны во Вьетнаме и волна расистских и политически мотивированных насилий вселили в американское общество глубокую неуверенность. В то время как радикализирующееся движение протеста атаковало Америку как империалистический и расистский аппарат подавления, массы избирателей с возрастающим страхом реагировали на падение патрио-

тизма и традиций. Для этого «молчаливого большинства» Никсон предложил себя как человека, способного восстановить закон и порядок и соединить нацию, что было смелым обещанием ввиду того, что мало политиков так сильно поляризовали американцев.

В предварительных выборах Никсон без труда победил своих соперников Нельсона Рокфеллера и Рональда Рейгана. После убийства Роберта Кеннеди демократы на конвенте, сопровождавшемся длительной неразберихой, выдвинули вице-президента Хьюберта Хэмфри, который идентифицировался с администрацией Джонсона. В предвыборной борьбе Никсон сделал ставку на тему внутренней безопасности и полемизировал с социальной программой Джонсона наряду с войной во Вьетнаме как источником инфляции и государственного дефицита. Щекотливый вопрос об окончании войны он обходил дерзким утверждением, что у него есть секретный план «почетного мира», который он еще не хочет обнародовать. В первый раз Никсон использовал расовый вопрос, с помощью «стратегии южных штатов» добиваясь голосов белого населения южных штатов, настроенного против продолжения расовой интеграции. Большим дестабилизирующим фактором была, однако, американская независимая партия, возглавляемая Джорджем Уоллесом, экс-губернатором Алабамы, расизм и шовинизм которой положительно воспринимался многими маленькими людьми на Севере. В действительности Никсон в ноябре 1968 года победил Хэмфри с преимуществом в 0,7% при относительном большинстве в 43,4%, т. е. с таким незначительным отрывом, с каким проиграл 8 лет назад. Так как Никсон смог пройти в большинстве штатов, то в выборной коллегии он явным большинством был избран 37-м президентом Соединенных Штатов.

Первый год президентства озарился блеском прилунения, которое совершили 21 июля 1969 года астронавты на космическом корабле «Аполлон» Армстронг и Олдрин и которое укрепило подорванную уверенность нации в себе. Но насущной проблемой нового президента

была война во Вьетнаме, которая ежемесячно стоила жизни 500 американских солдат, поглощала огромные суммы, раскалывала нацию и наносила вред авторитету США. Ядром сформированной в июле 1969 года «Доктрины Никсона» о дальнейшей военной активности США в Азии была «вьетнамизация», т. е. замена американских южновьетнамскими войсками, которые современнейшим вооружением должны были быть в состоянии воспрепятствовать коммунистическому триумфу. В июне 1969 года начался вывод 550 000 американских солдат, завершённый в марте 1973 года. Так как не приходилось рассчитывать больше на военную победу, то секретарь по безопасности Генри А. Киссинджер вступил в 1970 году в тайные переговоры с представителями северовьетнамского правительства. Чтобы принудить Ханой к уступкам, Никсон сделал ставку на одновременные военные удары такие, как сначала державшиеся в секрете бомбардировки опорных баз Вьетконга в Камбодже и последующее вторжение наземных войск. Бесплезное в военном отношении расширение войны привело в США к массовым протестам, в результате которых в мае 1970 года национальными гвардейцами были застрелены 4 студента университета Кент-Стейт (Огайо). Перед лицом растущего военного давления на надёжную южновьетнамскую армию Никсон не видел, в конце концов, никакого другого решения, как заставить Ханой сесть за стол переговоров. В апреле 1972 года вновь начались бомбардировки Северного Вьетнама, и когда временный компромисс в октябре разбился о сопротивление южновьетнамского правительства, они переросли к Рождеству в крупнейшее воздушное наступление всей войны. Хотя многие историки подтверждают успех стратегии Никсона, так как бомбардировочная война заставила Северный Вьетнам уступить, подписанное 27 января 1973 года в Париже соглашение с Вьетнамом вряд ли было ожидаемым «почетным миром». Вывод американских войск и возвращение военнопленных поставили заключительную точку под самой продолжительной войной Америки, но при-

существование 100 000 североамериканских солдат на Юге можно было рассматривать как признание того, что падение Южного Вьетнама было лишь вопросом времени. Несмотря на американское обещание помощи, южновьетнамское правительство, которое Никсон ультимативно принудил к принятию соглашения, чувствовало себя преданным Соединенными Штатами. То, что падение Южного Вьетнама в 1974–75 годах, как утверждал Киссинджер позже, без паралича, вызванного Уотергейтом, можно было предотвратить, подлежит большому сомнению ввиду нежелания американской общественности и Конгресса возвращаться к военному варианту.

Тем не менее внешнеполитические успехи Никсона являются неоспоримыми. То, что бывший охотник на коммунистов пытался наладить отношения с обеими коммунистическими державами и в 1972 году был первым американским президентом, посетившим Китай и Советский Союз, было, бесспорно, важнейшим внешнеполитическим поворотом США с начала *«холодной войны»*, который сбил с толку критиков и многих его политических друзей. Вызываемое Генри Киссинджером в его мемуарах впечатление, что он был, собственно, внешнеполитическим архитектором администрации Никсона, явно преувеличено. Никсон сам постоянно подчеркивал свою ведущую роль в принятии всех важных решений. При этом между президентом и его советником по безопасности, и позже министром иностранных дел, существовало полнейшее согласие касательно основ и целей американской внешней политики. Оба считали себя ориентированными на национальные интересы *«реальными политиками»*, для которых идеологические или моральные соображения имели второстепенное значение. Оба больше всего хотели бы видеть международную политику в руках осторожных руководителей, по возможности, без назойливого вмешательства общественного мнения или парламентского контроля. В Америке вьетнамской эры эта концепция, несмотря на все дипломатические успехи, уже не соответствовала духу времени и все больше на-

талкивалась на сопротивление. Так, Конгресс все сильнее настаивал на своих конституционных правах и в 1973 г. издал, вопреки вето Никсона, закон, который предписывал президенту сообщать о каждом применении силы в течение 48 часов и — если Конгресс за это время не объявил войну — максимально по истечении 60 дней прекратить боевые действия.

Предпосылка реальной политики Никсона состояла, прежде всего, в понимании необходимости примирения с Советским Союзом, причем в игру была ловко введена «китайская карта». Внешними результатами этой политики были заключенный в 1972 году договор об ограничении стратегических вооружений и систем противоракетной обороны (ОСВ—1 и ПРО), который замедлил гонку вооружений, а также расширение торговых отношений. Хотя для Вашингтона американо-советский билатерализм стоял в центре разрядки и администрация Никсона с некоторым недоверием следила за социально-либеральной восточной политикой в Бонне, президент не вставлял ей палки в колеса, чтобы не вызывать в Германии антиамериканских тенденций. Как ясно показало соглашение четырех держав о Берлине 1971 года, уже само щекотливое положение разделенного города гарантировало, что никакое немецкое правительство не может проводить восточную политику вопреки США.

Внешнеполитическая динамика администрации Никсона ослабла с началом второго срока. В Конгрессе росло сопротивление политике разрядки, и визит советского генерального секретаря Брежнева в США в июне 1973 года не принес каких-либо значительных сдвигов в контроле вооружения. Прежде всего Уотергейтский кризис все сильнее сдерживал внешнеполитическую дееспособность президента. Война на Ближнем Востоке в октябре 1973 года поразила администрацию совершенно неожиданно и посреди ожесточенных внутривластных волнений. Однако до сих пор остается спорным, являлась ли задержка помощи Израилю следствием нарушением перемирия израильтянами, а последующие воинственные угрожающие

жесты супердержав — результатом бездействия Никсона или, скорее, самоуправства Киссинджера. Тем не менее эта *«маятниковая дипломатия»* привела, наконец, к перемирию, так что в июне 1974 года Никсона во время его визита в Египет встречали как посредника в установлении мира. Однако США не удалось избежать взрыва цен на нефть, вызванного арабским эмбарго, и последовавшего за этим мирового экономического спада. Как бы Ричард Никсон ни подчеркивал свою роль на всемирно-политической сцене и как бы его ни ценили как партнера по переговорам в международном масштабе, крушение его внутривластной власти не давало ему больше шансов во внешней политике. Когда в конце июня 1974 года он отправился на последнюю встречу на высшем уровне в Москву с тщетной надеждой вернуться со вторым соглашением об ОСВ, критики уже иронизировали, что он хочет просить убежища. То, что советы представили аферу Уотергейта как заговор против политики разрядки, было слабым утешением.

До своего вступления в должность Никсон постоянно утверждал, что Соединенным Штатам президент нужен, собственно, только для внешней политики. Тот, кто по этому надеялся на политику в духе антиправительственного кредо, был, скорее, разочарован. Правда, под флагом *«нового федерализма»* отдельным штатам были возвращены полномочия и финансовые средства, однако об ограничении федеральной исполнительной власти не могло быть и речи. Наоборот, создание новой структуры бюджетных органов и внутривластного координационного совета централизовали в Белом доме больше власти, чем когда-либо. Вместо того, чтобы упразднить регламентирование, были созданы два новых федеральных органа по труду и защите окружающей среды, а также издан закон о сохранении чистого воздуха. «Государство всеобщего благоденствия» осталось, в основном, незатронутым, администрация Никсона представила даже план реформ социальной помощи с гарантированным минимальным доходом для семей, но он застрял в Кон-

грессе. Отношение Никсона к Конгрессу определялось напряженностью и враждебностью, не только из-за демократического большинства в обеих палатах, но и потому, что президент рассматривал это отношение не иначе, как ожесточенную борьбу за власть. Еще вначале, при попытке назначить в верховную судебную палату двух консервативных южан, он потерпел неприятное поражение в сенате. Со своей стороны Никсон настроил Конгресс против себя, когда с сомнительным обоснованием заморозил установленные Конгрессом расходы после того, как было отклонено его вето. В борьбе против инфляции он не останавливался даже перед резким вмешательством в экономику в мирное время, временным замораживанием зарплаты и цен, о котором Никсон объявил в августе 1971 года вместе с налогом на импорт и снятием запрета с обменного курса доллара, чтобы компенсировать первый в XX веке дефицитный торговый баланс. Действительно, конъюнктура снова оживилась, и какое-то время посредством продолжающегося контроля сдерживалась также и инфляция.

Пытаясь втереться в доверие к консервативному белому Югу, Никсон открыто был против санкционированной Верховным судом в 1971 году доставки автобусом в школу детей с целью расовой интеграции школ. За время его пребывания в должности президента число черных школьников, посещавших сегрегационные школы на Юге, снизилось с 68 до 8%. Также прогресс в правовом равноправии женщин наметился в это время скорее вопреки, чем благодаря личной позиции и инициативе Никсона. В общем, его внутренняя политика обнаруживает больше непрерывности, чем разрывов, с предыдущим либеральным периодом реформ.

Но эта констатация бледнеет перед лицом цепи скрытых и нелегальных действий в окружении президента, в которой взлом штаб-квартиры демократической партии в вашингтонской гостинице Уотергейт в июне 1972 года даже не был важнейшим звеном. Правда, «грязные трюки», такие как злоупотребление ФБР или налоговыми

органами, давно входили в репертуар дискредитации политических противников, но теперь их масштаб и личная причастность президента достигли нового качества. Тот же Никсон, который свободно общался с великим коммунистическим миром, внутривластным был одержим манихейским мышлением враг — друг, которое допускало любые средства. Для окруженного верными, как вассалы, сотрудниками, как начальник штаба в Белом доме Халдеман и внутривластный координатор Эрлихман, Никсона стерлись границы между легитимной оппозицией и подрывной деятельностью. По его поручению составлялись «*списки врагов*» и прослушивались телефонные разговоры нелюбимых журналистов. В 1970 году Никсон одобрил широкомасштабный план по подрыву движения против войны с помощью ФБР и ЦРУ, который был сорван возражением шефа ФБР Эдгара Гувера, в меньшей степени из-за правовых соображений, чем из-за опасения потерять независимость федеральной полиции. Это не помешало Белому дому создать специальное секретное подразделение, названное «*жестянички*», которые среди прочего имели задание «*заделывать дыры*» по отношению к прессе. Когда «*Нью-Йорк Таймс*» в июне 1971 года начала публиковать секретное исследование министерства обороны об истоках американских действий во Вьетнаме, так называемые служебные документы Пентагона, Никсон был вне себя. Так как Верховный суд одобрил публикацию, то информанта газеты Дэниела Эллсберга, бывшего сотрудника Национального Совета Безопасности, нужно было дискредитировать всеми средствами. «*Жестянички*» проникли в бюро его психиатра, но не нашли пригодного материала. В предвыборной борьбе 1972 года руководители «*жестяничков*», бывшие агенты ЦРУ и ФБР Говард Хант и Гордон Лидди, выступили инициаторами скрытой кампании по разжиганию споров и беспорядков в демократическом лагере.

До сегодняшнего дня остается неясным конкретный мотив взлома в гостинице Уотергейт. Установленные вна-

чале подслушивающие микрофоны не работали, и при попытке заменить их 17 июня 1972 года пять взломщиков были застигнуты врасплох охранником и потом арестованы. Полиция установила руководителя Джеймса Маккорда, бывшего агента ЦРУ и шефа безопасности «комитета по повторному избранию президента» (CREEP), несколько позже ФБР установила и подстрекателей Ханта и Лидди. То, что президент распорядился произвести эту акцию, которую его представитель по контактам с прессой классифицировал как «третьеклассный взлом», или хотя бы узнал о ней, является маловероятным. Еще более нелепыми являются теории, которые представляют его жертвой самовольных сотрудников или вражеских заговорщиков. Никсон и Халдеман сразу же договорились замять связь взломщиков с CREEP и поручили Джону Дину, честолобивому молодому ассистенту, направить обвиняемым плату за молчание и удержать ФБР от расследования под предлогом «национальной безопасности».

Усилия Дина сначала имели успех. Уотергейт перестал быть темой предвыборной борьбы, и Ричард Никсон был вновь избран 7 ноября 1972 года подавляющим большинством, победив своего демократического соперника Джорджа Макговерна, представителя левого партийного крыла, который никогда не имел серьезных шансов.

То, что афера все-таки была предана гласности, во многом зависело от двух репортеров «Вашингтон Пост», Боба Вудварда и Карла Бернштейна, которые своими упорными поисками обратили внимание общественности на многочисленные нелегальные действия «людей президента» в предвыборной борьбе. В процессе против взломщиков Уотергейта судья Сирика пригрозил длительным заключением в тюрьму, если они не скажут всей правды. Их руководитель признался, что получил деньги за молчание и обещание скорого помилования. В силу острого инстинкта власти президент отмежевался от своих непосредственно изобличенных приверженцев и уволил Халдемана, Эрлихмана, Дина и министра юстиции Клейндинста, преемник которого по поручению Никсо-

на назначил следователем по чрезвычайным делам гарвардского юриста Арчибальда Кокса.

Попытка выставить себя незапятнанным человеком столкнулась, однако, с транслируемыми по телевидению слушаниями заседавшего с мая 1973 года чрезвычайного комитета сената, в ходе которых Дин обвинил Никсона в подстрекательстве и соучастии в акции по сокрытию дела. Так как слово Дина стояло против слова президента, то он мог бы более или менее благополучно выйти из этой аферы, если бы его шеф бюро Александр Баттерфилд в пятницу 13 июня 1973 года — для Никсона действительно несчастливый день! — не признался представителям сенатского комитета в том, что все разговоры в *«овальном офисе»* записывались с помощью спрятанных подслушивающих устройств. Таким образом, имелись записи разговоров между Никсоном и его сотрудниками, которые могли дать ответ на решающий вопрос: *«Что знал президент и когда он знал это?»*.

Из-за выдачи этих магнитофонных записей разгорелась ожесточенная борьба между следователем по чрезвычайным делам Коксом и Белым домом, который ссылался не особую *«привилегию исполнительной власти»*. 20 октября 1973 года разразился скандал, когда министр юстиции и его заместитель отказались уволить Кокса, чего требовал Никсон, и подали в отставку; только третий человек в министерстве подчинился и объявил об увольнении. Поступок, совершенный в отчаянии и названный *«избиением в субботний вечер»*, вызвал бурю общественного возмущения, и Никсону не осталось ничего другого, как назначить нового следователя по чрезвычайным делам, который был не менее неудобен, чем ненавистный Кокс.

Мнимая *«привилегия исполнительной власти»* была бездейственна против конституционно-правового обвинения президента в *«измене родине, взяточничестве или других преступлениях и проступках»*, против импичмента, который комитет юстиции палаты представителей обсуждал с 30 октября 1973 года. Как бы Никсон ни

уверял в том, что он не «жулик». Требуемые выдать магнитофонные записи не смолкало. В апреле 1974 года Белый дом решил предпринять наступление и опубликовал содержащую 1200 страниц, однако искаженную, копию. Больше, чем многие нестыковки с ранними высказываниями Никсона, американцев шокировал вульгарный тон общения и тюремный образ мышления в Белом доме.

Конец наступил в июле—августе 1974 года: 24 июля Верховный суд приказал выдать все требуемые магнитофонные пленки комитету юстиции палаты представителей, который между 27 и 30 июля принял три статьи об импичменте, обвинявших президента среди прочего в злоупотреблении должностью, лжесвидетельствовании и неуважении конституционных прав Конгресса. Под массовым давлением Никсон опубликовал 5 августа запись беседы с тогдашним начальником штаба Халдеманом от 23 июня 1972 года, из которой явно следовало, что президент сам дал распоряжение о проведении акции затушевывания. Так было установлено, откуда «идет дым», хотя Никсон настаивал на том, что разговор уличает его только внешне. Но даже для последних приверженцев президента чаша переполнилась. Республиканское руководство намекнуло, что большинство будет, возможно, за отстранение от занимаемой должности. 8 августа 1974 года Ричард Никсон заявил в телевизионном обращении об уходе в отставку со следующего дня, не признавая вины и мотивируя уход тем, что он потерял свою политическую базу. Передачей должности вице-президенту Джералду Форду 9 августа было покончено с импичментом, но не с вопросом уголовно-правовых последствий. Форд месяц спустя принес общее извинение за все преступления, которые Никсон, возможно, совершил как президент, и избавил своего предшественника от унижения судебного процесса.

Каким бы абсурдным ни казался знак победы, с которым Никсон простился со своими последними приверженцами, покидая Белый дом, он возвещал о борьбе за его реабилитацию, которая велась в течение 20 лет с

свойственным ему упорством и в конце не без успеха. Он сам позже говорил о решении *«жизнь или смерть»*, так как тот, кто сдается после поражения, умирает духовно, а вскоре и физически. Прежде всего, это была борьба пером. После своей отставки Никсон написал не менее 9 книг, начиная с опубликованных в 1978 году мемуаров и заканчивая завершенной незадолго до его смерти книгой *«По ту сторону мира»*. Две темы проходят сквозь эти хорошо написанные и удачные книги: точка зрения Никсона на мировую политику и оправдание своего пребывания в должности президента и его роли в афере Уотергейта, в которой он неизменно хотел видеть заговор своих врагов, использовавших обычный *«грязный предвыборный трюк»*, чтобы сместить его. То, что он оспаривал личную причастность к караемым законом действиям и признавал лишь политические ошибки, было невозможно без значительных искажений фактов, и поэтому никогда не принималось ни общественностью, ни историками.

Даже и без невозможного для него признания вины Никсону удалось в конце концов вернуться к общественной жизни так, как он себе это представлял: как старшему государственному деятелю, совета и всемирнополитического опыта которого искали активные политики. Когда он умер от удара 22 апреля 1994 года, то уважение к его внешнеполитическим достижениям и чрезвычайной силе воли перевесило все остальное. Уотергейт не был забыт, но явно прощен. Умерший был не только удостоен обязательных государственных похорон; то, что находящийся в должности президента Клинтон, который в 60-е годы участвовал в демонстрациях против Никсона и войны во Вьетнаме, сам произнес надгробную речь, казалось почти вторым помилованием и примирением поколений.

Хотя Ричард Никсон почти полвека являлся значительной общественной фигурой, он не войдет в историю великим президентом, как уверял его в этом после отставки Киссинджер. Как бы ни оценивались в будущем отдельные аспекты его внутренней и внешней политики.

так же как и значение его президентства для всего института президентов, постоянное и планомерное злоупотребление властью не может быть ни затушевано, ни отброшено как заблуждение. Во время пребывания Никсона в должности президента соединились преувеличения «имперского президентства» с навязчивыми идеями чувствующего себя презируемым карьериста, одержимого целью выиграть любой ценой. Жалобы, что ему никогда не простят Уотергейта, производят впечатление жалости к самому себе перед лицом факта, что он никогда не ставил под сомнение средства массовой информации, либеральный истеблишмент, поколение 60-х годов и в своей книге говорил о них. Никсон был свергнут не противниками, он был свергнут потому, что блестящий политический аналитик в нем не смог контролировать параноидального, мстительного человека власти.

Институт президентов при Ричарде Никсоне попал, без сомнения, в тяжелейший в своей истории кризис доверия, который его преемник смог преодолеть лишь частично. Уотергейт стал примером типично политического скандала, который упоминается при любой возможности. Миф о самом могущественном человеке в мире показал свою обратную сторону, и необходимость ограничения и контроля этой власти стала очевидной. Начавшееся избранием Никсона в 1968 году господство консерватизма в Америке было на короткое время прервано неизбранием Форда на второй срок. В республиканской партии после Никсона и Форда верх взяли религиозные фундаменталисты и идеологи политики невмешательства. Даже такой критик Никсона, как его биограф Стивен Эмброуз, обращаясь в прошлое, видит собственно трагедию его отставки в упущенных шансах продолжения умеренной социально-государственной ориентации и прагматического интернационализма.

Манфред Берг

ДЖЕРАЛД ФОРД 1974–1977

Стремление к консенсусу

Gerald R. Ford

Преемника Никсона, 59-летнего Джералда Рудолфа Форда, считали незапятнанной, хотя и не очень интеллектуальной личностью, с большим политическим опытом. Рожденный 14 июля 1913 года Форд вырос в Гранд-Ренидсе, Мичиган, в строго религиозной среде и как стипендиат изучал юриспруденцию в Йельском университете. После второй мировой войны, которую он офице-

ром с высокими наградами провел на авианосце в Тихом океане, Форд пошел в политику и в 1948 году был избран в палату представителей от 5-го округа в Мичигане, где к 1965 году поднялся до лидера фракции республиканцев. Форд вошел в Белый дом, находясь в двояко невыгодном положении. С одной стороны, он противостоял в равной степени подозрительному и самоуверенному Конгрессу, который хотел ограничить полноту власти президента и укрепить контролирующие функции законодательной власти. С другой, был первым президентом Соединенных Штатов, не располагавшим плебисцитной легитимностью, так как не был избран по списку кандидатов республиканской партии, а по предложению Никсона утвержден в октябре 1973 года в должности ушедшего из-за афер подкупа и взяточничества вице-президента Спайроу Эгню. В большей степени, чем другие вице-президенты, которые неожиданно выдвигались на высшую должность, Форд считался переходным президентом, по крайней мере до тех пор, пока в результате выборов не приобрел собственный мандат. В своей речи при вступлении в должность он был демонстративно скромным и, забавно обыграв марку автомобиля и фамилию президента, подчеркнул, что он только *«Форд, но не Линкольн»*.

Благосклонность американцев сразу же сменилась резкой критикой, когда в сентябре 1974 года Форд помиловал Никсона без признания тем своей вины. Неизбежно получило огласку подозрение в закулисной сделке. Никсон действительно прозондировал почву в этом направлении перед отставкой, однако нет доказательств того, что Форд обеспечил свой въезд в Белый дом обещанием помилования. Его объяснение о желании уберечь нацию от длительного и мучительного процесса рассматривается как правдоподобное большинством историков, которые признают также, что Форд этим решением подвел черту и создал себе необходимый политический простор для действий. Для его критиков он стал с этих пор *«челове-*

ком, помиловавшим Никсона», и сам Форд, оглядываясь назад, предполагал, что это решение стоило ему повторного избрания.

Фактом является то, что американцы, если они вообще голосовали, беспощадно наказывали республиканцев избирательными бюллетенями за Уотергейт. В промежуточных выборах осенью 1974 года демократы достигли большинства в сенате и большинства в две трети в палате представителей. В таких условиях Форд не мог проводить свою собственную правительственную программу, а должен был значительно ограничиваться тем, что блокировал законопроекты Конгресса президентским вето, причем потерпел при этом несколько чувствительных поражений. Чрезмерное и, в силу ограниченной легитимности Форда, проблематичное использование вето — 66 раз в течение чуть более полугода — было направлено прежде всего против ограничения полномочий президента, как например, против изданного в 1976 году закона о национальном чрезвычайном положении, который четче определял полномочия при внутреннем и внешнем чрезвычайном положении, а также против закона о расходах. Консервативный по отношению к государственной казне Форд пытался преодолеть индекс инфляции, возросший вследствие энергетического кризиса до 10%, непреклонным ограничением государственных расходов, особенно в социальном секторе, и высмеиваемой экспертами кампанией, которая призывала к добровольной экономии. Этим он обострил начавшийся спад производства, который поднял в 1975 году квоту безработицы до 11%. Если даже и были достигнуты успехи в борьбе с инфляцией, то стагфляция, застойный рост при относительно высоком подъеме цен, казалось, крепко держит в своих руках американское народное хозяйство. Форд мало преуспел в ограничении расходов Конгресса, но также мало он был в состоянии что-либо кратковременно изменить во всемирно-экономических структурных проблемах американской экономики — взрыве энергетических расходов и потере международной конкурентоспособности.

Во внешней политике последовательность обеспечивалась Генри Киссинджером. Однако его концепция объединения экономических, военных и политических вопросов теперь натолкнулась в отношениях Востока и Запада на границы, когда выяснилось, что Советский Союз не собирается либерализовать свою политическую систему ради торговли и контроля над вооружениями и отказываться от расширения своего влияния в *«третьем мире»*. Ввиду растущего внутреннего политического сопротивления, как например, против решений «Конференции по безопасности и сотрудничеству в Европе» (КБСЕ) 1975 года, Форду все труднее было придерживаться политики разрядки. К этому добавилось унижающее бегство последних американцев из Сайгона в апреле 1975 года, которое окончательно закрепило поражение Америки во вьетнамской войне. Когда двумя неделями позже камбоджийские войска захватили американское грузовое судно, Форд приказал начать военную акцию освобождения, вызвавшую большое одобрение, но прошедшую с большими потерями.

Критика политики разрядки была лишь одним аспектом бунта правого крыла республиканцев, давно уже спорившего с курсом администрации Никсона и Форда, который они воспринимали как слишком либеральный. Лидером внутрипартийной оппозиции был экс-губернатор Калифорнии Рональд Рейган, который открыто выступил против Форда в борьбе за выдвижение кандидатом на пост президента на выборах 1976 года. Форд сначала не воспринял вызов серьезно, однако на предварительных выборах Рейган добился значительных успехов. Только на конвенкте в Канзас-Сити президент смог обойти своего соперника с небольшим преимуществом, однако расставшись при этом со своим либеральным вице-президентом Нельсоном Рокфеллером и согласившись с кандидатом консерваторов сенатором Робертом Доулом. Предвыборная борьба 1976 года проходила под знаком недовольства вашингтонской элитой власти, которую вос-

принимали как коррумпированную и высокомерную, ода-
рившую Америку войной во Вьетнаме и Уотергейтом.

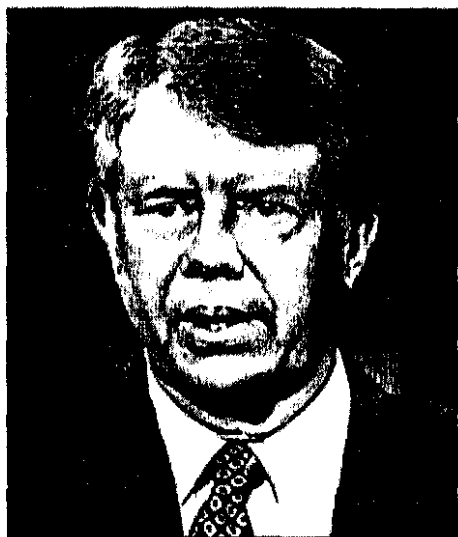
Если бы политический опыт Форда и его междуна-
родное положение были решающими в борьбе против
симпатичного, но производящего впечатление наивного и
провинциального кандидата демократов Джимми Карте-
ра, то в телевизионных дебатах не было бы этого неверо-
ятного промаха, когда он заявил, что нет никакого совет-
ского доминирования в Восточной Европе. Это вызвало
сомнение в его компетентности в той области, где он мог
и должен был набирать очки. В ноябре 1976 года он
потерпел поражение на выборах, которое Картер выиг-
рал с небольшим преимуществом 50,1% против 48%, и,
без сомнения, избиратели наказали Джералда Форда за
те дела, за которые тот лично не был ответственен.

Как-то его спросили, как он хотел бы видеть себя в
истории, и Форд ответил, что хотел бы, чтобы в нем
видели *«славного парня, который оставил Белый дом
в лучшем состоянии, чем то, в котором он его обнару-
жил»*. Этого никто не оспаривает, только к президенту
Соединенных Штатов должны прикладываться более
крупные масштабы. Однако следует согласиться с тем,
что Форду досталось более тяжелое наследство, и его
позиция власти была слабой, как никогда прежде в исто-
рии современного института президентов. К тому же Форд
и не стремился к этой должности. Он невозмутимо при-
нял свое поражение и пользуется с тех пор как старей-
ший государственный деятель большим авторитетом, чем
когда-либо раньше.

Герхард Швайглер

ДЖИММИ КАРТЕР **1977–1981**

Аутсайдер в качестве президента

Jimmy Carter

Джеймс Эрл Картер младший как Джимми Картер был избран 39-м президентом Соединенных Штатов Америки. «Джимми» он остался и когда стал президентом. Этот выбор имени символичен для секрета его успеха. Но он помогает также объяснить и его крушение в должности президента. Джимми Картер обещал американцам вывести их политически и психологически из пропасти

унижений, в которую они попали после Уотергейта Никсона и бесславного конца войны во Вьетнаме во время президентства Форда. Почему не лучший? — так звучало его обращение к избирателям. Почему не выбрать президента, который морально чист, честен и не несет груза предрассудков и направит судьбу нации на новый путь, определяемый традиционными американскими ценностями и добродетелями? Почему не Джимми Картер, простой, непретенциозный человек из народа, еще не испорченный Вашингтоном и большой политикой? Почему не Джимми, религиозный фермер, выращивающий арахис глубоко на Юге, которому еще не свойственно ничто типично политическое и который поэтому заслуживает доверия стать избавителем нации от ее трудностей? В год двухсотлетия, когда США гордо праздновали 200-летний юбилей своей независимости, американцы были восприимчивы к такому обращению.

Но Джимми Картер не был безоговорочно лучшим для времени после Вьетнама и Уотергейта. Политическая система, реагируя на болезненный опыт, начала устанавливать границы президентской власти. Требовался более опытный политик с подавляющим мандатом избирателей, чтобы успешно действовать в драматически изменившихся условиях. Это противоречие — из-за Уотергейта избрать на должность президента политического дилетанта, а должность требовала опять же из-за Уотергейта превосходного политика — стало центральной дилеммой президентства Картера. Этим объясняются его трудности в должности президента, которые заставили его в быстрой последовательности пережить взлеты и падения политических *«русских горок»*. В конце *«избавитель»* превратился в почти достойную сожаления фигуру маленького Джимми, каким его изображали политические карикатуристы.

Джимми Картер родился 1 октября 1924 года в Плейнсе, на юге Джорджии, и рос в провинциальном городке в относительно состоятельной семье. Его отец был политически консервативным фермером, выращивающим арахис, мать — в стиле южных штатов известная только как

мисс Лилли — была для ее времени и этого региона чрезвычайно просвещенной личностью, медсестрой по профессии, которая в возрасте 68 лет два года работала в Индии в *«корпусе мира»*. У нее Картер научился политической активности. Ей он отвел во время своего президентства видную роль *«первой матери»*.

Выросший во вторую мировую войну, честолюбивый молодой человек в 1943 году успешно поступил в военноморскую академию в Аннаполисе. В 1946 году закончил обучение и сразу после этого женился на Розалии Смит, подруге юности из Плейнса. Розалия Картер была надежной опорой своему мужу в последующие трудные времена. Как *«первая леди»* она приобрела положение, хотя за ее необычайно тесными отношениями с мужем наблюдали с долей скептицизма.

Джимми Картер стремился сначала к карьере офицера в военно-морском флоте, но его карьера штурмана подводной лодки оборвалась в 1953 году, когда умер отец и он вопреки воле своей жены решил взять на себя арахисовое дело в Плейнсе. Там он стал миллионером и находил еще время для политической и социальной деятельности. Он пережил религиозное обращение в другую веру и публично признал себя *«возрожденным»* христианином.

Подстегнутый ожесточенными спорами о гражданских правах черного населения, Картер сначала проявил политическую активность на местном уровне в области воспитания. В 1963 году последовал шаг в региональную политику. В сенате штата Джорджия он представлял преимущественно либеральную позицию. Однако, когда в 1970 году боролся за пост губернатора от демократической партии, он тактически ловко искал поддержки противников движения за гражданские права. При вступлении в должность привлек национальное внимание, когда заявил: *«Времена расовой дискриминации прошли»*. Новый губернатор делал в последующее время очень много, чтобы устранить худшие последствия расовой дис-

криминации в Джорджии. Его противники приняли к сведению, какими оппортунистическими методами Картер проложил себе политический путь.

В преддверии выборов 1972 года Картер как представитель «нового» просвещенного и индустриализированного Юга стремился на пост вице-президента, но люди кандидата в президенты Джорджа Макговерна холодно отказали ему. В ответ на это в Картере созрело решение самому претендовать на должность президента от демократической партии в 1976 году.

Три фактора были решающими для успеха явного аутсайдера. Напуганные махинациями Никсона, американцы не доверяли своим профессиональным политикам. Демократическая партия институционализовала потребность в человеке из народа, резко увеличив число предварительных выборов, разделив пропорционально между кандидатами выигранные голоса. Чтобы исключить губительное влияние больших денег на президентских выборах, в 1976 году было введено государственное финансирование предвыборной борьбы (с одновременным ограничением пожертвований и расходов). Эти факторы позволили неизвестному до этого губернатору южных штатов успешно участвовать в выборах.

После своего выдвижения в кандидаты Картер среди избирателей опережал президента Форда на 30%. В конце он победил с преимуществом в 2%. Картер, сравнительно беспомощный и с меньшим воздействием через средства массовой информации, находящийся в невыгодном положении в силу ярко выраженного южного диалекта, старающийся в серьезных вопросах избегать конфликтов, оценивался все более скептически. В конечном счете он выиграл, потому что сомнения относительно Форда были еще больше, его преследовало еще помилование Никсона, и в решающих внешнеполитических телевизионных дебатах он совершил грубую ошибку. Однако результаты выборов не представляли собой подавляющего мандата для первого президента с Юга со времени Закари Тейлора (1848 г.)

Еще до своего вступления в должность 20 января 1977 года Картер столкнулся с основной дилеммой своего президентства. Избранный как дилетант, он должен был искать сотрудничества с традиционной политической элитой. При этом он скоро попал под угрозу изменить своему имиджу и своим идеалам, т. е. проводить *«политику как обычно»*.

Это стало явным уже тогда, когда при замещении важных постов он был вынужден воспользоваться известными фигурами истеблишмента, прежде всего в области внутренней и внешней политики. Зато в Белом доме он окружил себя почти исключительно молодыми, неопытными в национальной политике сотрудниками, знакомыми ему с времен его губернаторства. Мостиком, очевидно, должен был служить вице-президент Уолтер Мондейл, который впоследствии действительно оказался опорой администрации.

Стиль правления Картера представлял собой сознательную реакцию на эксцессы *«имперской»* администрации Никсона. В день инаугурации он, вместо того чтобы ехать в лимузине, путь от Капитолия до Белого дома прошел пешком, президентская яхта была продана, проигрывание президентского гимна прекращено, президент сам носил свои чемоданы, и меню на государственных приемах больше не было составлено на французском языке. Сначала Картер приобрел этими символическими жестами определенную популярность. Позже общественности не хватало содержания за этой формой и соперников, борющихся за власть и влияние, не так легко было убедить или подвергнуть давлению из-за недостатка президентской представительности.

Другим тормозом был отказ от начальника штаба в Белом доме (должность, которую опорочил шеф штаба Никсона Халдеман). Картер хотел ввести своего рода кабинетное правительство, в остальном же все узды правления держать в своих руках. Кабинетная дисциплина не свойственна американской системе и очень быстро потерпела крах и в этом случае. Президенту, хотя без

сомнения интеллектуально компетентному и старательному в исполнении своих обязанностей, это было не по плечу, а его сотрудники увязли в позиционных битвах и всевозможных скандалах. Когда Картер к концу своего президентства реорганизовал Белый дом, то возврат к традиционному осуществлению власти (включая рекламно-информационные кампании) уже не мог восстановить его надтреснутый авторитет.

Своим необычным стилем правления Картер бросил вызов и Конгрессу. Правда, сенат и палата представителей находились в руках демократов, но ведущие политики демократической партии не перешли так просто на линию президента. К этому прибавилось еще и то, что Конгресс на основе реформ, проведенных после Уотергейта, стал более деспотичным и мог лучше утвердить свою независимость от президента.

Возможно, все было бы не столь проблематичным, если бы Картер не взял на себя тяжелые внутренние и внешнеполитические ипотеки, которые почти сразу же требовали быстрого решения. Экономика была сильно расшатана после вьетнамской войны и первого нефтяного кризиса. Двухзначный индекс инфляции указывал на серьезность положения. Консервативный относительно налоговой политики, Картер не хотел проводить политику дефицитного бюджета. Так что осталось только сильно повысить ссудный процент, что было тоже неэффективно. Между тем новый «*нефтяной шок*» с недостатком бензина и резкими подорожаниями вызвал внутриполитическое недовольство, которое ввергло Картера летом 1979 года в глубочайший кризис его президентства. К этому времени его направленная на экономию энергетическая политика, которая должна была сделать Соединенные Штаты независимыми от импорта энергии, уже потерпела неудачу из-за сопротивления в Конгрессе. Также и его выступление за радикальные реформы здравоохранения и социального обеспечения практически не нашло поддержки у партийных друзей. Прежде всего сенатору Эдварду Кеннеди удалось препятствовать ре-

формам Картера далеко идущими требованиями, которые из-за связанных с ними повышений налогов еще меньше способствовали согласию. Так, внутренняя политика Картера, за исключением дерегуляции воздушного сообщения и некоторых мероприятий по защите окружающей среды, была в общем безрезультатной. На внутреннюю политику наслаивались неотложные внешнеполитические факторы. Во время предвыборной борьбы Картер почти с миссионерским рвением в центр своей внешней политики поставил обеспечение прав человека в Советском Союзе и в *«третьем мире»*. Но сначала он должен был довести до конца ряд намерений, которые начали осуществлять его предшественники. Достигнутые при этом результаты оказались, однако, настолько спорными, что принесли президенту мало одобрения. Прежде всего, это относилось к возврату Панамского канала, цели, которая в силу антиимперской символики особенно была близка сердцу Картера. Ему удалось уже полгода спустя представить готовый договор, который предусматривал возврат канала Панаме до конца столетия. Ратификация в Конгрессе оказалась чрезвычайно трудной и досталась дорогой ценой задержки других планов.

Значительным внешнеполитическим успехом было соглашение о мире между Израилем и Египтом, сделавшее возможным американо-египетское сближение, к которому Киссинджер вел с 1973 года. Картер достаточно рано дал понять, что готов искать новые возможности для решения ближневосточного конфликта. Эти, сначала неловко начатые, усилия развились в диалог между Израилем и Египтом, который Картер решительно ускорил, пригласив израильского премьер-министра Бегина и египетского президента Садата в свою загородную резиденцию Кемп-Девил. После тринадцатидневных переговоров, в которых Картер как посредник играл решающую роль, в сентябре 1978 года было заключено мирное соглашение. Его подписание в «Саду роз» Белого дома 26 марта 1979 года было высшей точкой президентства Картера. Правда, разбуженная Кемп-Девидским согла-

шением надежда благодаря израильско-египетскому объединению прийти к решению проблемы палестинцев сначала не оправдалась, но дальнейший ход мирного процесса был бы немыслим без участия Картера.

Еще труднее складывались усилия, направленные на взаимопонимание с Советским Союзом. Картер хотел добиться двух вещей, которые были практически несовместимыми друг с другом: соглашения о контроле вооружений и советских уступок в вопросе прав человека — всеохватывающей цели внешней политики Картера, которую он в силу идеалистических мотивов считал обязательной для себя и которая была поставлена перед ним Конгрессом. Преследуя эти цели, он постоянно вступал в конфликты с внутриполитическими противниками и скептически настроенными европейскими союзниками.

Наконец, в июне 1979 года удалось заключить ОСВ—II по ограничению стратегических ядерных вооружений, причем сокращение было значительно ниже, чем этого первоначально хотел Картер. Подписанию этого договора способствовало, с одной стороны, определенное ослабление политики прав человека, с другой, использование «китайской карты», так как в декабре 1978 года Картер добился нормализации отношений с Китайской Народной Республикой (ценой прекращения дипломатических отношений с Тайванем) — с точки зрения внутренней политики чрезвычайно спорное мероприятие.

ОСВ—II и вся политика разрядки, в конечном счете, не принесли пользы Картеру. Даже в тесном кругу советников этот курс привел к размолвке между министром иностранных дел Сайрусом Вэнсом, стремящимся к равновесию, и советником по безопасности Збигневом Бжезинским, предпочитающим политику силы. Чтобы вообще иметь перспективы на успешную ратификацию ОСВ—II сенатом, Картер был вынужден согласиться на резкое увеличение оборонного бюджета. Это способствовало не только растущему дефициту бюджета, но и подорвало доверие к Картеру, так как изначально он выступал за сокращение военных расходов.

Советский Союз перечеркнул все расчеты, когда в конце 1979 года вторгся в Афганистан и полностью разрушил все начала политики разрядки. Правда, администрация Картера сразу же оказала тайную поддержку афганскому сопротивлению и назначила ряд санкций (в том числе прекращение продажи зерна Советскому Союзу и бойкот Олимпийских игр в Москве летом 1980 года), но этих мероприятий было недостаточно, чтобы побудить Советский Союз пойти на уступки или спасти авторитет Картера. ОСВ—II не был ратифицирован (но его положения молча соблюдались).

Завершение президентства Картера началось, однако, в Тегеране, где 4 ноября 1979 года воинствующие приверженцы аятоллы Хомейни взяли в заложники 60 американских сотрудников посольства. Этому событию предшествовало свержение шаха, которого Картер прежде считал демократической опорой американских политиков в этом сотрясаемом войнами регионе. Когда больной раком шах в конце ноября был принят в США на лечение, гнев иранцев нашел свою разрядку в захвате посольства США. Его первая сдержанная реакция была с пониманием принята общественностью. Но чем дольше удерживались сотрудники посольства в качестве заложников, тем больше становилось недовольство беспомощностью американской политики. Правда, президент в своем обращении к Конгрессу 23 января 1980 года попытался начать позже названный «Доктриной Картера» поворот в американской внешней политике. В ней он заклеил каждую попытку любой третьей державы приобрести влияние в регионе Персидского залива как нарушение жизненных интересов Соединенных Штатов, которые при необходимости могут ответить военными средствами. Но когда в апреле в самом начале позорно провалилась попытка военной силой освободить заложников в Тегеране и это привело к отставке министра иностранных дел Вэнса, настроение в стране резко изменилось. Взятие заложников в Тегеране стало господствующей темой предвыборной борьбы. Картер оказался взя-

тым в клещи. В предварительных выборах демократов его вызвал на поединок постоянный соперник Эдвард Кеннеди. Картер смог победить этого представителя либерального крыла только ценой глубокого раскола партии. В основной предвыборной борьбе его противник, консервативный республиканец Рональд Рейган, ловко риторически затронул слабые места президента: «Должны ли Соединенные Штаты и дальше терпеть, чтобы *«великие диктаторы»* как Брежнев, или *«мелкие преступники»*, как террористы, захватившие заложников, отфутболивали США, как третьеразрядную державу? И идут ли дела у американцев после 4 лет президентства Картера лучше, чем раньше?».

Резкое возражение Картера, что Рейган представляет опасность для мира и разрушит систему социального обеспечения, мало помогло. Президент, который из-за аферы с заложниками отказался от энергичной предвыборной борьбы и в надежде на должностной бонус уединился в Белом доме, потерпел горькое поражение: Рейган выиграл 51% голосов избирателей и 489 голосов членов выборной коллегии. Американцы, разочарованные знакомством с дилетантом-любителем, послали его в комфортабельную отставку. Только в день инаугурации его преемника американские дипломаты вернулись в США, спустя 444 дня после захвата в качестве заложников.

Картер и еще больше его жена были глубоко задеты отводом избирателей. Но вскоре они оправились от поражения и начали жизнь как бывшая президентская пара, которая принесла им уважение и даже любовь. Картер создал президентскую библиотеку в Атланте, являющуюся не только хранилищем его документов и мемуаров. В *«Центре Картера»* бывший президент со штабом сотрудников пытается решать международные проблемы. Как посредник Джимми Картер может записать в свой актив некоторые успехи. В конце сентября 1994 года во время дипломатической миссии на Гаити он выступил за восстановление в прежней должности свергнутого президента Аристида. В начале 1995 года посредничал в бос-

нийском конфликте. Он обратил также на себя внимание как активный помощник в проектах по строительству квартир для бедных.

Политический авторитет президентства Картера остается по-прежнему незначительным. Ничто не доказывает это лучше, чем мучительные усилия следующего президента от демократов Билла Клинтона всячески избежать какого-либо сходства с Картером. Эта негативная оценка кажется преувеличенной и несправедливой, прежде всего в сравнении с его преемниками, которые оставили стране огромные ипотеки (к тому же почти в четыре раза большую гору долгов). Картер в трудных условиях взял на себя трудные задачи. При этом он все-таки добился некоторых долгосрочных успехов. В других делах он был впереди своего времени: энергетическая программа, реформа здравоохранения, реформа социального обеспечения вновь стоят на политической повестке дня. Во внешней политике в вопросе прав человека демократизация и нормализация отношений с противниками в «холодной войне» принесли поздние плоды. Возможно, Картер не состоялся как президент. Но как инициатор перспективных политических мероприятий он заслуживает уважения, невзирая на его президентство.

Петер Лёше

РОНАЛЬД РЕЙГАН 1981–1989

Президент «консервативной революции»?

Ronald Reagan

Рональд У. Рейган был — после Дуайта Д. Эйзенхауэра — вторым президентом американской послевоенной истории, который правил два срока. Он ушел с должности, имея высокий общественный авторитет, и значительно способствовал тому, чтобы его вице-президент в 1988 году был избран его преемником. Если следовать комментариям некоторых журналистов, политологов и

историков, то никакой другой президент после Франклина Д. Рузвельта не осуществил больших перемен в американской политике, чем он. Речь шла о «консервативной революции», и даже о «революции Рейгана». Президент в начале своего первого срока пребывания в должности сам задал тон ударом литавр, когда заявил, что либерализм потерпел полное банкротство и что государство более не является решением для проблем, а само стало проблемой. Поэтому это дело времени — остановить рост государства и повернуть его назад.

Действительно ли при Рейгане состоялась «консервативная революция»? Этот вопрос определил структуру последующей биографии Рональда Рейгана. При этом, прежде всего, следует выяснить, что, собственно, надо понимать под «консервативным» или противоположностью этого «либеральным». Оба понятия прочно вошли в повседневный язык, они расплывчаты и считаются ничего не говорящими категориями, но в то же время содержат столько смысла, что могли быть разумно использованы для характеристики и отличия различных политических содержаний и положений вещей. В то время, как в Старом Свете либерализм уходит корнями в традицию «государства как сторожа» XIX века и стремится к минимальному вмешательству государства в экономику и общество, т. е. к государственной воздержанности, в Соединенных Штатах под «либеральным» понимается как раз противоположное, а именно, позитивная позиция по отношению к активному социальному государству. В отличие от этого в США «консервативный» обозначает принципиальную оппозицию вмешательства (федерального) государства в экономику и общество и подчеркивает самостоятельность отдельных штатов и коммун и одновременно активную социальную деятельность частных организаций, союзов и учреждений. Конкретнее: в социальной и экономической политике американский консерватизм приближается к таким ключевым словам, как отмена государственных заказов и расходов, снижение налогов, уравновешенный госу-

дарственный бюджет, свободная игра рыночных сил и дерегуляция, дебюрократизация и свободная торговля. К этому в сфере социально-моральных вопросов добавляется оживление американской семьи и связанных с ней ценностей, а также возврат к *«доброй старой морали»*, а именно: выступление за общую утреннюю школьную молитву, против порнографии, гомосексуализма, аборт и преступности на улицах. Понятно сбивает с толку то, что *«консервативный»* в международных отношениях означает как раз интервенционистскую внешнюю политику, *«политику силы»* и политику сильного государства, конкретно же — борьбу с коммунизмом, Советским Союзом и терроризмом, враждебность к политике разрядки, а также повышение военных расходов.

Когда Рональд Рейган в 1976 году тщетно, а в 1980 году успешно боролся за должность президента, казалось, что общество и политика Соединенных Штатов переставили стрелки на консервативный поворот. Начиная с конца 60-х годов наблюдатели выборов отмечали, что либеральные твердыни разрушались, а консерватизм на основе социально-структурных изменений, наоборот, все более укреплялся. Структурные преобразования наблюдались в американской экономике, а именно: упадок горной промышленности и старой промышленности, производящей товары массового потребления, и подъем новых отраслей промышленности, нефтяной и химической промышленности, электронной промышленности, но прежде всего — расширение третичной и четвертичной сферы, разнообразных предприятий бытовых услуг и промышленности культуры и образования.

Результаты выборов 1980 и 1984 года показали, что Рейган смог проникнуть в традиционный оплот избирателей-демократов и, по сравнению с предыдущим республиканским кандидатом на пост президента, найти большую поддержку у католико-этнических избирателей, у организованных в профсоюзы рабочих, женщин, у молодежи и на Юге. Движущая сила коалиции изби-

рателей Рейгана в 1980 и 1984 годах, к которой также принадлежали *«демократы Рейгана»*, складывалась на основе тех социоэкономических и демографических изменений, которые протекали в стране в 60-е и 70-е годы. Ее пружиной были структурное преобразование, рост экономики, социальный подъем и перемещение современной промышленности в район *«солнечного пояса»*, который простирался от Джорджии на побережье Атлантического океана через Техас к Южной и Центральной Калифорнии. К тому же к коалиции избирателей Рейгана уже в 1980 году (и особенно четко это проявилось в 1984 году) примкнула группа избирателей, которая до этого выделялась воздержанием от голосования, однако была активизирована консервативной риторикой кандидата в президенты: белые протестантские *«возрожденные»* христиане в штатах Юга и Среднего Запада, сплоченные в церковные общины, преимущественно баптистские, вокруг харизматичных телевизионных проповедников, таких как Пэт Робертсон или Джерри Фолуэлл (президента *«нравственного большинства»* консервативно-протестантской организации предвыборной борьбы).

Наряду с преобразованиями в социальной и экономической структуре Соединенных Штатов в 1980 году существовали также и актуальные причины для победы Рейгана в выборах. Его успех следует оценивать в большей степени как неприятие Джимми Картера, чем как одобрение нового президента. Так критическое положение американской экономики решительным образом определило поведение избирателей. В год выборов индекс инфляции составлял 14%, квота безработных 8%, реальный доход рабочих и служащих сокращался. Советская оккупация Афганистана в декабре 1979 года и тегеранская история с заложниками были восприняты как глубокое унижение американской национальной гордости. Перед лицом бедственной экологической, социальной и внешнеполитической ситуации в США, по крайней мере общественность восприняла ее как таковую, возрастал спрос на активное политическое руководство,

и Рональд Рейган мог осуществить его намного лучше, чем Джимми Картер. В действительности Рейгана как блестящего участника предвыборной борьбы и опытного политика недооценивали не только европейская пресса и американские журналисты и политические консультанты, но и президент Картер. Предубеждение, что республиканский кандидат является не более чем посредственным актером, не учитывало того факта, что Рональд Рейган в силу своей биографии и политической карьеры был наилучшим образом подготовлен к должности президента. Это проявилось также в том, как консервативный республиканец сумел превратить свою победу на выборах — 50,7% голосов за него и 41% за Картера — в политический мандат и в первом полугодии своего президентства развил бешеную скорость при принятии политических решений. Предвыборная борьба 1984 года против бесцветного демократического претендента Уолтера Мондейла, впервые выступившего с кандидатом на пост вице-президента женского пола, закончилась победой, при этом Рейган получил 58,8% голосов против 40,5% и 523 голоса против 13 в выборной коллегии. К умениям, которыми должен был располагать современный президент во второй половине XX столетия, чтобы иметь успех, относилось: (1) уметь устанавливать приоритеты, отделять важное от неважного, т. е. знать, чего он хочет, и при этом не упускать из виду, чего он может добиться; (2) идти на компромиссы и тем самым устанавливать консенсус, т. е. поступать прагматично; (3) создавать коалиции и находить большинство в собственной администрации, в Конгрессе и среди общественности, т. е. убеждать людей, располагать их к себе и завоевывать и, конечно, знакомить со своим обращением и со своими речами. Именно эти качества усвоил Рональд Рейган за свою долгую политическую карьеру.

Рональд Уилсон Рейган родился 6 февраля 1911 года в Тампико, Иллинойс, в семье со скромным финансовым положением. Его родители, дедушка и бабушка были ирландского, шотландского и английского происхождения. Детские и юношеские годы он провел в маленьких

провинциальных городках Иллинойса, помимо города, где родился, еще в Моимауте, Диксоне и, наконец, в Юерике, где с 1928 по 1932 год посещал колледж. Это был регион Соединенных Штатов на Среднем Западе, где молодой растущий человек превосходно мог усвоить и внутренне почувствовать основы американской идеологии: индивидуализм, веру в то, что каждый сам является кузнецом своего счастья, и глубокий скепсис к центральному правительству в далеком Вашингтоне.

После окончания колледжа Рейган стал спортивным комментатором, сначала один год на маленькой радиостанции в Дейвенпорте, Айова, потом на более крупной радиостанции NBC в Деи-Де-Муане того же штата. Это были годы обучения мастерству, за которое Рейган в конечном счете снискал славу *«великого коммуникатора»*. В 1937 году он переехал в Голливуд, где началась его 30-летняя карьера в кино и на телевидении. Для его политического развития также важно было то, что он стал активным профсоюзным деятелем и в 1947 году президентом профсоюза киноактеров. Эта деятельность научила его вести переговоры (также по тарифу) и развила инстинкт, когда следует оставаться непреклонным, а когда следует пойти на компромисс. В 1952 году он женился на своей коллеге, актрисе Нэнси Дэвис.

Два года спустя Рейган стал работать по договору в фирме «Дженерал Электрик», чтобы помимо прочего вести телевизионную программу «Дженерал Электрик Театр». В договор входило также то, что 16 недель в году Рейган должен был ездить по производственным отделам предприятия, чтобы выступать на производственных собраниях и таким образом улучшать производственный климат и стимулировать идентификацию служащих с фирмой. Его стандартная речь содержала также и политическое обращение: он подчеркивал значение индивидуума, восхвалял идеалы американской демократии, предостерегал от коммунистической угрозы и опасности сильно разрастающегося социального государства. В 1962 году Рейган, первоначально считавший себя де-

мократом в духе Рузвельта, официально сменил свою партийную принадлежность и стал республиканцем.

Не было случайностью и то, что опытный в средствах массовой информации Рейган в 1965–66 году баллотировался на пост губернатора именно Калифорнии: здесь, в сравнении с другими штатами, персонализация политика продвинулась далеко вперед, и партии играли относительно небольшую роль. Хотя (или возможно также: именно потому, что) Рейган был известен как сторонник Барри Голдуотера, провалившегося в 1964 году архиконсервативного кандидата в президенты от республиканцев, он вел умеренную, однако однозначно консервативную предвыборную борьбу. Выступал за возвращение к старой доброй морали, к закону и порядку по отношению к волнующимся студентам и университетам, за сокращение бюджета штата Калифорния и за обратное перемещение ответственности на коммуны и граждан. За 8 лет пребывания Рейгана на посту губернатора Калифорнии в его стиле руководства и в содержании политики выявились многие характерные черты, которые позже характеризовали его президентство. Он возглавлял исполнительную власть как председатель наблюдательного совета, подчеркивал свои консервативные принципы, умел установить приоритеты, но не вмешивался в частности администрации и законодательного процесса. Губернатор повторно обращался прямо к избирателям, чтобы оказывать таким образом давление на обе палаты законодательной власти. В спорных случаях он умел действовать прагматически, заключать компромиссы и находить большинство. Вопреки его консервативной предвыборной риторике за два срока пребывания на посту губернатора повысились налоги, удвоился бюджет штата и не уменьшилось число государственных служащих.

И опять же способности Рейгана как специалиста средств массовой информации и коммуникатора выровняли его путь в Белый дом. Его ловкое выступление как политика-гражданина нашли большой отклик в республиканской партии. После того, как в 1976 году он с

111 голосами (из 2257) на республиканском съезде проиграл президенту Джералду Форду выдвижение, в 1980 году он выиграл 29 из 34 туров и добился успеха на партийном конгрессе.

Большой успех как оратора объяснялся еще и тем, что его риторика основывалась на фундаментальных убеждениях. Он был актером с политическими принципами, который умел себя самого и свою политику идентифицировать с американскими ценностями и традициями. К его личным качествам относились спокойная уверенность в себе и оптимизм.

Его энергичная манера и целая лавина кадровых и политических деловых решений в первые месяцы после избрания усилили впечатление общественности, что с вступлением в должность нового президента пришел политический поворот, даже разразилась «консервативная революция». Что прежде всего удалось Рейгану, так это восстановить утерянную веру в институт президента как институт, в котором формируется и проводится национальная политика. В одном интервью с «*Фоген*» президент объяснил, что метод его руководства состоит в окружении себя выдающимися личностями, сохранении авторитета и невмешательстве, пока его политика проводится правильно. Действительно, президент был отключен от ежедневного административного хода событий, что сначала превосходно функционировало, но на втором сроке привело к скандалу Иран — контраст, который ясно показал, что президент не является больше хозяином Белого дома.

Насколько блестяще Рейган и его ближайшие советники были подготовлены к президентству, показала их кадровая политика 1980/81 года. Особое внимание уделялось тому, чтобы ниже уровня кабинета стояли посланники президента, которые преследовали политику Белого дома. Этих высокопоставленных чиновников, перед тем как они пошли в свои министерства, по-настоящему тренировали доверенные Рейгана. 300 важнейших кадровых назначений базировались на критерии партий-

ной принадлежности, такого не было с 1960 года: более 80% всех вновь назначенных были республиканцами, только 3% демократами (среди них такая консервативная женщина, как посол Объединенных Наций Джин Киркпатрик). И в этой сфере второй срок президентства наметил перелом, коррупция играла все большую роль. До конца 1986 года более 100 членов администрации Рейгана были уволены по этой причине или находились под обвинением.

В первый срок пребывания в должности президент был окружен двумя кольцами советников. Внутреннее кольцо составляло так называемая тройка, а именно: Джеймс Бейкер как начальник штаба, Эдвард Миз, шеф кабинета, и Майкл Дивер, ответственный за связи с общественностью. Второе кольцо состояло из тех, кто докладывал тройке, но сам не имел доступа к президенту. В 1980 году под руководством Миза было образовано 7 комитетов кабинета, чтобы таким путем привязать членов кабинета к Белому дому и избежать ошибок администрации Картера, когда члены кабинета публично спорили друг с другом. В апреле 1985 года эти 7 комитетов кабинета были переоборудованы в 2, а именно: совет по внутренней политике и совет по экономической политике. Члены кабинета теперь, однако, все больше игнорировали соглашения, принятые в этих советах. Прямо в начале президентства Рейгана был упрощен бюджетный процесс внутри исполнительной власти, централизован и политизирован в ведомстве по менеджменту и бюджету под руководством Дэвида Стокмана. Вообще, административно-организационные мероприятия в органах исполнительной власти после 1980–81 года были направлены на то, чтобы централизовать власть в Белом доме и программно привязать политических чиновников, возглавляющих учреждения. Во время второго срока президентства Рейгана эта концепция обернулась сверхцентрализацией вследствие того, что место тройки занял один-единственный человек Дональд Рейган, который был менее компетентен, чем его предшественники, и не

способен к коллективному руководству. Энергичная и честолюбивая первая леди Нэнси Рейган также явно все больше влияла на план-график своего мужа, при этом она привлекала гороскопы и доверяла советам астрологов. Авторитет президента и его института страдал из-за аферы Иран — контрабанды, краха биржи в октябре 1987 года и стремительно возрастающего дефицита бюджета и внешней торговли. Начальник штаба Дональд Рейган вынужден был, в конце концов, уйти в отставку и был заменен политически опытным бывшим лидером республиканского большинства в сенате Говардом Бейкером.

В Белом доме в законодательном бюро по связям Рейган собрал профессиональную команду, которая во главе с Максом Фридерсдорфом вначале чрезвычайно эффективно умела обходиться с парламентом. Удалось создать в обеих палатах независимую от партии коалицию голосования, которая поддерживала экономическую и социальную политику Рейгана, но, прежде всего, его проекты бюджета. С самого начала Рейган и его сотрудники умело связали друг с другом прямое воздействие на Конгресс и косвенное давление на парламент посредством мобилизации общественности. Первые 6 месяцев правления Рейгана были отмечены захватывающими дух успехами в Конгрессе. Однако эта коалиция голосования распалась скоро вследствие грозящего дефицита бюджета и начинающегося глубокого экономического кризиса. Во второй срок своего президентства Рейган старался сохранить успехи голосования первых лет. В действительности Конгресс, в котором с 1986 года в обеих палатах снова большинство составляли демократы, все больше определял содержание политики. Рейган вовсе не стал самым преуспевающим законодателем после Франклина Д. Рузвельта и Линдона Б. Джонсона, как это утверждала легенда, созданная консервативными журналистами в первый год президентства Рейгана. Более того, он занимает предпоследнее место среди семи президентов с 1953 года относительно поддержки в Конгрессе.

Больше Рейган преуспел в размещении своих предпочитаемых кандидатов на судейских стульях федерального суда. Однако в силу конституционно-правового обязательного согласия сената при назначении судей президент вынужден был вести очень осторожную практику, как показало неудавшееся выдвижение Роберта Борка в Верховный суд. Тем не менее Рейгану удалось заменить новыми лицами почти половину всех судейских мест в окружных и апелляционных судах, а также 3 из 9 мест в Верховном суде. Большинство этих юристов были консерваторами, но вовсе не обязательно догматиками, и уж тем более они не были закоснелыми идеологически.

Ударом в литавры Рейган возвестил о начале своего президентства, и его первоначальные успехи в экономической и социальной политике в Конгрессе производили впечатление «консервативной революции». Однако и здесь следует различать два срока пребывания в должности, а также 2 президентства. Конгресс функционировал как либеральный тормозной кондуктор, так что консервативная политика Рейгана не могла быть осуществлена в неразбавленном виде.

Ядро провозглашенной революции Рейгана составляла «рейганомика», ориентированная на предложение экономической программы, которая понималась как ответ на экономические проблемы 70-х годов. Согласно ей должны были быть значительно снижены налоги, предложены возможности амортизации и вычеркнуты или упрощены, препятствующие инвестициям государственные предписания, чтобы вызвать рост экономики. Потери доходов должны были быть краткосрочно предотвращены экономией на социальных программах, а долгосрочные — покрываться увеличением доходов из расширяющегося народного хозяйства — и все это при уравновешенном бюджете. Было совершенно ясно, что здесь возникнут целевые конфликты, тем более, что одновременно должны были значительно возрасти оборонные расходы.

Рейган действительно добился принятия основных положений своей экономической программы с утверждением бюджета на первое полугодие 1981 года. Было решено сократить налоги на 25%, 5% в первом и по 10% в два последующих года. С 1985 года налоги были индексируются с темпом инфляционного роста цен, так что за обесцениванием денег не следовало больше автоматически повышение реальных налогов. Налоговая квота действительно снизилась для большинства налогоплательщиков. Однако, не в последнюю очередь перед лицом угрожающе растущего дефицита бюджета, еще при Рейгане было предпринято 13 повышений налогов, которые отменили почти четверть сокращений налогов. К этому прибавилось повышение взносов по социальному страхованию. В общем, налоговые поступления как процент совокупного общественного продукта снизились за время президентства Рейгана с 20 до 18,6%, что примерно соответствовало доле сразу после второй мировой войны.

То, что «консервативная революция» не состоялась, нагляднее всего демонстрирует тот факт, что объем федерального бюджета при Рейгане постоянно возрастал, а именно, с 699,1 миллиарда долларов в 1980 году до 859,3 миллиарда долларов в 1987 году (соответственно стоимости доллара в 1982 году). Если даже не принимать в расчет военные расходы, то бюджет в этот период вырос с 535,1 до 609,5 миллиарда долларов. При этом дефицит государственного бюджета временами полностью уходил из-под контроля и достиг в 1986 году рекордной высоты в 221 миллиард долларов. В этом дефиците государственного бюджета вследствие снижения налогов и одновременно повышения расходов был повинен сам президент, который, как консерватор, твердо придерживался принципа уравновешенного государственного бюджета и хотел его видеть закрепленным в конституции.

Сокращений социальных программ было давно недостаточно, чтобы удерживать разрастающуюся дыру в бюджете. Характерно, что сильнее всего сокращены были те программы, которые касались самых бедных и хуже

остальных организованных групп населения, которые к тому же принимали наименьшее участие в выборах президента или в Конгресс. Продовольственные карточки были отменены, и пособия для матерей-одиночек значительно сокращены. Одновременно социальные программы, полезные для среднего слоя, остались почти неизменными, так же как и пенсионное страхование и связанное с ним страхование на случай болезни. При Рейгане в американском обществе произошла поляризация между бедными и богатыми, перераспределение в пользу богатых, в то время как одновременно увеличилось число тех, кто жил ниже границы бедности.

Из-за протеста Конгресса потерпела неудачу самая крупная программа децентрализации в истории западной демократии, «новый федерализм» Рейгана, которая имела целью как значительное сокращение федеральных отчислений, так и «обратный» перевод социально-государственных задач и одновременно налоговых ресурсов на отдельные штаты. Сокращение федеральных субсидий штатам было, однако, значительным, в сфере жилищного строительства и городского развития почти драматическим. Темпы роста федеральных средств в штатах номинально замедлились уже при администрации Картера, реально же в результате высокого темпа инфляции даже снизились. Годы президентства Картера поэтому могут рассматриваться как переходный период к «новому федерализму» Рейгана. Это также относится к сфере политики дерегуляции: здесь отмена предпринятых в федерально-государственном масштабе ограничений конкуренции в воздушном и автомобильном сообщении началась еще при Картере и была продолжена при Рейгане упразднением положений о защите окружающей среды и об охране труда.

Администрация Рейгана успешно боролась с инфляцией и безработицей. Индекс инфляции снизился с 12,5% в 1980 году до 4,5% в 1988 году. Квота безработных в этот же период опустилась с 7 до 5,4%. Было создано 18 миллионов новых рабочих мест, хотя многие места при-

ходились на группу с самым низким доходом. При этом не следует забывать о том, что экономический подъем следовал за тяжелым спадом 1981–82 годов (с квотой безработных в 10%) и что стремительно, почти драматически возрастал внешнеторговый дефицит.

Совершенно в духе консервативной политики было огромное повышение военных расходов, направленных против Советского Союза, вступление которого в Афганистан было соответственно инструментализировано. Также и здесь, еще при Картере, началась беспрецедентная программа вооружения, которой нужно было встретить советскую угрозу, поставить на место *«империю зла»* (так Рейган публично назвал Советский Союз). Президент предоставил также полную свободу действий секретным службам, особенно ЦРУ под руководством Уильяма Кейси, в стимулировании сопротивления в сфере советского влияния и в поддержке антикоммунистических партизанских сил в *«третьем мире»*. В этой политике сначала, казалось, не было места для разоружения и контроля вооружений. Только после того, как американский военный вес повысился по отношению к Советскому Союзу — прежде всего благодаря начавшемуся с 1983 года размещению ракет средней дальности в Западной Европе, Рейган смог во время своего второго срока пребывания на посту президента вести с Советским Союзом переговоры с позиции силы. Последовали 4 конференции на высшем уровне, заключение договора о РСМД, успехи в ограничении стратегических вооружений и в обоюдных внешних инспекциях. Однако уже в 1982 году в Конгрессе образовалась широкая коалиция, которая сначала урезала наполовину требуемый президентом темп роста в военном бюджете, а с 1984 года полностью исключила его. Из-за высоких темпов вооружения резко изменилось общественное мнение, и тревога за огромные дефициты бюджета, которые привели к взрывообразному росту государственных долгов, все больше определяла все области политики, в том числе и политику обороны. За другими исследованиями остается право выяснить,

была ли программа вооружения администрации Рейгана действительно направлена первоначально против Советского Союза или, как предполагает Э.-О. Чемпил, должна была сознательно служить рычагом для ликвидации американского социального государства.

Внешняя политика Рейгана являлась уклончиво антикоммунистической, как она проявилась не только по отношению к Советскому Союзу, но и в ее первоначальных идеологически-закоснелых чертах также и по отношению к Центральной Америке и особенно к сандинистам в Никарагуа. То, что при Рейгане осуществлялась политика разрядки, относится к парадоксам его президентства. Борьба за власть с Советским Союзом была выиграна, потому что пришедший в 1985 году к правлению Михаил Горбачев закончил свою экспансионистскую мировую политику и, благодаря реформам, приблизил конец Советского Союза и Варшавского договора. Рейган прикрепит, правда, эту победу на свой флаг, однако она была в большей степени подарена Горбачевым, чем завоевана. Остальные достижения во внешней политике происходили, в основном, посредством символических акций, как, например, вторжение на маленький остров Гренада в 1983 году, которое должно было положить конец влиянию Кубы на Карибском море, и воздушная бомбардировка Ливии в 1986 году как мера наказания обвиненной в терроризме страны. При этом американская внешняя политика в основном осталась гибкой и прагматичной, как показал быстрый вывод американских войск из Бейрута после покушения с применением бомбы, в котором было убито 200 американских солдат. Как раз в сфере внешней политики конкурировали различные политические институты, такие как Совет Национальной Безопасности, министерство иностранных дел, министерство обороны, ЦРУ и сотрудники Белого дома. Именно эта ситуация сделала возможной аферу Иран—контрас, о которой стало известно в 1986 году благодаря иностранным сообщениям в прессе. Вопреки возражениям министра иностранных дел Джорд-

жа Шульца и министра обороны Каспара Вайнбергера США тайно поставляли оружие и боеприпасы Ирану, который с 1980 года вел войну против Ирака. Целью было, таким образом, освободить американских граждан, которые удерживались Ираном в качестве заложников, что, однако, удалось в одном-единственном случае. Прибыли от сделки с оружием, очевидно по инициативе подполковника Оливера Норта, который был сотрудником Совета Национальной Безопасности в Белом доме, использовались ЦРУ для поддержки никарагуанских контраст, ведущих партизанскую войну против сандинистского правительства. Конгресс расследовал эти нелегальные и противоречащие конституции действия в 1986 и 1987 годах, но не смог доказать непосредственного участия в этом президента. Учитывая травматический опыт уотергейтской истории, Конгресс опасался процесса по смещению с должности все еще популярного президента, который восстановил веру Америки в себя. Демократический депутат Шредер говорил в этой связи о *«тефловом президентстве»* Рейгана, с которого соскальзывают все плохие известия.

Характерным для политического прагматизма Рейгана было то, что он демонстративно держался в стороне от социально-моральных вопросов, как, например, допуск утренней молитвы в государственных школах или запрет аборт. Вопреки настоянию своих христианско-консервативных сторонников он ограничивался риторическими высказываниями, но не проявлял конкретной инициативы. Эмоции, таящиеся в этих конфликтных вопросах, могли бы легко привести к поляризации и поставить под угрозу экономическую и социальную политику в Конгрессе. В конкретной политике эти социально-моральные вопросы, которые характеризовали определенные консервативные позиции, не имели для Рейгана приоритета.

Президентство Рейгана было отмечено парадоксами: как консерватор президент создал большую в американской истории гору долгов. Несмотря на принципиальный поворот *«рейганомики»* против заклеянного как

«социалистическое» кейнсианства, с помощью вооружения была создана массивная инвестиционная программа, которая по своему экономическому воздействию сводилась к «военному кейнсианству». Если в начале своего президентства Рейган видел в Советском Союзе еще «империю зла», то в 1987–88 годах взаимопонимание с этой страной стояло на переднем плане. Хотя Рейган способствовал убеждению общественности в том, что федеральное правительство неспособно решать актуальные проблемы, он, однако, оживил институт президента и показал, что политическая система реагирует на президента.

Сами противоречия и целевые конфликты, заложенные в рейгановском консерватизме, содействовали его крушению. То, что консервативная претензия, как ее риторически блестяще представил Рейган, не осуществилась, проявляется во многих аспектах: социальное государство «нового курса» по-прежнему существовало, концепция Рейгана «новый федерализм», по существу, провалилась. Социально-моральные вопросы, стоящие на самом верху повестки дня «новых правых», не были приняты Рейганом. В вопросах гражданских прав, эмансипации женщин и контроле за рождаемостью американская общественность осталась либеральной.

Число федеральных чиновников с 1980 по 1987 год возросло на 3%. Если в предвыборной борьбе 1980 года Рейган обещал ликвидировать министерства энергетики и образования, то это обещание не только не было выполнено, но и было создано еще одно министерство по делам ветеранов. Вместо запланированных 11 министерств в конце президентского срока Рейгана существовало 14 министерств, федеральное правительство не сократилось, а увеличилось. Также и в партийной системе и в общественном мнении в 80-е годы не наблюдалось консервативного перелома: демократическая партия господствовала в палате представителей и в большинстве штатов.

Что изменилось при Рейгане и что создавало видимость «консервативной революции», так это темы, стоящие в центре политической дискуссии. Эти изменения,

как метко пишет Курт Л. Шелл, были равны смене образцов. Что выставлялось для дискуссии, так это была экспансия социального государства, критически выяснялись его объем и его функции. Что политический дух времени изменился еще при Картере, видно по тому, как беззаботно прежде либеральные демократы присоединились к политике экономии и дерегуляции.

Петер Лёше

ДЖОРДЖ БУШ **1989–1993**

Поиски нового миропорядка

Ge H. W. Bush

Четыре года правления Джорджа Г. У. Буша следует рассматривать как непрерывное продолжение дела его предшественника. Избиратели осознанно назначили Буша преемником и наследником Рейгана, хотя было ясно, что он менее консервативен и радикален по своим взглядам. Президентские выборы 1988 года в большей степени были референдумом по статус-кво, и речь шла о новых иници-

ативах. Из-за недостатка содержательных конфликтных предметов советники Буша внесли в предвыборную борьбу патриотические символы и скрытые в обществе страхи перед преступностью и расизмом, чтобы таким образом мобилизовать избирателей. Победа Джорджа Буша над неудачно боровшимся и страдавшим от семейных проблем бывшим губернатором Массачусетса Майклом Дукакисом, была однозначной, даже если не сразу можно было признать политический мандат. Буш был президентом, который подходил к спокойно развивающемуся времени, «врожденный» преемник Рейгана.

При этом в лице Буша в Белый дом вошла совершенно другая личность, чем Рейган, при котором он восемь лет исполнял обязанности вице-президента. Карьеру Буша можно сравнить с карьерой политика в какой-либо парламентской правительственной системе Западной Европы, его можно даже назвать политическим аристократом, тори. Джордж Герберт Уолкер Буш родился 12 июня 1924 года в Милтоне, Массачусетс, и вырос в Новой Англии. Его отец Прекотт Буш был глубоко уважаемым банкиром на Уолл-Стритте, входил в наблюдательные советы больших предприятий и представлял с 1952 по 1963 год штат Коннектикут в сенате в Вашингтоне. Джордж Буш школьником посещал академию Филиппса в Андовере, Массачусетс, один из самых престижных интернатов на восточном побережье. После окончания школы в 1942 году последовали 3 года службы морским летчиком, потом 2 с половиной года учебы в известном Йельском университете в Коннектикуте. Еще во время войны Буш женился 6 января 1945 года на Барбаре Пирс, с которой познакомился за три года до этого. В 1948 году они переселились в Техас, Буш стал менеджером и предпринимателем в нефтяной промышленности. Вышедший из истеблишмента восточного побережья и социализировавшийся в Новой Англии Буш сразу же надел ковбойскую шляпу и в своей политической карьере вел себя по необходимости то как тори с восточного побережья, то как техасский предпринима-

тель. Из Техаса начался поход по всем политическим институтам, постепенный подъем на пост президента: председатель республиканской партии в Хьюстоне, Техас; представитель США в Объединенных Нациях и Китайской Народной Республике; директор ЦРУ; после неудавшейся попытки стать кандидатом в президенты, вице-президент при Рейгане. Буш не только познакомился с политической системой США с различных точек зрения, но и стал постепенно мастерски вести переговоры, заключать компромиссы и создавать консенсусы, короче говоря: он был дипломатом, опытным в партийной, внутренней и внешней политике.

На этом богатстве опыта базировалось его президентство. В администрации Буша политика делалась знатоками, в министерстве иностранных дел и в министерстве финансов наряду с Джеймсом Бейкером и Николасом Брейди сидели близкие личные доверенные лица, которые были очень опытные в политическом отношении. Кадровая политика Буша резко отличалась от кадровой политики Рейгана: были привлечены опытные, прагматичные, неидеологизированные, ориентирующиеся на основное политическое течение политики и бюрократы. В отдельных учреждениях сознательно было оставлено не более 20% назначенных Рейганом политических чиновников. Также в отличие от Рейгана Буш был втянут в рутинные дела Белого дома и в процедуру законодательства. При этом приоритет он явно отдавал внешней политике. Достаточно рано стали различать два президентства Буша, а именно, относительно успешное во внешней политике и безуспешное во внутренней. Правда, Буша считали консервативным, однако его президентство не подчинялось какой-либо программатике, у него были проблемы, как он сам сказал, с *«очевидными вещами»*. Нельзя было не увидеть риторического дефицита Буша, ему не хватало способности электризовать, мобилизовать общественность или тем более манипулировать ею. В этих условиях *«плюсом»* являлась его жена Барбара, с которой он вел гармоничную семейную жизнь и которая, благодаря своему

материнскому нраву, завоевала симпатии многих соотечественников.

За четыре года президентства Буша во внутренней политике царило радиомолчание. Много энергии, однако, требовалось на то, чтобы взять в руки тяжелое наследство администрации Рейгана: дефицит государственного бюджета, государственные долги и крушение многих сберкасс, которые разорились на спекуляциях в годы бума цен на землю и дома. При этом дефицит государственного бюджета был обоюдоострым мечом. Он узко ограничил бы пространство политических действий любого президента. Одновременно он мог быть использован как оправдание президента, который и так не собирался проявлять инициативу во внутренней политике. Скудный внутривнутриполитический результат администрации Буша состоял в издании закона об инвалидах и охране воздуха. От притязания вновь избранного президента войти в историю как президент образования или защиты окружающей среды в последующие годы не осталось никаких признаков. При этом он мог бы приобрести поддержку Конгресса, с которым поддерживал кооперативные отношения и с членами которого имел превосходные личные отношения. Буш также не смог использовать свою большую популярность после выигранной войны в Заливе, чтобы осуществить обширную внутривнутриполитическую программу. Вопреки совету своих сотрудников он провозгласил минималистскую концепцию, в которой речь шла лишь о борьбе с преступностью и о транспортной политике. Экономически-политическим несчастьем, которое имело больший вес, чем скудные результаты внутренней политики, стало заявление Буша о том, что он, несмотря на собственные многократные обещания, повысит налоги из-за дефицита государственного бюджета. Вообще, экономическая политика и экономическое развитие стали ахиллесовой пятой его администрации, что стоило ему в конечном счете переизбрания: экономический рост и индивидуальный реальный доход переживали застой, внешнеторговый дефицит, прежде всего с Японией, продол-

жал расти и число безработных выросло на 3 миллиона. Незадолго до дня выборов 1992 года это недовольство нашло свое отражение в опросе общественного мнения: 80% опрошенных считали, что правительство ведет не в нужном направлении и что экономическое благосостояние страны находится под угрозой; распространялись пессимизм и упадническое настроение.

Во внешней политике Буш имел успехи: в 1989 году начал интервенцию в Панаме, чтобы арестовать тамошнего диктатора Норьегу, который был замешан в международной торговле наркотиками; он приспособился к быстро изменяющимся отношениям между Востоком и Западом, начав раньше и энергичнее, чем другие партнеры ФРГ по НАТО, поддерживать немецкий процесс объединения; вместе с министром иностранных дел Джеймсом Бейкером он обезопасил долговой кризис в Латинской Америке и снова привел в движение мирный процесс между Израилем и его арабскими соседями. В первую очередь, однако, ему удалось впечатляюще продемонстрировать военную силу, когда в 1990–91 годах он отправил 540 000 американских солдат (из них 10% женщин) в Персидский залив, чтобы по поручению Объединенных Наций прекратить иракскую оккупацию Кувейта. Операция *«Буря в пустыне»*, в которой вооруженные силы созданной Бушем международной коалиции сломили сопротивление иракцев в течение 42 дней, вызвала у американской общественности, которая надеялась, что благодаря этому преодолела «травму Вьетнама», кратковременную эйфорию. Однако вскоре стало ясно, что Буш и во внешней политике не располагает долгосрочной концепцией. Что он понимал под провозглашенным им *«новым миропорядком»*, осталось неясным. Его решения, очевидно, принимались интуитивно, но исполнялись командой таких блестящих политиков, как Джеймс Бейкер, Дик Ченни, Брент Скаукрофт и Колин Пауэлл. Это были те люди, которые ввели США как единственную оставшуюся «супердержаву» в новую формирующуюся международную систему.

Так, Буш входит в ряд президентов XX века, правивших только один срок и которым было отказано в переизбрании: Уильям Хоуард Тафт, Герберт Гувер и Джимми Картер. Хотя (или, возможно, именно потому, что) Джордж Буш был президентом в период национального и международного перелома, он практически не оставил после себя заметных следов и его можно рассматривать как переходного президента.

Детлеф Фелькен

БИЛЛ КЛИНТОН 1993—

Поворот внутрь и кризис авторитета

Bill Clinton

20 января 1993 года в лице Билла Клинтона впервые с 1980 года в Белый дом вновь вошел кандидат демократической партии. Если не принимать во внимание короткое междуцарствование президента Джимми Картера, то демократы почти четверть века соблюдали воздержание от власти. Казалось, что успех Клинтона на выборах закончит неоконсервативную эру Рейгана — Буша и на-

chnet либеральное обновление государства и общества. Соответственно этому на 42-го президента Соединенных Штатов возлагались большие надежды.

Уильям Джефферсон Блайт IV родился 19 августа 1946 года в Хоупе, Арканзас, в треугольнике штатов Арканзас, Луизиана и Техас (Арк-Ла-Тех). Еще до его рождения в результате несчастного случая погиб его отец, и 4 года спустя мать вышла замуж за торговца автомобилями Роджера Клинтона, фамилию которого пасынок официально принял в возрасте 15 лет. Семья принадлежала к среднему американскому слою. Родители работали, и днем о Билле и его младшем сводном брате Роджере заботилась прислуга. Брак родителей и семейная жизнь были омрачены алкогольными проблемами отчима. Билл Клинтон был честолобив и хорошо учился, за все годы учебы в школе постоянно являлся одним из лучших учеников. Наряду с этим он был спикером учеников и руководителем школьного джаз-оркестра (игра на саксофоне до сих пор является своего рода его отличительной чертой). Ключевым событием в жизни стала встреча с президентом Джоном Ф. Кеннеди, когда он как делегат национальной молодежной организации в июле 1963 года удостоился чести пожать руку президенту в Вашингтоне. По его собственному признанию, это посещение Белого дома произвело на него глубокое впечатление и способствовало решению самому стать политиком.

Хотя он был членом Южной баптистской церкви, он учился в престижном католическом университете Джорджтаун в Вашингтоне. Получил стипендию, которая позволила ему учиться с 1968 по 1970 год в Оксфорде. По окончании Йельского юридического института, где он познакомился со своей будущей женой Хилари Родхем, Клинтон вернулся в Арканзас. Его необычайная энергия — он сам финансировал свою учебу, одновременно подрабатывая на трех работах, — и его выдающиеся интеллектуальные способности стали основой блестящей политической карьеры.

После непродолжительной преподавательской деятельности в юридическом институте Арканзасского университета в Файеттвилле Клинтон в 1974 году активно вступил в политику. В третьем округе Арканзаса он претендовал на место в Конгрессе от демократической

партии, но потерпел поражение. Победа находящегося в этой должности республиканского соперника была незначительной, так что политический истеблишмент Арканзаса обратил внимание на «вундеркинда» Клинтона. В 1976 году Клинтон выиграл на выборах министра юстиции Арканзаса, а в 1978 году успешно баллотировался на пост губернатора. В возрасте 32 лет стал самым молодым губернатором в истории Соединенных Штатов.

Арканзас принадлежал к беднейшим федеральным штатам США. В 1975 году он занимал предпоследнее место перед Миссисипи в статистике доходов, в 1991 году штат поднялся на два места и встал на 47-е место; темп прироста составлял 4,1%. Этот итог 11-летнего правления Клинтона, на первый взгляд, мало впечатляет, но ввиду больших структурных проблем штата не следует его и недооценивать. Клинтон проводил доброжелательную по отношению к предпринимателям политику с целью привлечь инвестиции и таким образом создать или обеспечить рабочие места. Основной задачей считал политику образования. Преодолевая упорное сопротивление, добился издания обширной программы реформ, и сегодня Арканзас выделяет на душу населения больше средств на образование, чем большинство других штатов.

Когда 3 октября 1991 года Клинтон выставил свою кандидатуру на пост президента, он еще мало выделялся на федеральном политическом уровне. Он уже создал себе имя как один из важнейших представителей «новых демократов», т. е. образованной преимущественно южанами группировки внутри демократической партии, которая в противовес либеральной ортодоксальности подчеркивала ориентированный на эффективность прагматизм, чтобы вернуть назад избирателей среднего слоя и белых рабочих, в 80-е годы перешедших к республиканцам (так называемые «демократы Рейгана»). «Забывтый» средний слой, которому он в перспективе обещал облегчение налогов, составлял также важнейшую целевую группу предвыборной стратегии Клинтона. Памятное изречение: «Дурак, все дело в экономике!» — стало популярнейшим лозунгом кампании, наряду с многочисленными социально-политическими задачами выдвигавшей в центр прежде всего экономические требования будущего. Соответственно этому после окончания «холодной вой-

ны» Клинтон отвел внешней политике, которой Рональд Рейган и Джордж Буш отдавали преимущество, подчиненное значение. Он считал, что торговая нация США сможет и в будущем осуществлять свои глобальные задачи только на базе мощного и конкурентоспособного народного хозяйства. Ввиду экономического спада с растущим числом безработных и понижающимися реальными заработками это обращение упало на благодатную почву и помогло Клинтону неожиданно нанести поражение якобы непобедимому после победы в войне в Персидском заливе Джорджу Бушу. При этом явную пользу принес ему кандидат Росс Перо, беспартийный предприниматель, который смог записать на свой счет почти пятую часть голосов избирателей. То, что ни Клинтон (43%), ни Буш (38%) не добились абсолютного большинства, явилось симптомом растущего недовольства американцев политикой обеих партий.

Успешную предвыборную борьбу, однако, омрачило сомнение в искренности и твердости характера Клинтона, которое и до сих пор сопровождает его президентство. Поведение во время войны во Вьетнаме, избавившее его от призыва на военную службу, малоубедительное признание, что студентом он курил марихуану, но не затягивался, к тому же его внебрачная сексуальная жизнь, в которой он, казалось, подражает своему великому кумиру Джону Ф. Кеннеди, широко обсуждались падкой на сенсации прессой и часто бывающей ханжеской публикой. Переданное в суд обвинение в сексуальном преследовании во время губернаторства и расследование его роли в темном деле с недвижимым имуществом, в котором была замешана также и Хилари Родхем Клинтон, нанесли значительный урон моральному авторитету президента, хотя в обоих случаях сомнительной является обоснованность предъявленных обвинений.

Рональд Рейган оставил тяжелое наследство, к которому относились, среди прочего, высочайшая в истории США государственная задолженность и ежегодный дефицит государственного бюджета в более чем 200 миллиардов долларов с тенденцией к повышению. С начала 90-х годов государственный бюджет ежегодно обременяла выплата процентов в размере около 200 миллиардов долларов. Перед лицом этой угрозы еще правительство

Буша начало предпринимать первые меры к сдерживанию гигантских государственных долгов. Клинтон же в своем отчете о положении нации 17 февраля 1993 года объявил ликвидацию дефицита первостепенной целью своего президентства. Он заявил о снижении дефицита государственного бюджета к 1997 году на 140 миллиардов долларов и после тяжелых переговоров и голосования провел через сенат пятилетний бюджет, комбинируя повышение налогов (преимущественно для групп с высоким доходом) с сокращением расходов, с удивительной настойчивостью приступил к укреплению бюджета. Даже если перегруженный многими компромиссами проект бюджета казался некоторым в Конгрессе недостаточно радикальным, то его издание все-таки представляло собой значительный политический успех президента.

Запланированный первоначально налог на энергию с далеко идущими эколого-политическими предположениями оказался неосуществимым. Вице-президент Эйл Гор, принадлежащий к виднейшим политикам-экологам своей экологически все еще беззаботной страны, высказался за такой налог на потребление энергии, который был принципиально одобрен президентом. Однако остается только отметить, что политика защиты окружающей среды администрации Клинтона пока еще не оправдала возложенных на нее ожиданий.

По мнению многих экспертов в области экономики, бюджетно-политические посылки правительства Клинтона значительно повлияли на конъюнктурное оздоровление американского хозяйства. После трех рецессивных лет экономика США с 1993 года вновь достигла темпа прироста от 2 до 3%. Тенденция подъема проявляется также в форме низкого индекса инфляции, создании многочисленных новых рабочих мест и в снижающемся числе безработных. Реальные доходы, однако, остаются намного ниже уровня начала 80-х годов.

Основным внутривнутриполитическим пунктом в повестке дня Клинтона была коренная реформа здравоохранения посредством введения всеобщего страхования на случай болезни. В первую очередь должны были контролироваться стремительно возрастающие расходы в здравоохранении, доля которых в государственном бюджете с 1965 по 1992 год возросла с 2,6 до 16%. Президент

поручил своей жене руководство рабочей группой, ответственной в Белом доме за реформы здравоохранения, и отвел ей этим самую важную и влиятельную функцию, которую когда-либо официально осуществляла «первая леди». Таким образом, Хилари Клинтон, имеющая за своей спиной успешную карьеру адвоката и уже много лет активно действующая в области образования и социальной политики, окончательно вышла за рамки обязательной роли *«жены на его стороне»*, тем более, что Клинтон еще во время предвыборной борьбы подчеркнул, что она будет принадлежать к кругу его ближайших и важнейших советников. Проект века по коренной реформе здравоохранения, как и следовало ожидать, натолкнулся на многочисленные препятствия, которые прежде всего касались требуемого президентом участия работодателей в расходах. То, что Клинтон и его жена настаивали на глобальной реформе во время, когда уже давно было ясно, что большинство в Конгрессе будет выступать лишь за отдельные поправки в системе здравоохранения, было тяжелой политической ошибкой. Реформу не удалось утвердить до выборов в Конгресс осенью 1994 года, а после драматического поражения демократов на промежуточных выборах перспектива реализации пропагандируемой Клинтоном концепции в данный срок его пребывания на посту президента свелась к нулю.

Большой успех был уготован закону Клинтона по борьбе с преступностью, который приняли в конце августа 1994 года. Ввиду постоянно растущей преступности, прежде всего в крупных городах, пакет законов в целом был признан срочно необходимым, хотя его отдельные составные части вызвали сильные споры. Они предусматривали расходы в размере 30,2 миллиарда долларов для приема на работу 100 000 новых полицейских, расширения тюрем и разработки правительственных программ, как, например, запрет 19 типов полуавтоматического оружия, против которого ожесточенно борется национальная стрелковая ассоциация. Преступники, осужденные в третий раз, должны автоматически получать пожизненное заключение (как только они приговорены федеральным судом), подростки старше 13 лет за определенные преступления должны быть судимы не по

уголовному праву для несовершеннолетних, а в соответствии с общим уголовным правом. Еще будучи губернатором в Арканзасе, Клинтон несколько раз подтверждал приговоры к смертной казни и, одобрив *«жесткую»* позицию в области внутренней безопасности, характерную для *«новых демократов»*, занял традиционно республиканскую территорию.

К еще также открытым внутриполитическим проектам реформ президента относится ряд социально-политических мероприятий, особенно перестройка системы социального обеспечения, инвестиционная программа по созданию новых рабочих мест (первый проект бюджета предусматривал для этого лишь маленькую статью), реформа финансирования предвыборной борьбы и создание национальной информационной сети, так называемой communication superhighway.

На международной арене Билл Клинтон почти демонстративно отказался от ярко выраженного личного присутствия, характерного для его республиканского предшественника, и подчеркнул тем самым преимущество внутренней политики. Его намерение, как *«луч лазера»*, сконцентрироваться на экономических проблемах Соединенных Штатов находит свое явное отражение и во внешней политике, так как центр ее тяжести переместился отчетливо с политики безопасности на внешнеэкономическую. Так как американское хозяйство без роста мировой экономики может расширяться только в ограниченном объеме, то свободная мировая торговля должна укрепляться и одновременно должны улучшаться условия конкуренции для американских продуктов. Как ратификация Конгрессом в ноябре 1993 года начатого еще при администрации Буша Североамериканского соглашения о свободной торговле (NAFTA), так и своевременное завершение Уругвайского раунда ГАТТа в последующем месяце соответствуют этой целевой установке. При этом особенно ратификацию Североамериканского соглашения следует оценивать как личный успех президента, потому что для этого пришлось преодолеть значительное протекционистское сопротивление в Конгрессе и в собственной партии.

Показательным для более решительной внешнеэкономической политики администрации Клинтона является

усиливающееся давление на Японию с целью форсировать давно требуемое открытие ее рынка для американских товаров и содействовать тем самым ликвидации хронически негативного торгового баланса. На конференции азиатско-тихоокеанских наций на высшем уровне в Сиэтле в ноябре 1993 года президент выразил свое мнение о том, что это экономическое пространство выигрывает в отношении безопасности от военного присутствия и ведущей региональной роли Соединенных Штатов, хотя США при этом не будут иметь соответствующей доли в вытекающем из этого экономическом процветании. Также и в отношениях с государствами Европейского Союза наблюдается стремление администрации Клинтона добиться уравновешенного соотношения между ответственностью за безопасность и экономическим могуществом. В эту картину вписывается то, что Клинтон высказался за принятие экономических *«супердержав»* Германии и Японии в Совет Безопасности ООН.

Намечающийся стратегический поворот в американской внешней политике сводится к формуле «руководства посредством избирательно мультинациональной кооперации» (Эрнст-Отто Чемпил). Не отказываясь от ведущей роли и международно-политической ответственности Соединенных Штатов, союзники в Европе и Азии должны активнее включаться в региональную ответственность за мир и стабильность, чтобы разгрузить Соединенные Штаты в вопросе политической безопасности и вывести из роли вездесущего «мирового жандарма». Американская сдержанность в конфликте Боснии — Герцеговины также симптоматична, как и желаемая реформа НАТО, включая его расширение на восток.

К важнейшим сферам американской внешней политики относятся далее отношения с Россией. В то время, как министр иностранных дел Уоррен Кристофер добился успехов прежде всего в мирном процессе на Ближнем Востоке, достигшем исторического поворотного момента при подписании мирного договора между Израилем и Организацией Освобождения Палестины в Белом доме в сентябре 1993 года, американская политика по отношению к России в значительной степени находится в руках заместителя министра иностранных дел Строуба Талбота. «Царь» по вопросам России, друг президента по

Оксфорду, твердо направил курс США на поддержку русского президента Бориса Ельцина, которого Вашингтон поддержал после попытки путча осенью 1993 года и которому не было отказано в поддержке, несмотря на жесткие действия против отделившейся кавказской республики Чечни. Полное привлечение России к политическим консультациям государств семерки на конференции в Неаполе имело целью, помимо всего прочего, укрепить личный авторитет Ельцина. Срочно необходимая России экономическая помощь была скорее скудной, к тому же сенат в 1994 году поставил ее в зависимость от окончательного вывода русских солдат из стран Балтии.

«Партнерство во имя мира», которое было принято 10 января 1994 года на конференции НАТО в Брюсселе, натолкнулось на сильное русское предубеждение относительно расширения альянса на восток. Однако во время своей поездки в Европу в июле 1994 года и позже Клинтон неоднократно заявлял, что вступление государств Центральной и Восточной Европы в НАТО является не вопросом «*вступить ли*», а единственно вопросом «*когда*» и «*как*».

Отказом Белоруссии, Казахстана и Украины от ядерного оружия Клинтон добился важного частичного успеха в своих намерениях предотвратить расширение круга ядерных держав. После того, как летом 1994 года возникло значительное напряжение отношений между Вашингтоном и Пхеньяном из-за ядерных амбиций Северной Кореи, коммунистическая страна пошла на уступки и пообещала в перспективе «заморозить» атомную программу. Однако, ввиду стремления различных стран — среди них Иран, Ирак и Ливия — к собственной атомной бомбе и другим видам оружия массового уничтожения, можно предположить, что контроль пролиферации и в будущем будет относиться к первостепенным задачам Клинтона в области ставшего труднообозримым международным положением.

К счастью, президенту не пришлось пока заниматься международными кризисами в крупных масштабах. Как при событиях в Сомали, так и при попытке решения конфликта в Боснии—Герцеговине он заслужил мало аплодисментов. Переговоры с Кубой о сдерживании драматически возросшего летом 1994 года числа беженцев

были, напротив, успешными. На Гаити администрации Клинтона удалось с помощью военного нажима и дипломатического посредничества восстановить свергнутого путчистами президента Аристиды; однако при этом Клинтон не произвел убедительного впечатления как специалист по устранению кризиса. Американские солдаты, высадившиеся в конце сентября в островном государстве, должны были быть заменены в течение 1995 года миротворческими войсками ООН.

Хотя Клинтон может предъявить значительный положительный итог внутренней политики, ему не удалось использовать эти успехи для личной популярности. На промежуточных выборах 8 ноября 1994 года американские избиратели дали президенту и демократической партии почти беспрецедентный отпор. В обеих палатах, сенате и палате представителей, республиканцы добились удобного большинства впервые за 40 лет и выставили теперь 31 из 50 губернаторов. Даже южные штаты, где с конца гражданской войны всегда большинство голосовало за демократов, впервые за 130 лет послали в Конгресс больше республиканцев, чем демократов. Долгосрочные последствия этого республиканского «завоевания» южных штатов для американской партийной системы предсказать невозможно.

Однако результаты выборов, без сомнения, являются звонкой пощечиной прежде всего для Билла Клинтона. На это имеется ряд причин. Еще старт администрации Клинтона основательно провалился, потому что президент позволил втянуть себя в диспут о возможности призыва в американские вооруженные силы гомосексуалистов. Наряду с многочисленными неурядицами, ошибками в назначении на должности и часто неясной картиной происходящего в Белом доме, шеф штаба которого Томас Макларти, один из старейших друзей Клинтона, в июне 1994 года был заменен распорядителем бюджета Леоном Панетта, уже упомянутые личные аферы президента оказались тяжелым залогом прошлого. То, что Клинтон до сих пор проявлял мало достоинства, соответствующего его должности (например, пускается с журналистами в разговоры о предпочитаемом им нижнем белье), мало нравится большинству американцев, как и его склонность опешлять себя как президента посредством чрез-

мерного появления в средствах массовой информации. В сочетании с этой симптоматичной неуверенностью стиля недостаточная способность Клинтона продемонстрировать решительность и силу руководства вызвала кризис его президентского авторитета.

Более глубокие причины краха выборов также не следует упускать из вида. Выборы обозначили обострение консервативной и религиозно-фундаменталистской тенденций в американском обществе. Растущее недовольство и разочарованность белого среднего слоя находят свое выражение в сопротивлении нелегальной иммиграции (дело 187 в Калифорнии) и в критике якобы слишком далеко зашедшей поддержки меньшинств. Клинтон уже пытался смягчить это недовольство обещанием облегчить налогообложение для среднего слоя. Во многих важных вопросах сильная оппозиция во главе с популярным спикером палаты представителей Ньютоном Джиндгричем успешно вырвала руководство из рук президента. Если Клинтон хочет быть избранным в 1996 году, то должен подстроиться к ультраконсерваторам, которые в настоящее время задают тон среди американской общественности, и пойти на дальнейшие, тяжелые для либеральных демократов уступки правой тенденции населения. Многие пока говорят о том, что Клинтон войдет в историю не как обновитель Соединенных Штатов, а как доброжелательный, но невезучий переходный президент.

Во многих вопросах сильная оппозиция во главе с популярным спикером палаты представителей Ньютом Джиндгричем успешно вырвала из рук президента руководство по формированию мнения.

Недели и месяцы после промежуточных выборов были отмечены лихорадочной кампанией, в которой Джиндгрич агитировал за инициированный им «Договор с Америкой». Программа из десяти пунктов, предусматривающая помимо прочего закрепление в конституции выравнивания бюджета, законы по снижению государственных расходов и налогов, против ожидания осталась однако в зародыше. Дополнение к конституции по выравниванию бюджета, ядро программы, провалилось в сенате из-за одного голоса, недостающего до требуемого большинства в две трети. Другие законодательные ини-

циативы Джингрича Клинтон перехватил, используя свое право на вето.

Однако в 1995 году вряд ли кто-либо осмелился предсказать тот триумфальный успех, с которым Билл Клинтон победил на президентских выборах 6 ноября 1996 года своего республиканского соперника сенатора Роберта Доула из Огайо. Клинтон набрал 49 % отданных голосов, 41% голосов был отдан за Доула и 8% за Росса Перо (при очень низком участии в выборах в 49 %). В Конгрессе же соотношение сил осталось неизменным, хотя снова несколько ослабло республиканское большинство в палате представителей.

Успех Клинтона в одной из скучнейших предвыборных кампаний в американской истории объясняется не только его хотя и политически опытным, но в общем бесцветным конкурентом Доулом. В значительной степени тактические ошибки республиканцев с Джингричем позволили ему неожиданно быстро перейти в наступление. Когда республиканцы отклонили закон о бюджете, чтобы принудить президента к сокращениям в социальной и налоговой политике, Клинтон с большой ловкостью вышел из этих тисков, заклеив республиканцев в сведении на нет социальной политики и представив себя как противника радикальных сокращений в социальной сфере. Двукратное закрытие части американских федеральных служб зимой 1995/96 годов американская общественность приписала не президенту, а республиканской оппозиции, которая так же переоценила свои полномочия на проведение реформ, как Клинтон переоценил в 1993 году свой собственный мандат. Так как Клинтон одновременно выступал за выровненный бюджет и сокращение налогов, то республиканцы все больше отходили на край аргументативного спектра, в то время, как президент успешно сохранял за собой его центр. На фоне продолжающегося бума в экономике Клинтон в течение 1996 года сумел вновь изменить положение в свою пользу. Использует ли президент свой второй срок ввиду явного республиканского большинства в обеих палатах Конгресса и ввиду распространенного скептического отношения к обширной программе реформ для проведения долгосрочных реформ, покажет время.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПЕРЕЧЕНЬ АВТОРОВ

Адамс, Вилли Пауль, род. в 1940 г., с 1977 года проф. истории Северной Америки в институте изучения Северной Америки им. Джона Ф. Кеннеди при Филологическом университете в Берлине. Основные темы: американ. национальная история, революция, политические идеи, конституция и этнические группы.

Берг, Манфред, род. в 1959 году, с 1992 года научный сотрудник института нем. истории Ваш., Колумбия. Основные темы: немецко-американские отношения, амер. политическая и современная история, расовые отношения в США.

Бунгерт, Хайке, род. в 1967 году, с 1992 года научный сотрудник англо-американского отделения исторического семинара университета в Кёльне. Основные темы: американская история, международные отношения в 19 и 20 веках.

Диппель, Хорст, род. в 1942 году, с 1992 года проф. британских и американских исследований в университете, общей высшей школе в Касселе. Основные темы: американская история периода революции и ранней республики, европейская революционная эра, сравнительная история конституций.

Эссер, Райнгард, род. в 1962 году, научная сотрудница англо-американского отделения исторического семинара университета в Кёльне. Основные темы: английская экономическая и социальная история в 16 и 17 веках, американская история.

Фелькен, Детлеф, род. в 1957 году, историк, преподаватель в Мюнхене.

Фибиг фон Хазе, Рагнхильд, род. в 1937 году, преподаватель университета в Кёльне, англо-американское отделение исторического семинара. Основные темы: трансатлантические отношения в 19 и 20 веках, американская захватническая политика в Латинской Америке, история Германской империи и США 1890–1917 гг.

Фрей, Марк, род. в 1963 году, сотрудник англо-американского отделения исторического семинара университета в Кёльне. Основные темы: американская внешняя политика, международные отношения в 20 веке.

Хайдекинз, Юрген, род. в 1947 году, с 1992 года проф. англо-американской истории в университете в Кёльне. Основные темы: история американской конституции, США в международных отношениях 20 века.

Юнкер, Детлеф, род. в 1939 году, с 1975 года проф. новейшей истории в университете в Гейдельберге (освобожд.), с 1994 г. директор института нем. истории Ваш., Колумбия. Основные темы: история США, Германия и международные отношения в 20 веке, историческая теория.

Ламмерсдорф, Раймунд, род. в 1960 году, с 1994 г. науч. сотрудник страноведения в спецгруппе английского и американского языка и литературы, технический университет в Хемниц-Цвикау. Основные темы: история США, международные отношения, гуманитарная история.

Лёше, Петер, род. в 1939 году, с 1973 г. проф. политологии в университете им. Георга Августа в Гёттингене. Основные темы: немецкое и амер. рабочее движение и история анархизма, общество и политика США, партии и политические союзы в Германии и в международном сравнении.

Маух, Кристоф, род. в 1960 году, с 1993 г. науч. сотрудник программы «Северная Америка» университета в Бонне и преподаватель англо-американского отделения исторического семинара университета в Кёльне. Основные темы: аме-

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	3
Введение. Возникновение и история института президентов Америки. <i>Юрген Хайдекинг</i>	7

I

Отцы-основатели

Джордж Вашингтон (1789—1797): Творец американского института президентов. <i>Юрген Хайдекинг</i>	56
Джон Адамс (1797—1801): Президент как гарант общественного равновесия. <i>Юрген Хайдекинг</i>	77
Томас Джефферсон (1801—1809): Просветитель и рабовладелец как вождь партии, глава правительства и отец страны. <i>Вилли Пауль Адамс</i>	88
Джеймс Мэдисон (1809—1817): Отец конституции как партийный политик, член парламента, глава правительства и главнокомандующий. <i>Вилли Пауль Адамс</i>	108
Джеймс Монро (1817—1825): Самопризнание нации. <i>Германн Велленройтер</i>	120
Джон Кунинси Адамс (1825—1829): Внешнеполитический деятель и президент над партиями. <i>Германн Велленройтер</i>	134

II

Начинающаяся партийная демократия

Эндрю Джексон (1829—1837): Президент демократического перелома. <i>Хорст Диттель</i>	148
---	-----

Мартин Ван Бурен (1837—1841): Практик партийного государства. <i>Хорст Диппель</i>	165
Уильям Г. Гаррисон (1841): Президент на один месяц. <i>Хорст Диппель</i>	173
Джон Тайлер (1841—1845): Президент без партии. <i>Хорст Диппель</i>	177

III

Экспансия и национальный кризис

Джеймс К. Полк (1845—1849): Президент «явного предназначения». <i>Йорг Наглер</i>	184
Закари Тейлор (1849—1850): Аполитичный президент. <i>Йорг Наглер</i>	196
Миллард Филлмор (1850—1853): Обострение дебатов о рабстве. <i>Йорг Наглер</i>	203
Франклин Пирс (1853—1857): Президент-ретроград. <i>Кристоф Маух</i>	210
Джеймс Бьюкенен (1857—1861): Друг южных штатов и законник во время кризиса союза. <i>Хайке Бунгер</i>	219

IV

Гражданская война и снова расчленение Юга

Авраам Линкольн (1861—1865): Сохранение республики и возрождение американской нации. <i>Йорг Наглер</i>	227
Эндрю Джонсон (1865—1869): Спор о реконструкции. <i>Вера Нюттинг</i>	251
Улисс С. Грант (1869—1877): Президент скандалов. <i>Ульрике Скорсетц</i>	265
Раттерфорд Б. Хейс (1877—1881): Конец реконструкции. <i>Ульрике Скорсетц</i>	276

Джеймс А. Гарфилд (1881): Несостоявшийся ре- форматор. <i>Ульрике Скорсети</i>	284
---	-----

V

Позолоченный век

Честер А. Артур (1881—1885): Болото протекцио- низма и коррупции. <i>Раймунд Ламмерсдорф</i>	288
Гровер Кливленд (1885—1889): Возрастающее зна- чение экономики и финансов. <i>Раймунд Ламмерс- дорф</i>	297
Бенджамин Гаррисон (1889—1893): Президент в тени Конгресса. <i>Раймунд Ламмерсдорф</i>	304
Гровер Кливленд (1893—1897): Второй срок пре- бывания в должности. <i>Раймунд Ламмерсдорф</i>	310

VI

Империализм и первая мировая война

Уильям Мак-Кинли (1897—1901): Вступление в мировую политику. <i>Раймунд Ламмерсдорф</i>	318
Теодор Рузвельт (1901—1909): Представитель «со- временной» Америки. <i>Рагнхильд Фибиг фон Хазе</i>	330
Уильям Х. Тафт (1909—1913): Президент и Вер- ховный федеральный судья. <i>Рагнхильд Фибиг фон Хазе</i>	352
Вудро Вильсон (1913—1921): Крестовый поход за демократию. <i>Клаус Швабе</i>	362

VII

Республиканская интермедия

Уоррен Гардинг (1921—1923): Назад к нормаль- ности. <i>Петер Шефер</i>	380
---	-----

Калвин Кулидж (1923—1929): Пуританин в Белом доме. <i>Петер Шефер</i>	388
Герберт К. Гувер (1929—1933): Администратор в кризисе. <i>Петер Шефер</i>	395

VIII

Либеральная эра

Франклин Делано Рузвельт (1933—1945): Мечтатель и государственный политик. <i>Детлеф Юнкер</i>	402
Гарри С. Трумэн (1945—1953): Непопулярный творец послевоенного мира. <i>Германн-Йозеф Рупинер</i>	423
Дуайт Д. Эйзенхауэр (1953—1961): Герой войны и президент. <i>Германн-Йозеф Рупинер</i>	439
Джон Ф. Кеннеди (1961—1963): Имперский президент. <i>Юрген Хайдекинг</i>	455
Линдон Б. Джонсон (1963—1969): Великое обещание и вьетнамская травма. <i>Марк Фрей</i>	476

IX

Консервативный поворот

Ричард М. Никсон (1969—1974): Институт президентства в кризисе. <i>Манфред Берг</i>	490
Джералд Форд (1974—1977): Стремление к консенсусу. <i>Манфред Берг</i>	507
Джимми Картер (1977—1981): Лутсайдер в качестве президента. <i>Герхард Швайглер</i>	512
Рональд Рейган (1981—1989): Президент «консервативной революции»? <i>Петер Лёше</i>	523
Джордж Буш (1989—1993): Поиски нового мирового порядка. <i>Петер Лёше</i>	541

Билл Клинтон (1993—): Поворот внутрь и кризис авторитета. <i>Детлеф Фелькен</i>	547
Приложение.....	559

АМЕРИКАНСКИЕ ПРЕЗИДЕНТЫ

Обложка С. Царев
Оформление В. Нечитайло
Редактор Н. Диденко
Корректоры: Н. Пустовойтова, О. Милованова

Лицензия ЛР № 065164 от 2 июня 1997 г.

в *Public Papers of the United States* появилась работа William J. Clinton. 1993, Bd. I: January 20 to July 31, 1993 (1994). Поэтому для оценки 42-го президента необходим отчет прессы. Он основывается прежде всего на обобщении соответствующих статей в *International Herald Tribune*, *Time*, *Newsweek* и *der Süddeutschen Zeitung*. О жизни и политике Клинтона до президентства следует смотреть Charles F. Allen и Jonathan Portis, *The Comeback Kid. The Life and Career of Bill Clinton* (1992); о предвыборной борьбе Jack W. Germond и Jules Witcover, *Mad as Hell: Revolt at the Ballot Box* (1992), а также с интересными наблюдениями, касающимися личности кандидата, Jonathan Raban, *Die Bill-Clinton-Kampagne*, in: *Lettre International*, Heft 19, Winter 1992, S. 12–19; о демократической программе предвыборной борьбы Bill Clinton/Al Gore, *Putting People First* (1992); о внутренней политике Martin Thunert, *Die Innenpolitik der USA unter Präsident Clinton zwischen Reform und Gegenreform*, in: *Aus Politik und Zeitgeschichte B* 17/95, 21. April 1995, S. 3–12; о борьбе за политику бюджета и о стиле руководства Клинтона Bob Woodward, *The Agenda. Inside the Clinton White House* (1994); о внешней политике Ernst-Otto Czempiel, *Clintons Weltpolitik. Eine Bilanz des ersten Amtsjahres*, in: *Aus Politik und Zeitgeschichte B* 9/94, S. 3–12; Charles M. Weston, *Die US-Außenpolitik zwischen Kontinuität und Neubestimmung*, in: *Aus Politik und Zeitgeschichte B* 17/95, 21. April 1995, S. 13–21, sowie John Stremlau, *Clinton's Dollar Diplomacy*, in: *Foreign Policy* 97 (Winter 1994/95), S. 18–35.

Итоги президентских выборов

Год	Кол-во штатов	Кандидаты	Партии	Голоса избирателей	Голоса избирателей в %	Голоса членов избир. комиссии	Общее кол-во поданных голосов в %
1	2	3	4	5	6	7	8
1789	11	Джордж Вашингтон Джон Адамс другие	нет			69 34 35	
1792	14	Джордж Вашингтон Джон Адамс Джордж Клинтон другие	нет			132 77 50 5	
1796	16	Джон Адамс Томас Джефферсон Томас Пинкни Эрон Бурр другие	федералист демократ-республиканец федералист демократ-республиканец			71 68 59 30 48	
1800	16	Томас Джефферсон Эрон Бурр Джон Адамс Чарльз С. Пинкни Джон Джей	демократ-республиканец демократ-республиканец федералист федералист федералист			73 ^a 73 65 64 1	
1804	17	Томас Джефферсон Чарльз С. Пинкни	демократ-республиканец федералист			162 14	
1808	17	Джеймс Мэдисон Чарльз С. Пинкни Джордж Клинтон	демократ-республиканец федералист демократ-республиканец			122 47 6	
1812	18	Джеймс Мэдисон Де Уитт Клинтон	демократ-республиканец федералист			128 89	
1816	19	Джеймс Монро Руфус Кинг	демократ-республиканец федералист			183 34	

1	2	3	4	5	6	7	8
1820	24	Джеймс Монро Джон Куинси Адамс	демократ- республиканец независимый республиканец			231 1	
1824	24	Джон Куинси Адамс Эндрю Джексон Генри Клей Уильям Крауфорд	демократ- республиканец демократ- республиканец демократ- республиканец демократ- республиканец	108740 153544 47136 46618	30,5 43,1 13,2 13,1	84 99	26,9
1828	24	Эндрю Джексон Джон Куинси Адамс	демократ национал- республиканец	647286 508064	56,0 44,0	178 83	57,6
1832	24	Эндрю Джексон Генри Клей Уильям Вирт Джон Флойд	демократ национал- республиканец антимасон демократ	688242 473462 101051	54,5 37,5 8,0	219 49 7 11	55,4
1836	26	Мартин Ван Бурен Уильям Гаррисон Хью Уайт Дэниел Уэбстер У. П. Мангам	демократ виг виг виг виг	765483 739795	50,9 49,1	170 73 26 14 11	57,8
1840	26	Уильям Гаррисон Мартин Ван Бурен	виг демократ	1274624 1127781	53,1 46,9	234 60	80,2
1844	26	Джеймс Полк Генри Клей Джеймс Бёрни	демократ виг свободная партия	1338464 1300097 62300	49,6 48,1 2,3	170 105	78,9
1848	30	Закари Тейлор Льюис Касс Мартин Ван Бурен	виг демократ свободная земля	1360967 1222342 291263	47,4 42,5 10,1	163 127	72,7
1852	31	Франклин Пирс Уинфилд Скотт Джон Хейл	демократ виг свободная земля	1601117 1385453 155825	50,9 44,1 5,0	254 42	69,6
1856	31	Джеймс Бьюкенен Джон Фремонт Миллард Филлмор	демократ республиканец американская партия	1832955 1339932 871731	45,3 33,1 21,6	174 114 8	78,9
1860	33	Авраам Линкольн Стивен Дуглас Джон Брекинридж Джон Белл	республиканец демократ демократ конституц. союз	1865593 1382713 848356 592906	39,8 29,5 18,1 12,6	180 12 72 39	81,2
1864	36	Авраам Линкольн Джордж Мак-Клеган	республиканец демократ	2202938 1803787	55,0 45,0	212	73,8
1868	37	Улисс Грант Горацио Сеймур	республиканец демократ	3013421 2706829	52,7 47,3	214 80	78,1

1	2	3	4	5	6	7	8
1872	37	Улисс Грант Хорас Гринли	республиканец демократ	3596745 2843446	55,6 43,9	286 a	71,3
1876	38	Раттерфорд Хейс Сэмьюэл Тилден	республиканец демократ	4036572 4284020	48,0 51,0	185 184	81,8
1880	38	Джеймс Гарфилд Уилфилд Хенкок Джеймс Уивер	республиканец демократ гринбек- лейбор.	4453295 441082 308578	48,5 48,1 3,4	214 155	79,4
1884	38	Гровер Кливленд Джеймс Блейн Бенджамин Батлер Джон П. Джон	демократ республиканец гринбек- лейбор. партия запрета спирт. напитков	4879507 4850293 175370 150369	48,5 48,3 1,8 1,5	219 182	77,5
1888	38	Бенджамин Гаррисон Гровер Кливленд Клинтон Фиск Энсон Стритер	республиканец демократ партия запрета спирт. напитков союз труда	5447129 5537857 249506 146935	47,9 48,6 2,2 1,3	233 168	79,3
1892	44	Гровер Кливленд Бенджамин Гаррисон Джеймс Уивер Джон Бидуэлл	демократ республиканец народная партия партия запрета спирт. напитков	5555426 5182690 1029846 264133	46,1 43,0 8,5 2,2	277 145 22	74,7
1896	45	Уильям Мак-Кинли Уильям Брайен	республиканец демократ	7102246 6492559	51,1 47,7	271 176	79,3
1900	45	Уильям Мак-Кинли Уильям Брайен Джон Вули	республиканец демократ, популист партия запрета спирт. напитков	7218491 6356734 208914	51,7 45,5 1,5	292 155	73,2
1904	45	Теодор Рузвельт Элтон Паркер Юджин Дебс Сайлас Свэллоу	республиканец демократ социалист партия запрета спирт. напитков	7628461 5084223 402283 258536	57,4 37,6 3,0 1,9	336 140	65,2
1908	46	Уильям Тафт Уильям Брайен Юджин Дебс Юджин Чейфен	республиканец демократ социалист партия запрета спирт. напитков	7675320 6412294 420793 253840	51,6 43,1 2,8 1,7	321 162	65,4

1	2	3	4	5	6	7	8
1912	48	Вудро Вильсон Теодор Рузвельт Уильям Тафт Юджин Дебс Юджин Чейфен	демократ прогрессив. партия республиканец социалист партия запрета спирт. напитков	6296547 4118571 3486720 900672 206275	41,9 27,4 23,2 6,0 1,4	435 88 8	58,8
1916	48	Вудро Вильсон Чарльз Е. Хьюз А. Л. Бенсон Франк Хэнли	демократ республиканец социалист партия запрета спирт. напитков	9127695 8522507 585113 220506	49,4 46,2 3,2 1,2	277 254	61,6
1920	48	Уоррен Г+С129ардинг+С138 Джеймс Кокс Юджин Дебс П. П. Кристенсен	республиканец демократ социалист Фермер. трудова	16143407 9130328 919799 265411	60,4 34,2 3,4 1,0	404 127	49,2
1924	48	Калвин Кулидж Джон Дэвис Роберт Лафоллет	республиканец демократ прогрессив.	15718211 8385283 4831289	54,0 28,8 16,6	382 136 13	48,9
1928	48	Герберт Гувер Алфред Смит	республиканец демократ	21391993 15016169	58,2 40,9	444 87	56,9
1932	48	Франклин Д. Рузвельт Герберт Гувер Норман Томас	демократ республиканец социалист	22809638 15758901 881951	57,4 39,7 2,2	472 59	56,9
1936	48	Франклин Д. Рузвельт Алфред Лэндон Уильям Лемке	демократ республиканец союз	27752869 16674665 882479	60,8 36,5 1,9	523 8	61
1940	48	Франклин Д. Рузвельт Уэнделл Уилки	демократ республиканец	27307819 22321018	54,8 44,8	449 82	62,5
1944	48	Франклин Д. Рузвельт Томас Дьюи	демократ республиканец	25606585 22014745	53,5 46,0	432 99	55,9
1948	48	Гарри Трумэн Томас Дьюи Стром Термонд Генри Уэллес	демократ республиканец гос. права прогрессив. партия	24179345 21991291 1176125 1157326	49,6 45,1 2,4 2,4	303 189 39	53
1952	48	Дуайт Эйзенхауэр Эдлай Стивенсон	республиканец демократ	33936234 27314992	55,1 44,4	442 89	63,3
1956	48	Дуайт Эйзенхауэр Эдлай Стивенсон	республиканец демократ	35590472 26022752	57,6 42,1	457 73	60,6
1960	50	Джон Ф. Кеннеди Ричард Никсон	демократ республиканец	34226731 34108157	49,7 49,5	303 219	62,8
1964	50	Линдон Джонсон Барри Голдуотер	демократ республиканец	43129566 27178188	61,1 38,5	486 52	61,7
1968	50	Ричард Никсон Хьюберт Хэмфри Джордж Уоллес	республиканец демократ американ. независим.	31785480 31275166 9906473	43,4 42,7 13,5	301 191 46	60,6

1	2	3	4	5	6	7	8
1972	50	Ричард Никсон Джордж Макговерн Джон Шмитц	республиканец демократ американ.	47169911 29170383 1099482	60,7 37,5 1,4	520 17	55,2
1976	50	Джимми Картер Джералд Форд	демократ республиканец	40830763 39147793	50,1 48,0	297 240	53,5
1980	50	Рональд Рейган Джимми Картер Джон Эндерсон Эд Кларк	республиканец демократ независим. свобода воли	43899248 35481432 5719437 920859	50,8 41,0 6,8 1,1	489 49 0 0	52,6
1984	50	Рональд Рейган Уолтер Мондейл	республиканец демократ	54455075 37577185	58,8 40,6	525 13	53,1
1988	50	Джордж Буш Майкл Дукакис	республиканец демократ	48901046 41809030	53,4 45,6	426 111 ^a	50,2
1992	50	Уильям Клинтон Джордж Буш Росс Перо	демократ республиканец независим.	43727625 38165180 19236411	43 38 19	370 168 0	61,3

Кандидаты с менее чем 1% голосов избирателей не учитывались, поэтому сумма голосов избирателей не всегда составляет 100%.

До вступления в силу 12-й поправки 1804 года, избирательная коллегия голосовала за двух кандидатов в президенты, побежденный становился вице-президентом.

До 1824 года члены избирательной коллегии выбирались, в основном, парламентами штатов, после, как правило, непосредственно народом.

^a Грили умер вскоре после выборов: члены коллегии, поддержавшие его, поделили свои голоса после этого между другими кандидатами.

^b Процент отданных голосов населения, имеющего право голоса.

^c Один голос был отдан за Ллойда Бентсена, кандидата на пост вице-президента от демократов.

Цитируется по: *Mary Beth Norton, David Katzman u.a., A People & A Nation. A History of the United States, 3. Auflage, Boston 1990.*

Численность партий в Конгрессе

Время	Палата представителей			Сенат			Партия президента
	Больш-во	Мень-во	Другие	Больш-во	Мень-во	Другие	
1	2	3	4	5	6	7	8
1789-91	Ад 38	Оп 26		Ад 18	Оп 9		Ф Вашингтон
1791-93	Ф 37	ДР 33		Ф 16	ДР 13		Ф Вашингтон
1793-95	ДР 57	Ф 48		Ф 17	ДР 13		Ф Вашингтон
1795-97	Ф 54	ДР 52		Ф 19	ДР 13		Ф Вашингтон
1797-99	Ф 58	ДР 48		Ф 20	ДР 12		Ф Д. Адамс
1799-1801	Ф 64	ДР 42		Ф 19	ДР 13		Ф Д. Адамс
1801-03	ДР 69	Ф 36		ДР 18	Ф 13		ДР Джефферсон
1803-05	ДР 102	Ф 39		ДР 25	Ф 9		ДР Джефферсон
1805-07	ДР 116	Ф 25		ДР 27	Ф 7		ДР Джефферсон
1807-09	ДР 118	Ф 24		ДР 28	Ф 6		ДР Джефферсон
1809-11	ДР 94	Ф 48		ДР 28	Ф 6		ДР Мэдисон
1811-13	ДР 108	Ф 36		ДР 30	Ф 6		ДР Мэдисон
1813-15	ДР 112	Ф 68		ДР 27	Ф 9		ДР Мэдисон
1815-17	ДР 117	Ф 65		ДР 25	Ф 11		ДР Мэдисон
1817-19	ДР 141	Ф 42		ДР 34	Ф 10		ДР Монро
1819-21	ДР 156	Ф 27		ДР 35	Ф 7		ДР Монро
1821-23	ДР 158	Ф 25		ДР 44	Ф 4		ДР Монро
1823-25	ДР 187	Ф 26		ДР 44	Ф 4		ДР Монро
1825-27	Ад 105	Дж 97		Ад 26	Дж 20		К Д. К. Адамс
1827-29	Дж 119	Ад 94		Дж 28	Ад 20		К Д. К. Адамс
1829-31	Д 139	НР 74		Д 29	НР 22		Д Джексон
1831-33	Д 141	НР 58	14	Д 25	НР 21	2	Д Джексон
1833-35	Д 147	АМ 53	60	Д 20	НР 20	8	Д Джексон
1835-37	Д 145	В 98		Д 27	В 25		Д Джексон
1837-39	Д 108	В 107	24	Д 30	В 18	4	Д Ван Бурен
1839-41	Д 124	В 118		Д 28	В 22		Д Ван Бурен
1841-43	В 133	Д 102	6	В 28	Д 22	2	В У. Гаррисон
							В Тайлер
1843-45	Д 142	В 79	1	В 28	Д 25	1	В Тайлер
1845-47	Д 143	В 77	6	Д 31	В 25		Д Полк
1847-49	В 115	Д 108	4	Д 36	В 21	1	Д Полк
1849-51	Д 112	В 109	9	Д 35	В 25	2	В Тейлор
							В Филлмор
1851-53	Д 140	В 88	5	Д 35	В 24	3	В Филлмор
1853-55	Д 159	В 71	4	Д 38	В 22	2	Д Пирс
1855-57	Р 108	Д 83	43	Д 40	Р 15	5	Д Пирс
1857-59	Д 118	Р 92	26	Д 36	Р 20	8	Д Бьюкенен
1859-61	Р 114	Д 92	31	Д 36	Р 26	4	Д Бьюкенен
1861-1863	Р 105	Д 43	30	Р 31	Д 10	8	Р Линкольн
1863-65	Р 102	Д 75	9	Р 36	Д 9	5	Р Линкольн
1865-67	Ю 149	Д 42		Ю 42	Д 10		Р Линкольн
							Р Джонсон
1867-69	Р 143	Д 49		Р 42	Д 11		Р Джонсон
1869-71	Р 149	Д 63		Р 56	Д 11		Р Грант
1871-73	Р 134	Д 104	5	Р 52	Д 17	5	Р Грант

1	2	3	4	5	6	7	8
1873-75	P 194	D 92	14	P 49	D 19	5	P Грант
1875-77	D 169	P 109	14	P 45	D 29	2	P Грант
1877-79	D 153	P 140		P 39	D 36	1	P Хейс
1879-81	D 149	P 130	14	D 42	P 33	1	P Хейс
1881-83	D 147	P 135	11	P 37	D 37	1	P Гарфилд
							P Артур
1883-85	D 197	P 118	10	P 38	D 36	2	P Артур
1885-87	D 183	P 140	2	P 43	D 43		D Кливленд
1887-89	D 169	P 152	4	P 39	D 37		D Кливленд
1889-91	P 166	D 159		P 39	D 37		P Б. Гаррисон
1891-93	D 235	P 88	9	P 47	D 39	2	P Б. Гаррисон
1893-95	D 218	P 127	11	D 44	P 38	3	D Кливленд
1895-97	P 244	D 105	7	P 43	D 39	6	D Кливленд
1897-99	P 200	D 113	40	P 47	D 34	7	P Мак-Кинли
1899-1901	P 185	D 163	9	P 53	D 26	8	P Мак-Кинли
1901-03	P 197	D 151	9	P 55	D 31	4	P Мак-Кинли
							P Т. Рузвельт
1903-05	P 208	D 178		P 57	D 33		P Т. Рузвельт
1905-07	P 250	D 136		P 57	D 33		P Т. Рузвельт
1907-09	P 222	D 164		P 61	D 31		P Т. Рузвельт
1909-11	P 219	D 172		P 61	D 32		P Тафт
1911-13	D 228	P 161	1	P 51	D 41		P Тафт
1913-15	D 291	P 127	17	D 51	P 44	1	D Вильсон
1915-17	D 230	P 196	9	D 56	P 40		D Вильсон
1917-19	D 216	P 210	6	D 53	P 42		D Вильсон
1919-21	P 240	D 190	3	P 49	D 47		D Вильсон
1921-23	P 301	D 131	1	P 59	D 37		P Гардинг
1923-25	P 225	D 205	5	P 51	D 43	2	P Кулидж
1925-27	P 247	D 183	4	P 56	D 39	1	P Кулидж
1927-29	P 237	D 195	3	P 49	D 46	1	P Кулидж
1929-31	P 267	D 167	1	P 56	D 39	1	P Гувер
1931-33	D 220	P 214	1	P 48	D 47	1	P Гувер
1933-35	D 310	P 117	5	D 60	P 35	1	D Ф. Рузвельт
1935-37	D 319	P 103	10	D 69	P 25	2	D Ф. Рузвельт
1937-39	D 331	P 89	13	D 76	P 16	4	D Ф. Рузвельт
1939-41	D 261	P 164	4	D 69	P 23	4	D Ф. Рузвельт
1941-43	D 268	P 162	5	D 66	P 28	2	D Ф. Рузвельт
1943-45	D 218	P 208	4	D 58	P 37	1	D Ф. Рузвельт
1945-47	D 242	P 190	2	D 56	P 38	1	D Трумэн
1947-49	P 245	D 188	1	P 51	D 45		D Трумэн
1949-51	D 263	P 171	1	D 54	P 42		D Трумэн
1951-53	D 234	P 199	1	D 49	P 47		D Трумэн
1953-55	P 221	D 211	1	P 48	D 47	1	P Эйзенхауэр
1955-57	D 232	P 203		D 48	P 47	1	P Эйзенхауэр
1957-59	D 233	P 200		D 49	P 47		P Эйзенхауэр
1959-61	D 284	P 153		D 65	P 35		P Эйзенхауэр
1961-63	D 263	P 174		D 65	P 35		D Кеннеди
1963-65	D 258	P 117		D 67	P 33		D Кеннеди
							D Джонсон
1965-67	D 295	P 140		D 68	P 32		D Джонсон
1967-69	D 246	P 187		D 64	P 36		D Джонсон

1	2	3	4	5	6	7	8
1969-71	Д 245	Р 189		Д 57	Р 43		Р Никсон
1971-73	Д 254	Р 180		Д 54	Р 44	2	Р Никсон
1973-75	Д 239	Р 192	1	Д 56	Р 42	2	Р Никсон
1975-77	Д 291	Р 144		Д 60	Р 37	3	Р Форд
1977-79	Д 292	Р 143		Д 61	Р 38	1	Д Картер
1979-81	Д 276	Р 157		Д 58	Р 41	1	Д Картер
1981-83	Д 243	Р 192		Р 53	Д 46	1	Р Рейган
1983-85	Д 267	Р 168		Р 55	Д 45		Р Рейган
1985-87	Д 253	Р 182		Р 53	Д 47		Р Рейган
1987-89	Д 258	Р 177		Д 55	Р 45		Р Рейган
1989-91	Д 259	Р 174		Д 54	Р 46		Р Буш
1991-93	Д 266	Р 164	1	Д 57	Р 43		Р Буш
1993-95	Д 256	Р 178	1	Д 56	Р 44		Д Клинтон
1995-97	Р 230	Д 204	1	Р 53	Д 47		Д Клинтон

Ад — администрация; АМ — антимасоны; К — коалиция; ДР — демократы-республиканцы; Ф — федералисты; Дж — джексо́нианцы; НР — национал-республиканцы; Р — республиканцы; Ю — юнионисты (сторонники федерации во время гражданской войны); В — виги.

Данные соответствуют численности партий на первом заседании каждого Конгресса, кроме 93-го (1973—75 гг.), для которого приведены данные второго заседания.

Цитируется по: *Mary Beth Norton, David Katzman u.a., A People & A Nation. A History of the United States, 3. Auflage, Boston 1990.*

Сроки пребывания в должности американских президентов

1. Джордж Вашингтон	1789–1797
2. Джон Адамс	1797–1801
3. Томас Джефферсон	1801–1809
4. Джеймс Мэдисон	1809–1817
5. Джеймс Монро	1817–1825
6. Джон Куинси Адамс	1825–1829
7. Эндрю Джексон	1829–1837
8. Мартин Ван Бурен	1837–1841
9. Уильям Г. Гаррисон	1841–4.4.1841 (умер)
10. Джон Тайлер	4.4.1841–1845
11. Джеймс К. Полк	1845–1849
12. Закари Тейлор	1849–9.7.1849 (умер)
13. Миллард Филлмор	1850–1853
14. Франклин Пирс	1853–1857
15. Джеймс Бьюкенен	1857–1861
16. Авраам Линкольн	1861–14.4.1866 (убит)
17. Эндрю Джонсон	15.4.1866–1869
18. Улисс С. Грант	1869–1877
19. Раттерфорд Б. Хейс	1877–1881
20. Джеймс А. Гарфилд	1881–19.9.1881 (убит)
21. Честер А. Артур	20.9.1881–1885
22. Гровер Кливленд	1885–1889
23. Бенджамин Гаррисон	1889–1893
24. Гровер Кливленд	1893–1897
25. Уильям Мак-Кинли	1897–14.9.1901 (убит)
26. Теодор Рузвельт	14.9.1901–1909
27. Уильям Х. Тафт	1909–1913
28. Вудро Вильсон	1913–1921
29. Уоррен Гардинг	1921–2.8.1923 (умер)
30. Калвин Кулидж	3.8.1923–1929
31. Герберт К. Гувер	1929–1933
32. Франклин Д. Рузвельт	1933–12.4.1945 (умер)
33. Гарри С. Трумэн	12.4.1945–1953
34. Дуайт Д. Эйзенхауэр	1953–1961
35. Джон Ф. Кеннеди	1961–22.11.1963 (убит)
36. Линдон Б. Джонсон	22.11.1963–1969
37. Ричард М. Никсон	1969–8.8.1974 (отставка)
38. Джералд Р. Форд	9.8.1974–1977
39. Джимми Картер	1977–1981
40. Рональд Рейган	1981–1989
41. Джордж Буш	1989–1993
42. Билл Клинтон	1993–